

Под небом
Индии

RENITA D'SILVA

*Beneath
an Indian Sky*

A NOVEL

РЕНИТА
ДЕ СИЛЬВА

*Под небом
Индии*

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Д25

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
“Lorella Belli Literary Agency Ltd.” и “Synopsis Literary Agency”

Переведено по изданию:
D’Silva R. Beneath an Indian Sky : A Novel / Renita D’Silva. —
London : Bookouture, 2018. — 452 p.

Перевод с английского *Александра Оржицкого*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-6908-8 (PDF)

- © Renita D’Silva, 2018
- © DepositPhotos.com / OlegDoroshenko, DmitryRukhlenko, обложка, 2019
- © Wikimedia.org / DIPU1, обложка, 2019
- © Hemiо Ltd, издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

Перед вами художественное произведение. Имена, персонажи, коммерческие и некоммерческие организации, места и события, исключая те, информация о которых содержится в публичном доступе, являются плодом воображения автора либо использованы в вымышленном контексте. Любое совпадение с реальными людьми, живущими или жившими когда-то, событиями либо местами совершенно случайно.

Посвящается моему отцу, Сайрилу Де Сильве, с благодарностью за его истории и смех, прогулки и уравнения, пыльные бури и щекотку. За то, что он привел меня в мир литературы, подарив первые книги. Люблю тебя всем сердцем.

Часть 1

Друзья

Глава 1

Мэри

Кульминация. Англия, 1936 год

— Айрис, у тебя почти получилось. Следуй за Мэри. Она все делает правильно, — сказала тетушка.

Уловив гордость в ее обычно холодном голосе, Мэри вздрогнула, споткнулась и упала.

— Мама, я уверена: ты не хочешь, чтобы я свалилась перед королем, — фыркнула Айрис.

Кузины дружно расхохотались над тем, как Мэри растянулась на мраморном полу большого бального зала в доме, где жила вместе с тетушкой, дядюшкой и кузинами. Девушки пользовались любой возможностью, чтобы хоть немного отдохнуть от реверансов, в которых они упражнялись накануне своего дебюта при королевском дворе. Мэри, как и ее кузины, просто не могла дождаться этого дня — дебют был едва ли не единственной темой их разговоров на протяжении последних нескольких лет, с тех самых пор, как тетушка Мэри рассказала девушкам о собственном дебюте; происходящее сейчас было безумной кульминацией, последними головокружительными неделями перед тем, как они предстанут пред королем.

— Вам нужно научиться кланяться правильно, — заявила тетушка, поджав губы. Она пришла, чтобы проследить за упражнениями дочерей и племянницы, и по этой причине девушки с каждой минутой становились все более неуклюжи-

ми. — Всего через двенадцать недель вы дебютируете при дворе.

Кузины Мэри застонали, однако она все равно заметила восторг в их глазах — восторг, отражавший ее собственное предвкушение, почти осязаемое, пульсирующее ожидание.

Мэри стала приседать в реверансах с удвоенной энергией, вдыхая запах лаванды и пчелиного воска, лака и пота, а еще — богато украшенных больших окон, за которыми сверкала, словно изумруды, зелень. Воздух наполняло пение птиц, а на паркете танцевали солнечные зайчики.

— Ну вот, Мэри, просто идеально!

На лице тетушки появилась улыбка; она напоминала горячий шоколад с кусочками зефира, который ты ешь, сидя зимним вечером у камина и глядя на то, как на угольках весело пляшет оранжевое пламя.

— Теперь, когда Мэри закончила, нам можно уйти? Пожалуйста! — произнесла Роуз, стараясь говорить как можно ласковей.

— Лишь после того, как каждая из вас сделает реверанс так же, как она, — ответила тетя.

Кузины Мэри вновь застонали в один голос.

— Во второй половине дня придет швея, чтобы обсудить, какие изменения нужно внести в ваши наряды. Реверансы должны им соответствовать.

Этим замечанием тетушка явно надеялась ободрить дочерей и заставить их отнестись к упражнениям с большей серьезностью.

Мэри засияла, представив прозрачное платье из белого шифона с кружевами, в котором она будет грациозно кружиться в танце, такая взрослая, утонченная и красивая. Она уже видела, как спускается вместе с кузинами по широкой дворцовой лестнице и приседает в идеальном реверансе, после того как ее представят королю, как и ее тетю много лет назад.

Глядя на гордую улыбку своей обычно сдержанной тетушки, которая тем не менее так увлеклась подготовкой к балу для дебютанток, что решила лично научить девушек правильно

кланяться, улыбку, которая так редко появлялась на ее лице, Мэри подумала: «Наверное, я еще никогда не испытывала такого восхищения и восторга, никогда еще не ждала чего-то настолько сильно. Я явлюсь со своими кузинами ко двору, продолжив традицию, которой женщины семьи Бригам следовали многие годы. Не знаю, как только у меня сердце выдерживает».

После чая они проехали по городу, кивая знакомым и вдыхая аромат набухающих почек, дурмящий запах надежды на новую жизнь и дружбу. Чистый воздух наполнился обещанием вечеринок и прочих развлечений.

— А, вот и леди Уинтроп. Я хотела бы перекинуться с ней парой слов, — сказала тетушка Мэри.

Лошадь тихо заржала, и карета, скрипнув, остановилась. Роуз толкнула Мэри локтем.

— Мама составляет для нас список подходящих кавалеров на этот сезон, а леди Уинтроп — настоящий кладезь сплетен. Она знает, у кого есть титул, но нет денег, у кого сомнительная репутация, от кого следует держаться подальше, а чье внимание, наоборот, весьма желательно.

Глядя на тетушку, совещающуюся с леди Уинтроп, Мэри вновь ощутила странное, сопровождавшееся удовольствием и ожиданием возбуждение при мысли о том, что она находится именно там, где хочет, и все складывается именно так, как мечталось...

Через несколько недель она вместе со своими кузинами дебютирует при королевском дворе. Ее ожидает насыщенный событиями сезон, многочисленные вечеринки и балы, один из которых будет дан в ее честь: тетушка пообещала устроить праздник для каждой из своих подопечных — трех дочерей и племянницы. Мэри и ее кузины будут принимать поздравления, за ними будут ухаживать, и со временем подходящий кавалер из списка, который уже составляла тетушка, кавалер, в присутствии которого сердце будет биться чаще, а кровь — играть в жилах, предложит ей выйти за него, и она согласится.

Они поженятся, и Мэри, получив благословение тетушки и дядюшки, переедет жить в его дом, столь же роскошный, как и тот, в котором она жила сейчас, а может, и еще роскошнее.

Любовь, семья, муж и со временем дети... Хозяйство, которым она будет управлять сама. Это все, о чем мечтала Мэри. Все, чего она ждала всю свою жизнь.

Глава 2

Сита

Шарики из грязи. Индия, 1925 год

Сита подобрала один из шариков размером с кулак. Она лепила эти шарики последние полчаса, тщательно смешивая рыхлую землю с застоявшейся, полной дохлых мух и водорослей водой из пруда, и оставляла их сушиться на солнце.

Девочка прицелилась в Гири, сына поварихи Сави, который, тихо храпя, вытянулся на одной из нижних ветвей манго, свисавшей над прудом.

Гири был единственным другом Ситы, не считая ее брата, Кишана, который отправился по какому-то важному делу — девочка догадалась об этом, увидев, с каким напыщенным видом он шел следом за отцом.

— Могу я пойти вместе с вами? — спросила она.

Оба посмотрели на нее так, словно она совершила что-то из ряда вон выходящее, — даже Кишан, который вроде бы должен был быть на ее стороне.

Губы отца сжались, как обычно случалось в тех редких случаях, когда он смотрел на Ситу, а не сквозь нее, так, словно само ее присутствие было для него разочарованием.

— Нет, — произнес он.

Это единственное слово поставило точку в их разговоре; оно напоминало гудок трогаящегося паровоза.

Развернувшись, чтобы отец и Кишан не заметили ее огорчения, Сита сделала то, что ей было категорически запрещено, — помчалась к Гири. «Перестань якшаться с детьми слуг!

Особенно с мальчишками!» — сердилась мать, делая ударение на слове «мальчишки».

— Ты обещал побегать со мной наперегонки, — обиженно сказала Сита.

Она знала, что в этом состязании у Гири не было ни единого шанса. Именно поэтому, по ее мнению, мальчишка не двигался со своей ветки.

— У меня нет настроения бегать. Я устал. Я таскал воду из колодца для ма. Принес шесть ведер, не расплескав ни капли.

Гири произнес это с гордостью. Он явно ожидал, что Сита его похвалит.

— Ты устал, притащив несколько ведер воды? — насмешливо переспросила она.

— А ты сколько ведер притащила? — спросил Гири, лениво потягиваясь на ветке манго.

— Десять подряд, и тоже не расплескала ни капли.

— Лгунья, — произнес он, закрывая глаза и улыбаясь. — Тебе не разрешают этого делать.

— Ты прав. Увы, мне ничего не разрешают, даже играть с тобой. Я хотела бы учиться, как Кишан, но этого мне тоже *нельзя*.

От обиды у Ситы защипало в горле.

Однако Гири ее не слышал; он уже успел уснуть, и из его приоткрытого рта вырывался свистящий храп. Ветер, приносивший терпкий запах фиников, чуть покачивал ветку, на которой спал мальчик, и его босые ноги слегка задевали застоившуюся воду, вызывая на ней рябь.

Сита раздраженно топнула, подняв облачко песка, попавшего ей на одежду и в глаза. Именно тогда девочке и пришла в голову мысль слепить шарики из грязи...

Ее мать думает, что Сита сейчас с гувернанткой, а гувернантка — что она с матерью. Отличный план!

— Я зачем-то понадобилась ма, — сказала девочка гувернантке; впрочем, у нее было наготове еще одно объяснение, если это покажется неубедительным.

Когда это мать звала к себе Ситу, если не хотела ее отчитать?

Однако гувернантка молча кивнула и стала украшать соборным в саду жасмином венком, который делала для себя.

Вдохнув молочно-сладкий аромат жасмина и успеха, Сита удалилась. По дороге она встретила Кишана с отцом...

Из приоткрытого рта Гири вырывался горячий воздух. Его руки свисали. Как ему вообще удавалось спать столь безмятежно, лежа на ветке? Это было выше понимания Ситы. Он что, не чувствовал укусов комаров, не слышал жужжания мух, не ощущал капелек пота, блестящих над его верхней губой? В воздухе пахло застоявшейся водой и нагретой жарким солнцем землей, и от этих запахов во рту был привкус сырости и разочарования.

На один из грязевых шариков, сохших у края пруда, села бабочка с синевато-золотистыми крыльями.

Сита взяла покрепче один из них, прицелилась и швырнула. Шлеп!

Шарик попал прямо в лицо Гири, сбив капельки пота с его губы. Мальчишка вздрогнул и свалился в грязную воду, подняв тучу брызг. Его сонный взгляд, встретившись с взглядом девочки, исполнился решимости за мгновение до того, как Гири скрылся под водой.

Сита развернулась и хотела броситься наутек, однако было уже слишком поздно.

Ее схватила мокрая рука, источавшая соленый запах водорослей, и в следующее мгновение девочка почувствовала изумление: она падала в теплую воду. Сита ощутила склизкий привкус во рту, и ее отчаянно искавшие точку опоры ноги погрузились в зыбкий хлюпающий ил.

— Ты!.. — закричала она, медленно выбираясь из воды.

Одежда Ситы промокла до нитки и стала тяжелой; запутавшиеся в волосах водоросли спадали на лицо.

И именно в этот момент мимо проехала карета. Из окна на Ситу смотрели отец и брат; они выглядели ошеломленными, вот только на лице отца читалось еще и возмущение.

Глава 3

Прия

Банальность. Лондон, 2000 год

Прия ждала в темноте, наполненной тихим дыханием, предвкушением и возбуждением друзей. В дышащем напряженном мраке кто-то чихнул.

— Тсс! — одернули его. — Он идет.

Еще кто-то хихикнул, однако тут же замолчал.

Шаги Джейкоба на лестнице. Стоп. Ступает одна пара ног или две?

Скрежет ключа в замке.

Возня.

Как обычно.

Прия улыбнулась.

«На твой день рождения меня не будет. Мне очень жаль, Джейкоб, — сказала она. — Но я все наверстаю, когда вернусь, обещаю».

«Не волнуйся, милая, — с пониманием в голосе ответил муж. — После пятнадцати лет совместной жизни я могу отложить празднование дня рождения на пару дней. Мы заслужили возможность отметить его как следует».

Ей удалось убедить его.

И теперь они ждали, она и все ее друзья. *Их* друзья. Он что, действительно думал, что она пропустит его сорок пятый день рождения?

Опять возня. Почему он всегда так делает?

Прии казалось, что ее предвкушение можно почувствовать на вкус. Оживление словно раскрашивало воздух в комнате. Друзья Джейкоба глубоко вдохнули, и ожидание стало еще более напряженным.

Джейкоб вошел в комнату.

Прия включила свет.

— Сюрприз!

Смех. Дружный крик затаивших дыхание людей.

Привыкание к свету. Осознание увиденного...

Крики «С днем рождения!» и «Сюрприз!», оборвавшиеся на полуслове.

Отвисшие челюсти. Ошеломленные вздохи.

Ошарашенный Джейкоб тарасился на собравшуюся толпу. Увидев жену, он поспешил выскользнуть обратно за дверь.

Он был не один. На руке у него, словно шарф, висела едва достигшая совершеннолетия нимфа.

Зрелая женщина, оставленная ради более молодой соперницы. Опостылевшая жена, отвергнутая для юной любовницы.

«Я всегда стараюсь быть оригинальной. Просто ненавижу банальности», — говорила Прия бесчисленное количество раз, давая интервью или отвечая на комплименты тех, кто восторгался ее оригинальными, сильными документальными фильмами.

А теперь она сама стала банальностью.

Живой, дышащей банальностью.

Глава 4

Сита

Стыд. 1925 год

— Знаешь, где я ее нашел?! — рычал отец, затаскивая Ситу по ступеням и вталкивая в столовую, где сидела мать, потягивая чай с кардамоном и заедая его пакорой¹.

Она перестала жевать, и ее глаза расширились от ужаса при виде промокшей до нитки дочери, с одежды которой стекала на пол вода.

— Она плавала в пруду вместе с сыном поварихи! — рявкнул отец.

¹ Индийская закуска, приготовляемая из различных видов овощей и рыбы либо курицы. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

При этих словах глаза матери расширились еще сильнее, и Сита разглядела в них кое-что еще, кроме возмущения. Стыд. Матери было стыдно за нее.

— Я не... — начала было Сита.

— Тихо! — проревел отец.

Обычно он не обращал на нее внимания; за проступки ее наказывала мать, и это случалось почти каждый день, поскольку Сита не могла удержаться от того, что девочкам делать не положено. Именно поэтому она не только ужасно испугалась, но и испытывала невероятное возбуждение из-за того, что навлекла на себя порицание отца.

— Я... я с этим разберусь, — произнесла не свойственным ей подавленным тоном обычно крикливая мать.

— Очень на это надеюсь! — рявкнул отец. — Нельзя позволять, чтобы она выставляла себя на посмеище. Мы никогда не сможем выдать ее замуж, если она и дальше будет разрушать свою репутацию... Если кому-нибудь станет известно, что вытворяет наша дочь...

— Об этом никто не узнает, — быстро сказала мать. — Я прослежу за этим.

— Мы должны найти ей хорошую партию. Я все еще выплачиваю долги за ремонт крыши, которая рухнула при ее рождении...

— Это не... — пробормотала Сита; она дрожала в своей промокшей одежде и с хлюпающим звуком переминалась с ноги на ногу, стоя в луже зловонной воды.

— Ни слова! — резко оборвала ее мать.

Сита замолчала, ощущая во рту вкус слизи и водорослей. Желудок девочки судорожно сжимался. Ее тошнило; Сите хотелось исторгнуть из себя этот гадкий вкус, а еще — боль, переполнявшую ее сердце.

В тот вечер мать пришла в ее комнату.

— Твоя гувернантка уволена. Она была с тобой чересчур мягкой и слишком многое тебе позволяла.

— Она не...

— С завтрашнего дня у тебя будет новая гувернантка, которая обуздает твоё своеволие, раз ты сама не способна с этим справиться. — Мать сделала глубокий вдох. — Ты не должна играть ни с Гири, ни с другими мальчишками. Если я хоть раз увижу тебя с сыновьями слуг, их родители будут уволены. И это случится по твоей вине.

— Но почему я не могу...

— Тихо! Или же мы выдадим тебя замуж. Прямо сейчас.

Сита проглотила возражения. Она не хотела выходить замуж — ни сейчас, ни когда-либо ещё. В доме родителей ей было плохо, однако в чужом доме с чужим мужчиной будет ещё хуже.

— Я написала в соседний городок жене заместителя комиссара, — сказала мать. — У них есть дочь, она на несколько лет младше тебя. Ты умудрилась оттолкнуть от себя всех девочек из хороших семей, с которыми я тебя знакомила...

— Это не моя вина! — пылко воскликнула Сита. — Они не хотят играть ни в одну из игр, которые я предлагаю. Их интересуют только кукольные чаепития.

— Это именно то, чем должны заниматься девочки. А не играть в шумные игры, как это делаешь ты. О Повелитель Вишну, из всех дочерей, которые могли бы у меня родиться...

Из уст матери хлынул поток жалоб, которые Сита слышала уже тысячу раз; девочка легла на свою кровать. Накрыв голову подушкой, она жалела о том, что не может заткнуть ещё и уши, поскольку, хоть голос матери и стал тише, Сита всё равно слышала каждое слово.

— Надеюсь, хоть эта девочка тебе понравится.

— На сколько она младше меня?

— Думаю, года на три.

— Тогда она ещё малявка, — насмешливо ответила Сита.

— Я не смогла найти девочек твоего возраста. Ты всех оттолкнула. Другие матери даже не хотят со мной разговаривать. Им посчастливилось: у них ответственные дочери, которые, когда придет время, удачно выйдут замуж. Но я докажу, что они не правы. Ты тоже удачно выйдешь замуж. Ты красивее всех, а это что-нибудь да значит. — Мать фыркнула. —

В любом случае то, что эта девочка младше тебя, пойдет на пользу вам обоим. Если только ты не доведешь ее до слез, как это было с последней девочкой, с которой я тебя познакомила...

«Я уже ее ненавижу», — сказала себе Сита.

— Твой характер доведет тебя до беды, если его не обуздать.

«Если бы я делала все, что ты от меня хочешь, — подумала Сита (ей хватило ума не говорить это вслух), — я бы умерла от скуки».

— Именно поэтому мы так строги к тебе. — Голос матери смягчился. — Все это для твоего же блага.

«Живя монотонной жизнью, я чувствую себя будто в аду. Каким образом это может способствовать моему благу?»

Сита страстно желала быть такой же свободной, как ее брат. Она мечтала, чтобы ее, как и его, учили математике. Девочка хотела бы уметь читать и писать на английском языке, а не только говорить на нем. Однако вместо этого Ситу обучали шитью, танцам, пению и ведению домашнего хозяйства — все это было ей совсем неинтересно.

Сблизиться с кем-нибудь из девочек, которых мать пыталась навязать ей в качестве подруг, означало бы смириться со своей участью.

Сита не могла быть покорной и кроткой, а ведь именно такой хотели видеть ее родители. Она не желала, чтобы вся ее жизнь состояла из подготовки к браку. После свадьбы муж будет командовать ею точно так же, как сейчас родители. А где же свобода? Почему мать не слушала ее, когда Сита пыталась это объяснить? Почему она хотела, чтобы дочь повторила ее судьбу — исполняла желания мужа и следовала его указаниям во всем, в том числе и в воспитании детей? Мать Ситы могла управлять лишь слугами, да и то последнее слово всегда оставалось за отцом. Почему у мужчин такая большая власть? Почему они решают, что должны делать женщины? И почему женщины с этим мирятся?

«Я буду другой», — сказала себе Сита.

И все же она не могла исполнить это обещание, живя с родителями; отец был твердо намерен удачно выдать ее замуж,

а мать навязывала ей в подруги послушных девочек, надеясь, что они повлияют на Ситу.

«Я уйду из дома и сама стану хозяйкой своей судьбы!»

— Ты будешь хорошо себя вести, подавая пример этой девочке, — сказала мать. — Вы подружитесь.

Глава 5

Мэри

Чаепитие. Англия, 1936 год

В этот чудесный весенний день, во время ничем не примечательного чаепития, точно такого же, как те, на которых ей доводилось присутствовать тысячи раз, мир Мэри изменился, изменился резко и неожиданно.

За день до этого она сидела с тетушкой в примыкавшей к кухне маленькой столовой, помогая распечатывать письма, которые, как всегда, принесли после завтрака. Тетушка взглянула поверх очков на мужа.

— Завтра к нам на чай придет Эндрю, майор Дигби. Надеюсь, ты не забыл об этом.

— Не забыл, дорогая, — пробормотал дядюшка, не отрывая глаз от газеты.

Роуз, старшая из трех кузин Мэри, застонала.

— Матушка, леди Брэмуорт пригласила меня завтра поиграть в карты. Мое присутствие на чаепитии обязательно?

— Да, Роуз.

Лили, самая младшая из сестер (с ней у Мэри была наименьшая разница в возрасте), толкнула кузину локтем под столом и указала глазами на Роуз, мрачно глядевшую в свою чашку. Мэри с улыбкой кивнула Лили.

Если бы только Мэри знала, что ее ожидало, она, возможно, тоже нахмурилась бы.

Однако она ни о чем не подозревала. Мэри сидела за столом рядом с Лили, напротив Роуз и Айрис, вдыхая запах мармела-

да, тостов и чая — обычный утренний аромат — и глядя в окно на клумбы. По газону все еще стелился туман, однако солнце уже позолотило траву, которую клевали голуби. Певчие птицы приветствовали новый день. Мэри пребывала в счастливом неведении относительно того, какое потрясение ее ожидало. Девушка понятия не имела о том, что вскоре ее существование, наполненное радостью и уверенностью в завтрашнем дне, кардинально изменится...

Майор Дигби был надменным стариком, через слово повторявшим: «И в самом деле».

Стол для чаепития накрыли в оранжерее, поскольку этот весенний день выдался неожиданно безоблачным. Листва на деревьях в саду блестела, а нарциссы улыбались солнцу, сияя так ярко, словно одним своим видом хотели изгнать воспоминания о морозной зиме.

— Это мои дочери, Роуз, Айрис и Лили, и моя племянница Мэри, — представила тетюшка девушек майору.

— И в самом деле, — ответил Дигби, близоруко глядя на Мэри и ее кузин.

Дядя Мэри провел майора к столу.

— Как тебе Англия, старина? Как мирная жизнь?

— Потрясающе! Но если человек хотя бы раз побывал в Индии...

Индия... В глубине сознания Мэри что-то зашевелилось.

— Боюсь, я никак от нее не отвякну, — продолжал майор Дигби. — Думаю вернуться туда.

Мэри почувствовала тошноту. Воздух внезапно стал слишком тяжелым, давя на нее, и ей стало трудно дышать.

— Тетюшка, можно мне выйти?

Во взгляде тети появилось странное любопытство. Она кивнула. Мэри выскользнула из комнаты и стала жадно хватать ртом воздух, свежий и дымный, с привкусом травы и зарождающихся плодов. Глядя на аккуратные газоны, усеянные идеально высаженными цветами, девушка почувствовала, что ее пульс постепенно замедляется, а тошнота отступает.

За последние годы с ней такое случалось неоднократно. И всякий раз — без предупреждения. У нее просто возникало желание побыть одной, в безопасности. В месте, где все упорядочено. Вроде библиотеки или сада...

— Ты просто слишком чувствительная, — утешали Мэри кузины.

— Тебе не о чем волноваться, — твердила тетушка в свойственной ей лаконичной манере.

И все же...

Мэри казалось, что земля уходит у нее из-под ног. Девушка чувствовала головную боль, словно на нее что-то давило... что-то важное, но при этом неуловимое.

Иногда она просыпалась по утрам с тяжелой головой; подушка была мокрой от слез. В таких случаях Мэри понимала, что ночью ей что-то приснилось. Ее сны были живыми, разноцветными, яркими, однако в холодном дневном свете она не могла их вспомнить.

Девушка трянула головой, пытаясь очистить свои мысли, и зашагала обратно к оранжерее. Взявшись за ручку, она уже собиралась открыть дверь, однако в этот самый момент... услышала голос майора Дигби. Голос, который произнес ее имя...

— Мэри и в самом деле как две капли воды похожа на мать, — сказал старик.

Майор Дигби знал ее родителей?

Девушка замерла. Она понимала, что подслушивать нехорошо, однако ничего не могла с собой поделать.

— Ричард и двух слов не мог сказать, не упомянув о Мэри и Пегги.

Мэри вновь показалось, будто ее голова вот-вот взорвется.

— Дигби, старина, — отозвался дядя, — не нужно говорить об этом в присутствии Мэри. Она не...

За дверью раздались шаги, слишком быстрые, чтобы Мэри успела среагировать. Хихиканье, шуршанье. Дверь распахнулась.

Испуганно влетев в комнату, Мэри увидела ошеломленное лицо Айрис.

— Ох, прости меня, Мэри, я... — начала было Айрис, однако оборвала себя на полуслове. — Ты очень бледная. С тобой все хорошо?

Мэри не ответила. Все ее внимание было обращено на сидевших за столом дядюшку и майора Дигби. Лицо тетушки побелело и приобрело мрачное выражение. Лишь майор, ничего не замечая, доедал сэндвичи с огурцом. При виде слуг, которые несли пирожные с джемом, булочки с кремом, лимонные тарталетки и шоколадный торт, глаза старика вспыхнули.

— Я... — начала Мэри. Она внезапно ощутила сухость во рту и не знала, куда девать глаза от заливавшего оранжерею яркомедового света, в одночасье ставшего невыносимым. Ей казалось, будто ее голову сдавливает гигантская рука. — Я... Мои родители...

— Мне очень жаль, — произнес майор Дигби. — И в самом деле. Очень жаль...

Тяжелый запах лука, пыли и пота, жар солнечных лучей, изумленные вздохи окружающих, удивленные возгласы — все это внезапно зазвенело в ушах у Мэри, и у нее подкосились ноги. Ее разум не выдержал напряжения, и в следующее мгновение девушка провалилась в благословенную тьму...

Глава 6

Сита

Маленький бунт. 1925 год

— Не дергайся! — сказала мать, ударив по руке Ситу, пытавшуюся выдернуть золотую нитку из затейливого сари, наде того по ее настоянию.

Девочке было жарко. Все ее вспотевшее тело зудело. После того как служанка матери уложила волосы Ситы в замысловатую прическу, у девочки начала болеть голова. К тому же ее волосы были липкими и странно пахли из-за втертого в них масла амлы, благодаря которому удалось собрать их в причудливую косу и уложить на затылке. Казалось, пряди

вот-вот вырвутся на свободу. Сите и самой хотелось бы вырваться на свободу. Стащить с себя сари, натянуть вместо него свою старую, удобную одежду и танцевать в саду в тени кокосов, манго и гуайяв, пока ее гувернантка — прежняя, которую Сита обожала, ведь ее легко можно было одурачить, и которую уволили, когда отец застукал Ситу в пруду, — дремала бы в баньяновой рощице, убаюканная ветром, благоухавшим фруктами и сдувавшим редкие седеющие волосы ей на лицо.

— Когда мы приедем туда, ты будешь вести себя как подобает. Будешь мила с этой девочкой и не станешь доводить ее до слез, как это было с последней юной барышней, с которой я тебя познакомила.

— Она несла чушь, а когда я ее исправила, она...

— Что ж, на этот раз держи рот на замке и будь паинькой. Если ты сможешь убедить отца в том, что дружишь со славной юной барышней, а не с сыновьями слуг, он не будет настаивать на твоём раннем замужестве.

Отвернувшись от матери, Сита стала разглядывать пейзаж, пронесившийся за окном кареты, поднимавшей красную пыль, которая оседала еще одним слоем на растущих у дороги кустах. Оборванные девочки младше ее, с огромными голодными глазами, помогали матерям разводить огонь возле придорожных хижин и помешивать еду, в то время как их братья лазали по деревьям или гонялись друг за другом по дороге, в самый последний момент уворачиваясь от кареты.

Это было так несправедливо, что Сите захотелось судорожно вдохнуть; у нее в груди клубился гнев. Почему мальчишкам можно делать все, что они хотят, и это вызывало у взрослых лишь снисходительную улыбку, а девочки, независимо от своего социального статуса, должны поступать так, как им скажут?

— Приехали, — ворвался в мысли Ситы голос матери.

Судя по ее тону, она была явно не в восторге.

Привратник спешно открыл перед ними дверь. Территория была обширной и неухоженной.

— Почему здесь все так запущено? Я думала, сахибы следят за своими владениями, а учитывая то, что это — резиденция заместителя комиссара, я ожидала...

Голос матери затих. Она была не в силах подобрать слова, чтобы выразить свое разочарование.

Двор представлял собой настоящее смещение красок, и Сите очень понравилась здешняя буйная растительность. *Тут столько мест, где можно спрятаться! Если эта девочка мне наскучит, я убегу от нее и буду прятаться до тех пор, пока не придет время возвращаться домой.*

Из-под колес их кареты с криком выбежал павлин. Сита успела заметить лишь его похожие на калейдоскоп перья.

— Даже подъездную дорожку не могут содержать в надлежащем порядке! — фыркнула мать, слушая, как стучат колеса по камню. — Не думаю, что это...

Однако в этот самый момент их взглядам открылся дом, большой и внушительный, но отчаянно нуждавшийся в ремонте. Мать в очередной раз замолчала, не закончив свою мысль.

Когда они подъехали к дому, с перил веранды спрыгнула маленькая девочка. Она отряхнула платице и взглянула на карету. На лице девочки читались тревога и восторг.

Она была такой крохотной, что Сита уже хотела пожаловаться на это матери, однако та и без того была в скверном настроении, и Сита сочла за лучшее промолчать.

У девочки были блестящие каштановые волосы. Они переливались оттенками карамели и золота, словно море на закате, и, в отличие от волос Ситы, заплетенных в вызывавшую головную боль тугую косу, волнами струились по спине малышки. Тугая прическа была для Ситы еще одной формой подчинения. Она не понимала, почему не может носить волосы распущенными; в конце концов, это *ее* волосы. Однако «лишь развратные женщины ходят с распущенными прядями». Таков был неизменный ответ матери, когда Сита начинала жаловаться. «Заплетите их как следует», — добавляла мать, обращаясь к служанкам. Впрочем, к концу дня волосы Ситы вновь были растрепаны, выражая свободолобие своей хозяй-

ки. Это было ее маленьким бунтом. «Я потеряла ленту», — говорила Сита. Или: «Они сами растрепались».

Волосы маленькой девочки украшала всего одна лента, завязанная в ярко-красный бант у нее на лбу и прекрасно гармонирующая с золотисто-каштановыми прядями. Лицо малышки сияло чистотой, на платье не было ни пятнышка, а носочки были аккуратно подтянуты.

Сита возненавидела эту девочку с первого взгляда.

Малышка внимательно следила за подъезжавшей каретой, сжимая руки, словно во время молитвы.

Сита отвела взгляд, прежде чем их глаза встретились. Это было ошибкой, поскольку вместо этого она увидела глаза матери, и их выражение не сулило ей ничего хорошего.

— Будь хорошей девочкой, — резко произнесла мать. — Это твой последний шанс.

Карета остановилась, и мать вышла из нее в сопровождении служанок, одна из которых отряхнула ее новое сари; перебиваясь золотым и темно-бордовым цветами, оно затмевало не только наряд маленькой девочки, но и перья встреченного ими павлина, который вместе со своими сородичами следовал за каретой на безопасном расстоянии.

Мать Ситы пригладила волосы и поправила обильно украшавшие ее шею и руки ювелирные изделия, которые засверкали в лучах солнца и зазвенели, подобно колокольчикам. Одна из служанок несла подарки для матери маленькой девочки — корзину с фруктами, расшитую блестками шаль и коробку свежайших индийских сладостей.

— Давай же, тебе нужно выйти, — подтолкнула Ситу локтем ее служанка, которая по распоряжению матери тоже приехала с ними.

Сита неохотно покинула карету, ощущая на себе строгий взгляд матери и любопытный — девочки. Она проигнорировала обеих.

— Твои волосы уже растрепались! — зашипела мать. — А сари соскальзывает с бедер. Как оно могло распахнуться? Она обернулась к служанке:

— Быстро поправь ей волосы и сари!

Служанка поспешила выполнить указание.

— Хорошо, что я велела тебе поехать с нами. Не отходи от Ситы ни на шаг и следи за тем, чтобы она вела себя идеально.

Сита отвернулась от матери, притворившись, будто не слышит ее. Служанка пошла следом за девочкой, придерживая ее сари, чтобы оно не запыхтелось.

— Постой немного, я поправлю твою одежду! — взмолилась она, однако Сита не обратила на эти слова никакого внимания.

Она глядела вокруг, на запущенный, но цветущий сад, полный плодовых деревьев и ананасовых кустов. Воздух благоухал, словно пиршественный стол.

— Улыбайся, — резко сказала мать, однако Сита в очередной раз не обратила внимания на ее слова; лицо девочки приобрело сердито-вызывающее выражение.

Мало того что ее сюда притащили, так еще и заставляют общаться с девчонкой на несколько лет младше ее. Сита решила, что не станет ни улыбаться, ни делать вид, будто счастлива.

— Ох, здравствуйте!

На веранде появилась женщина в запыленном свободном платье и с растрепанными волосами. Ее ноги были грязными и — о позор! — босыми. Она тепло улыбнулась Сите и ее матери.

При виде этой неряхи мать Ситы так крепко сжала губы, что ее рот превратился в узкую щель. Заметив это, Сита почувствовала, что на ее собственных губах — впервые с того момента, когда они выехали из дому, — заиграла улыбка.

Не думаю, что ма и дальше будет настаивать на том, чтобы я подружилась с этой девчонкой.

— Надеюсь, что я не заставила вас ждать. Наша кошка только что родила котят. Я пошла на них посмотреть и потеряла счет времени...

Женщина говорила тихо, почти шепотом. В отличие от дочери, она совершенно не заботилась о собственной внешности, но, как и сад, все равно была красивой. Сита решила, что хозяйка этого дома нравится ей гораздо больше, чем ее

дочь, — хотя бы потому, что ей плевать на условности. Женщина чувствовала себя комфортно, не тревожась о том, что подумают о ней ее гости.

Не замечая, с каким осуждением смотрит на нее мать Ситы, женщина мило ей улыбнулась.

— Входите же. Мы накроем стол для чая на заднем дворе. Мэри, покажи... эм...

— Сита, — коротко представила ее мать.

— Благодарю вас. Мэри, покажи Сите сад.

Женщина развернулась, чтобы войти в дом, жестом пригласив мать Ситы следовать за ней.

Мать бросила на Ситу взгляд, стоивший целой беседы, и следом за хозяйкой дома вошла внутрь, сопровождаемая служанками, выглядевшими здесь так же неуместно, как и она сама в своем роскошном наряде.

Внешний вид хозяйки выбил не в меру педантичную мать Ситы из колеи.

«Отлично! Теперь ты понимаешь, как я себя чувствую», — подумала Сита и посмотрела на Мэри, подходящую к ней с очаровательной улыбкой.

Сита нарочито ее проигнорировала. Пошаркав ногами, она подняла пыль, которая тут же осела на ее сандалиях и сари. Служанка сокрушенно вздохнула.

— Я — Мэри. Как дела? — сказала девочка, пытаясь заглянуть Сите в глаза.

Ее голос был тихим и робким, и это почему-то вызвало у Ситы еще большее раздражение.

Отвернувшись, она скрестила руки на груди и стала разглядывать фасад дома, на котором облупилась краска. Ее лицо выражало презрение. Служанка осторожно толкнула ее локтем, пытаясь таким образом напомнить о наставлениях матери и хороших манерах.

Ее Сита тоже проигнорировала. Служанка засопела и, встав поодаль, начала обкусывать ногти. Сита знала: она волнуется из-за того, что будет, когда мать узнает, что дочь ее послушалась, а служанка никак на нее не повлияла.

Краем глаза Сита заметила, что выражение лица маленькой девочки изменилось; казалось, она вот-вот заплачет.

Сита уже собиралась что-то сказать, чтобы предотвратить рыдания, однако малышка сделала глубокий вдох и, потерев руки, как будто это приносило ей утешение, выпалила, словно давно хотела произнести эти слова:

— Ты такая красивая! Как принцесса из книги «Тысяча и одна ночь».

Сита была настолько удивлена, что посмотрела на нее.

— У тебя такие необычные глаза. Как жидкое золото. Я еще никогда таких не видела, — заявила Мэри.

Она по-прежнему сжимала руки с бесхитростным выражением лица.

Ситу охватило чувство, которое она редко испытывала: она смутилась. Сита прекрасно знала, что волосы у нее растрепались и падали на лицо, сари волочилось по земле, а ноги запылились. И все же эта малышка считала ее красивой. Никто никогда не делал Сите столь искренних комплиментов. Другие девочки, с которыми ее пытались познакомить, смотрели на нее с осуждением: «Ты такая неряшливая. Почему ты ведешь себя как мальчишка?» Сита в долгу не оставалась; впрочем, это уже совсем другая история. А комплименты, которые ей делала мать, всегда сопровождались увещеваниями и оговорками: «Ты красивая, но...»

Так что Сита совсем не ожидала такой реакции от девочки, к которой отнеслась столь пренебрежительно.

Сита размышляла над тем, чтобы изменить мнение о Мэри, когда на веранду вышла служанка, неся запотевшие бокалы с ледяным соком лайма, украшенные веточками мяты, сочные расгуллы¹ и горячую самосу².

Поставив поднос на стол, девушка стала мило беседовать со служанкой Ситы в тени гуайав.

Мэри взяла бокал и отхлебнула сока.

¹ Традиционный индийский десерт, приготовляемый из творога и сиропы.

² Индийские жареные или печеные пироги с разнообразными начинками.

— У тебя есть книги? — спросила Сита.

Малышка осторожно поставила бокал на стол.

— Да. Сказки и энциклопедии. Но сказки я люблю больше.

Сита взяла свой бокал и тоже сделала глоток. Эта девочка говорила о своих книгах как о чем-то само собой разумеющемся, в то время как Сите читать и учиться было запрещено. Симпатия, которую она испытала к девочке за минуту до этого, сменилась обидой на несправедливость. Сите не хотелось разговаривать; ей хотелось отвернуться, однако любопытство взяло вверх.

— А эта «Тысяча и одна ночь», о которой ты упоминала, — это сказка? — спросила она так, словно пыталась распробовать необычное название на вкус.

Сита многое отдала бы за то, чтобы обладать такой книгой, несмотря на то что еще час назад даже не подозревала о ее существовании.

— Ну да, вроде того... — Мэри шмыгнула носом. — А у тебя что, нет книг?

«У меня ничего нет. Я сама являюсь чужой собственностью», — с горечью подумала Сита. Несколько книг, которые у нее были, ей удалось стащить из числа тех, что были больше не нужны ее брату. Их собирались продать, однако до того, как служанка отвезла книги в город, Сита потихоньку взяла некоторые из них себе — ровно столько, чтобы не вызвать подозрений. Все они были на английском.

Ситу научили говорить по-английски. «Это понадобится тебе, чтобы развлекать гостей или если тебя пригласят на официальное мероприятие». Однако родители не сочли нужным научить ее читать и писать на этом языке. Сита спрятала украденные книги у себя под кроватью, куда ее служанка не заглядывала, и упрямо училась читать, хотя многих слов по-прежнему не понимала.

Она уже открыла рот, чтобы огрызнуться и закончить разговор, однако внезапно заметила какое-то движение.

Вдоль стены дома скользнуло серовато-коричневое пушистое тельце и исчезло в кустах. Послышалось шуршание,

яростная возня, и перед ними появился... *мангуст*. Робко подойдя к Мэри, он положил у ее ног мертвую змею.

— Сколько раз я тебе говорила не делать этого?! — воскликнула девочка.

Мангуст обиженно потрусил прочь и скрылся за углом дома, из-за которого появился.

Девочка вновь удивила свою гостью, опять заставив ее изменить мнение.

— Этот мангуст... Он понимает, что ты говоришь? — спросила Сита, как зачарованная глядя на мертвую змею.

— Это мое домашнее животное, — ответила Мэри.

— Твое домашнее животное?

— Папа захотел, чтобы у меня был мангуст, когда понял, что я их боюсь.

— А теперь ты их не боишься?

— Боюсь, конечно. Он все время приносит мне мертвых змей, ящериц, и не только. Один раз он притащил птицу! Иногда они живые. Хоть и сильно потрепанные...

Сита весело рассмеялась.

— Ты хотела бы увидеть мой домашний зверинец? — спросила Мэри.

— А у тебя есть домашний зверинец?

Глаза Ситы расширились от удивления.

— Мои родители хотят, чтобы я любила животных, а не боялась их.

Девочка пожала плечами, словно говорила о чем-то совершенно обычном, в то время как Сита одновременно восторгалась и завидовала ей. Мэри боялась животных, поэтому ей подарили домашний зверинец! У нее была куча книг. Ее родители явно души в ней не чаяли, а не просто мирились с ее присутствием до тех пор, пока она не выйдет замуж и не переедет в дом к своему супругу. Они хотели, чтобы она развивалась, а не просто готовилась к браку...

Я сама построю свою судьбу, вместо того чтобы выйти замуж и делать то, что скажет мне мужчина. У меня будет дом с множеством книг и домашним зверинцем...

— У меня есть книги о животных, — сказала Мэри.

Сита была в восторге.

— Тебе очень повезло! — выпалила она.

Мэри просияла. Казалось, она улыбается всем своим существом.

«Она не такая уж плохая», — признала Сита. Ей захотелось расслабиться и быть искренней с этой девочкой.

— Я люблю книги. Но мои родители не разрешают мне учиться; они говорят, что ни одному мужчине не нужна умная жена.

— Жена? Но ты ведь еще не скоро выйдешь замуж. — Мэри озадаченно наморщила нос. — Ты старше меня, но не *на- столько*...

— Вот именно. — Сита закатила глаза. — Как бы там ни было... я научилась читать по книгам своего брата.

Глаза Мэри расширились.

— Правда?

— На некоторых страницах были картинки, и я понимала, что означают подписи к ним. Я листала страницы, находила места, где эти слова повторялись, и начинала понимать значение фраз. Теперь я могу прочесть бóльшую часть слов.

Мэри с благоговением приоткрыла рот:

— Ты просто невероятная!

Девочка произнесла это с такой убежденностью, что Сита в очередной раз ощутила странную смесь смущения, гордости и удовольствия. В ее жизни еще никто так открыто ею не восхищался. Не смотрел на нее с таким явным почтением, как Мэри. Чувство было странным, но при этом просто чудесным. Она нравилась, ее уважали, ею восхищались.

Мэри подошла к Сите и взяла ее своей изящной ручкой за локоть.

Посмотрев на веранду, Сита увидела, что ее служанка, болтавшая со служанкой Мэри, замолчала и с мольбой взглянула на свою подопечную, словно говоря: «Не отталкивай ее! Веди себя хорошо».

Мэри подошла к Сите вплотную.

— Пойдем в мою комнату. Я одолжу тебе свой словарь. В нем ты сможешь посмотреть значение слов, которые не понимаешь. Ты можешь брать у меня любые книги, которые тебе понравятся. — Ее дыхание было жарким, но при этом очень приятным; оно пахло мятой и воодушевлением. — А потом я покажу тебе свой зверинец.

Удивив служанку и саму себя, Сита позволила маленькой девочке увлечь ее за собой. «Ты можешь брать у меня любые книги, которые тебе понравятся». Эти слова наполняли сердце Ситы восторгом.

— Думаю, мы и правда с тобой поладим, — сказала она, и Мэри просияла.

Решено.

Теперь они подруги.

Глава 7

Прия

Безумие. 2000 год

Когда после неудавшегося сюрприза все разошлись, Прия отправилась в спальню, ожидая, что Джейкоб придет молить ее о прощении: «Прости меня, Прия, любимая! Это был миг безумия».

Однако Джейкоб, замужем за которым она была последние пятнадцать лет, любовь всей ее жизни, стоял в дверях спальни, словно был ей совершенно чужим человеком.

— Я... я ухожу, — произнес он.

Прия уткнулась в подушку и лежала так, пока дверь не закрылась и его шаги не стихли. Воцарившаяся тишина опустошала. Она была так не похожа на возбужденный шепот друзей, затаившихся в темноте, чтобы устроить Джейкобу сюрприз, насколько это вообще было возможно.

Следующие несколько дней Прия была охвачена горем и изумлением. Она отменила встречи и работу над проектами, по-

тому что была не в силах видеться с членами своей команды, которые стали свидетелями того, как Джейкоб заявился к себе домой с молоденькой фифочкой. Они знали Джейкоба и симпатизировали ему: его компания инвестировала деньги в продюсерский центр Прии. Как бы Прия ни любила свободу, как бы ей ни нравилось снимать документальные фильмы на интересовавшие ее темы, не опираясь ни на один из крупных каналов (это означало бы необходимость подчиняться чужим правилам и снимать то, что их руководство сочтет нужным), она понимала, что у нее больше не было уверенности в завтрашнем дне. Разумеется, бывали периоды, когда она получала очень большие гонорары и все каналы хотели иметь права на показ ее фильмов, однако такое случалось весьма нерегулярно, а в последнее время этого и вовсе не было. Однако чаще случалось обратное, и весь ее труд вместе с инвестициями вылетал в трубу. В такие моменты Прию неизменно поддерживал Джейкоб; он не терял в нее веру даже тогда, когда она сама готова была сдаться.

Он все время встряхивал и ободрял ее, даже в последние годы, когда документальные фильмы, которые, по ее мнению, должны были «прогреть», не вызвали интереса у зрителей.

Для Прии безграничная вера Джейкоба была просто бесценной; он был ее самым верным сторонником, самым пылким поклонником. Он любил ее.

Разве нет?

Охваченная гневом Прия ходила туда-сюда, подавляя всхлипы и чувствуя во рту соленый привкус гнева.

Она мучила себя, представляя мужа с этой женщиной — девочкой, по правде говоря. Ее гибкое тело, ее нежную кожу. С ней ли он был сейчас, пока шокированная, страдающая Прия бродила по их пустому дому, вслушиваясь в гулкую, обвиняющую тишину?

Раздевшись перед зеркалом, она стала критически осматривать свое тело. Сплошной целлюлит.

— Это он во всем виноват, — сказала себе Прия. — Почему ты ищешь свою вину в том, что он сделал? Тебе без него будет лучше.

Она вспомнила, как Джейкоб за ней ухаживал, как пытался завоевать ее с помощью плохих стихов собственного сочинения («Ты пробудила во мне поэта!» — говорил он); вспоминала, как он увозил ее в незапланированный отпуск; как брал отгул и они весь день проводили в постели и не могли насытиться друг другом. При мысли об этом Прия вновь разрыдалась.

Затем ее опять охватил гнев и она пожалела о потраченных на него годах, о юности, отданной этому неверному тупице.

Прия уже взяла телефон, чтобы позвонить мужу, однако вовремя остановилась. Это *он* должен ей позвонить. Это *он* виноват. Она заставит себя уважать. Она дождется, когда Джейкоб начнет умолять ее принять его обратно, когда станет каяться, упав на колени. Тогда она выскажет ему все, что о нем думает, и, после того как он бессчетное количество раз повторит слова любви, признается, что не может жить без нее, извинится за свою единственную ошибку и даст ей понять, что его раскаяние искренне, простит его.

Однажды подруга Прии пожаловалась ей на своего мужа-бабника. «Брось его, — посоветовала ей Прия. — Ты заслуживаешь лучшего. Если бы Джейкоб поступил так же, между нами все было бы кончено». Она думала, что ее муж никогда не делает ничего подобного. Какая самоуверенность! Прия считала, что он любит ее, и только ее. Что ему больше никто не нужен.

Сочувствуя подруге, Прия все равно невольно ее осуждала. Очевидно, она не давала мужу того, чего он хотел. Не оправдывала его ожиданий. Иначе почему бы он стал ходить на сторону? И как вообще ее подруга могла быть счастлива в браке, не зная, чем занимается ее муж?

Теперь Прия сожалела о своих поспешных суждениях и о чувстве собственного превосходства.

Теперь она понимала, что люди не всегда знают, что происходит в браке, и в первую очередь в их собственном. Ты думаешь, что счастлива и он тоже счастлив. Ты неидеальна, но и он

неидеален. Да, пару раз тебе хотелось ему изменить. Но вы — родственные души. Ты будешь любить его вечно. Поэтому ты подавляла соблазн и думала — если вообще способна была думать, — что он поступает так же. Что и ты для него родственная душа, которую он будет любить вечно.

Прия приходила в ярость. Выла. И, ненавидя саму себя, изнывала от ожидания.

Наконец через два бесконечных дня, прошедших со дня его рождения, Джейкоб ей позвонил.

Она сомневалась, брать ли трубку, хотя ее предательское сердце готово было выскочить из груди.

Я заставлю его ползать на коленях. Заставлю уважать меня!

Когда прозвучал десятый звонок — Прия знала, что после двенадцатого вызов будет перенаправлен на голосовую почту, — она взяла трубку.

— Алло? — сказала она, мысленно похвалив себя за ледяной тон.

Голос Джейкоба звучал смущенно. Неуверенно.

— Я... я подумал, что, возможно, мог бы зайти забрать кое-какие вещи.

Зайти забрать кое-какие вещи. Что это значит? Он что, не собирается извиняться? Не собирается молить ее принять его обратно?

— Прия? Ты слушаешь?

Она кашлянула.

— Да.

— Я могу зайти завтра после работы?

Значит, он ходит на работу? Мир, который для нее перестал вращаться вокруг своей оси, для него остался таким же, как прежде.

Прие очень хотелось сказать ему «нет», даже несмотря на то, что ее сердце переворачивалось от одной мысли о том, что она его увидит. Ей не хватало Джейкоба — его рук, крепко обнимавших ее во сне; ощущения надежности, которое создавало

его присутствие, изгонявшее ее ночные кошмары; его запаха, который для Прии был таким же знакомым, как и свой собственный.

— Около семи? — сказал Джейкоб.

— Ладно, — ответила Прия, сделав над собой усилие.

— Тогда увидимся.

Ни «Я люблю тебя», ни «Прости меня за то, через что я заставил тебя пройти».

Прия вновь ощутила укол раскаленного добела, взлелеянного гнева.

Глава 8

Сита

Список того, чего не следует делать девочкам. 1925—1926 годы

— Ма, я хочу снова увидеться с Мэри.

Рука матери Ситы замерла, раздавив ладду¹, которое она собиралась положить себе в рот. Она выпрямилась и пристально посмотрела на дочь.

Сита долго выбирала момент для этого разговора и в конце концов отдала предпочтение времени, когда мать, еще не придя в себя после дневного сна, решит перекусить свежеприготовленными сладостями, окуная их в имбирный чай. Именно в такие моменты она была наиболее податливой.

«Прошу, скажи “да”!» — думала Сита. Ее лицо, впрочем, ничего не выражало. Она не хотела, чтобы мать догадалась, как сильно ей этого хочется.

— Мне не слишком-то понравилась ее мать. Она чересчур снисходительна к слугам. Именно поэтому их дом такой грязный, а сад такой запущенный. Как жена комиссара, она должна соответствовать определенным стандартам, однако моих советов она, похоже, слушать не пожелала — по правде гово-

¹ Традиционный индийский десерт из гороховой муки, топленого сливочного масла, орехов, кокосовой стружки и сладких специй.

ря, в какой-то момент я подумала, что она кивает мне слишком уж охотно, а потом оказалось, что она просто задремала!

Голос матери превратился в возмущенный писк.

Сита с трудом сдержалась, чтобы не хихикнуть. При мысли о том, что босоногая мать Мэри, это воплощение рассеянности, заснула, не выдержав бесконечного потока напыщенных советов, ей хотелось улыбнуться до ушей.

«Она мне нравится», — вновь подумала девочка.

— Мэри так хорошо себя ведет, — сказала она вслух. — И у нее очень опрятная комната.

Ситу и правда удивил идеальный порядок, царивший в уставленной книгами комнате Мэри; каждая вещь лежала на своем месте. Это помещение составляло разительный контраст с остальными комнатами в доме, полном чудесных вещей, которые, однако, были разбросаны где попало, словно о них просто позабыли.

«Ты очень аккуратная», — сказала тогда Сита своей новой подруге.

Это не было лестью. Сита действительно так думала. Однако Мэри просияла.

«Я люблю порядок, — ответила она. — Родители позволяют мне делать все, что я захочу. Они выросли, подчиняясь многочисленным правилам, которые им не нравились, поэтому хотят, чтобы я была избавлена от условностей. — Мэри закусила нижнюю губу. — На самом деле было бы неплохо, если бы они установили хоть какие-то правила. Без них я чувствую растерянность».

«Ты даже не представляешь, какая ты счастливая! — воскликнула Сита. — Я продохнуть не могу от правил. Мне кажется, что я вообще *ничего* не могу сделать, не нарушив какое-нибудь из них. По крайней мере — *ничего веселого*».

Мэри открыто ей улыбнулась.

«Ты мне нравишься, Сита».

Вот так просто. Никаких условностей. Еще никто не восхищался ею так искренне и бесхитростно. Никто не проявлял к ней такой неподдельной теплоты.

«Благодаря тебе жизнь кажется мне чудесной», — с тоской добавила Мэри.

«Она у тебя *и так* чудесная. В ней нет правил, которым ты должна была бы следовать. У тебя есть домашний зверинец. Чего еще желать? Если ты так любишь правила, проживи один день в моем доме, и я обещаю, что ты с криком убежишь обратно к себе».

Мэри заливисто рассмеялась и, в который раз застав Ситу врасплох, обняла ее. Сита напряглась, однако, как ни странно, объятия малышки не были такими уж неприятными. Если бы девочки, с которыми мать пыталась познакомить Ситу прежде, увидели ее сейчас, они бы утратили дар речи.

— Да, у этой девочки, Мэри, очень хорошие манеры. — Мать подняла бровь. — Она тебе нравится? Ты хочешь играть с ней, а не с сыном поварихи?

У Ситы уже был готов ответ на тот случай, если мать спросит: «Почему?» Тогда она скажет, что, в отличие от других девочек, Мэри очень славная. И у них есть общее увлечение — экзотические животные.

Однако мать уже отправилась на кухню, откуда доносилось хихиканье служанок.

— Работать! — заорала она на них.

Сита сглотнула вставший в горле комок. Родители замечали ее лишь тогда, когда хотели отчитать за то, что она нарушила один из пунктов «Списка того, чего не следует делать девочкам», списка, который остальные, казалось, знали наизусть, но ей он не нравился, и она не собиралась ему следовать.

— Так я могу увидеться с Мэри? — спросила Сита у матери. — Меня может отвезти служанка, которая ездила с нами в прошлый раз.

— А почему бы не пригласить Мэри к нам?

Ну уж нет! Сита хотела почитать книги своей новой подруги. Особенно ее завораживала та, которая была посвящена созданию фигурок из бумаги.

«Когда ты приедешь в следующий раз, — сказала ей Мэри, — мы сделаем бумажные кораблики и пустим их по реке».

«Тебе разрешают самой ходить на реку?»

«Я могу бывать в городе, когда пожелаю. Меня все знают и присматривают за мной. Я в полной безопасности».

«А меня ругают, даже если я просто играю без присмотра в собственном саду!»

Сите хотелось прогуляться с Мэри по городку. Хотелось ощутить вкус свободы, которой у этой малышки было так много.

— Мэри — англичанка, и ей здесь может не понравиться, — сказала Сита матери. — И в любом случае она предложила мне снова ее навестить. Как и ее мать. Помнишь?

— Да, и она прислала мне письмо, в котором вновь приглашает нас в гости. — Мать поставила на стол стакан с чаем. — Если ты поедешь со служанкой, ты будешь хорошо себя вести? Если я услышу хоть слово о том, что...

— Я буду вести себя идеально, обещаю.

Сита затаила дыхание.

— Я прикажу служанке не спускать с тебя глаз.

Девочка кивнула с притворной скромностью, стараясь, впрочем, не переиграть и не вызвать у матери подозрений. И ей это удалось.

— Я напишу матери Мэри и договорюсь с ней о дне твоего визита. Мэри — очень милая девочка и, клянусь небесами, уж точно гораздо лучше сына поварихи. Это успокоит твоего отца.

Лишь оказавшись в собственной комнате, Сита позволила себе улыбнуться. Она сидела под кроватью, скрестив ноги. Проникавшие туда солнечные лучи освещали многолетние залежи пыли. Ни одна служанка никогда там не убиралась, именно поэтому Сита хранила под кроватью свое сокровище — книги. Их страницы пахли тайными знаниями и скрытыми мирами. Сита открыла книгу, которую одолжила ей Мэри, и стала усердно вчитываться в каждое слово, пользуясь словарем, который новая подруга также позволила ей позаимствовать. Сита

хотела дочитать книгу, прежде чем вновь увидится с Мэри, чтобы вернуть ее и взять новую.

Ей разрешили встречаться с Мэри раз в неделю.

Сита жила ради этих дней — дней, когда она получала доступ к огромной восхитительной библиотеке. Наигравшись с животными и начитавшись вдоволь, девочки бродили по городу. Когда они уходили, мать Мэри рассеянно махала им рукой, а айя¹ новой подруги Ситы напоминала им, что они должны вернуться домой к чаю.

Сита сказала сопровождавшей ее служанке, девушке, которая была не намного старше ее самой, что позволит ей сплетничать с прислугой в доме Мэри, если она не будет мешать Сите делать в гостях то, что ей захочется. Они также условились, что служанка будет брать с собой сменную одежду для своей подопечной, а Сита на обратном пути будет прятать среди испачканных вещей книги. Служанка пообещала, что не скажет об этом никому ни слова.

— Я так рада, что ты моя подруга, — сказала Мэри, взяв Ситу за локоть.

Девочки прогуливались по городу; его обитатели ласково улыбались Мэри, называя ее Мисси Баба́.

Сита завидовала тому, с каким почтением смотрели на ее подругу, ее свободе, которой Мэри, похоже, не слишком-то дорожила.

Визиты к Мэри были чудесными, но в то же время оставляли ощущение горечи. Видя все то, что было позволено ее подруге, Сита испытывала болезненную зависть. Однако сама Мэри была так мила и ласкова, так добра и бескорыстна, что не любить ее было просто невозможно.

Подарки Мэри — словарь, который она разрешила Сите оставить у себя, книги, которые позволяла брать каждую неделю, — давали возможность отдохнуть от монотонной жизни

¹ Служанка или няня из местных жителей, нанятая англичанами для своих детей.

и помечтать. Благодаря им Сита поняла: ее нынешняя жизнь, подготовка к браку и исполнение родительских правил, которым, казалось, нет конца и края, в действительности была лишь одним из этапов. Однажды она убежит. Она и так каждую неделю убегала к Мэри, но однажды Сита не вернется. Умчится прочь и станет жить так же, как ее подруга.

В глазах Мэри Сита видела себя не такой, какой привыкла считать, — не возмутительницей спокойствия и бунтаркой, а умной и красивой девочкой, заслуживавшей того, чтобы на нее равнялись и восторгались ею. Восхищение Мэри укрепило Ситу во мнении: она чего-то стоит, несмотря на постоянное неодобрение со стороны родителей. Это восхищение помогло Сите не терять веру в себя даже тогда, когда она была дома, даже тогда, когда начинала сомневаться, хватит ли у нее духу, чтобы убежать. Мэри смотрела на подругу своими ясными, полными восхищения глазами — так, словно та вообще никогда не ошибалась, и это было бальзамом на душу Ситы, страдавшей от постоянных скандалов с родителями.

— Иногда я вижу на вечеринках других девочек, — призналась однажды Мэри, гуляя с Ситой по пыльным улицам городка. — Но мы редко где-нибудь бываем. Нас почти никуда не приглашают, ведь мы очень отличаемся от остальных...

— Так что насчет других девочек? — спросила Сита, легонько толкнув ее локтем.

— Ну, у них есть гувернантки, и они живут по расписанию. Знают, когда им ужинать, когда ложиться спать. Мои родители не считают, что мне нужна гувернантка. Отец покупает мне книги и читает их вслух, а мать рассказывает истории. У меня нет определенного расписания: я ем, когда голодна. Родители хотят, чтобы я была свободна и жила сама по себе. Но мне нравится порядок. Правила. Я такая, но мои родители желают видеть меня другой.

Мэри сделала глубокий вдох.

Сита остановилась и посмотрела на нее.

— Ты должна была родиться в моей семье, а я — в твоей.

Мэри широко улыбнулась и потеряла руки.

— Именно поэтому мне так нравится проводить с тобой время. Ты заставляешь меня взглянуть на свою жизнь другими глазами.

— А ты дружишь с кем-нибудь из девочек, о которых упоминала? — спросила Сита.

— Остальные офицеры и их жены не любят моих родителей за вольный нрав. Они не хотят, чтобы их дочери со мной водились. Один раз ко мне в гости пришли две девочки, но через несколько минут убежали в слезах. Их напугал мой мангуст. Родители сказали, что я могу играть с девочками из города, но те либо работают служанками, либо помогают матерям, так что у них нет времени на игры. А мальчики... Ну, они слишком грубы.

Мэри в привычной для себя манере мило наморщила носик.

«У нас у обеих нет друзей, — подумала Сита. — Мы не вписываемся в общепринятые рамки. Чувствуем себя не на своем месте. Как бы мы ни отличались друг от друга, мы с Мэри все равно очень похожи».

— Теперь у тебя есть я, — сказала она вслух, улыбнувшись малышке.

Мэри доверчиво улыбнулась ей в ответ. Ее ладонь, лежавшая в руке Ситы, была такой гладкой.

— Да, у меня есть ты.

Однажды, когда они во второй половине дня сидели на берегу реки, пуская по воде камешки, к ним подошел мальчик.

Мэри улыбнулась ему, а вот Сита игнорировала его до тех пор, пока мальчик не сказал:

— Вы неправильно делаете.

Сита пришла в ярость.

— *Правильно!* — гаркнула она. — Кто ты такой, чтобы спорить?

Мальчик опешил от ее гневной отповеди, однако все же подобрал камешек и ловко его метнул. Несколько раз отскочив от водной глади, камешек пошел ко дну.

Глаза Мэри засияли.

— Здорово! — воскликнула она и запрыгала, хлопая в ладоши.

Курица из прибрежной хижины, клевавшая что-то во влажной грязи, испуганно закудаhtала и убежала прочь.

Над рекой покачивался подвесной мост. Лодочники дремали в своих дрейфовавших по течению лодках. Казалось, послеобеденный воздух нагонял сон. На поле за хижинами паслись буйволы. Легкий ветерок приносил запах рыбы, водорослей и земли, а еще — навоза, фруктов и специй.

Однако Ситу впечатлить было не так легко, как ее подругу.

— Я тоже так могу, — сказала она, презрительно скривив губы.

— Не можешь, — парировал мальчик, осмелев после своего дурацкого трюка с камешком. — Я довольно долго наблюдал за твоими попытками. Мой дом — вон там, — сказал он, указав подбородком в сторону хижины, вход в которую был завешен лениво колыхавшимся разноцветным сари, резко контрастировавшим с соломенной крышей.

Самодовольные слова мальчишки укрепили решимость Ситы: она вознамерилась во что бы то ни стало доказать ему, что он не прав. Девочка подобрала камешек и, размахнувшись так же, как это делал мальчик, швырнула его изо всей силы.

Сита уже приготовилась к тому, что мальчик начнет над ней смеяться, однако вместо этого он сказал:

— Давай покажу.

Сите очень не хотелось учиться чему-то у мальчишки, однако желание овладеть этим навыком взяло верх.

В последующие несколько недель Амин — так звали мальчика — гулял по городу вместе с Ситой и Мэри.

Он неизменно ждал девочек у порога своей хижины и, увидев их, выбегал наружу.

Сита обожала эти прогулки. Горожане улыбались им и относились к ним с уважением. Сита знала, что все это благодаря Мэри, однако старалась не думать об этом. Ее здесь принимали с радостью. Никто не спрашивал, почему она

шатается по городу без сопровождения слуг, да еще и с мальчишкой.

Когда Сита приехала к Мэри в следующий раз, в доме у той царила суматоха. Носившиеся туда-сюда слуги напоминали растревоженных пчел.

— В город приезжает комиссар, папин большой начальник, — объяснила Мэри.

Во внутреннем дворе несколько женщин большими буквами выводили на длинном полотнище надпись «Добро пожаловать, комиссар».

— Мама нарисовала контур букв, ведь они не знают английского, — сказала Мэри, кивнув в сторону женщин.

Улыбнувшись им с Ситой, женщины вернулись к работе.

— Пойдем посмотрим, что творится в городе, — сказала Сита, и Мэри со счастливым видом взяла ее за локоть.

В городе женщины, заправив паллу¹ своих сари в юбки, мели улицы; войдя в поднятое ими облако пыли, Сита, Мэри и присоединившийся к ним Амин начали отчаянно чихать.

На улицах развешивали флаги. Повсюду слышались шутки, смех и цветистые оскорбления, которые, впрочем, стихали при приближении детей.

— Когда приезжает комиссар? — поинтересовалась Сита.

— В пятницу, — ответила Мэри.

— А твоя мать может написать моей, что приглашает меня в этот день в гости? — спросила Сита. — Пожалуйста! Но моя мать не должна знать истинную причину. Если ей станет известно, что я здесь занимаюсь чем-то еще, кроме скромных девчачьих игр и обучения прекрасным манерам, она не разрешит мне приехать.

В день приезда комиссара Сита, Мэри и Амин присоединились к выстроившимся вдоль городских улиц местным жителям, ощущая запах возбуждения, предвкушения, пыли и праздника.

¹ Свободный конец сари.

Комиссар прибыл в огромном автомобиле. Это был маленький лысеющий потный человек. Он махал рукой и шевелил усами.

В честь комиссара дали банкет, сопровождавшийся скучными речами; во время одной из них Мэри чуть не уснула — Сите приходилось то и дело будить ее, толкая коленом.

Когда комиссар отправился на охоту, организованную отцом Мэри, Амин (которого на банкет не пригласили, но который присоединился к девочкам сразу же после его окончания) сказал:

— Давайте посмотрим, смогут ли наши воздушные змеи догнать слонов.

На прошлой неделе дети полдня провели, делая воздушных змеев; Амин терпеливо учил Ситу и Мэри этому искусству. Однако им все еще не представилось возможности опробовать свои творения.

Мэри выглядела неуверенно, однако Сита сказала:

— Это будет весело.

Подумав еще какое-то время, Мэри кивнула.

Они бежали рядом со слонами, соревнуясь, чей змей взлетит выше, и хихикая от удовольствия. Однако Мэри и Амин чуть не задохнулись от ужаса, когда Сита, споткнувшись и упав, едва не оказалась под копытами у скакавшей перед слонами лошади. Заржав, лошадь взбрыкнула и едва не сбросила всадника. Слоны возмущенно затрубили. Ругаясь на чем свет стоит, погонщики попытались их успокоить. Процессия остановилась. Лицо комиссара стало красным, как гранатовое семя.

Если ее родители хоть слово об этом услышат, у Ситы будут большие неприятности и ее единственной радости, визитам к Мэри, настанет конец.

«Прошу, нет!» — мысленно взмолилась Сита.

Губы комиссара, сидевшего на спине у слона, сжались в тонкую линию. Сердито нахмутив брови, он посмотрел сначала на Ситу, затем на Мэри, кусавшую нижнюю губу — явный признак того, что она вот-вот заплачет, — и наконец на Амина.

— Ты кто такая? — рыкнул он на Мэри неожиданно низким для такого маленького человечка голосом. — Почему бегаешь среди местных, забыв о приличиях?

Его и без того выпученные глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

Мэри начала всхлипывать.

Ее отец, сидевший на слоне рядом с комиссаром, открыл было рот, однако Сита, разозлившаяся настолько, что забыла об осторожности, его опередила.

— Вы знаете, кто она! — воскликнула девочка. — Вам сегодня ее представили. Ее зовут Мэри, а рядом с вами сидит ее отец. — Лицо комиссара покраснело еще сильнее, однако Сита еще не закончила: — Я, знаете ли, не просто местная жительница. Я — родственница короля. И мы с Амином и Мэри — друзья. Воздушные змеи летят в небе рядом, и не важно, кто их запускает — местные жители или англичане. Так почему же это должно иметь значение на земле?

Мэри перестала плакать и уставилась на Ситу, открыв рот; Амин тоже смотрел на нее. На лицах у обоих читались изумление и восхищение.

Улыбнувшись Сите, отец Мэри едва заметно кивнул дочери, а затем, повернувшись к комиссару, стал его успокаивать.

Наконец процессия вновь двинулась вперед, однако ощущение триумфа, возникшее у Ситы после того, как по ее телу перестали прокатываться волны адреналина, быстро улетучилось, когда она увидела, что ее воздушный змей запутался в ветвях росшего у дороги баньяна.

Амин ловко вскарабкался на дерево, чтобы вызволить змея, однако тот оказался безнадежно испорчен.

— Я сделаю тебе новый, еще лучше этого, — пообещал мальчик.

Мэри обняла Ситу.

— Ты прекрасная подруга и самый храбрый человек на свете, — заявила она.

Но лучшей наградой для Ситы были слова отца Мэри, когда он увидел ее в следующий раз. Его глаза сияли.

— Вы просто чудо, мисс Сита. Не окажете ли вы нам с Мэри честь, сопроводив нас на панчаят, куда местные жители приходят со своими проблемами? Мне кажется, что из вас выйдет отличный третейский судья.

Никто из взрослых — и уж точно не ее родители — никогда еще не делал Сите такого комплимента. Девочка просияла — но, как ни странно, в то же время ощутила странную грусть. И гнев. Она не привыкла к одобрению и восхищению со стороны собственных отца и матери. Если бы они увидели, как Сита дала отпор комиссару, они были бы унижены, а не польщены. Ее наполнило бессильное отчаяние от осознания того, что уже давно вертелось у нее в голове: она жила не своей жизнью.

На панчаяте — собрании местных жителей, проходившем на поле в центре городка и призванном позволить всем желающим высказаться о том, что их тревожит, — Сита и Мэри сидели по обе стороны от отца Мэри, выслушивавшего жалобы горожан и улаживавшего возникшие между ними споры.

Женщины разглядывали Ситу из-под вуалей.

— Ты такая светлокожая, — говорили женщины. — Почти белая.

— Ты красива как богиня, — добавляли они, обращаясь к Мэри.

Малышка морщила носик.

— Я так не думаю, — отвечала она на беглом хинди. — В тех святилищах, которые я видела, у богинь много рук, в которых они держат оружие, и красные языки. Но все равно спасибо.

Женщины смеялись.

Когда панчаят наконец начался, Сита от восторга позабыла обо всем на свете.

«Вот она какая — власть», — думала девочка. Ее вкус был опьяняющим, головокружительным, похожим на наркотик, и Сита все никак не могла ею насытиться.

— Твой бык забрел ко мне на поле и вытоптал мои побеги риса! — орал коренастый мужичок на стоявшего рядом с ним долговязого лысого мужчину.

— В прошлом году твои дети и их друзья залезли ко мне в сад и украли весь мой урожай манго! — орал в ответ долговязый.

— Мои побеги риса...

— Мои манго!

— Сколько стоили твои побеги риса? — заорала Сита, стараясь перекричать обоих.

Мужчины замолчали, взглянув на нее.

А затем вновь заговорили в унисон.

— По очереди, — потребовала Сита. — Ты, — указала она на коренастого. — Сколько они стоили?

Коренастый ответил.

— А твой урожай манго?

Долговязый тоже назвал сумму.

— Что ж, суммы почти не отличаются. Стоит ли небольшая разница ссоры, в результате которой вы станете заклятыми врагами на всю жизнь?

Мужчины стояли с угрюмым видом, однако кто-то из толпы выкрикнул:

— Она права!

— Вы были друзьями, — добавил другой.

— Ваши дети все время ходят друг к другу в гости, — напомнил третий.

— Повелеваю вам быть друзьями, — объявила Сита.

Подбадриваемые толпой, мужчины наконец неохотно обнялись.

Толпа разразилась радостными возгласами, и Сита почувствовала себя на вершине мира. Она говорила с взрослыми мужчинами, и они прислушались к ее словам, сделали так, как она сказала. Девочка была просто в восторге от головокружительного ощущения свободы, которое давала ей власть. «Мне хочется, чтобы, когда я сбегу из дома, моя новая жизнь была именно такой».

— Мисс Сита, — произнес отец Мэри, глаза которого расширились от удовольствия и гордости. — Вы лучший третейский судья, чем я. Согласитесь ли вы и дальше сопровождать меня во время панчяатов?

Сита была в восторге. Она охотно закивала, заметив, впрочем, что лицо Мэри вытянулось при виде того, с каким восхищением отец смотрит на ее подругу. Она выпустила руку Ситы.

— Я не хочу больше туда ходить, папа, — сказала Мэри. — Громкие голоса меня пугают.

«У нее есть абсолютная свобода, но эта девочка не желает ею пользоваться, — подумала Сита, на мгновение ощутив презрение к своей подруге. — Я же мечтаю о свободе больше всего на свете, но у меня ее нет. Разве это справедливо?»

— Ты не хочешь ходить на панчаят не потому, что боишься громких голосов, а потому, что мне завидуешь, ведь твой отец меня похвалил, — обвинила Сита Мэри позже, когда они остались наедине.

Нижняя губа малышки задрожала. Казалось, Мэри вот-вот заплачет.

— Да, завидую, — еле слышно произнесла она.

Эти слова удивили Ситу. Она была уверена, что подруга станет все отрицать, поскольку сама бы поступила на ее месте именно так.

— Прости меня, Сита, — вновь заговорила Мэри. — Я просто... Я всегда чувствовала, что мои родители хотят, чтобы я была другим человеком, храбрым, не боящимся рисковать, и говорила то, что думаю. В общем, кем-то вроде тебя.

— С чего ты это взяла?

Мэри судорожно вздохнула, теребя шов на платянце.

— Мой папа был в восторге, когда ты дала отпор комиссару. Он сказал, что мне нужно стараться быть похожей на тебя.

— Правда? — спросила Сита, чувствуя, как по ее телу разливается теплая волна.

— Моим родителям хотелось бы иметь такую дочь, как ты. Малышка выглядела подавленной.

Возможно, Мэри была чересчур кроткой, неуверенной и слабой, но еще она была единственной подругой Ситы, которая понимала ее, принимала и восторгалась ею. Искренние

любовь и восхищение, с которыми Мэри относилась к подруге, поддерживали Ситу, а книги, которые она ей давала, позволяли мириться с невыносимой жизнью дома.

— Твои родители любят тебя, Мэри, — сказала Сита, сжав руку подруги.

— Знаю, — шмыгнула носом малышка. — Но восхищаются они *тобой*.

— Мэри, мы сможем снова пойти на панчаят? Только с тобой я ощущаю, что хоть немного управляю своей судьбой. Благодаря тебе я узнаю столько нового! Я живу ради поездок к тебе. Пожалуйста!

К огромному облегчению Ситы, Мэри покорно улыбнулась:

— Ладно, если для тебя это так важно.

Подруги продолжали посещать панчаят. Мэри вздрагивала от громких голосов и прижимала ладони к ушам во время ожесточенных споров. Сита же наслаждалась ими. Она зарекомендовала себя прекрасным судьей, упивалась каждым восхитительным мгновением власти и купалась в одобрении отца Мэри и собравшейся толпы.

Глава 9

Мэри

След предательства. 1936 год

Голоса, ворвавшиеся в ее забытьё.

— Мэри? Кузина?

Глаза болели. Проще вообще их не открывать, оставаясь в мире видений.

Столько образов. словно ее мозг распахнулся, исторгая воспоминания о девочке, которой она была.

Городок на реке. Такой же знакомый, как и ее собственное сердцебиение, — и все же столь непохожий на ту жизнь, которой она жила, жизнь, которую без малейших сомнений принимала как свою собственную.

Шаткий подвесной мостик над рекой. Женщины, сплетничающие на берегу. Звенящие браслеты на их руках. Одежда, которую они стирают и расстилают для сушки, превращая серые камни в подобие яркого цветника. Цветущие делониксы, жакранды и нимы. Забравшаяся на башню корова, которую несколько крепких мужчин ласково уговаривают спуститься.

Бумажные кораблики в лужах. Ментоловый аромат эвкалипта и сливочный запах жасмина. Омытая дождем трава и слякоть.

По немощеной дороге, тянущейся к подернутому красной дымкой размытому горизонту, идут трое детей — две девочки, высокая и совсем малышка, в сопровождении мальчика. Пыль, вздымающаяся золотисто-оранжевым облаком. Запах горячей земли, солнечного света и созревающих фруктов. Склизкий, напоминающий вонь гниющих сапог смрад застоявшейся воды. Бескрайнее, раскаленное добела небо.

«Давайте посмотрим, получится ли у нас ходить с завязанными глазами», — сказала старшая из двух девочек, размахивая платком.

Она просто ослепительна. Непослушные кудри, то и дело падающие на лицо. Пестрое одеяние, небрежно обернутое вокруг гибкой фигурки. Живые глаза цвета меда и янтаря.

Сита. Это имя словно само собой появилось у Мэри на губах. Экзотичная — но при этом такая *знакомая*. Так, словно она всегда была там, рядом с ее сердцем. Ожидая, когда Мэри ее найдет.

«А что, если мы наступим на змею, на кобру, и она укусит?» — спросила младшая.

Вздвигнув, Мэри поняла, что это — она сама в детстве! Грязное платье, босые ноги, струящиеся волнами распущенные длинные волосы.

Сита с презрением посмотрела на Мэри, и, как ни странно, этот взгляд придал малышке уверенности. *Сита считает: если замысел абсурден, его обязательно нужно воплотить в жизнь.*

«Ничего не случится; мы с Амином будем вести тебя, глупенькая».

Амин. Так зовут мальчика. На его грязном лице играет широкая ухмылка. Его Мэри тоже знала. Как и Сита, он был ее другом.

Мои друзья.

На глаза Мэри надели повязку. Перед ее закрытыми глазами пульсировала тьма. Мэри несмело сделала несколько шагов по гальке и илу. Потные ладони друзей держали ее за руки, указывая путь. Тело оведал ленивый послеполуденный ветерок. Мэри вдыхала дымный запах жары, приключений и восторга.

— Мэри? — донесся до нее голос тетушки.

С трудом открыв глаза, девушка заморгала от ослепительного света.

Ее глаза были распахнуты, и все же Мэри чувствовала себя так, словно на них по-прежнему была повязка. Вот только друзей рядом с ней больше не было. Лишь смятение, боль и огромный фиолетовый след предательства.

Глава 10

Сита

Водонапорная башня. 1926 год

Сита и Мэри сидели на ветвях манго, росшего в саду за домом, когда внезапно поднялась суматоха; слуги вынесли стол и, поставив его почти под ними, стали расставлять чайные приборы.

В следующее мгновение мать Мэри, лежавшая с книгой на одеяле в тени баньяновых деревьев, спотыкаясь, поспешила в дом, отряхивая от пыли свое неизменно перепачканное платье, поправляя волосы и бормоча себе под нос:

— Я совсем забыла, что она приедет на чай...

— Леди Данстейбл, — сообщила Мэри, сморщив нос. Она сидела, свесив ноги по обе стороны ветки и качая ими вперед-назад. Ее лицо обрамляли листья манго, источавшие терпкий аромат. — Она приехала разнюхивать.

— Разнюхивать? — с интересом спросила Сита, помечая страницу, на которой остановилась, закладкой.

«С Мэри не соскучишься», — подумала она.

— Она часто приезжает разнохивать, потому что, как говорит мама, «охоча до сплетен». Вернувшись к себе, леди Данстейбл пригласит на чай других леди, и они станут обсуждать, каким еще образом мама с папой нарушили общественные нормы.

Голос Мэри был таким же горьким, как и веточка манго, которую Сита рассеянно жевала, увлеченно читая.

— «Какая разница, что о нас говорят? Мы ведь счастливы, правда?» Так говорит моя мама.

— Она права.

— А вот *для меня* разница есть. — Глаза Мэри гневно сверкнули. — Я не хочу, чтобы смеялись над нашим грязным домом и маминой неряшливостью. Я хочу, чтобы мы нравились другим девочкам. Чтобы их мамам нравилась моя мама. — Она глубоко вздохнула. — Хочу, чтобы нас принимали, — закончила малышка тихим печальным голосом.

Снизу донесся грохот: один из слуг уронил стул, который ставил. Павлин с криком ринулся к своим братьям. Его хвост не был раскрыт, однако все равно переливался синим золотом.

— Если для тебя это так важно, почему ты не скажешь об этом своим родителям? — с интересом спросила Сита.

— Я говорила. Но они лишь твердят: «Не заботься о том, что думают люди, ты становишься свободной, Мэри. Мы оба росли в мире ограничений, с которыми вынуждены были мириться. Мы хотим, чтобы ты была свободной». Но я *не хочу* быть свободной. Я хочу кому-то принадлежать. — Она вздохнула. — А когда я говорю это, они отвечают: «Ты принадлежишь нам». И папа щекочет меня, пока я не перестая сердиться.

Сита ощутила болезненный укол зависти. Чистой и жгучей.

— Ты... — начала было она, однако ее прервал голос матери Мэри.

— Сюда, леди Данстейбл, — жизнерадостно произнесла хозяйка. — День выдался погожий, так что мы будем пить чай в саду.

Платье леди Данстейбл было слишком пышным для чаепития и рядом с простой одеждой хозяйки дома выглядело весьма

экстравагантно. Гостья со стоическим выражением лица грациозно опустилась на стул рядом с матерью Мэри.

Павлины с важным видом направились к леди Данстейбл — в надежде, что им перепадут крошки от сэндвича с огурцом, за который та только что принялась. Гостья вздрогнула, и ее стул опасно качнулся.

Мама Мэри заливисто рассмеялась, а павлины с криком бросились врассыпную.

Поморщившись, леди Данстейбл положила сэндвич на тарелку.

— Этот сад все такой же дикий, Пегги, — сказала она. Сделав крошечный глоток чая, гостья скорчила гримасу, словно чай, как и дом с садом, не удовлетворял ее требованиям. — Если хочешь, я могу порекомендовать тебе хорошего садовника.

— О, у меня и в мыслях нет увольнять старого Хана. Он работает у нас уже целую вечность.

— Как я вижу, он неплохо устроился, — хмыкнула леди Данстейбл. Она посмотрела на старого садовника, слонявшегося среди бугенвиллей, и скривила губы. — Не подумай, что я указываю тебе, как вести хозяйство в твоём доме, Пегги, но твой садовник — дармоед. Нельзя привязываться к слугам.

Сидя среди ветвей, Сита увидела, что лицо старого Хана стало угрюмым, а плечи поникли. Он понял каждое произнесенное слово.

— Давай, — сказала Сита и, увлекая за собой вздрогнувшую Мэри, спрыгнула на землю прямо перед леди Данстейбл, подняв небольшой вихрь пыли и заставив стол покачнуться, в результате чего из чайника упало несколько капель.

Леди Данстейбл испуганно взвизгнула и чихнула от попавшей ей в нос пыли, и Сита увидела, как мама Мэри закусила нижнюю губу, чтобы скрыть улыбку. Стоявший возле веселых розовых и оранжевых бугенвиллей Хан выпрямился и ухмыльнулся. Его коричневое лицо было прочерчено множеством морщинок.

— Твоя дочь становится дикаркой из джунглей, — сказала леди Данстейбл, придя в себя. — Ты должна ее приструнить.

Бросив на Мэри испепеляющий взгляд (Ситу не удостоили даже этого), леди Данстейбл попыталась стряхнуть платком пыль со своего затейливого платья.

Увидев, что лицо ее мамы сияет, словно ей только что сделали комплимент, Мэри понурила голову.

Чуть позже, когда Сита, перед тем как возвращаться домой, ела вместе с подругой воздушный рис со специями, приехал отец Мэри.

— Сегодня девочки спасли меня от леди Данстейбл, — с улыбкой сообщила ему жена.

Она пересказала мужу недавние события.

— Вы, девочки, просто чудо, — произнес отец Мэри, тепло улыбнувшись им обеим. Посмотрев на Ситу, он спросил: — Кем бы вы хотели быть, когда вырастете, мисс Сита?

Сите не нужно было долго думать, чтобы ответить на этот вопрос.

— Я хотела бы влиять на происходящее, — сказала она. — Изменить мир.

Глаза родителей Мэри засияли. Малышка тоже это заметила, и Сита увидела, что она теребит еду на тарелке.

— Но у моих родителей другие планы, — добавила Сита. — Они хотят выдать меня замуж.

— Замуж? Но ведь это будет еще не скоро?

— Меня готовят к браку с самого рождения. Я бы очень хотела учиться, но родители говорят, что слишком образованная женщина оттолкнет потенциальных женихов. Я и без книг чересчур своенравна, твердит мне ма. У меня есть гувернантка, и меня научили считать, командовать слугами и вести домашнее хозяйство. Но от этого моя жажда знаний только усиливается...

Несмотря на то что Сита сопровождала Мэри и ее отца на панчаят, ей до сих пор так и не представилось возможности поговорить с родителями подруги. Когда она гостила у Мэри, у нее всегда было столько дел. Однако сейчас, как и на панчаяте, Сита наслаждалась совершенно новым ощущением —

ощущением того, что взрослые ее слушают и им важно то, что она говорит. Сита хотела, чтобы это не заканчивалось.

— Но ты же читаешь книги на английском? — сказала мама Мэри. — Я сама видела.

— Я научилась читать самостоятельно, — ответила Сита и объяснила, как ей это удалось. — Когда Мэри одолжила мне свой словарь, стало проще.

Родители Мэри переглянулись и вновь посмотрели на Ситу. Их глаза были полны восхищения. Мэри отодвинула тарелку. Девочка выглядела несчастной.

— Как бы там ни было, я не выйду замуж, что бы ни говорили мои родители.

— И как ты собираешься этого избежать?

— Я убегу из дома, — решительно ответила Сита.

У нее уже был готов план: она украдет приданое, приготовленное для нее отцом. Оно хранилось в сейфе у него в кабинете. Сита знала, где отец прячет ключ — в комнате для молитв, за маленьким святилищем Повелителя Вишну. В конце концов, раз она не выйдет замуж, то и в приданом нет никакой необходимости.

— Но, Сита, это не сработает. Мир велик, и...

Она знала, что мама Мэри права. Сита не задумывалась, что станет делать после того, как украдет деньги и сбежит из города. И, размышляя об этом, *и вправду* ощутила легкий страх. Но...

— Я должна это сделать. Моего брата скоро отправят в школу, и тогда наш дом еще больше станет похож на тюрьму. А если моим родителям удастся осуществить свои планы, у мужа мне будет не лучше.

— Если бы мы поговорили с твоими родителями, тебе бы это помогло?

Мэри скрестила руки на груди и отвернулась от Ситы. Нижняя губа малышки задрожала. Однако Сита этого не заметила. В ее сердце разливалось тепло. У нее появилась альтернатива побегу, мысль о котором ее, по правде говоря, пугала. *Возможно*, если родители Мэри, заместитель комиссара и его жена,

поговорят с ее родителями, мать и отец позволят ей учиться, вместо того чтобы как можно скорее выдавать ее замуж.

— Нас пригласили на праздник, который пройдет в следующем месяце во дворце. Мы напишем твоим родителям письмо, в котором попросим разрешения заехать к вам по дороге туда.

— Родители твоей подруги Мэри спрашивают в письме, могут ли они к нам заехать, — сказала через несколько дней мать Ситы. Лицо у нее было мрачным. — Что ты натворила? — спросила она, хмуρο глядя на дочь поверх письма.

— Ничего! — возмущенно ответила Сита. — Я хорошо себя вела.

— Хмм... Твои манеры значительно улучшились с тех пор, как ты стала ездить к Мэри. Ты больше не лазаешь по деревьям и не плаваешь в пруду с сыновьями слуг.

Знала бы ты, что я делаю у Мэри! Теперь, когда у меня есть свобода, я готова мириться с ограничениями. К тому же у меня есть книги, которые дает мне Мэри...

— Они пишут, что, пока они здесь, ты можешь поехать к ним на чай. С чего бы это?

— Мэри очень застенчива. Ей нравится бывать с теми, к кому она привыкла.

Мать Ситы кивнула.

— Мне нужно составить меню к их приезду. Посмотрим...

Сита против обыкновения была рада, что мать не обращает на нее внимания и не засыпает вопросами. Вернувшись в свою комнату, девочка облегченно вздохнула и рассмеялась, а затем погрузилась в мир очередной взятой у Мэри книги.

— Давай устроим гонку корабликов! — предложила Сита в тот день, когда родители Мэри отправились к ней домой, чтобы поговорить с ее родителями. — Мы можем пускать их с подвесного моста.

Сите нужно было чем-то занять себя, чтобы отвлечься. Она так нервничала, что у нее сжимался желудок и ей было трудно дышать. Сита надеялась, что гонка корабликов позволит ей

какое-то время не думать о том, чем закончится эта важная встреча.

— Ты уверена, что ходить по этому мосту безопасно? — спросила Мэри.

Ее лицо было взволнованным.

Сита взялась за веревку, перегнулась через край и, оторвав ноги от досок, повисла на руках. Ветер раскачивал мостик и ее саму. Сита чувствовала себя невесомой, словно летела по воздуху.

— Видишь? Это совершенно безопасно.

Мост опасно зашатался, и Мэри, несмотря на восхищение, с которым она смотрела на Ситу, задрожала.

— Давай же, Мэри, — подбодрила ее Сита. Она обращалась к подруге по имени, в то время как все остальные в городе, включая Амина, ласково называли ее Мисси Баба́. Сита завидовала тому, с каким уважением и любовью относились люди к этой малышке. — Если он выдерживает мой вес, то сможет выдержать и твой.

— Я не такая храбрая, как ты, Сита.

Во взгляде Мэри читалось восхищение — такое же, как в глазах Амина, смотревшего на пируэты Ситы, которые она выделывала на пляшущем мосту.

— Нет, такая же. Просто ты этого еще не знаешь. — Сите было прекрасно известно, что уже через минуту Мэри сделает так, как она скажет. Просто ее, как обычно, нужно было немного поугуваривать. После случая с комиссаром Сита стала в их компании заводилой. Первым идеи Ситы всегда подхватывал Амин. А уже затем их энтузиазм передавался Мэри. — Давай. Иначе зачем мы последние полчаса мастерили кораблики?

Отпустив веревку, Сита топнула ногой, и мост закачался, словно маятник.

Вытерев руки о засаленный жилет, Амин обернулся к Мэри и протянул ей грязную ладонь. Похоже, именно тогда малышка приняла решение. Сглотнув, она взяла мальчика за руку и, закрыв глаза, позволила ему провести ее по мосту. Сита заметила, что Мэри кусает губу, чтобы не закричать.

— Мэри, как ты будешь приветствовать свой кораблик с закрытыми глазами? — спросила Сита, когда друзья оказались рядом с ней.

Малышка открыла глаза, и Сита увидела, что она пытается осознать открывшуюся ее взору картину: они втроем стояли высоко над рекой, глядя на журчащую внизу воду. Порывы ветра, доносившего запах тамариндов, все так же раскачивали мостик. Глаза Мэри расширились от восхищения; она просияла.

Увидев удовольствие на лице своей подруги, Сита рассмеялась, и ее непослушные локоны упали ей на лицо.

— Ну разве не чудесно? Именно поэтому мне так нравится приезжать к тебе.

— Иногда ты бываешь слишком бесцеремонной, Сита, — заявила Мэри. — Но я мирюсь с этим, потому что именно благодаря тебе я встретила Амина, своего *настоящего* друга.

Сита подняла брови, сама удивившись тому, какую боль ей причинили эти слова.

— Не огорчайся так!

— Я не...

— Я просто дразню тебя. — Глаза Мэри плутовато блеснули. — Амин — обычный. Как я. Но ты, Сита... Ты красивая и бесстрашная. Строптивная. Необузданная. Ты ничего не боишься. Как мой мангуст. Ты всегда готова наброситься на змею или другого хищника, каким бы опасным он ни был.

Ухмыльнувшись, Сита набрала полные легкие свежего воздуха со сладостным запахом дружбы и счастья. Мэри рассмеялась. Ее смех был заразительным, и вскоре Амин тоже захохотал.

— Именно за это я тебя и люблю, Сита, — сказала Мэри. — Только ты восприняла бы сравнение с мангутом как комплимент.

— Кем вы хотите быть, когда вырастете? — спросила Сита, когда друзья собирались пустить свои кораблики по воде; девочка представила, что в этот самый момент родители Мэри убеждают ее родителей позволить ей учиться.

— Лодочником, — тут же ответил Амин, кивая в сторону мужчин с блестящими от пота спинами; лодочники переключались, сидя в своих лениво дрейфовавших по серебристой водной глади лодках.

Сита нахмурилась:

— Но лодочники живут в хижинах...

— А что в этом такого? — мягко спросил Амин.

Не желая показывать мальчику, что она не одобряет отсутствия амбиций, Сита обернулась к малышке.

— А ты, Мэри, чего хочешь?

— Я хочу выйти замуж за красивого мужчину вроде моего папы и родить много малышек. А не одного, как у нас в семье. Папа с мамой говорят, что я идеальная и потому они больше не хотят иметь детей.

На этот раз Сита не смогла сдержаться:

— Твои родители позволяют тебе читать, хотя дать хорошее образование — а ты мечтаешь выйти замуж?

— П-почему ты такая сердитая? — спросила Мэри, заикаясь.

— Ты можешь быть кем угодно, Мэри. Можешь влиять на происходящее.

Голос Ситы наполнился страстью и зазвучал громче. Иногда ей хотелось взять Мэри за плечи и трясти ее до тех пор, пока она не придет в чувство.

Сита уже собиралась высказать подруге все, что думает, но тут раздался голос Амина:

— *А ты сама* кем хочешь стать?

— Я хочу изменить мир, хочу влиять на события, — с жаром ответила Сита. — Хочу, чтобы девчонки во всем были равны с мальчишками.

— Но вы лучше мальчишек, — сказал Амин. — Это знает каждый.

Сита рассмеялась, а следом за ней расхохоталась и Мэри. От напряжения, повисшего между ними минуту назад, не осталось и следа. Они снова были лучшими друзьями.

Воздух был жарким, влажным и неподвижным, предвещающая дождь. А еще — сонным и настолько тяжелым, что возникало

ощущение нереальности происходящего. Серебристая вода внизу секретничала с рыбами, чешуя которых ярко блестела и переливалась в солнечном свете.

— Вперед, «Махарани»! — крикнула Сита своему кораблику с такой яростной решимостью, словно это могло заставить ее утлое бумажное суденышко, отстававшее от корабликов ее друзей, набрать скорость и победить. — Вперед!

Она сердито топнула ногой, и сидевшие на веревках вороны, закаркав, в ужасе полетели прочь.

— Осторожно, а то мы сейчас свалимся в воду, — сказал Амин.

Дети изо всех сил вцепились в веревку, и в этот самый момент мимо них по берегу с криком «Моя корова!» пронесся какой-то мужчина.

— Что случилось? — крикнул ему Амин.

— Моя корова! Моя Нанди! — причитал мужчина, почти не сбавляя темпа.

— Давайте все выясним, — предложила Сита.

Мэри охватило любопытство, и она забыла о страхе. Друзья сбежали с моста и ринулись по дороге, поднимая тучи пыли.

Они были не единственными, кого мучило любопытство: вскоре за мужчиной следовала целая толпа. Те из горожан, кого крики несчастного разбудили от послеобеденного сна, протирали глаза.

Вокруг водонапорной башни, гордо высившейся посреди поля в центре городка, собралась большая толпа.

Наверху башни стояла корова. Глядя из-за перил на столпившихся внизу людей, она грустно мычала.

— Моя Нанди! — сокрушался мужчина, стоя у основания башни. — Она — вся моя жизнь. У меня нет полей, и ее молоко кормит мою семью. Продавая его, я зарабатываю на хлеб. Что же мне теперь делать, ох, что же мне делать?

Вместе с Мэри и Амином Сита как зачарованная глядела на то, как двое других мужчин поднялись на башню и попытались

согнать корову вниз по лестнице, однако животное сопротивлялось, жалобно мыча.

— Как она там очутилась? — удивленно спросила Сита стоявшего рядом с ней Амина.

Он лишь пожал плечами. Щурясь, они с Мэри смотрели на корову. Малышка молитвенно сложила руки.

Сита была настолько увлечена происходящим, что не сразу услышала голос, настойчиво повторявший: «Мисси Баба́». Люди, перестав обращать внимание на корову, устремили взоры на Мэри. Корова больше не мычала.

— Что случилось? — прошептала Сита.

Или ей это только показалось? Голос вдруг перестал ее слушаться.

Мэри тоже не издавала ни звука, молча глядя на свою айю, словно из ниоткуда появившуюся вместе со слугами из дома Мэри; казалось, пришли все, кто находился в доме, включая служанку самой Ситы. На лицах людей застыло одинаковое выражение ужаса.

А еще эти лица были мокрыми от слез; при виде Мэри слезы хлынули вновь.

— Не волнуйтесь, с коровой все будет в порядке, — прошептала малышка, однако Сита уже видела, что удивление на лице ее подруги сменяется ужасом.

Ужасом, чьи когти сжали и сердце Ситы.

Это не из-за коровы.

Айя подхватила Мэри на руки, несмотря на то что та была уже слишком взрослой для того, чтобы ее нести.

— Что произошло? — смогла наконец произнести Сита, поразившись тому, каким дрожащим и надтреснутым был ее голос.

Мэри застывшими глазами смотрела на нее через плечо айи.

— Авария... по дороге в дом твоих родителей... — Айя сверкнула на Ситу опухшими покрасневшими глазами. В ее голосе действительно прозвучало обвинение? — Сахиба и мемсахиб больше нет.

— Нет?

Сита едва осознавала, что это слово вырвалось из ее собственных уст. У нее в горле внезапно пересохло и запершило.

— Они мертвы, — донесся шепот из собравшейся под палящими лучами солнца, пахнувшей луком и потом толпы.

Он был совсем тихим и все же таким оглушительным, что заглушил даже жалобное мычание коровы.

А затем тишину разорвал полный боли детский голос и Сита увидела, что Мэри указывает на нее пальцем.

— Ох, Сита, зачем? Зачем ты заставила их туда поехать? Если бы не ты, они сейчас были бы живы...

Глава 11

Мэри

Упорядоченный мир. 1936 год

— Вы лгали мне, — сказала Мэри.

Она сидела в библиотеке, своей любимой комнате в этом доме, который, как Мэри до недавнего времени полагала, был единственным домом, который она когда-либо знала. Однако теперь, после визита майора Дигби и нахлынувших на нее воспоминаний, которые заставили Мэри потерять сознание, этих отголосков другой жизни в далекой стране, она не знала, во что верить и можно ли вообще верить во что бы то ни было.

Какие из этих воспоминаний были правдивыми? Им можно было верить, ведь образы в них казались настолько яркими и реальными, что Мэри ощущала жару, от которой пот струился у нее по спине и стекал по бровям, а на языке появлялся вкус специй. Но если все это было правдой, то как она могла забыть об этом, заперев в дальнем уголке своей памяти? К роившимся в ее голове вопросам примешивались смятение и раскаленная докрасна злость...

— Мы не лгали тебе напрямую...

Тетушка стояла рядом с мужем по другую сторону письменного стола, такая собранная и далекая.

Ярость. Она была подобна пламени.

— Я считала, что мои родители погибли на войне, когда я была еще в пленках. Что я никогда их не знала...

Мэри трудно было говорить из-за сдавивших ее горло потрясения и печали. Она чувствовала запах лука и пота, исходивший от прижимавшей ее к себе айи. Айя... Это слово вернулось к Мэри вместе с воспоминанием о добросердечной женщине, спутнице ее детства, которую она так любила. О жалобно мычавшей на водонапорной башне корове. О тепле, исходившем от толпы, каждый человек в которой, казалось, любил Мэри и хотел ее утешить. Об изумлении на грубоватом лице сжимавшего ее руку Амина. О слезах, катившихся по его щекам. Это был единственный случай, когда Мэри видела своего улыбчивого друга плачущим. О потрясении, которое застыло на лице Ситы. Сита...

Полные боли слова Мэри: «Ох, Сита, зачем? Зачем ты заставляла их туда поехать? Если бы не ты, они сейчас были бы живы...»

Лицо Ситы, которая, казалось, вот-вот заплачет...

Мэри закрыла глаза, стараясь справиться с болью от раны, которая так долго не давала о себе знать и теперь вновь открылась.

— Ты была растеряна, — сказала тетушка. — Горевала. Страдала от душевной травмы. Ты отказывалась разговаривать, если кто-то упоминал об Индии. Зажимала уши руками и начинала всхлипывать. Поэтому мы перестали говорить об Индии и вспоминать о твоём прошлом. Со временем ты начала верить, что твои родители погибли здесь во время войны.

Раскаленная добела, ослепляющая ярость дала тихой, кроткой Мэри силы на то, чтобы спорить с тетей.

— Ты говоришь, что это я лгала сама себе? Если так, то почему вы не сказали мне правду, почему все эти годы позволяли верить в ложь?

Она услышала дрожь в собственном голосе.

— Так было проще, вот и все...

Ярость вновь дала Мэри смелость возразить тете:

— Для кого? Для меня или для вас?

— Почти год с тех пор, как ты к нам приехала, ты вообще отказывалась разговаривать.

Голос тетушки был необычайно мягким.

Еще одно воспоминание. Мэри на корабле, плывущем в Англию. Повергавшее ее в замешательство путешествие против ее воли.

«Ты возвращаешься домой», — говорили ей все.

Она открывала рот, желая сказать, что ее домом была Индия, однако не могла издать ни звука. Мэри задыхалась от запаха лука, пота, жары и потери. Перед ее глазами встал последний запечатлевшийся в памяти образ родителей. Мать в дорожном плаще с сияющими глазами и каштановыми локонами, выбившимися из-под ярко-голубой шляпы, так плохо сочетавшейся с бледно-желтым платьем. Она наклоняется и целует Мэри. От матери пахнет тальком и розами. Отец поднимает Мэри и кружится с ней на месте. От него исходит запах лайма, табака и комфорта; его щетина щекочет ей щеку.

Голос Мэри исчез так же, как исчезли ее родители. Они попали в аварию, и их, без всяких объяснений, *не стало*. Они попрощались с ней, как обычно. «До скорого, — сказали они. — Не случай». Их глаза, как всегда, блестяли.

И все.

Она никогда их больше не увидит. Как можно было соотнести эту якобы правду с образами матери и отца, которые в ее памяти были такими живыми, настоящими?

Именно поэтому Мэри замкнулась в себе и перестала разговаривать. Иначе мир, который она создала для себя, мир, в котором ее мать с отцом были живы и просто уехали на время, разбился бы на мелкие осколки. Мэри оставалась в придуманном ею мире, когда плыла по морю в страну, которая якобы была ее домом, но которой она никогда даже не видела; когда корабль увозил ее прочь от всего, что она знала, даже от имени, которое ей дали горожане, — Мисси Баба.

Женщина, которая сопровождала Мэри, мисс Девон, была очень добра к ней. Она заставляла девочку есть, прижимала

ее к себе, когда Мэри, всхлипывая, просыпалась от очередного кошмара и видела вокруг себя кошмар наяву — мир, в котором не было ничего знакомого и любимого. Мисс Девон не пыталась ее разговорить, и все же девочка считала ее чужой: она не была ее айей. Самим фактом своего присутствия мисс Девон напоминала Мэри о том, что она потеряла.

Моргнув, Мэри вернулась в настоящее; она увидела высокий потолок библиотеки и почувствовала отдававший чернилами и бумагой запах знаний.

— Стоило кому-нибудь случайно упомянуть об Индии и о твоём прошлом — и ты пряталась в свою раковину, становилась замкнутой, отказывалась есть и общаться.

Еще один образ: Мэри стоит внизу лестницы, ведущей в огромный дом, в *этот* дом. Поместье довольно обширное. Блестящие зеленые газоны, аккуратные клумбы, а чуть дальше — теннисные корты.

Воздух, пахнувший зеленью и свежестью, гладил ее по щекам ледяными пальцами.

Мисс Девон сказала, что сейчас лето, однако английское солнце не грело по-настоящему. Оно не было гневным, яростным и страстным, как в Индии, не заставляло тебя потеть, а твою одежду — прилипать к телу. Это солнце было другим. Оно едва светило, большую часть времени застенчиво прячась за облаками.

«Прямо как я, — подумала тогда Мэри. — Папа и мама хотели, чтобы я была похожа на солнце Индии — смелой и пламенной, а я больше напоминала здешнее светило».

Ее родители хотели, чтобы она нарушала запреты, бросала вызов обстоятельствам и была выше их, однако Мэри больше нравились строгость и порядок, установленные правилами. Она тосковала по ограничениям: они позволяли ей чувствовать себя в безопасности, давали надежду на то, что, если она попробует заплыть слишком далеко, они ее остановят. И в тот момент, глядя на чистое аккуратное английское поместье тети и дяди, на идеально увитые зеленью беседки, на царивший

вокруг безупречный порядок, строго соответствовавший правилам, Мэри почувствовала, как впервые с того момента, когда ее жизнь перевернулась, в ее измученной душе появилось что-то кроме печали. Там блеснул лучик надежды.

— Большую часть времени ты проводила здесь, — сказала тетушка, обводя рукой библиотеку. — Пряталась от мира и от всех нас.

Теперь, когда река ее воспоминаний прорвала дамбу, Мэри вспомнила первые дни в Англии. Смятение, горе, печаль... Единственным, что позволяло ей жить дальше, были правила и порядок. Девочку утешало то, что в ее жизни появилась структура.

И хотя Мэри не могла говорить, не могла выразить свои замешательство и боль словами, она очень быстро выучила то, что ей было необходимо. Здесь, в упорядоченном мире, с его благословенно строгими правилами поведения, был всего один способ делать все *верно*. И убитая горем девочка ухватилась за эти правила, используя их в качестве моста через пропасть, которая открылась внутри нее после потери родителей, дома, всего, что она когда-то знала. Приличия служили ей опорой. И все же Мэри терзало чувство вины, так, словно она предавала своих родителей.

Встретившись в Англии с родственниками отца, девочка поняла, что, возможно, была такой же, как члены этой семьи. Семьи, отвергшей его.

— Ты скучаешь по ним? — спросила она однажды у отца, когда была еще совсем маленькой.

— Хмм?..

Он закончил читать ей книгу — книгу о семье, — и Мэри уже начинала засыпать. Сидя на маленьком стульчике среди аккуратных книжных полок и разложенных по цвету игрушек, отец казался тут неуместным — с растрепанными волосами, в помятой рубашке, с мудрыми добрыми глазами.

— Другим родителям приходится заставлять своих детей убираться в комнате, а в твоей всегда царит идеальный порядок, Мэри, — с гордостью произносил отец.

Говоря это, он всегда смеялся, но порой Мэри задумывалась о том, не хотелось ли ему, чтобы она была больше похожа на других детей.

— По своей семье в Англии? — уточнила девочка.

Отец потер глаза.

— Иногда.

— Я бы очень по тебе скучала, если бы жила в тысячах миль от тебя, папа, — сказала она.

Он улыбнулся, и его глаза засияли.

— Знаю. И я скучаю по ним. Но там мне было душно, Мэри. Для моих родителей приличия значили больше, чем что бы то ни было. Они были яркими приверженцами правил и традиций. Все должно было делаться надлежащим образом.

«Вот и я такая», — подумала тогда девочка.

— Папа, я... — начала было она, но осеклась.

«Рядом со мной тебе тоже душно? — хотелось задать ей вопрос. — Меня ты тоже однажды бросишь?»

Однако слова встали соленым комком у нее в горле.

— Женитьба на твоей матери стала для них последней каплей. Однако наша свадьба и переезд в Индию — главные события в моей жизни.

— А почему твоя семья не хотела, чтобы ты женился на маме?

Отец снова потер глаза.

— Уже поздно, Мэри. Я отвечу на твои вопросы завтра. А теперь спи. Спокойной ночи.

В ту ночь девочка долго не могла уснуть, а проснувшись на следующее утро, нарочно разбросала свои книги по полу. Но уже выходя из комнаты, поняла, что просто не может оставить ее в таком состоянии, и следующие полчаса вновь аккуратно расставляла книги на полках.

— В первую же неделю после того, как ты поселилась у нас, я нашла тебя, сжавшуюся, здесь, в библиотеке, — продолжала тетушка. — Ты была огорчена и сидела раскачиваясь и прижимая к груди книгу. Книга и твоя одежда были мокрыми от слез, которые продолжали литься.

Еще одно, чрезвычайно яркое воспоминание: она сидит в библиотеке, своем убежище с обширной коллекцией томов, позволявших отправиться в миры, далекие от ее собственного, разбившегося на тысячу осколков. На одной из книг Мэри увидела имя своего отца: «Ричард Бригам». Она провела рукой по буквам, касаясь написанных им слов, страниц, которые он листал, когда сам был ребенком. Это была книга об Индии, вызывавшая в ее памяти образы, которые девочка пыталась забыть. Усыпанные пылью или омытые дождем зеленые поля. Поднимаемая муссоном рябь на реке. Пение лодочников, которое так и хотелось подхватить. Ее родители в своем прохладном бунгало. Потрескавшиеся, ласковые, любимые руки айи. Манго, хлебные деревья и гуайявы в саду. Змея, которая однажды заползла в ее коробку с игрушками и была атакована мангустом, которого Мэри держала у себя с неохотой, потому что побаивалась. Амин и Сита. Гонки бумажных корабликов. Полеты воздушных змеев. Смех, детство, невинность и счастье.

Мэри закрыла глаза, чтобы не расплакаться. И все же слезы полились ей на щеки. Всхлипывая, она сидела в библиотеке, вдыхая исходивший от книг аромат затхлости и знаний. В окне виднелись зеленые газоны. Прохладный воздух ласкал ее лицо, однако во рту Мэри ощущала вкус другой страны.

— Мы убрали все до единой книги твоего отца, — сказала ей тетушка. — В библиотеке не осталось ничего связанного с Ричардом Бригамом и Индией. Мы думали, — добавила она странным голосом, в котором звучали одновременно беспомощность, мольба и вызов, — что, если не упоминать о твоём прошлом, стереть все доказательства того, что оно когда-то было, это поможет тебе двигаться дальше, начать новую жизнь. — Тетушка вздохнула. — Ты боролась, Мэри. Казалось, горе вот-вот тебя сломит. Мы поступили так, как сочли нужным.

Ее голос стал твердым. Теперь в нем звучал лишь вызов.

Первые дни в Англии память Мэри была изменчивой и ненадежной. Воспоминания, подобно хищным птицам, набрасывались на нее в самые неожиданные моменты. Она могла кататься со своими кузинами по территории поместья, вдыхая

запах лета, скошенной травы, сосновых шишек и жимолости, слушать пение птиц, смех кузин и храп своей переходящей на галоп пони. Мэри зажмурилась, ощущая на губах вкус перезрелых, начинавших бродить яблок, — и в следующее же мгновение перед ее глазами вставали образы ее родителей, напоминая ей, что она предает их память. Ведет жизнь, которую они ненавидели, с семьей, отвергшей ее отца, не желавшей, чтобы он женился на своей возлюбленной.

И, чтобы выжить, Мэри похоронила свои воспоминания, систематически стирая их. Стирая тоску и боль родом из ее детства, которое прошло в жаркой, пыльной, дикой стране.

И если по утрам Мэри просыпалась на мокрой от слез подушке со вкусом соли, пота, влаги и томления на губах, она старалась не обращать на это внимания. Девочка открывала окно и глубоко вдыхала голубой морозный воздух страны, которая теперь стала ее домом.

— И в один прекрасный день, почти через год после твоего приезда, ты заговорила, — сказала тетушка. — Так, словно твоего индийского прошлого не существовало.

В Англии дни Мэри всегда были расписаны по часам: занятия с гувернантками, прогулки, чаепития с именитыми гостями, поездки в каретах по парку, визиты к друзьям, походы к портнихе, чтобы заказать новые платья, покупки шляпок, уроки игры на фортепиано, шитье, чтение в библиотеке и, наконец, сон.

Дни шли, превращаясь в годы. Между девушкой, которой она стала сейчас, и девочкой, которой была когда-то, простиралась целая жизнь. Мэри стала частью новой семьи, которая со временем превратилась в единственную семью, которую она знала. Английская девушка в английском доме, похоронившая свое яркое прошлое.

— Время шло, и ты перестала уходить в себя. Расцвела. Однако иногда неосторожно сказанное слово будило в тебе воспоминания — частичку мира, который ты подавляла. У нас всякий раз перехватывало дыхание, но тебе всегда удавалось с этим справиться. До визита майора Дигби. — В сдержанном

голосе тетушки послышалась горечь. — Полагаю, это должно было когда-нибудь случиться. Ты не могла всю жизнь подавлять свои воспоминания, хоть мы и надеялись...

— Я хотела бы снова его увидеть.

Тетушка выглядела удивленной.

— Что, прости?

Все эти годы Мэри делала то, что от нее ожидали. Она была послушной и, чувствуя себя в долгу у тети и дяди, никогда с ними не спорила и ничего у них не просила.

Однако теперь это чувство исчезло. Осталась лишь жгучая боль.

— Майора Дигби. Я хотела бы с ним встретиться.

— Ты уверена?..

В голосе тетушки впервые прозвучала нерешительность.

— Да, — резко и коротко ответила Мэри. Она пока что была не готова простить тетушке ложь. — И я желала бы получить книги моего отца. Думаю, теперь я готова их прочесть.

Тетушка молча кивнула. Теперь настала очередь Мэри удивляться. Удивляться тому, как легко та капитулировала.

— Я распоряжусь, чтобы книги твоего отца вернули в библиотеку. И на следующей неделе приглашу майора Дигби на чай.

Глава 12

Сита

Большой побег. 1927 год

Сита пряталась среди джутовых мешков, сдерживая тошноту, которую вызывал у нее острый запах навоза и бобов. Где-то полчаса назад ей удалось забраться сюда через маленькое грязное окно, и теперь она глядела сквозь него на kaleidoscopic завораживающий мир, пронесившийся мимо нее. Мешков вокруг Ситы было столько, что они мешали ей дышать, не говоря уже об исходившей от них вони.

Шум, суета. Носильщики с багажом, торговцы, расхваливающие свой товар. Британские сахибы в выглаженных костюмах

и с набриолиненными волосами, сопровождаемые всевозможными слугами, несущими их сумки и прочие вещи. Мемсахиб в ниспадающих свободными складками платьях и причудливых шляпках всех цветов радуги. Одна из этих шляпок была настоящим цветником, другая — самым что ни на есть фруктовым садом, привлекавшим мух, даже несмотря на то, что фрукты были всего лишь муляжами. Мемсахиб и сами были подобны экзотическим цветам, с трудом переносившим безжалостное индийское солнце; с их бледных лиц градом стекал пот, смывая нанесенные на щеки румяна. С изможденным видом леди ожидали, пока служанки отыщут их вагоны.

У знатных женщин, одетых в сари, лица были прикрыты вуалями, но это не мешало им раздавать команды сопровождавшим их слугам. Впереди шли их мужья в сопровождении собственных многочисленных слуг.

Пассажиры третьего класса садились в свои вагоны, вскакивали на подножки и расталкивали друг друга, спеша попасть внутрь.

«Так тесно, что нельзя даже вздохнуть от запаха чужого пота», — отвечали на расспросы Ситы слуги Кишана, ездившие с ним в школу.

«А вам не было дурно?»

«Было, но что поделать? — пожимали они плечами, жадно отпивая приготовленный поварихой чай с молоком и кардамоном. — На каждой станции нам приходилось пробиваться наружу, чтобы принести господину чай и еду».

«Зато на станции можно было набрать в легкие побольше воздуха», — говорил еще один слуга, запихивая в рот ладду размером с кулак Ситы.

Девочка заворожено смотрела, как он, не уронив ни крошки, поглощает сладкий шарик в два приема.

«Да, но потом нам приходилось снова пробиваться внутрь и стоять с кем-нибудь нос к носу до следующей станции».

Изначально Сита планировала поехать третьим классом, однако, услышав этот рассказ, изменила свое решение. Она была рада, что ей удалось забраться в товарный вагон (в ко-

тором, судя по запаху сена, навоза и бобов, перевозили корм для лошадей), ведь, если бы вагон был багажный, кто-нибудь из слуг, затаскивавших туда вещи своих хозяев, наверняка нашел бы ее, а то и вовсе случайно пришиб бы тяжелым чемоданом, которые, как Сита успела заметить, слуги часто просто забрасывали внутрь, если хозяева этого не видели.

От досады девочка сжала кулаки. Ей хотелось быть на платформе, среди людей, а вместо этого приходилось украдкой выглядывать из-за джутовых мешков. Сита была просто не в силах сдержать гнев.

Под ее окном проходили одетые в лохмотья дети-попрошайки со впалыми щеками и голодными глазами. Они протягивали руки, прося подаяния. Некоторые несли своих младших братьев и сестер.

Над киоском, у которого толпились люди, пившие сладкий как мед кофе с толстым слоем молочной пены, поднимался пар. Кишан часто рассказывал сестре об этом кофе.

— Ничто не сравнится с кофе на станции, Сита, — говорил он. — Уж не знаю, что они в него кладут, но Сави не может приготовить дома такой же, хоть я и описывал ей процедуру и она пыталась это повторить. Его подают в крошечных стаканчиках, не больше моего среднего пальца, и этот кофе очень быстро заканчивается. Слишком быстро.

В животе у Ситы заурчало от голода, несмотря на исходивший от джутовых мешков тошнотворный запах.

— Вор! — послышался крик, и на платформе поднялся гам.

Один из детей-попрошайек, укравший из киоска самосу, промчался мимо окна Ситы. За ним гналась толпа мужчин.

«Беги!» — подумала Сита. Мальчик был очень проворным. Он петлял между ногами, переворачивая багаж. Мемсахиб костерили своих слуг за то, что вещи разлетались по грязной платформе.

Через некоторое время Сита увидела, что мужчины возвращаются без маленького воришки, и облегченно вздохнула.

Ее тоже рано или поздно поймают. И тогда ее ждут большие неприятности. Но...

С тех пор как погибли родители Мэри, жизнь Ситы стала невыносимой. Никакой возможности вырваться из дома, никаких еженедельных визитов к Мэри, никакой свободы, никаких взятых у подружки книг, которые могли бы скрасить монотонность существования.

Обвинение, прозвучавшее в словах Мэри, когда они виделись последний раз — в день аварии, ранило Ситу больше, чем она готова была признать.

«Ох, Сита, зачем? Зачем ты заставила их туда поехать? Если бы не ты, они сейчас были бы живы...»

«Она не это имела в виду», — утешала потрясенную Ситу ее служанка по пути домой, сидя рядом с ней.

Однако в последовавшие за этим бесконечные недели Сита вновь и вновь задавалась вопросом, не были ли слова Мэри правдой. В конце концов, отец Ситы всегда повторял: «Появившись на свет, ты принесла несчастье, и я до сих пор за это расплачиваюсь».

«Твой характер доведет тебя до беды, если его не обуздать», — вторила ему мать.

Родители Мэри, собиравшиеся убедить родителей Ситы позволить ей учиться, внезапно погибли. А Мэри отправилась в Англию...

Поэтому, когда Кишану пришлось ехать в школу (а это означало, что она останется одна с родителями и их намерением — насколько Сита понимала, отец активно искал ей женихов, — и без всякой надежды на радость, веселье, книги, пусть даже украденные у брата), девочка приняла решение. Она поедет с братом в его школу и, когда они окажутся там, будет умолять его позволить ей остаться. Сита знала, что он сдастся: в отличие от неумолимых родителей, Кишану она была небезразлична. Он всегда чувствовал себя виноватым из-за того, что к нему родители относятся лучше, чем к ней.

Сита решила, что это гораздо лучше, чем бежать навстречу неизвестности. По крайней мере, у нее будет союзник в лице брата. Союзник, в котором она отчаянно нуждалась, потеряв Мэри и ее родителей.

Так и начался ее побег. Сита надеялась, что ее не поймут и не накажут, но даже если этому суждено было случиться, путешествие после долгих дней ужасающей скуки, казавшейся еще более невыносимой после свободы, которой ей довелось испытывать благодаря знакомству с Мэри, того стоило.

Под окном прошел торговец, продававший игрушки — деревянных кукол в красиво сшитых платящих.

С шипением выпустив пар, поезд задрожал и заворчал, подобно гигантскому ребенку, собирающемуся закатить истерику.

Ситу внезапно охватили сомнения. «Возможно, мне следовало предупредить Кишана?» — подумала она.

Однако если бы она сказала брату о своих планах заранее, он отговорил бы ее. Кишан во всем ее поддерживал, но еще он был ярым приверженцем правил.

Она застанет его врасплох на следующей станции, когда поезд остановится; тогда уже можно будет не бояться, что ее поймут и немедленно отправят домой. Сита станет заглядывать в каждый вагон первого класса, пока не найдет своего брата. Кишан ехал со своим учителем математики, добрым, мягким человеком. Сита была уверена, что ей удастся убедить их обоих и они позволят ей отправиться вместе с ними. Равно как и в том, что вместе с Кишаном они что-нибудь придумают... Брат *должен* был ей помочь. Она этого заслуживала.

«Давай же!» — мысленно подгоняла Сита поезд. Как только он тронется, ей станет лучше, а чувство тревоги и тошнота, возможно, станут слабее.

Девочка поискала глазами кондуктора. Вот и он, дородный, важного вида мужчина с флагом в руке и свистком во рту. Почему же он не дует в свисток и не машет флагом?

Давай же!

На платформе появился торговец арахисом. Сита почти чувствовала дымный вкус ядер на губах. Другой торговец нарезал лук и перцы чили и добавлял их вместе с небольшой горкой помидоров в ведро с воздушным рисом, щедро

приправляя все это молотым перцем чили и поливая смесь соком пары лаймов.

Сита смотрела на семьи, которые, сидя на своем багаже, открывали судки и клали туда завернутый в лепешки картофель со специями, и ее живот урчал еще сильнее. Еще один торговец жарил на раскаленном масле пури¹, которые так чудесно пахнут.

Мимо вагона Ситы прошла семья — отец с сыном впереди, мать с прикрытым вуалью лицом и маленькой дочкой лет трех сзади. Девочка с любопытством посмотрела на вагон. Ее взгляд скользнул по джутовым мешкам. Сита нырнула в поисках укрытия, однако пытливые глаза малышки успели встретиться с ее взглядом. Кроха вздрогнула, и ее лицо сморщилось. Она явно пыталась понять, что это за темно-желтые глаза среди мешков. Расплакавшись, малышка ткнула пальцем в ее сторону, и Сита спряталась, полностью укрывшись мешками. Однако, несмотря на царивший на станции шум, ей были слышны вопли девочки и голос матери, пытавшейся ее успокоить.

Давай же, поезд, вперед, пока кто-нибудь еще не увидел меня и не поднял тревогу!

А затем раздался знакомый голос.

— Мисс Сита, где вы?

Это была ее служанка.

Ей вторил более пронзительный голос гувернантки, задремавшей после обеда. При виде того, как она храпит с открытым ртом, Сита изо всех сил удерживалась от соблазна засунуть туда что-нибудь — возможно, насекомое — и заткнуть чем-нибудь ей ноздри, из которых выглядывали тонкие волоски, дрожавшие от громкого дыхания.

— Вы здесь, мы знаем. Вы оставили в вагоне свою шаль.

«О нет! — подумала девочка. — Как глупо!» Она проскользнула мимо чемоданов брата, пока слуги были чем-то заняты, и похвалила себя за изобретательность. Однако из вагона Сита выбиралась в спешке, пулей ринувшись внутрь станции, пре-

¹ Разновидность южноазиатского хлеба.

жде чем слуги вернулись за чемоданами. И совсем забыла о шали.

— Где вы? Мы поговорили с кондуктором, и поезд не двинется с места, пока вы не покажетесь.

Запах джутовых мешков и разочарования. Боль от того, что ей нельзя ходить в школу, как ее брату, лишь потому, что она девочка.

И отчаянное желание сходить в туалет.

Отпихнув мешки, Сита встала. От долгого сидения на корточках ее ноги свело судорогой. Отряхнув одежду, девочка нетвердой походкой зашагала к двери вагона.

Вот и конец ее приключению, ее большому побегу.

Служанка матери и гувернантка ходили вдоль вагонов, заглядывая в окна. Сита ждала, чувствуя во рту соленый вкус поражения и ощущая слабость от усталости и огорчения. Она разглядывала суетившихся вокруг людей, лица которых были тревожными и скучающими, нетерпеливыми и возбужденными. И все они куда-то ехали — в отличие от нее.

Первой Ситу заметила служанка.

— Вот вы где!

Они бросились к ней. Тучная гувернантка едва поспевала за проворной служанкой.

Чуть дальше Сита увидела заметившую ее маленькую девочку; ее держала на руках стоявшая в дверях вагона мать. Вновь встретившись с Ситой взглядом, малышка опять разрыдалась.

Кишан, должно быть, был в своем купе и понятия не имел о суматохе, которую устроила Сита. Он уедет в школу и получит знания, о которых так мечтала *она*.

Сита *была возмущена* этой несправедливостью.

Гувернантка уже подбежала к ней и теперь пыталась заставить выйти из вагона.

Люди оборачивались и показывали на них пальцами. По-прежнему не выпуская изо рта свисток, кондуктор неторопливо побрел к ним. Его униформа промокла от пота, лицо блестело. Дети- Попрошайки торопились обратиться с его пути.

За кондуктором шагал брат Ситы. При виде показавшейся в дверях вагона сестры на его лице появились тревога и изумление: он ведь уже с ней попрощался. Сита почувствовала надежду. Еще не все потеряно. Кишан все уладит. Возможно, даже убедит гувернантку позволить Сите поехать с ним...

— Сита! Что ты здесь делаешь?

— Я хочу поехать в школу вместе с тобой! — взмолилась она.

— Школа твоего брата только для мальчиков, — пренебрежительно ответила гувернантка; она все никак не могла отдышаться после бега.

Ох! Сита об этом даже не подумала. Она совершила столько ошибок! Если бы она раньше поговорила с Кишаном, поделилась с ним своими планами, она бы об этом узнала.

И все же Сита выпятила подбородок.

— Тогда я хочу поехать в школу для девочек.

— Ты даже не знаешь, как тебе повезло, что твои родители наняли меня, чтобы обучать тебя ведению домашнего хозяйства. У других девочек нет такой привилегии: они выходят замуж сразу же, как только достигают определенного возраста. Твои родители потакают тебе — и вот как ты им за это платишь?

Рядом с вагоном уже собралась толпа. Услышав слова гувернантки, люди закивали.

— Поезд не двинется с места, пока ты не выйдешь, — заявила гувернантка.

— О нет! — забормотали люди в толпе. — Если поезд отправится слишком поздно, он придет с *еще бóльшим* опозданием, чем обычно, — ворчали они. — Давай же, девчонка, — понукала толпа Ситу.

Кондуктор засопел, многозначительно указав на висевшие на здании станции часы.

Сита перевела взгляд на Кишана.

— Прошу тебя! — умоляла она брата. — Я не хочу возвращаться домой.

На лице Кишана читалась нерешительность. И еще что-то. Действительно ли Сита разглядела в его глазах нетерпение?

— Сита, ты уже не ребенок и скоро выйдешь замуж. Ты не можешь продолжать вести себя подобным образом.

Сита отшатнулась, словно ей дали пощечину. Сначала от нее отвернулась Мэри, ее лучшая подруга. А теперь Кишан как попугай повторял слова родителей.

На мгновение на лице брата появилось виноватое выражение, однако на смену ему тут же пришло смущение от того, что он стоял в окружении бранившей их толпы. Сцена, устроенная Ситой, привела Кишана в замешательство. К тому же его, как и других пассажиров, раздражало, что она задерживает отправление поезда. «Он хочет, чтобы я ушла, — поняла Сита. — Хочет, чтобы следующий этап его жизни начался как можно скорее».

— Ненавижу тебя! — Девочка шмыгнула носом, чувствуя на языке соленый фиолетовый вкус злости из-за того, что ее предали.

— Идем. — Гувернантка довольно грубо потянула ее за руку.

Это было уже слишком. От разочарования и боли Ситу стошнило — смешанной с желчью зеленой слизью с остатками вчерашнего риса, не переваренного полной возбуждения бессонной ночью; все это волной хлынуло на грязные сандалии гувернантки, растоптавшие ее мечту отправиться в школу вместе с братом.

Глава 13

Мэри

Драгоценное. 1936 год

Мэри снилась Индия. Городок, где она играла и свободно бродила с красивой властной девочкой и улыбочивым мальчиком с запыленным щекастым лицом. Снилась аяя с музыкально звенящими браслетами на руках, напевавшая ей колыбельные на языке, который Мэри выучила раньше, чем английский. После обеда Мэри дремала рядом с айей на расстеленной на веранде циновке и, казалось, видела вместе с ней фантастические сны. Пахнущий фруктами ветер заставлял танцевать

краешек сари, которым аяя накрывала свое лицо. Помощница поварихи, фальшиво напевавшая бхаджаны¹. Вкус приготовленного поварихой рисового пудинга. Мама с влажными миндалевидными глазами... Когда она смотрела на Мэри, ее лицо смягчалось. Мама произносила имя дочери так, словно оно было чем-то драгоценным. Отец, в глазах которого появлялись искорки каждый раз, когда он улыбался Мэри, позволяя ей примерять его шляпы. От него пахло лаймом и табаком, и, сидя у него на коленях, Мэри чувствовала, что ее любят. Влажная жара. Свежий розовый вкус арбуза. Стекающий по подбородку сок манго. Свет солнца.

Мэри с дрожью проснулась. Солнце выглядывало из-за дождевых облаков. Пробудившись ото сна в Англии, девушка чувствовала на губах вкус Индии, вкус своего давно забытого прошлого, вкус отвергнутого детства...

— С тобой действительно все в порядке, Мэри? — щебетали кузины.

«Вы все знали! — хотелось крикнуть ей. — Вы сговорились скрывать от меня прошлое!»

Хотя, по правде говоря, их не в чем было винить. Они лишь поступали так, как, по их разумению, было лучше для нее. Однако Мэри все равно испытывала боль. Раньше она думала, что знает, где ее место в этом мире. Однако теперь была уже не уверена в этом.

Кто я?

Кроткая, застенчивая английская девушка, которая ищет утешения в правилах и с нетерпением ждет дебюта при королевском дворе, после чего сможет выйти замуж и управлять собственным домом? Если это так, то я подвожусь своих родителей, которые хотели, чтобы я добилась большего.

«Вот почему я, осиротев, закрылась от этих воспоминаний», — поняла Мэри. Чтобы избежать необходимости смотреть в глаза собственной двойственности. Дилемме, вставав-

¹ Религиозные песнопения в индуизме.

шей перед ней, когда она думала о девочке, которой ее хотели видеть родители, и о той, кем она была на самом деле.

Глядя в окно на аккуратные газоны, тщательно подстриженные живые изгороди, оранжерею со сверкающей куполообразной крышей из стекла и вспоминая пыльные дороги, превращаемые в жидкое месиво муссонами, Мэри, несмотря на то что дом был огромным, внезапно ощутила приступ клаустрофобии. Ей вспомнилось, как она, подняв лицо к небу, танцевала под дождем, чувствуя запах грязи и созревающих фруктов, теплый землистый аромат счастья.

— Мэри?

Привкус навоза, пыли и собственных волос, сбивавшихся ей на лицо. Это воспоминание было таким живым... Мэри видела себя сидящей в запряженной быками двуколке. Рога быков так не соответствовали их добрым глазам. Сита уговорила одного из горожан прокатить ее вместе с Мэри и Амином. Сидя на куче соломы, все трое чувствовали себя по-королевски. От соломы на теле у Мэри потом появилась сыпь, и аие пришлось смазывать ее кожу лосьоном.

Мэри видела, как мама шьет погожим вечером, сидя в кресле. Ей то и дело приходилось отмахиваться от назойливых комаров, залетающих в дом, несмотря на пучки душистых трав, с помощью которых слуги пытались их отпугнуть. Видела папу, читающего ей книгу, пока она пила горячее какао, сидя у него на колене. Мэри ощущала восхитительный вкус шоколада и удовлетворенности, которую она испытывала, когда папин голос рокотал возле ее уха. С дерева со стуком упал кокос, и гнездившиеся в ветвях птицы возмущенно закричали. На мгновение папа замолчал, чтобы сделать глоток виски. Закат был янтарным, мир был полон радости, а вечерний воздух напоен ароматом остывающей пыли, спелых фруктов и жареных специй. Пар, исходивший от ванны, которую грели для Мэри, поднимался ввысь, делая небо похожим на радужный торт поварихи — зефирно-розовым, желеино-оранжевым, светло-вишневым и ярко-красным.

Однажды, после особенно жаркого летнего дня, папа заявил, что в доме слишком душно. Слуги вынесли их с мамой

кровать в сад и поставили среди манго, тамариндов, лаймов и гуайяв. Мама, папа и Мэри втроем забрались в постель и укрылись москитной сеткой. Вверху мерцали звезды. Той ночью случилась пыльная буря, и они проснулись оттого, что своенравный ветер засыпал их песком, забивавшимся в рот. Все трое ринулись внутрь. Слуги поспешили за ними, неся постельные принадлежности. Песок жалил глаза.

— Мэри? — Айрис обвила ее тело руками.

Мэри открыла рот, однако не произнесла ни звука.

Она отвернулась, не в силах скрыть слезы. Кузины выглядели обиженными. Отведя Мэри к креслу, они принесли ей горячего сладкого чая и принялись суетиться вокруг нее. Кузины были добры к Мэри, однако теперь, когда ее воспоминания вернулись, она хотела лишь одного — чтобы все стало таким, как прежде. Хотела, чтобы ее обнимали не их пахнущие розовой водой и сочувствием руки, а руки мамы и айи. Хотела слышать ласковый голос папы, который всегда становился мягче, когда папа разговаривал с ней. Хотела держать своих друзей — Ситу и Амина — за потные ладони и планировать новое приключение. Хотела после стольких лет жизни в Англии вернуться туда, где была счастлива. Та жизнь ей нравилась. Возможно, Мэри даже любила ее. Ей хотелось вернуться домой.

Домой. Мысль об этом заставила девушку вздрогнуть.

Когда-то ее домом была Индия. Однако несколько лет назад домом для Мэри стало имение родственников, отвергших когда-то ее отца — за то, что он не принимал царивших в нем порядков. Здесь жили ее кузины, тетя и дядя. Ее семья.

Так почему теперь, вновь почувствовав печаль, которую она похоронила вместе с вернувшимися воспоминаниями, Мэри думала об Индии? Она чувствовала тоску по чему-то, что давно закончилось, по образу жизни, которого лишилась в тот жаркий день у водонапорной башни, наверху которой жалобно мычала корова; животное было сбито с толку, так же как и сама Мэри, узнавшая о том, что ее родителей больше нет...

Глава 14

Сита

Невидимая нить. 1927 год

Сита родилась во время бури, которая вырвала с корнем деревья и убила несколько человек. Стихия подняла гигантскую волну, которая обрушилась на берег, забрав еще несколько жизней, разрушив дома и погубив скот.

— Это была самая сильная буря на нашей памяти, — говорила мать, важно кивая головой.

Ее многочисленные служанки — махавшая опахалом, приносившая паан¹, массиравшая ноги (которые у матери, похоже, постоянно болели, даже несмотря на то, что она мало ходила) — тоже закивали так, словно были марионетками, которыми мать Ситы управляла с помощью невидимых нитей.

Положив ноги на пуфик, мать всегда сидела на одном и том же месте, в стоявшем в столовой удобном кресле, откуда можно было видеть кухню. С этого трона она отдавала распоряжения окружающим — слугам и детям. Мать постоянно хмурилась (исключая те случаи, когда она смотрела на мужа), вечно была чем-то недовольна, и в большинстве случаев объектом этого недовольства была ее дочь.

Прямо как сейчас.

Глядя на фиолетовое как баклажан лицо матери, Сита страстно желала оказаться в поезде, который умчался в клубах дыма, стуча колесами и ревя паровым котлом, сразу же после того, как она вышла из вагона. Казалось, он был рад от нее избавиться.

С кухни доносился запах обеда — жареного теста и чечевицы. А еще — чего-то сладкого и молочного. Желудок Ситы — опустевший после того, как ее стошнило на ноги гувернантке, — громко заурчал. А еще девочке хотелось помыться, ведь

¹ Традиционная южноазиатская жвачка из семян арековой пальмы с известью, завернутая в листья бетеля; оказывает стимулирующий эффект за счет содержащегося в семенах алкалоида.

она перепачкалась в поезде с ног до головы и теперь от нее пахло дымом, углем, джутовыми мешками и навозом. Однако сначала ей предстояло ощутить на себе гнев матери.

Сита слышала, что мать сердито сопит, готовясь обрушить на нее речь, которая заставит ее дочь осознать тяжесть своего преступления; разум девочки витал где-то далеко, позволяя ей отвлечься от предательства брата и охватившего ее чувства безнадежности, из-за которого у нее подкашивались ноги и она готова была разрыдаться. Тело Ситы содрогалось, зубы стучали.

«Когда ты родилась...» — говорила аяя.

«Да, я знаю, — перебила ее Сита. — Разразилась буря».

«Нехорошо быть такой нетерпеливой. Позволь мне закончить», — ласково увещевала ее аяя, намазывая волосы девочки маслом и заплетая их в косу в тени баньяновых деревьев.

В сонном послеполуденном мареве Сита щурилась на солнце, с трудом веря в то, что такая буря вообще возможна.

«Ветер выл, вторя крикам твоей матери, и на дом упал тамаринд».

«Что?»

Сита обернулась к аяе и получила легкий удар гребешком по виску. Именно тогда девочка впервые услышала об упавшем на дом дереве.

«Я ведь просила тебя, чтобы ты сидела спокойно, когда я расчесываю твои волосы?»

«Но аяя, это важно! Почему никто раньше мне об этом не говорил? Ведь это связано с моим рождением».

«Ты хочешь дослушать до конца?»

«Да!»

«Тогда сиди тихо. — Увидев, что Сита замерла, внимая ее словам, аяя ласково улыбнулась. — Твоя ма была в безопасности: она находилась в другом конце дома. Было разрушено крыло, в котором жили слуги».

«Ох!»

Аяя опустилась рядом с Ситой на мягкую подстилку из ароматных листьев.

«К счастью, никто не пострадал; все слуги были рядом с твоей матерью. Раздался чудовищный треск и оглушительный грохот. В этот самый миг родилась ты, фиолетовая и кричащая. Родители праздновали твое рождение, но горевали из-за ущерба, нанесенного дому».

«Так вот почему ма говорит, что я приношу неприятности с самого рождения!» — воскликнула Сита.

Айя громко фыркнула, спугнув сидевших на ветках ворон.

«Во время церемонии твоего наречения жрец объявил, что каждое удачное событие в твоей жизни будет иметь свою цену».

«Теперь я понимаю, почему баба¹ постоянно жалуется на то, что я так дорого ему обхожусь, вдобавок к тому, что он откладывает мне на приданое».

Айя прижала девочку к себе.

«Не обращай на него внимания. — Ее голос был мягким и успокаивающим, как расгулла и сироп. — Он шутит».

«*He шумит*. Он всегда злится, когда смотрит на меня. И теперь я понимаю почему».

Вошел Кишан.

«Сави приготовила педы². Если не поторопишься, я съем все сам. — Взяв Ситу за руку, он потащил ее за собой. — От тебя одни неприятности, и мне приходится с этим мириться», — передразнивал Кишан мать, имитируя даже театральные стоны, которыми та неизменно сопровождала свои жалобы в присутствии отца.

Сита звонко расхохоталась, рискуя подавиться чудесными педами Сави, молочно-сахарный вкус которых разливался у нее во рту.

Теперь она стояла перед матерью в ожидании наказания; девочка чувствовала опустошение из-за того, что брат ее отверг. Он смотрел на нее так, словно она была помехой, обузой, — этот взгляд был очень похож на взгляд отца, когда тот вообще

¹ Папа (*хинди*).

² Традиционный индийский десерт из ферментированного молока и сахара.

на нее смотрел. После того как Мэри уплыла в Англию, Сита думала, что хотя бы брат остался на ее стороне... Однако теперь понимала, что ей больше не на кого рассчитывать.

— Ты из хорошей семьи; мы — родственники короля, — сумела наконец подобрать слова охваченная гневом мать. — Ты не можешь — *не будешь* — и дальше вести себя подобным образом. — Она вздохнула. — Устроив сцену на публике, ты уменьшила свои шансы удачно выйти замуж...

«Ну и чудесно», — подумала Сита.

— Мы не можем позволить, чтобы это продолжалось. Мы должны выдать тебя замуж, прежде чем ты оттолкнешь от себя всех женихов в этой стране. Твой отец уже начал наводить справки. Мы очень надеялись, что к тебе проявит интерес кто-нибудь из более благородных домов. Однако, учитывая сложившиеся обстоятельства, нам придется довольствоваться малым.

— Ч-что ты имеешь в виду?

— Ты выйдешь за жениха, чей гороскоп совпадает с твоим. Надеюсь, это произойдет в ближайшие несколько недель. А до тех пор ты будешь продолжать заниматься музыкой, пением и танцами, хоть мне и хочется все это прекратить. Учителя будут приходить сюда по утрам, однако твоя гувернантка будет повсюду тебя сопровождать, следить за тобой. Одна ты больше никуда не пойдешь.

Гувернантка безрадостно улыбнулась Сите — лишь для того, чтобы продемонстрировать согласие со словами хозяйки. Девочка проигнорировала ее, силясь осознать сказанное матерью.

Сита с раннего детства знала, что именно такая судьба уготована ей родителями, однако никак не могла в это поверить; и хотя последние несколько недель мать все время упоминала о том, что они ищут Сите жениха, девочка надеялась, что это неправда, что родители используют брак лишь в качестве угрозы. Они же не могут отдать ее чужому мужчине без ее согласия, не так ли?

Но Сита ошибалась; правда отдавала зеленой рвотой, вкус которой девочка до сих пор чувствовала во рту.

Ее выдадут замуж в ближайшие несколько недель...

Сита думала, что ничего нет хуже, чем сидеть дома, не надеясь обрести свободу. Как оказалось, есть.

По крайней мере, дом родителей был тюрьмой, которую она знала. У нее под кроватью лежали истрепанные, зачитанные до дыр книги, в том числе подаренный Мэри словарь и «Ветер в ивах»¹.

Сита чувствовала себя так, словно ее вот-вот опять вывернет наизнанку, хотя внутри у нее уже не осталось ничего, кроме ощущения собственной беспомощности и растущей грызущей ее ярости. Девочка кусала язык, пока не почувствовала вкус крови. Она ненавидела своих родителей, свою гувернантку, свою жизнь. Сита изо всех сил боролась со слезами отчаяния. Она не заплачет.

Сглотнув противный, полный злости комок, девочка впервые в жизни обратилась к матери с мольбой:

— Прошу тебя, ма! Я не хочу выходить замуж.

Голос матери смягчился, стал почти ласковым.

— Это для твоего же блага, дитя. Нельзя быть такой своенравной. Своенравность навлечет на тебя беду.

— Каким образом замужество может принести мне благо? — с досадой спросила Сита.

— Тебе нужна защита мужчины, Сита...

— Мне не нужен мужчина, для того чтобы защититься, — резко сказала девочка.

Это заявление заставило гувернантку поднять бровь.

— Ты живешь дома, в тепличных условиях. Ты не представляешь, насколько жесток этот мир.

От злости на глазах у Ситы выступили жгучие слезы.

— Я живу дома, в тепличных условиях, не потому, что хочу этого, а потому, что вы силой удерживаете меня здесь. Я хочу познать мир, каким бы жестоким он ни был. Хочу увидеть то, что упустила.

¹ Сказочная повесть шотландского писателя Кеннета Грэма, изданная в 1908 г.

— Именно поэтому мы и намерены выдать тебя замуж — чтобы ты была в безопасности.

От мягкости в голосе матери не осталось и следа.

— Каким образом замужество этому поспособствует? — спросила Сита с мольбой в голосе.

Почему мать не видит, что она несчастна? Матери ведь должны чувствовать, когда их детям больно, разве нет?

Впрочем, родители никогда не обращали на Ситу внимания — кроме тех случаев, когда она привлекала его, совершив что-то, что они считали проказами. Дочь была для них обузой. Впрочем, в глубине души Сита надеялась, что родители докажут ей, что она ошибается, — начнут заботиться о ней и прислушиваться к ее словам, вместо того чтобы их игнорировать или возмущаться из-за ее поступков.

Но теперь она знала: у правды едкий вкус. Сита чувствовала жар в груди. Ее надежды и мечты имели значение лишь тогда, когда совпадали с тем, чего хотели ее родители. В их глазах она была не человеком, а лишь обязательством, которое надлежало исполнить.

— Однажды ты меня поблагодаришь, — сказала мать, отворачиваясь к двери в кухню. — Принесите мне чая и что-нибудь поесть, — властно добавила она, обращаясь к замершим в ожидании слугам, и они ринулись исполнять ее поручение.

Разговор матери с Ситой был закончен.

Сита помнила, как еще маленькой сидела у матери на коленях и смеялась вместе с ней. Девочка была не уверена, настоящее ли это воспоминание или же ее воображение просто играет с ней в игры, но иногда, глубокой ночью, когда Сита не могла уснуть, досадуя на то, как складывалась ее жизнь — если это вообще можно было назвать жизнью, — когда горючие слезы, которые она сдерживала днем, лились на подушку, она вспоминала об этом, и ей становилось легче.

Сидя на коленях матери, таких просторных и удобных, Сита ощущала аромат жасмина и крыжовникового масла, которым

мать смазывала волосы. Прикосновение матери дарило тепло и чувство безопасности; на ее лице играла снисходительная улыбка.

«Это воспоминание не может быть правдой. Когда мать в последний раз тебе улыбалась, не говоря уже о проявлении снисходительности?» — говорил Сите здравый смысл. Однако девочке все равно хотелось слышать тихий утешающий голос матери, и она вновь и вновь возвращалась к этому воспоминанию, пусть даже оно было всего лишь фантазией...

«Ты — моя принцесса», — ласково шептала мать ей на ухо.

«Я не хочу быть принцессой. Я хочу быть... королевой».

Мать заразительно рассмеялась своим грудным смехом.

Ма не смеется...

Тихо!

Успокоившись, ма сказала:

«Ты станешь тем, кем захочешь, моя умненькая малышка».

«Обещаешь?»

«Обещаю».

Пытаясь заснуть, Сита вопреки всему, что происходило в ее жизни, вновь вернулась к этому воспоминанию-фантазии, представляя, что мать держит ее на руках. И любит ее безо всяких условий. Любит, несмотря на то что Сита — не та дочь, о которой она мечтала, не кроткая, послушная и лишенная собственного мнения девочка.

Это было единственное счастливое воспоминание Ситы — если оно вообще было правдивым.

Все остальные воспоминания были о гневных спорах и ссорах. Тонкие губы отца, смотревшего сквозь нее, его ворчание о ее приданом, о том, что ему пришлось отремонтировать помещение для слуг, о сумме, которую ему пришлось заплатить при ее рождении, о деньгах, которые он тратил до сих пор.

«Ты был бы рад, если бы я исчезла!» — хотелось крикнуть Сите бесчисленное количество раз.

Однако она боялась, что отец ответит:

«Да, я хочу избавиться от такой обузы, как ты».

«Ох, Сита, зачем? Зачем ты заставила их туда поехать? Если бы не ты, они сейчас были бы живы...» — рыдала ее лучшая подруга.

«Сита, ты уже не ребенок, и скоро ты выйдешь замуж. Ты не можешь продолжать вести себя подобным образом», — говорил отвернувшийся от нее брат.

«Твой характер доведет тебя до беды, если его не обуздать», — вторила ему мать.

«Появившись на свет, ты принесла несчастье, и я до сих пор за это расплачиваюсь», — напоминал отец.

«Я убегу из дома, прежде чем родители выдадут меня замуж. *На этот раз* у меня все получится, — поклялась себе Сита, несмотря на то что ей хотелось лечь где-нибудь в уголке и заплакать навзрыд. — Я стану хозяйкой своей судьбы. И она будет счастливой. Я всем докажу, что они были неправы».

Глава 15

Мэри

Узорчатый фарфор. 1936 год

— В Индии вы знали моих родителей... — сказала Мэри.

Майор Дигби поглядел на нее поверх чашки.

— И в самом деле. Ричард был чудесным парнем.

Закрыв глаза, Мэри попыталась вызвать в памяти образы родителей. Однако, несмотря на то что с каждым днем к ней возвращались воспоминания, она не могла мысленно воспроизвести звук их голосов, а черты их лиц были размытыми.

По ее требованию тетушка вернула в библиотеку книги своего брата; Мэри водила пальцами по записям, сделанным рукой отца, по его небрежным примечаниям на полях, надеясь, что благодаря этому его образ станет ярче. Она злилась на себя за то, что прежде гнала прочь воспоминания о родителях, понимая, впрочем, что тогда, ошеломленная, убитая горем, начиная новую жизнь с незнакомыми людьми в тысячах миль от дома, она не могла иначе...

— Вы и в самом деле как две капли воды похожи на мать, — произнес майор Дигби.

«Он знал моих родителей такими, какими не знала их я. И может представить их, чего не могу я». Глаза Мэри внезапно наполнились слезами, и она заморгала, опустив взгляд на лежавшие на тарелке сэндвичи с огурцом без корочки и на чай в узорчатой фарфоровой чашке.

Повисла неловкая пауза, и дядя пришел Мэри на помощь.

— Подумываешь о том, чтобы вернуться в Индию, а, старина? — спросил он у майора.

— И в самом деле. Я, видишь ли, долго работал с монахинями. У них есть школы для осиротевших детей военнослужащих и тому подобное. — Дигби ласково улыбнулся Мэри. — Должно быть, это просто ужасно — потерять родителей в столь юном возрасте. Но вам тогда и в самом деле повезло. Нашлись люди, которые о вас позаботились. Другие не настолько удачливы.

Мэри смотрела на него, открыв рот, пока Роуз не толкнула ее ногой под столом.

Майор Дигби сказал правду, и она стала для Мэри откровением. С тех самых пор, когда к ней начали возвращаться воспоминания, девушка злилась и была расстроена, вина тетю, дядю, кузин и себя.

Ей и в голову не приходило посмотреть на случившееся со стороны.

Оглядевшись, Мэри подумала, что ей действительно очень повезло. Она сидела в оранжерее, за длинным столом, на котором сверкали отполированные столовые приборы. Слуги разносили торты, пирожные с кремом, джемовые тарталетки...

Мои родители хотели, чтобы я была больше похожа на Ситу. Чтобы брала от жизни все. Хотели, чтобы я чего-то добилась. Чтобы изменила мир.

Майор Дигби принялся за торт, а мысли Мэри, витавшие в облаках с того самого момента, когда к ней вернулись детские воспоминания, стали кристально ясными, и внезапно она четко поняла, что ей нужно делать.

Глава 16

Сита

Тронный Зал. 1927 год

Сите было скучно. Просто невероятно скучно.

Дарбару¹ не было конца. Шикарно одетых членов монаршей семьи и землевладельцев представляли королю. Главный зал дворца ослеплял роскошью. Слуги обмахивали сановников опахалами или, стараясь угодить любому капризу и раболепно кланяясь, разносили напитки и закуски.

Сита ждала этого дарбара всю неделю. Благодаря ему у нее появилась возможность вырваться на день из монотонного существования, из-под надзора гувернантки, следившей за каждым ее шагом. И какое-то время девочке действительно было тут интересно. По крайней мере, это было что-то новое. Однако теперь она скучала.

Родители исполнили обещание, данное Сите после ее неудавшегося побега: они принялись за подготовку к ее браку. Девочка же втайне готовилась к новому побегу. На этот раз она *ни в чем* не станет полагаться на волю случая. Она уже украла деньги, предназначавшиеся ей на приданое, — на следующий же день после того, как мать сказала, что Сита выйдет замуж за того, чей гороскоп совпадает с ее гороскопом; лишь тогда девочка осознала, что угрозы родителей вполне реальны. Повелитель Вишну косился на нее, пока она доставала ключ от сейфа из-за его святылища. Сита прокралась на цыпочках в кабинет отца, когда точно знала, что его нет дома, а мать и слуги, включая гувернантку, легли вздремнуть после обеда. Совершив дерзкую кражу, девочка спрятала деньги под кроватью рядом с книгами. Там они будут дожидаться момента, когда ей придет время бежать в город. Оказавшись там, Сита пойдет в школу для девочек: она слышала, что ей управляют монахини-миссионерки. Теперь осталось лишь выбрать время для побега.

¹ Празднество при дворах индийских махараджей.

Когда их пригласили во дворец, Ситу охватило любопытство и она решила отложить свой побег. Теперь она жалела об этом. Королевский дарбар не слишком отличался от пудж¹, которые родители проводили дома; тот же протокол, та же торжественность — только в гораздо больших масштабах и с кричащей роскошью.

Великолепие Тронного Зала, в котором проходил дарбар, Ситу даже угнетало. Это словосочетание — Тронный Зал — ее мать произносила таким тоном, что не оставалось сомнений: оба слова она написала бы с прописной буквы. Она едва сдерживала восторг.

Впервые войдя в помещение, Сита открыла рот от удивления. Благодаря огромным окнам с витражами все было залито радужным светом, отражавшимся от роскошных украшений сановников. Казалось, зал окутывает неземное сияние. Ситу изумил сверкающий плиточный пол, покрытый причудливыми коврами. Она с вождением смотрела на огромный королевский трон с подлокотниками в виде крыльев, изогнутой спинкой, на которой был выгравирован герб, и блестящей обивкой. Справа от королевского трона стоял еще один, почти такой же роскошный; на нем восседал чопорный британский резидент. От жары по его бледной коже струился пот. Слева от короля сидел наследный принц.

Свет многочисленных канделябров отражался от гобеленов и скульптур. Стены, расписанные в стиле барокко, роскошно украшенный сводчатый потолок, высокие гости, соперничающие друг с другом красотой нарядов, — все это увлекало Ситу примерно полчаса. Теперь же она крутилась так, что мать в конце концов ударила ее по руке.

— Не вертись! — громким шепотом увещевала она дочь.

Они находились в женском отделении, расположенном в алькове — круглом балконе с шуршащими бархатными занавесками, — прямо над Тронным Залом. В воздухе витал запах роскоши, сандалового дерева и талька. Повсюду

¹ Один из главных религиозных обрядов в индуизме.

шуршали расшитые золотом дорогие сари, тяжелые и безумно неудобные.

Перегибаясь через край балкона и глядя немного вправо, Сита могла видеть своего отца, сидевшего среди благородных родственников короля, сразу за английскими аристократами и правителями других королевств, приехавшими выразить свое почтение.

Выпрямив спину, отец Ситы с чопорным видом восседал в своем кресле, а его усы, которыми он чрезвычайно гордился и которые каждый день смазывал маслом, покачивались каждый раз, когда слуги взмахивали опахалами. Тело отца было неподвижным.

Когда Сита была маленькой, она с восторгом смотрела, как слуга смазывает и накручивает отцу усы, пока они не начнут блестеть.

«Я могу вам помочь?» — спросила однажды Сита.

«Что *ты* здесь делаешь?!» — заорал отец, вздрогнув.

Слуга поскользнулся, и масло пролилось отцу на щеки, придав блеск его разъяренному лицу.

Сита улыбнулась.

«По-твоему, это смешно?!» — проревел отец.

Сита со всех ног бросилась прочь и потом долго плакала на руках у айи. Успокоить девочку смог только фирменный пудинг поварихи — молочный, с огромными изюминами.

В самом центре зала плясуны извивались в танце под аккомпанемент музыкантов, однако почти никто не обращал на них внимания; причудливое сочетание звуков, издаваемых фисгармониями, винами, таблами, ситарами и сантурами, сливавшееся с перезвоном браслетов на руках и ногах танцовщиц, служило лишь фоном для главного события — благословения короля.

Другие юные девочки сидели рядом с Ситой тихо и застенчиво; их руки были сложены на коленях, а прически выглядели безупречно.

Волосы Ситы уже успели растрепаться. Новое, купленное специально для этого случая багрово-золотое сари сбилось набок, а аккуратно уложенные в косу волосы падали на лоб жирными пучками, пахшими втертым в них маслом амлы.

От надетых по настоянию матери украшений у Ситы чесалось все тело. К счастью, присутствовавшие в женском отделе служанки то и дело взмахивали большими опахалами, на которых были искусно нарисованы сцены божественных битв; впрочем, они делали это недостаточно часто для того, чтобы создать ощущение комфорта. Сита чувствовала, что пудра, которую ей опять нанесли на лицо вопреки ее воле и по настоянию матери, стекала вместе с потом.

Девочка сосчитала надетые на присутствовавших короны и мысленно присудила приз за лучший королевский наряд — его получил принц, сидевший рядом с отцом.

«Может ли принц получить приз за лучший *королевский* наряд?» — спросил бы Кишан, если бы они играли, как делали это раньше, до того как он уехал в школу и все изменилось.

Сита закрыла глаза, стараясь выбросить из головы мысли о брате и его предательстве. Усевшись поудобнее, она вдохнула запах духов, самомнения, пота и праздника. Остальные девочки, даже самые маленькие, сидели неподвижно; их волосы были украшены жасмином, а на запястьях блестели золотые браслеты. Эти девочки выглядели чинными, восторженными и послушными.

— Немедленно прекрати!

Сите на бедро легла тяжелая влажная рука матери. Девочка сама не заметила, что начала покачивать коленями. Лучшее сари матери промокло под мышками от пота, и напоминавшая летний закат мерцающая персиковая ткань стала темно-оранжевой. Лицо женщины блестело от пота. Похоже, ей было так же некомфортно, как и ее дочери. Должно быть, матери сейчас хотелось оказаться в хорошо проветриваемой столовой, где она попивала бы чай с имбирем и кардамоном, закусывая пакорой и следя своими глазами-бусинками за служанками, одна из которых массирует ей ноги.

— Ма, мне нехорошо.

Взгляд матери был пронзительным, словно она хотела заглянуть в заблудшую душу Ситы. Она знала, что у ее дочери талант притворяться больной — талант, которому Кишан очень завидовал в те времена, когда они с сестрой были союзниками.

— Найди уборную и, раз уж ты все равно туда пойдешь, умой лицо: у тебя потекла пудра, — а затем немедленно возвращайся, — сказала мать хриплым лающим шепотом. — И не вздумай задерживаться!

Сите не нужно было говорить дважды. Сегодня с ней не было гувернантки — приглашения получили лишь члены их семьи, — так что впервые со дня своего неудавшегося побега она наконец-то сможет побыть одна, не ощущая на себе пристального взгляда гувернантки и не слыша ее тяжелой поступи. Сита наслаждалась свободой. Ее книги — те, что ей удалось стащить у Кишана, и пара томиков, подаренных Мэри, — пылились под кроватью рядом с деньгами, ее приданым, украденным из сейфа в отцовском кабинете. Сита могла отдохнуть от общества гувернантки лишь в послеобеденные часы, когда та отправлялась вздремнуть, полагая, что Сита поступает так же. Но часа было слишком мало для чтения; к тому же всегда оставался риск, что гувернантка захочет проверить, как там ее подопечная, а по ночам девочка не зажигала свечу, боясь, что кто-нибудь увидит в ее комнате свет и обнаружит тайник.

Сита бесшумно спустилась по устланной ковром лестнице и, обходя суетящихся слуг и беседующих друг с другом сановников, выскользнула из Тронного Зала в коридор. Здесь великолепный плиточный пол тоже был устлан коврами, а богато украшенный сводчатый потолок поддерживали причудливые колонны. Коридор был шире самой большой из комнат в доме Ситы и казался бесконечным. Девочка, которая столько лет провела в заточении, наконец-то почувствовала себя свободной.

Легко ступая, она переходила из одной роскошной комнаты в другую. Казалось, им нет числа. Комнаты соединялись бесчисленными дворцовыми коридорами, устланными богатыми коврами. А ведь это был лишь нижний этаж. Великолепные

винтовые лестницы вели наверх, однако у Ситы не было времени исследовать тут каждый уголок, как бы ей этого ни хотелось. Скоро мать пошлет на ее поиски одну из разносивших цукаты и шербет служанок.

Как хорошо быть королем — человеком, которому все подчиняются, который устанавливает правила и указывает, что и как должно быть сделано!

Дворец был настоящей сокровищницей чудес. Войдя в одну из комнат, Сита раскрыла рот от изумления и отступила на несколько шагов. Обнажив клыки, на нее глядел тигр. Рядом с ним приготовился к прыжку лев — во всяком случае, девочке казалось, что он вот-вот бросится на нее. На мгновение сердце Ситы замерло, и лишь затем она осознала, что это всего лишь чучела. На стенах висели шкуры и головы других животных — бизонов, оленей, леопардов, а также зверей, названий которых она не знала. Они смотрели на девочку холодными стеклянными глазами.

Некоторые комнаты были украшены портретами мрачного вида людей в пышных нарядах и коронах; другие помещения, на окнах которых висели шелковые портьеры, были обставлены роскошной мебелью, предметами старины, замысловатыми резными сундуками и зеркалами в рамах из нефрита, слоновой кости и кварца, явно привезенными из разных концов мира. Стены были украшены гобеленами; на каждом из них была изображена целая история. Мечи и щиты. Пальмы и папоротники. Драгоценные ширмы, отделанные жемчугом и изумрудами. Витражи, заливавшие ковры радужным светом. Покрывала с затейливыми орнаментами. Всевозможные троны. Подоконники с бархатными подушками. Мраморные фонтаны прямо посреди комнат, выполненные в виде русалок и животных, усыпанных драгоценными камнями. Бившая из них вода, искрившаяся в свете арочных окон. Потолки, представлявшие собой прекрасные и причудливые картины.

С другого конца комнаты до Ситы донесся мягкий шепот воды, отличный от шума фонтанов — мягкий и непрерывный. Пройдя через комнату и осторожно толкнув тяжелую резную

дверь, девочка оказалась в поистине волшебном внутреннем дворике, окружавшем лазурный бассейн. Это было убежище тишины прямо посреди дворца. Вода в бассейне сияла в золотых лучах солнца. Вокруг возвышались великолепные стены дворца. Во внутреннем дворике посреди пальм и папоротников стояли столы, стулья, диваны и шезлонги. Там были даже птицы: попугаи, скворцы и пара фазанов. Все они издавали какие-то звуки. В центре бассейна располагалось маленькое святилище Повелителя Вишну.

Сита сбросила специально купленные под цвет сари сандалии, которые уже успели запылиться и развязаться, и, сев на краю бассейна, опустила ноги в прохладную воду. Ей хотелось бы остаться здесь навсегда, но она осознавала, что время идет и мать в любую минуту может послать служанок на ее поиски.

«Если бы я была королем, — подумала Сита, ложась на спину, — я проводила бы здесь все свое время».

Понимая, что, лежа под ярко-голубым небом, она может и уснуть, девочка неохотно села и, вновь надев сандалии, пересекла внутренний двор и наугад открыла еще одну дверь. Сита хотела торопливо исследовать другие помещения, чтобы убедиться, нет ли где-нибудь еще такого же тайного дворика. Мебель в комнатах, через которые она проходила, была такой дорогой и роскошной, что Сита боялась на нее садиться. Повсюду стояли декоративные горшки с кустарниками и причудливые, отделанные драгоценными камнями лампы. Диваны и кресла, письменные столы и стеклянные шкафы со всевозможными сокровищами...

Сита считала свой дом большим и богатым, но этот... Это был совершенно другой уровень роскоши.

Она решила запомнить все как следует, чтобы потом, когда ей станет скучно, возвращаться к этим воспоминаниям. Ее жизнь была бесцветной: ни приключений, ни веселья. Однако сегодня Сита могла притворяться, будто дворец — это ее дом и она владеет всем, что в нем находится. Она могла делать все, что ей хотелось, поскольку была правительницей и ее слово было законом.

Как бы это было чудесно! Я бы не стала ни перед кем отчитываться. Даже мои родители, которые ведут себя так, будто меня вообще не существует (кроме тех случаев, когда я делаю что-то такое, что им не нравится), были бы вынуждены мне подчиняться. Ха!

Сита хихикнула, и ее смех эхом отразился от стен комнаты со сверкающим полом, выполненным в виде шахматной доски. Танцевальный зал? Зал для приемов?

Толкнув дверь в следующую комнату, Сита открыла рот от восторга: помещение от пола до потолка было заполнено книгами. Кресла, древовидные папоротники, письменные столы — и книги. Книги были повсюду.

Сите не хотелось выходить оттуда, однако она не могла забыть о том, что время идет. Столько знаний — и они совершенно ей недоступны. Это было настоящей пыткой. Что, если украсть одну из книг? Соблазн был просто невероятным. Кто хватится одной книги? Но, с другой стороны, куда ее спрятать? Сунуть книгу под юбку не удастся: ее сари и так уже сбилось набок.

И какое наказание предусмотрено за кражу королевской собственности?

Девочка коснулась одной из книг — и в тот самый миг в полутемной комнате, наполненной головокружительным ароматом чернил и знаний, послышался какой-то звук.

Сита вздрогнула. Неужели она попалась? Девочка осторожно вышла в коридор и прислушалась.

Звук доносился из-за двери слева от нее. Он был отдаленным, но отчетливым. Похожим на писк, но не совсем. Птица? Нет, этот звук был слишком громким. Теперь он напоминал тихое рычание. А это что? Мурлыканье? Зверинец. Совсем рядом.

Сите всегда хотелось иметь домашнее животное. Хотелось научиться ездить верхом, хотя, разумеется, девочке это не пристало.

«Но британские принцессы и дворянки ездят верхом!» — возражала она матери.

Губы у той сжимались так крепко, что рот превращался в узкую щелочку, а выражение лица становилось угрожающим.

«Ты не британка, — отвечала мать. — Никто не захочет жениться на девчонке-сорванце, которая скачет верхом на лошади».

«Почему все, что я делаю, должно нравиться мужчине? Почему для разнообразия я не могу сделать что-то для себя?»

«О Повелитель Вишну, почему у меня не родилась послушная девочка?»

Странный звук послышался вновь. Что это за животное? Возможно, какая-то экзотическая птица? А рычание и мурлыканье? Собаки? Кошки?

Продолжая гадать, Сита толкнула изысканную, отделанную золотом дверь, которую украшали резные изображения богов. Она оказалась неожиданно тяжелой.

Девочка ступила за порог. Она вдыхала запах специй, земли, солнца, свободы, травы, великолепия, сладостей и праздника. Сита вышла из дворца через одну из боковых дверей, расположенную справа от главного входа. По подъездной дороге продолжали прибывать автомобили и кареты; из них выходили пышно разодетые люди и поднимались по мраморным ступеням главной лестницы. Расположившийся у входа оркестр играл королевский гимн. Сита задумалась, были ли это те же музыканты, что встречали ее родителей и ее саму. И если это так, то неужели они не устали? Некоторые слуги подносили прибывающим прохладительные напитки и закуски, в то время как другие провожали знатных гостей внутрь.

Однако внимание Ситы они привлекли ненадолго. Дверь, из которой она вышла, вела на обширную территорию позади дворца, тянувшуюся сколько хватало глаз. Газоны и фонтаны, эстрады и экзотические сады на любой вкус, теннисные корты и бассейны, украшенные лотосами, фонтанами поменьше и святилищами, расположенными посередине.

В саду свободно бродили павлины. С ветки на ветку перелетали попугаи и другие яркие птицы. Крикливые обезьяны прыгали по ветвям деревьев и даже смело бродили стайками по казавшимся бесконечными газонам, рядом с которыми

мужчины выгуливали на поводках грациозных пятнистых животных. Сита моргнула. Гепарды!

Какое-то время девочка глядела на все это с благоговением, а затем побежала прямо к гепардам. При ее приближении один из этих красивых зверей открыл пасть и издал тот самый странный звук. Сидевшие на деревьях птицы взлетели ввысь, а обезьяны метнулись прочь. Где-то возмущенно залаяли собаки.

Остановившись рядом с животными, Сита почувствовала, что в воздухе пахнет приключениями и восторгом. Ее сари еще сильнее сбилось набок, а коса полностью расплелась. Но Сите было все равно. Ее внимание было полностью поглощено гибкими изящными животными, которые излучали едва сдерживаемую энергию.

Одетые в ливреи слуги, выгуливавшие гепардов, с любопытством посмотрели на девочку, когда она, сумев наконец сделать вдох, спросила:

— Можно мне потрогать одного из них?

Один из слуг уже открыл рот, чтобы ей ответить, однако, прежде чем он успел это сделать, за спиной у Ситы послышался властный молодой голос:

— Нет, нельзя.

Обернувшись, она увидела юношу. Он скрестил руки на груди и, презрительно скривив губы, смотрел на нее. Как и она сама, юноша был роскошно одет; его драгоценности сверкали в солнечных лучах. Впрочем, в отличие от одежды Ситы, его наряд не сбился набок, а сидел безукоризненно.

— Кто ты такой, чтобы указывать мне, что делать? — спросила девочка, уперев руки в бока и широко расставив ноги, — поза, которую она всегда принимала, споря со своей гувернанткой.

Сита была по горло сыта тем, что взрослые постоянно диктуют ей, как нужно поступить. Она не станет выполнять приказы еще и этого странного юноши.

Девочка увидела, как выгуливавшие гепардов слуги в ужасе отшатнулись. При появлении юноши они вытянулись в струнку,

словно он был важной шишкой. Что ж, пускай. По правде говоря, Сите было все равно. Ей уже надоело жить с чувством, что мальчишки превосходят ее лишь потому, что они мальчишки.

— Я принц, — ответил юноша. — И могу отправить тебя в тюрьму за твою дерзость.

— Ха! — усмехнулась Сита. — Сегодня здесь сотня принцев. А если ты принц *этого* королевства, то должен находиться во дворце со своим отцом. Вот только я *знаю*, что ты не он. Я видела принца, и он на тебя совершенно не похож.

«Я присудила ему приз за лучший королевский наряд», — едва не добавила она, однако промолчала. Его это не касалось.

— Ты просто нахалка. Чья ты дочь? Я скажу своему отцу, чтобы он запретил тебе и твоим родителям появляться при дворе.

— Ха, значит у тебя самого нет никакой власти. Ты только басни рассказывать можешь.

Лицо юноши стало таким же красным, как рубины на ожерелье, украшавшем его шею.

— Да как ты смеешь?! Знаешь, я могу спустить на тебя этих гепардов. Мои люди сделают так, как я скажу.

Сита улыбнулась и выпрямилась во весь рост, который, впрочем, нельзя было назвать высоким; да и в сбившемся сари, запыленных сандалиях и с растрепанными волосами она выглядела не очень внушительно.

— Ну давай, чего медлишь? — сказала Сита, уверенная в том, что этот мальчишка всего лишь хвастунишка-пустозвон.

— Спустите гепардов! — рявкнул юноша, обращаясь к слугам, которые взволнованно прислушивались к перепалке, глядя то на него, то на Ситу.

Слуги заколебались.

Впервые за время этого разговора спина Ситы похолодела от страха.

— Чего вы ждете? — вновь рявкнул юноша. — Спустите...

— Если ты — принц, то кто же тот молодой человек, сидящий рядом с королем? — спросила Сита у мальчишки, который глядел на слуг, удерживавших гепардов, с отвращением и яростью.

— Мой брат-близнец, родившийся на минуту раньше меня, из-за чего он станет королем, а я — нет.

В голосе мальчишки послышались досада и злость.

Сита поняла, что влипла в неприятности. Если ей каким-то образом удастся выпутаться из этой ситуации целой и невредимой, каковы будут последствия того, что она натворила? Попадут ли ее близкие в черный список из-за ее неуважительного отношения к принцу? Или, возможно, их ожидает кое-что похуже?

«Но даже если так, что из этого? — подумала Сита, и ее страх вновь сменился самоуверенностью. — Через несколько дней я убегу. Какая мне разница?»

— Думаешь, спустить гепардов — это хорошая идея? Особенно когда твой отец проводит дарбар? — спокойно произнесла она.

Родители хотели выдать ее замуж за кого-то вроде этого юноши, за самодовольного глупца без капли здравого смысла, которому она должна будет подчиняться всю свою жизнь — лишь потому, что он мужчина, — даже если он будет нести полную околесицу.

— Как ты смеешь оспаривать мои действия? — взорвался принц. — Кто ты вообще такая, маленькая нахалка?

Его слова привели Ситу в ярость. Ее охватил праведный гнев.

— Мой отец — кузен твоего отца! — крикнула она. — А если ты спустишь гепардов, они устроят беспорядок среди гостей, все разгромят и испортят королевский дарбар. Ты этого хочешь, ты...

К счастью, прежде чем она успела сказать что-то еще, что превратило бы ее из нахалки в государственную изменницу, ее прервал еще один голос. Он был мягким, и его владелец явно наслаждался происходящим.

— Она, знаешь ли, права, мой младший брат.

Спорщики развернулись, подобно двум вихрям. Сите улыбнулся принц, выигравший приз за лучший королевский наряд.

— Твои слова разумны, девочка.

В кои-то веки кто-то отнесся к ее словам с уважением, а не отмахнулся от них! И этим «кем-то» был сам принц!

— Как тебя зовут?

— Сита.

— Думаю, что, пока я шел сюда, я слышал, как тебя кто-то звал. — Он повернулся к брату. — Наш отец желает немедленно видеть тебя в Тронном Зале.

— А почему он послал *тебя*? — нахмурился угрожавший Сите принц. — Он что, не мог отправить за мной кого-нибудь из слуг?

— Они уже полчаса пытаются тебя разыскать! Так что я в конце концов решил помочь им, пока кого-нибудь из них не уволили. Я знал, что найду тебя здесь. К тому же я хотел подышать свежим воздухом: в помещении просто невыносимая духота.

— И не говори, — брякнула Сита, забыв, с кем разговаривает.

Однако принц в красивом наряде лишь от души рассмеялся. Его брат засопел и, сердито взглянув на Ситу, удалился, бросив напоследок:

— Я скажу о тебе своему отцу.

— Не волнуйся. Мой брат всего лишь пустозвон. Хотя тебе не стоило его злить. Он очень вспыльчив. И злопамятен. Боюсь, ты обзавелась врагом.

Принц в красивом наряде взглянул на Ситу, и его глаза блеснули.

«А мне-то какая разница? — подумала девочка. — Я убегу из города еще до того, как он успеет хоть что-нибудь сделать».

— Я тоже очень вспыльчива. И выпуталась бы из этой истории и без твоего вмешательства. Со мной случались и худшие передраги. Но все равно спасибо.

Принц смеялся громко и долго, пока у него на глазах не выступили слезы. Его смех был сердечным и заразительным, совсем не таким, какого можно было ожидать от сына короля.

Сите непривычно было видеть, что ее прямо к кому-то нравится. Обычно это оскорбляло людей.

Гепарды натянули поводки.

— Я всего лишь хотела прикоснуться к одному из них, — произнесла девочка, глядя на животных, и в ее голосе прозвучала тоска.

— Так прикоснись.

Не дожидаясь, пока принц изменит свое решение, Сита осторожно погладила ближайшего гепарда по спине. Его шкура была мягкой и пушистой, однако девочка почувствовала силу, таившуюся в скрытых под ней мышцах.

— Мы берем их на охоту. Они бегают быстрее ветра. Это красивое зрелище. — Помолчав, принц добавил: — Лучше мне вернуться во дворец. И тебе следует поступить так же, иначе тебе попадет от матери: думаю, это она тебя звала. А еще — от моего отца.

Сита взглянула на принца.

— Значит, твой брат исполнит свою угрозу?

— Тебя это тревожит? — Принц поднял бровь. — Я думал, ты умеешь выпутываться из передряг.

— Ха! Ты хочешь, чтобы я умоляла тебя на коленях?

Принц вновь рассмеялся.

— Я никогда не встречал таких, как ты. Общение с тобой освежает.

— Меня называли как угодно, только не освежающей. Теперь я чувствую себя напитком — лаймовым шербетом.

Принц опять хохотнул.

Сита никогда не говорила так долго, легко и непринужденно с юношей. Ей это нравилось, и ему, судя по всему, тоже.

— Ты не ведешь себя как принц.

— А как ведут себя принцы?

— Ты не раздуваешься от чувства собственной важности.

И вновь юноша разразился смехом.

— Думаю, я никогда еще столько не смеялся. Ты просто чудо, Сита.

— Сначала я освежаю, теперь я чудо. Умеешь ты делать комплименты.

Он хохотал, пока на его глазах опять не выступили слезы. Животные забеспокоились.

— Ты достаточно насладилась обществом гепардов? — спросил принц, успокоившись.

Сита кивнула, удивленная и польщенная тем, что ее чувства имели для него значение. В этом юноше не было и намек на напыщенность, которой Сита ожидала от принца. Он был вежливым, внимательным, и, что самое важное, его совсем не раздражали ее слова. Ей очень не хватало человека, с которым она могла бы беседовать так же непринужденно, как с Мэри (хоть Сита и представить себе не могла, что этим «кем-то» может оказаться принц). Впервые с тех пор, как она рассталась с подругой, Сита почувствовала себя свободной.

— Уведите их, — сказал принц слугам.

Словно замороженная, девочка смотрела, как звери удаляются.

Однажды у меня будет гепард. И даже не один, а несколько.

— Сита! — донес до нее ветер сердитый голос матери — вместе с запахом жареного теста, топленого масла и сахара.

— Прощай. Приятно было познакомиться, принц... — то-ропливо сказала Сита, заметив вдалеке силуэт женщины, высматривавшей свою дочь-беглянку.

Как же его зовут? Девочка была уверена, что мать, читая приглашение, упоминала имя принца. Сита, как обычно, слушала ее невнимательно. В противном случае она знала бы о его брате-близнеце и не попала бы впросак.

— Кстати, пока я не ушла, — произнесла она, подбирая край своего сари, — ты победил в конкурсе на лучший королевский наряд, хотя над прической тебе еще нужно поработать.

Девочка указала на упавшую на лоб челку.

Принц усмехнулся и попытался ее поправить.

— Что еще за конкурс?

Сита кивнула в сторону дворца.

— Мне там было ужасно скучно — не представляю, как ты это выдержишь, — и я придумала конкурс на лучший королевский наряд. Ты победил, хоть ты и принц, а не король.

— У меня хорошие советчики в том, что касается гардероба, — ухмыльнулся юноша.

— Не забудь их поблагодарить! — крикнула Сита и побежала в сторону дворца, где ее ждала мать.

Девочка готовилась выслушать очередную порцию упреков. Вслед за ней несся смех принца, мелодичный и полный веселья. Ему вторило пение птиц и крики обезьян, прыгавших с ветки на ветку и носившихся по траве.

Глава 17

Мэри

Вспоминая. 1936 год

— То есть как «в Индию»?

Тетушка и дядюшка, в равной мере ошеломленные, смотрели на Мэри. Обычное безразличие дяди и хладнокровие тети сменились шоком.

Девушка решила поговорить со своими опекунами в библиотеке, в окружении книг своего отца, вернувшихся на свое законное место на полках.

Мэри сделала глубокий вдох. Думая о своем прошлом, она вновь и вновь задавалась вопросом, правильное ли решение приняли ее опекуны. У них были добрые намерения, но все же они позволили ей полностью подавить свои воспоминания и поверить в ложь. Осознание этого факта придало Мэри храбрости, необходимой для того, чтобы прямо сказать своим родственникам о том, что она хотела сделать; раньше она ни за что бы не осмелилась поступить подобным образом, а лишь покорно согласилась бы с решением, принятым за нее другими.

— Я чувствую, что должна это...

— Мэри, мы проявляли понимание и терпение. Ты была больна...

— Я не была *больна!* — возмутилась девушка. — Я вспоминала...

— Мы даже пригласили майора Дигби, чтобы ты могла расспросить его о своих родителях. Но весь этот вздор с поездкой в Индию...

Мэри вновь глубоко вдохнула и, закусив нижнюю губу, ждала, пока не пройдет желание расплакаться от злости и досады. Она должна сохранять спокойствие. Для того чтобы ее план удался, ей необходимо получить одобрение тети и дяди.

— ...да еще и теперь, когда через несколько недель ты должна предстать перед королем, — сказала тетушка.

Дебют Мэри при дворе, ее первый сезон, планы на будущее...

Но кому принадлежали эти планы? Стать дебютанткой, выбрать подходящего жениха из составленного тетушкой списка, выйти замуж и вести собственное хозяйство. Чьи амбиции она удовлетворяла? Свои? Или опекунов?

Вспоминая свое детство в Индии, Мэри чувствовала себя растерянной и уязвимой. Она не могла никому доверять, особенно самой себе. Мэри думала, что *это* и была ее жизнь, ничего другого она не знала. Но теперь ей было известно, что когда-то она жила в другой стране и могла бы быть там и сейчас, если бы ее родители не погибли. А еще — что ее мама и папа хотели для нее другой судьбы. Хотели, чтобы она была свободной. И планы тетушки относительно ее будущего — планы, которые Мэри принимала всем сердцем, желая, чтобы они осуществились, — они сочли бы чем-то совершенно не подходящим для нее.

Возможно, именно поэтому воспоминания вернулись к ней именно сейчас — чтобы не дать ей совершить ошибку.

Но... Бал дебютанток и будущее, которое последовало бы за ним, не казались Мэри ошибкой. Девушка по-прежнему хотела надеть струящееся платье из белого шифона с кружевами, фасон которого она так тщательно и восторженно выбирала, и сделать безупречный реверанс, представ перед королем. Мэри хотелось, чтобы ею восхищались, чтобы за ней ухаживали. Хотелось посещать балы и вечеринки и выбирать из ухаживающих за ней кавалеров наиболее подходящего.

И все же другая ее часть, напомнившая о себе после того, как вернулись воспоминания о родителях (о матери, которой было все равно, во что она одета, и которая постоянно ходила босой и растрепанной, и об отце, который хотел видеть Мэри свободной от ограничений), стыдилась приземленности ее мечтаний.

Принимая то, чего для нее хотели ее опекуны, — то, чего, как Мэри была уверена до недавнего времени, хотела она сама, — девушка ставила крест на будущем, о котором мечтали ее родители.

Посещать балы и делать то, чего от нее ожидали в доме тетушки, было очень легко. Мэри и вправду хотелось сделать этот выбор. И это заставило ее задуматься.

Действительно ли она хотела такого будущего или же просто соглашалась с родственниками?

Чего она желала на самом деле?

Мэри не знала этого. Точнее, она думала, что знает, пока несколько дней назад ее жизнь не перевернулась с ног на голову.

Кто она?

Мэри хотелось это выяснить. И единственным способом сделать это было вновь отыскать ту девочку, которой она была когда-то, примириться с ней, посетить страну, где она родилась, узнать, действительно ли ее родители были такими, какими она их вспоминала, в некотором смысле вернув их к жизни, даже если ради этого пришлось бы отложить дебют при дворе, которого Мэри так ждала.

Она была убеждена, что ее родители хотели бы этого.

Этот выбор был единственно правильным...

— *Я уезжаю.* Я буду работать в школе, которой управляют монахини.

— *Работать?!* — взвизгнула тетушка.

— Благодаря этому я смогу оплатить свое путешествие. Вы и так уже сделали для меня очень много: дали мне крышу над головой, приняли в свою семью, и я очень вам благодарна...

А еще вы солгали, скрыв от меня правду.

— Ты не поедешь в Индию. Ты еще очень молода и не замужем, — сказал дядя.

— Дело не в деньгах... — вторила ему тетя.

Дядя откашлялся.

— Разумеется, тебе известно, что твой отец... эм... твои дедушка с бабушкой... — Он сделал паузу, глядя на их портреты, висевшие напротив стола, за которым он сидел. Мэри

видела, что ему тяжело говорить о том, о чем не принято было упоминать. — Они отвергли твоего отца, потому что не одобряли жену, которую он выбрал.

Не такую жену выбрал себе сам дядюшка. Он происходил из хорошей, но бедной семьи. Женившись на тете, он получил дом, который должен был принадлежать ее отцу. Мэри не винила за это ни его, ни тетушку. В Индии ее отец был счастлив. Однако она винила их за то, что они позволили ей полностью забыть свое детство, родителей и жизнь до приезда в Англию.

Этой ночью Мэри вновь приснилась Индия. Эта страна снилась ей каждую ночь с тех пор, как к ней вернулись воспоминания. Мэри видела своих родителей, Ситу и Амина, реку, подвесной мостик, водонапорную башню, и этот сон был настолько реалистичным, что утром она проснулась в поту от влажной жары, ощущая на губах вкус специй и пыли, чувствуя аромат жасмина и талька, неизменно сопровождавший ее мать, и запах табака и лайма, который исходил от отца.

Мэри проснулась, охваченная тоской и болью, ностальгией и печалью, ощущая пряный розовато-лиловый аромат потери.

Майор Дигби знал ее родителей такими, какими никогда не знала их она. Знал ребенка, которым она была когда-то. Рассказывая о Ричарде и Пегги Бригам, старик ненадолго их оживил.

Мэри хотела отправиться в Индию, чтобы своими глазами увидеть страну, которая являлась ей во снах. Хотела встретиться с людьми, знавшими ее родителей в те годы, когда она была маленькой, и, сопоставив их рассказы с собственными воспоминаниями, воссоздать картину своего детства.

И в то же время девушке хотелось, чтобы все было так, как раньше; хотелось упражняться в реверансах, чтобы предстать при дворе вместе с кузинами. Мэри ожидала сезона вечеринок и балов, музыкальных вечеров и маскарадов. Она готовилась к ним весь год.

Но единственным способом оправдать свою жизнь здесь, которой Мэри хотела еще недавно и в глубине души желала до сих пор, было отправиться в Индию.

Если после стольких лет отрицания своего прошлого она примет его, возможно, чувство вины, терзавшее девушку с тех пор, как к ней вернулись воспоминания, чувство вины, которое она испытывала не только потому, что забыла своих родителей, но и потому, что вела образ жизни, который они презирали, в доме, из которого ее отец был изгнан, да еще и наслаждалась им, перестанет быть таким сильным. Тогда она сможет вернуться в Англию и жить так, как планировала, и при этом не будет чувствовать себя так, будто предает своих родителей.

Как же облечь эти мысли в слова, чтобы тетя и дядя ее поняли?

Они заботились о Мэри, как только могли. Тетушка была холодной, сдержанной женщиной, для которой приличия стояли на первом месте. Мэри подозревала, что она приняла ее в первую очередь именно поэтому — опасаясь пересудов, которые возникли бы, если бы она отказалась признать осиротевшую дочь своего брата. Тетя относилась к Мэри так же, как и к собственным дочерям, — сдержанно и отчужденно. Однако теперь, когда тетушка, ужаснувшись словам племянницы, глядела на Мэри, от ее сдержанности не осталось и следа. Выпятив подбородок, она не сводила с девушки глаз, и та внешне поняла, насколько тетя похожа на ее отца.

А возможно, она всегда подсознательно это понимала. Возможно, это было одной из причин, по которым Мэри полюбила эту сухую и холодную женщину.

— Хоть дедушка с бабушкой и отвергли твоего отца, они отложили для него значительную сумму денег. Мы думали, что она могла бы стать твоим приданым...

Дядюшка ослабил галстук. Ему было явно некомфортно говорить о деньгах и об отце Мэри.

— Твой дядя хочет сказать, — добавила тетя, вновь обретая привычную невозмутимость, — что ты не должна чувствовать себя так, будто чем-то нам обязана. У тебя есть собственные средства к существованию.

Мэри ошеломленно глядела на своих опекунов, пытаясь осмыслить сказанное. Она от них не зависит. У нее есть

собственные деньги, на которые она сможет в любой момент отправиться в Индию.

— Но Мэри, — решительным тоном добавила тетушка, — мы с твоим дядюшкой хотели бы, чтобы ты, как и твои кузины, дебютировала при дворе, как и было запланировано, и удачно вышла замуж. Потому об Индии больше ни слова.

Уверенность тетушки в том, что племянница подчинится ее воле, разозлила Мэри, хотя, по правде говоря, прежде она действительно поступила бы так.

«Я больше никогда не буду делать все, что мне говорят», — подумала Мэри.

— Я *пойду* в Индию, тетушка, — сказала она вслух тихо, но решительно.

Тетушка с дядюшкой обменялись взглядами; в ожидании их ответа Мэри оглядела библиотеку, в которой теперь хранились книги ее отца. С того момента, как тетушка приказала вернуть их на место, Мэри успела прочесть эти книги и теперь чувствовала себя так, словно прошла по стопам отца, узнавая мальчишку, которым он был, и мужчину, которым он стал. Выбор книг может многое сказать о человеке. Изучив спрятанные в книгах карты, девушка поняла, что Индия интересовала отца задолго до того, как он решил туда отправиться.

Возможно, именно на этом месте стоял ее папа, сообщая своим родителям о том, что влюбился в Пегги — девушку, за любовь к которой родители его отвергли. Возможно, именно за этим внушительным письменным столом сидел его собственный отец, а мать, положив руки мужу на плечи, стояла сзади. Мэри казалось, что она видит их мрачные лица.

Девушка пыталась представить и сиявшее любовью лицо своего отца, говорившего родителям: «Я встретил девушку...»

Боялся ли он? Смирился ли с тем, чего ему будет стоить эта любовь? А возможно, в его глазах, напротив, был вызов? Или надежда? Надежда на то, что родители удивят его, отказавшись от непреклонности и предпочтя сына общепринятым правилам?

Что он ощутил, когда понял, что надеялся напрасно? Вышел ли в ярости прочь, узнав, что его изгоняют? Или молил родителей одуматься? Пытался ли он заставить их взглянуть на все его глазами? «Если бы вы дали ей шанс, то, уверен, полюбили бы ее так же, как и я».

Разозлило ли это его родителей еще сильнее?

Сколько вопросов! Как же мало она знала об отце и матери! Именно поэтому Мэри и хотела отправиться в Индию — чтобы узнать их хоть немного лучше.

— Мэри? — раздался голос тетушки. Он звучал непривычно громко. — Это все из-за майора Дигби?

За дверью послышался вздох. Мэри знала, что кухни внимательно прислушиваются к тому, что говорят в библиотеке. Когда она выразила желание поговорить с их родителями, девушек охватило любопытство и они постарались выпытать у нее хоть что-нибудь, впрочем, безуспешно.

«Если у меня все получится, скоро вы сами обо всем узнаете», — отвечала им Мэри.

«Зачем скрытничать, Мэри? — разочарованно вздыхали кухни. — Мы рассказываем тебе обо *всем*. Знаешь, делиться — это приятно».

Это было правдой. Несдержанность кузин могла соперничать лишь с ее собственной замкнутостью. Много лет Мэри пыталась выбраться из скорлупы и стать больше похожей на них. Однако теперь она понимала, что не сможет быть открытой, закрываясь от собственного прошлого.

Мэри представляла, как ее кухни толкают друг друга локтями, прислоняя ухо к закрытой двери библиотеки, чтобы подслушать разговор Мэри с тетей и дядей, а спешащие по своим делам слуги смотрят на них — кто с любопытством, кто со снисходительностью.

Когда майор Дигби уходил от них, после того как нанес визит во второй раз (во время которого Мэри осознала, что нужно сделать), девушка последовала за ним.

Она увидела, что майор остановился, и у нее чуть не сдали нервы. Однако затем Мэри вспомнила его слова: «Вам тогда и в самом деле повезло. Нашлись люди, которые о вас позаботились. Другие не настолько удачливы».

— Майор Дигби, — позвала она.

Старик развернулся.

— Да? — сказал он, прищурившись.

— Я смогу... Если я поеду в Индию, я смогу там работать? Мне хотелось бы работать там, где жили мои родители... где мы жили. Или где-нибудь поблизости. Вы сказали, что работали с монахинями. Там где-нибудь есть монахини?

Майор задумчиво погладил бороду.

— И в самом деле... Я вам напишу.

Старик сдержал свое слово.

Моя дорогая, — говорилось в его письме, — я отправил монахиням письмо, в котором спрашивал, есть ли у них вакансия в одном из сиротских приютов или в какой-нибудь миссионерской школе неподалеку от того места, где вы провели свое детство. Как оказалось, в королевстве Хавальдар у них есть школа для девочек, которая находится под патронатом короля. И случилось так, что им нужна помощь. Если вас это заинтересует, напишите им. Я сделаю то же самое. К письму прилагаю адрес школы...

Читая письмо, Мэри, несмотря на охватившую ее дрожь, заметила, что майор Дигби ни разу не добавил «и в самом деле». Однако эта мысль была мимолетной. Поездка в Индию превратилась из неопределенной фантазии в реальность.

«Ты и правда этого хочешь?» — увещевал Мэри здравый смысл, пока она писала майору ответ с благодарностью.

«Я больше не знаю, кто я. И хочу примириться с девочкой, которой когда-то была».

Закончив писать ответ майору Дигби, Мэри решительно принялась составлять письмо монахиням.

Они отозвались, и теперь она...

Мэри глядела в окно на газоны, тянувшиеся до самого горизонта. На фонтане сидел голубь. Цветы кивали бледному солнцу.

Девушка думала об Индии, о пыли и жаре. О липком поте и нищете. Вроде той, которую она увидела, придя однажды в хижину Амина. Ситы тогда с ними не было. Вероятно, Амин пригласил Мэри не в тот день, когда обычно приезжала их подруга. Мэри сидела скрестив ноги и ела рис, который мать Амина подала ей на треснувшей тарелке — единственной в их доме и предназначенной для особых гостей. Остальные ели с баньяновых листьев. Мэри рис подали первой, и ей было очень неудобно есть, чувствуя взгляды окружающих.

«У нас так принято, Мэри, — сказал Амин. — Гость ест первым».

Лишь после того, как девочка закончила трапезу, Амин и остальные тоже принялись за еду.

«Ты настаивал на том, чтобы я взяла еще, однако ты и твои родители съели очень мало. Почему?» — спросила она после того, как Амин, проглотив свою порцию риса, отправился вместе с ней на поиски приключений, которые они запланировали на вторую половину дня.

«Мы были не очень голодны», — пробормотал он, покраснев, однако позже Мэри заметила, как он съел десять орехов кешью, украденных из сада Нанду. Она считала.

И лишь теперь Мэри все поняла. Еды на всех, включая гостью, не хватило бы, поэтому хозяева хотели убедиться, что она насытилась.

Воспоминания были невероятно яркими. После того как несколько дней назад Мэри дала им волю, они возвращались к ней во всех подробностях. И все же, когда она пыталась уцепиться за них, вытащив из ячеек своей памяти и приведя в порядок (выражения лиц, вроде того, что было на лице ее матери, когда она улыбалась Мэри, или интонации, как та, что звучала в голосе отца, когда он прощался с дочерью в тот роковой день), они исчезали без следа, словно искры пламени или короткие жизни ее родителей.

— Мэри! — услышала она голос тетушки. — Что на тебя нашло, дитя?

— Я...

И тогда тетушка сделала нечто необычное. Обойдя стол, она взяла руки Мэри в свои. Ладони девушки, в которых она держала письмо от монахинь, в котором те приглашали ее работать учительницей у них в школе, вспотели. Она ощущала исходящий от тети бархатно-пурпурный аромат лаванды и бергамота с цитрусовой ноткой.

— Ты была здесь несчастна, Мэри?

Взгляд тетушки стал очень пристальным.

— Нет! Я... Я...

Как же выразить словами то, что она чувствует? Последние несколько дней, прошедших с того самого момента, как к ней вернулись воспоминания, душа Мэри словно лишилась точки опоры; она будто бы дрейфовала в океане, подобно шхуне без руля и ветрил, которая могла причалить лишь к твердой пыльной индийской земле.

— Мне повезло: у меня было все, а ведь многие дети этого лишены. Я хочу как-то отплатить за проявленную ко мне доброту, сделать что-то хорошее.

— Что за вздор! — резко произнесла тетушка. — Мэри, ты можешь отправиться в Индию, если желаешь, однако тебе нет никакой необходимости там *работать*.

И вновь при слове «работать» в ее голосе прозвучало презрение. Тетушку даже передернуло.

— Я могу договориться, чтобы ты остановилась у друзей своего отца, — добавила она.

Это было соблазнительное предложение. Отправиться в Индию, остановиться у друзей отца, узнать у них, какими были ее родители... Мысль об этом очень привлекала Мэри.

Но... Майор Дигби столько сделал для того, чтобы познакомить ее с монахинями, которые написали ей письмо, предложив работу и жилье. Если бы Мэри знала о наследстве, она не чувствовала бы необходимости самой зарабатывать в Индии на жизнь. Однако дело было сделано, и, пускай Мэри и нервничала, она чувствовала, что поступает правильно...

Это было тем, чего хотели бы для нее ее родители — чтобы Мэри была независимой и давала миру что-то взамен.

«Будь свободной, — говорил ее отец. — Нарушай правила. Поступай по-своему».

Мэри никогда не понимала, что это значит. Однако теперь она думала, что это, возможно, означало прыгнуть в неизвестность, сделать то, что тебя пугает, и одновременно то, что ты считаешь правильным. Именно так поступила бы Сита... Строптивая, бесшабашная Сита, жаждавшая знаний. Отчаянно желавшая вырваться из оков и так завидовавшая свободе, которая была у ее подруги...

— Мне хотелось бы работать, тетушка, — мягко сказала Мэри.

— Возможно, ты не похожа на отца внешне, но в том, что касается темперамента, ты точно такая же, как он. Мой брат тоже был мечтателем и одновременно страстным человеком; он был охвачен идеей отправиться Индию и что-то там изменить.

В голосе тетушки была горечь, однако Мэри не заметила этого: она пыталась сглотнуть ком, появившийся у нее в горле.

Ты точно такая же, как он. Слова тетушки были для нее настоящим подарком.

— Никогда не понимала его увлечения этой страной и ее жителями.

Тетушку снова передернуло.

Мэри подумала об Амине, научившем ее видеть красоту в малом: в листьях лотоса, ловивших драгоценные капли дождя, в бесчисленных, постоянно движущихся лапках многоножки, в том, как она сворачивается от прикосновения...

Однажды они нашли в саду Нанду маленькую раненую птичку. Это был птенец скворца, выпавший из гнезда и сломавший крыло. Друзья сами сделали для него гнездо из прутьев и листьев и поместили в дупло в одном из деревьев манго. Они кормили птенца червяками. Ласкали его и всячески за ним ухаживали.

На следующий день, придя взглянуть на птенца, Мэри его не обнаружила.

«Он умер, Амин?»

«Нет, Мисси Баба́, он улетел».

Отвернувшись от нее, Амин водил ногой по каменистой земле.

«Но у него было сломано крыло».

Мальчик ничего не смог на это ответить.

«Должно быть, его съел какой-нибудь хищник, — всхлинула Мэри. — Нам нужно было сделать гнездо повыше в ветвях».

Амин все утро пытался ее развеселить. Подарил ей букет диких цветов, увядших под лучами солнца. Танцевал для нее и пел песни фальшивым голосом.

Однако Мэри все равно оставалась угрюмой.

«Я могу ходить в воде задом наперед, смотри», — сказал Амин, когда они вышли на берег реки.

Сделав пару шагов, он споткнулся и упал.

Вынырнув и встав на ноги, промокший с ног до головы мальчик схватился за сердце и начал притворяться, будто задыхается.

«Что с тобой, Амин?» — спросила шокированная Мэри.

«Ты улыбнулась, — ответил он, сияя. — От этого у меня случился сердечный приступ».

Мэри рассмеялась. Лицо мальчика просияло.

— Твой отец купил все эти книги об Индии и планировал отправиться туда еще до того, как влюбился в индийскую девочку.

Голос тети вернул Мэри в настоящее. Девушка изумленно посмотрела ей в глаза.

— Моя... моя мать была из Индии? — с трудом сумела произнести она.

— Она была наполовину индуской, хоть этого и нельзя было сказать, глядя на нее. Ее отец, твой дед по материнской линии, женился на индуске и привез ее в Англию, спровоцировав большой скандал.

Тетушка недовольно скривила губы.

Так вот почему родители папы были против его брака! Моя бабушка по материнской линии была индуской! Это объясняет то, чему всегда так завидовали мои кузины, — почему на солнце моя кожа покрывается загаром, а не обгорает...

— Индия уже отняла у меня брата, — сказала тетушка. — Я не позволю ей отнять еще и тебя.

Она была небезразлична тетушке! Для Мэри это стало откровением. Впрочем, возможно, она всегда это понимала, просто тетушка не позволяла ей заглянуть в свое сердце поглубже. До этого момента.

Мэри очень хотелось согласиться с ней. Поступить так, как она планировала до того, как ее подстерегло собственное прошлое, — выйти замуж и стать хозяйкой дома вроде этого.

Однако тогда она никогда не узнает другую часть себя, не примирится с девочкой, которую похоронила, приехав сюда, и не позволит упокоиться с миром прошлому, воспоминания о котором так долго подавляла и которое постоянно пыталось к ней вернуться.

— Она не отнимет меня, тетушка, — мягко сказала девушка.

— Дорогая, ты так ждала своего выхода в свет...

— Я до сих пор его жду, тетушка.

— Отправлять тебя туда одну — это безумие.

— Это вполне безопасно. Я буду жить на территории школы вместе с монахинями.

Мэри протянула родственникам измятое письмо.

Достав очки, дядя прочел его и передал тете.

Она последовала примеру мужа, а затем внимательно посмотрела на племянницу.

— Это рядом с тем местом, где твой отец...

— Школа находится в городке неподалеку от того места, где мы... я... где мы жили.

— Я напишу монахиням, чтобы уточнить, какие там условия. А еще — индийским друзьям твоего отца, чтобы расспросить их о школе и городке.

— Мне не...

— А мне — да. — Голос тетушки был твердым. — Если нам предстоит отправить тебя в Индию, я хочу быть уверена, что с тобой все будет в порядке, моя дорогая. — Она оценивающе посмотрела на Мэри. — Как только я получу ответ от монахинь и друзей твоего отца и если он меня удовлетворит, ты сможешь отправиться в Индию и остаться там на год. А затем вернешься сюда и найдешь себе хорошего мужа.

Тетя устанавливала правила для Мэри. Девушке вновь стало комфортно: это было то, в чем она так нуждалась. За год она успеет поработать с монахинями, а также посетит городок, в котором провела первые годы своей жизни, и попытается как можно больше узнать о своих родителях от людей, которые были с ними знакомы. А еще Мэри попробует связаться с Амином и Ситой.

— Но если у тебя ничего не получится, ты сможешь вернуться раньше, — добавила тетушка. — Совсем необязательно оставаться там на целый год.

— Да, тетушка.

— Если условия, которые предлагают тебе монахини, нас устроят, мы купим тебе билет и найдем подходящую дуэнью.

Мэри вспомнила, как плыла на корабле в Англию. О собственном недоумении. О мисс Девон.

— Дуэнью?

— Возможно, ты думаешь, что она тебе не нужна, однако мы считаем иначе.

Девушка кивнула, понимая, что спорить бесполезно: ее тетя уже все решила.

— Ты можешь идти.

Мэри распахнула дверь библиотеки, и кузины попадали, как костяшки домино.

— Ну и?..

— Я отправляюсь в Индию, — ответила Мэри, смакуя каждое слово.

Улыбаясь своим ошеломленным кузинам, она испытывала одновременно страх и восторг.

Глава 18

Сита

«Махабхарата». 1927 год

Прошла неделя после визита во дворец, где Сита, пусть и ненадолго, ощутила вкус свободы, оказавшись в длинной, полной книг комнате и познакомившись с грациозными гепардами, прекрасными и одновременно опасными; они чувствовали себя в неволе так же беспокойно, как и она сама. Девочка пряталась от гувернантки и вдруг увидела, что к их дому подъезжает блестящий черный автомобиль.

Вернувшись из дворца, Сита лишь укрепилась в своем решении сбежать. Она растрчивала время на то, чтобы приобрести навыки, которые считала бесполезными, в то время как жизнь предлагала ей бесконечные возможности. Существование же с единственной перспективой: сменить одну тюрьму на другую — казалось Сите невыносимым.

Она отказывалась тратить свою жизнь на то, чтобы мечтать о большем, тосковать из-за своей участи, чувствовать досаду и злиться из-за того, что единственный побег туда, где лучше, она сможет совершить лишь мысленно. Она больше не станет мириться с этой ужасной унылой монотонностью. Свое будущее она построит сама.

Именно поэтому Сита сейчас лежала на животе возле пруда, к которому, как ей было известно, гувернантка не посмеет приблизиться — из-за мух, комаров и болотного запаха плесени, водорослей и застоявшейся воды. Сита обдумывала детали своего побега, который, как она решила, случится завтра, когда ее родители отправятся на светский раут, куда их дочь не была приглашена. Сумка была уже собрана и ждала свою хозяйку под кроватью. В ней лежало приданое Ситы — деньги, украденные из отцовского сейфа. А вот книги она, к сожалению, взять с собой не сможет: они были слишком тяжелыми. Впрочем, Сита пообещала себе, что, сбежав в новую жизнь, купит любые книги, какие только захочет.

На поверхности воды плавали лотосы. Лягушки, поднимая брызги, перепрыгивали с лилии на лилию и ловили языками мух.

Мэри это понравилось бы.

Сите отчаянно не хватало подруги, и она часто представляла жизнь Мэри в Англии. *Как твои дела, Мэри? Думаешь ли ты обо мне? Действительно ли винишь меня в том, что случилось с твоими родителями?*

Была вторая половина дня, это дурманящее, вызывающее апатию послеобеденное время, когда гувернантка спала, открыв рот; Сите она тоже посоветовала вздремнуть в душевной комнате, расположенной рядом с кухней и служившей кабинетом. Там пахло обедом: алу гоби¹ и дала², рисом и чапати³, сладким молоком и топленным маслом. На кухне вполголоса болтали служанки, которые уже готовили закуски к чаепитию: нарезали лук, чистили картофель, кипятили очередную порцию молока с сахаром, доставали кешью и изюм для сладостей. То и дело какая-нибудь из них забывалась и начинала говорить громче. Остальные тут же шикали на нее, напоминая о том, что хозяева спят.

Обычно Сита, притворяясь спящей, подслушивала их разговоры. Таким образом она узнала, что одна из служанок влюблена в старшего сына поварихи Сави, но не может выйти за него замуж, ведь они принадлежат к разным кастам. Нарезая лук, служанка плакала, и Сита знала, что это были слезы несчастной любви.

Однако сегодня Сите захотелось выбраться из дома. Внутри ей было душно и тревожно — накануне запланированного на завтра побега. Поэтому, дождавшись, когда гувернантка заснет, Сита прокралась на цыпочках мимо кухонного окна, а затем бегом бросилась к пруду, зная, что там гувернантка ее искать не станет.

¹ Индийский вариант картофеля со специями.

² Индийский пряный суп-пюре из разваренных бобовых.

³ Распространенный в Южной Азии листовой хлеб.

Единственной радостью Ситы было подслушивание разговоров да побеги от гувернантки на несколько минут. Однако скоро этому придет конец.

Завтра я убегу в город, и, быть может, моего приданого хватит даже на то, чтобы купить билет на корабль, плывущий в Англию. Мэри, возможно, я приплыву, чтобы найти тебя!

Девочка открыла захваченный с собой томик. Это была ее любимая книга, «Махабхарата», украденная у брата. Раз уж предстояло оставить ее дома, Сита решила почитать ее в последний раз. Она перечитывала «Махабхарату» снова и снова, ей это никогда не надоедало. «Рамаяна», также украденная у брата, Сите тоже нравилась — не в последнюю очередь потому, что героиня этой книги была ее тезкой, — однако «Махабхарата» больше удовлетворяла ее страсть к приключениям.

У пруда росло склонившееся к воде дерево, ветви которого образовывали подобие гамака. Лежа в нем, девочка читала; ветер шелестел листьями у нее над головой, принося запах жары, пыли, послеполуденного времени и побега. В пруду ласково журчала вода, а в его заросших водорослями неподвижных глубинах то и дело мелькали рыбы и скользили водяные ужи.

Сита в который раз перечитывала историю о том, как братья Пандавы женились на царевне Драупади, и вдруг шум мотора вернул ее в настоящее. Девочка вздрогнула. Автомобиль сверкал в лучах солнца, и когда он проехал мимо нее, Сита поняла, что на нем был королевский герб.

Машина короля. Без всякого объявления о визите.

Сердце девочки сжалось от страха. Неужели младший принц и правда выполнил свою угрозу — пожаловался королю? Тогда ей придется бежать уже сегодня вечером. От мысли об этом охвативший Ситу страх превратился в панику.

По правде говоря, она нервничала, особенно после своего первого, неудавшегося побега. Именно поэтому Сита до сих пор тянула время. Она *убежит*, но... Что, если все сложится не так, как она себе представляла? Родители предупреждали

ее, что мир за пределами дома опасен, и, несмотря на ее желание исследовать и познать этот мир, какая-то часть Ситы этого боялась. Что, если случится что-нибудь ужасное? Позволят ли ей вернуться домой?

Девочка смотрела, как автомобиль, поднимая клубы пыли, подъезжает к их дому. Она осознавала, что чувство голода, одолевавшее ее уже полчаса при мысли о чоле (турецком горохе с карри) и батуре (пончиках с пахтой), исчезло.

В воображении Сита вновь и вновь переживала свое приключение — прогулку по дворцу и знакомство с гепардами. Неужели это и правда произошло всего несколько дней назад? Грациозные и в то же время опасные животные являлись ей во снах. А еще Сите снился принц в красивом наряде, и его веселый смех делал видение еще более красочным.

Во время бесконечных «уроков хороших манер» девочка вновь и вновь возвращалась к воспоминаниям о том дне, о его запахах и обо всем, что ей довелось увидеть и услышать во дворце. Это помогало ей игнорировать жужжание гувернантки.

«Сита, сосредоточься! — увещевала она девочку сегодня утром. — Твоя мать убеждена, что ты все еще можешь стать приличной дамой, и она платит мне за то, чтобы я совершила это чудо».

Сита фыркнула:

«Удачи вам в этом деле!»

«Удачи твоему мужу».

«Я не выйду замуж».

Гувернантка хихикнула без намека на веселье:

«Тебе тоже удачи в этом деле».

«Вы ведь не замужем».

«Не по собственному выбору. У меня не было ни родителей, которые устроили бы мой брак, ни приданого, которое я бы могла принести хорошему жениху».

В ее голосе прозвучали тоска и горечь.

К своему удивлению, Сите захотелось обнять гувернантку или хотя бы пожать ей руку.

Однако та тут же убила это желание.

«Ты сама не знаешь, как тебе повезло: у тебя богатые родители, способные обеспечить тебя приданым, и очень красивое лицо, — сказала она. — Думаешь, будь у меня выбор, я стала бы учить капризных, испорченных девчонок вроде тебя?»

Сита проскользнула в дом через кухню. Там царил суета: служанки терли на терке кокосы, нарезали целые горы лука, имбиря, чеснока, кориандра и мяты, тушили карри, жарили уже нарезанный лук, заваривали чай, готовили кокосовые бурфи¹ и ладду и выкладывали свежееобжаренный гулаб джамун², с которого стекало масло, на подносы. Его подадут в золотистом сиропе, который тоже уже готовился. Жарилось батуре, чоле выкладывалось на тарелки, измельчались и смешивались специи. Все это создавало на кухне настоящий букет сладковато-пряных запахов.

— Вот ты где! — прошептала повариха Сави.

— С чего такой пир? — спросила Сита, хотя, разумеется, уже знала ответ.

Машина...

— Прибыл посланник короля. Мы не можем отпустить его, не накормив.

— А...

Мать решила минимизировать ущерб, умаслив посланника короля угощением и сгладив таким образом последствия дерзкой выходки своей дочери. Впрочем, вероятно, ей уже ничто не поможет.

— Скорее проберись в дом и сделай вид, будто ты спала. Или скажи, что ходила на кухню попить воды.

Сави протянула девочке ладду и стакан с водой.

Из расположенного рядом с кухней кабинета доносился голос матери Ситы, отчитывавшей гувернантку. Отец тоже

¹ Индийский десерт, похожий на помадные конфеты.

² Индийский десерт, представляющий собой шарики из сухого молока с добавлением небольшого количества муки; их обжаривают во фритюре и подают в сахарном сиропе.

был там. Он расхаживал туда-сюда. Насколько помнила Сита, он никогда еще не благословлял эту комнату своим присутствием.

Как же я влипла!

Сжимая в руках предложенный Сави стакан, девочка попыталась успокоить свое бешено колотившееся сердце.

Я убегу, как только стемнеет. Нужно лишь набраться храбрости, чтобы выдержать их гнев.

— Что значит «она там была»?! — орала мать на гувернантку. — Она может быть где угодно! Мы что, за *это* вам платим?! Вы должны следить за ней *все время!*

Сита стояла у двери в комнату. Скоро она даст о себе знать и на нее обрушится гнев родителей на то, что она совершила худший из возможных проступков — огорчила принца. Какое наказание ожидало ее на этот раз?

Да какая разница? Я убегу и стану жить по-своему. Сама построю свое будущее.

— Она... она легла вздремнуть, — робко попыталась оправдаться заспанная гувернантка.

— Вы хотели сказать, что это *вы* легли вздремнуть.

— Я...

— Король отправил нам послание. Они... Она...

Что это? Неужели голос матери действительно задрожал? Похоже, она была в восторге. Но почему?

Пора показаться.

Сита встала в дверном проеме.

— Вот ты где, — произнесла гувернантка с почти осязаемым облегчением в голосе.

— Я проснулась, и мне захотелось попить. Поэтому я пошла на кухню за водой.

Сита показала стакан, который дала ей предусмотрительная Сави.

Мать обернулась. Сита ждала увещеваний, подозрений, ярости, неодобрения, обвинений. Однако вместо этого на лице матери заиграла улыбка.

Да что происходит?

В глазах гувернантки, стоявшей за спиной хозяйки, читались удивление и непонимание. В кои-то веки Сита оказалась с ней в равном положении.

— Моя дочь — принцесса!

Голос матери был непривычно мягким и преисполненным благоговения.

— Ма?

Ее мать что, заболела? Почему она ведет себя подобным образом?

Отец смотрел на Ситу со странным выражением, так, словно видел ее впервые.

— Король отправил нам послание. Он спрашивает, согласимся ли мы выдать тебя замуж за его старшего сына, наследника престола, — прошептала мать так, словно сама не верила своим словам. — Если мы ответим «да», твой отец отправится во дворец с твоим гороскопом.

Отец улыбнулся Сите; такого на ее памяти еще не было.

Девушка так и стояла со стаканом воды в руке, ошеломленная одобрением родителей. Они ею *гордились!*

Гувернантка изумленно смотрела на Ситу, раскрыв рот. Девочка словно видела на ее лице отражение своих собственных чувств.

Сита уже открыла рот, чтобы сказать: «Я не хочу выходить замуж», однако в этот самый момент мать нежно похлопала ее по щеке.

Девочка утратила дар речи, и по всему ее телу начало распространяться шедшее от сердца тепло.

Всю свою сознательную жизнь Сита не уставала повторять себе, что не нуждается в одобрении родителей, что это для нее не важно. Однако теперь, почувствовав это, девочка поняла, что всю свою жизнь страстно желала его получить.

Она закрыла рот.

Часть 2

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

Глава 19

Мэри

Грезы. 1936 год

— Простите, здесь не занято?

Вздрогнув, Мэри очнулась от грез. Она сидела на палубе, погружившись в свои мысли и листовая книга отца. Записи, сделанные на полях, позволяли девушке заглянуть в его разум, слушая песню морских волн.

Чем больше корабль удалялся на восток, тем теплее становилось. Теперь, чтобы не замерзнуть, достаточно было набросить на плечи шаль. Морской бриз навевал мысли о прошлом, о еще одном плавании, на запад; девушка вспоминала собственное ошеломление из-за того, что потеряла все, даже саму себя, превратившись из Мисси Бабы в мисс Мэри Бригам.

Мимо корабля проплывали киты и морские свиньи. Из воды, ослепительно сверкая на солнце чешуей, выпрыгивали летучие рыбы.

Мэри нервничала. Она боялась того, что ожидало ее впереди. Ее одолевали сомнения.

«Ты такая храбрая, Мэри, — повторили ее кузины, наверное, тысячу раз с тех пор, как она сообщила им о своем решении. — Отправиться в страну, расположенную на другом конце света, чтобы там работать...»

Храбрая. Это слово Мэри слышала много раз с тех пор, как случилась трагедия с ее родителями. «Теперь, когда твоих

мамы и папы не стало, ты должна быть храброй», — твердили люди.

Было ли путешествие в Индию, предпринятое для того, чтобы почтить память ее давно погибших родителей, смелым поступком? Или просто глупостью? Действительно ли родители имели в виду именно это, говоря, что хотят, чтобы она брала от жизни все? Мэри очень на это надеялась.

С монахинями переписывалась не только Мэри, но и ее тетушка, желавшая убедиться, что в Индии о ее племяннице позаботятся как следует.

И все же, глядя на то, как кухни готовятся к сезону, который она вынуждена будет пропустить, Мэри едва не написала монахиням, что не приедет.

Но затем она подумала о своих родителях, о том, как загорелись их глаза, когда Сита сказала им: «Я хотела бы влиять на происходящее. Изменить мир».

Мэри так и не представился шанс продемонстрировать своим родителям, что она готова идти на риск, делать что-то по-настоящему *важное*. Но теперь она это докажет.

Однако сейчас, когда Мэри направлялась в страну, которую покинула еще ребенком, ее вновь терзали сомнения. Что, если Индия окажется не такой, какой она ее помнила? Что, если она просто создала в своей голове романтизированный образ, имевший очень мало общего с реальностью?

Тоска по Англии, по дому, по ощущению комфорта, которое давали ей правила приличия, и по кухням была практически невыносимой.

«Но... но как же твой дебют при дворе? — спросила Роуз, когда Мэри объявила, что отправляется в Индию. — Ты же не собираешься пропустить его, правда? Ты так его ждала!»

Мысль о том, от чего она отказывается, — о сезоне, о компании кузин, о планах на будущее, которое она представляла, не зная другой жизни, — наполняла ее грустью. Мэри даже положила в чемодан свое платье для дебюта и те наряды, которые тетушка заказала для нее (поскольку просто не могла с ними расстаться). Однако девушка сказала себе твердо:

«Теперь я знаю, что есть и другая жизнь. Если я не примирюсь со своим прошлым, то так навсегда и останусь между двумя мирами, ощущая себя потерянной и лишенной части своего “я”».

Глядя на шепчущие волны, Мэри представляла, как при дворе в окружении кузин делает реверанс перед королем. Но, даже скучая по той девушке, беззаботной, невинной и уверенной в том, в каком направлении она будет двигаться, даже тоскуя по образу жизни, от которого она временно отказалась ради того, чтобы найти себя, Мэри жалела эту девушку, пребывавшую в блаженном неведении относительно того, какая волна должна была на нее вот-вот обрушиться, волна правды, которая полностью захлестнет ее, открыв ей ту часть самой себя, которую она так долго отвергала.

Мэри и вправду не хватало кузин, их веселых голосов, радостного возбуждения при мысли о новых платьях, балах, туфлях, прическах и мужчинах. С другой стороны, она чувствовала облегчение, оказавшись далеко от тети и дяди: Мэри все еще не могла простить им то, что они так долго скрывали от нее прошлое, позволяя все эти годы верить в ложь.

— Мисс?

Мэри подняла взгляд на обратившегося к ней мужчину. Он был высоким, красивым и темнокожим; на нем был костюм.

Она уже видела этого мужчину на борту корабля. Это был один из нескольких индусов, которые не входили в число обслуживающего персонала, а сами путешествовали первым классом.

— Простите, мои мысли были далеко. Здесь свободно.

Мэри взяла с соседнего стула книги и положила их себе на колени.

День выдался погожий, и на палубе было больше людей, чем обычно. Еще по пути сюда Мэри заметила, что другие стулья заняты.

Девушка нарочно села подальше от остальных, укрывшись от их взглядов в маленьком «алькове», который она обнаружила за день до этого, — он был расположен почти у самого

края палубы и отделен от моря лишь веревочным ограждением. На Мэри то и дело падали теплые соленые брызги. Впрочем, ей это даже нравилось.

Поэтому девушка удивилась и даже немного обиделась из-за того, что этот мужчина знает о существовании места, которое она уже считала *своим*. Мэри занимала его с того самого момента, как обнаружила, делая перерывы лишь на то, чтобы поесть. Ей нравилось одиночество, то, что она не видела ни одной живой души. О существовании этого «алькова» знала лишь ее спутница, мисс Фрэнсис Грин. Мэри сообщила ей о нем на случай, если та будет достаточно хорошо себя чувствовать и сможет к ней присоединиться.

Фрэнсис плыла в Индию, чтобы работать гувернанткой, и, несмотря на то что ей было уже тридцать семь лет, рассчитывала выйти замуж. «Мужчина, который был любовью всей моей жизни, погиб на войне. Мы были помолвлены, — рассказывала она, и ее глаза сияли, несмотря на морскую болезнь, которой она страдала с того самого момента, как поднялась на борт. — После этого я много лет никого не хотела видеть и знать, хотя моя матушка, благослови ее Бог, все время уговаривала меня отбросить тоску и выйти за кого-нибудь. Теперь я готова. В Индии я надеюсь найти себе подходящего мужа. Я слышала, что мужчин там гораздо больше, чем женщин».

Мэри надеялась, что это действительно так. Поначалу ей не понравилась идея путешествовать с дуэньей — разве она недостаточно взрослая для того, чтобы вести себя разумно? — однако вскоре Мэри привязалась к этой женщине.

«Вижу, ты любишь читать», — сказала Фрэнсис во время поездки к побережью, где их ожидал корабль, после того как увидела, что Мэри открывает книги своего отца (по правде говоря, Мэри делала это потому, что чувствовала себя неловко в компании этой странной женщины). — Я тоже искала утешение в книгах, когда мой Альфи погиб».

Скоро от застенчивости Мэри не осталось и следа. Как оказалось, Фрэнсис умела располагать к себе людей.

Оставшуюся часть поездки они провели за приятной беседой о книгах. Мэри вновь и вновь мысленно благодарила тетушку за то, что та выбрала ей спутницу, которая тоже любила читать.

«Мне очень жаль», — то и дело говорила Фрэнсис в первый вечер на борту в перерывах между приступами рвоты.

«Прошу тебя, не волнуйся. Я могу тебе чем-нибудь помочь?»

«Нет, спасибо. Я просто... Мне нужен отдых. Тебе повезло, что ты не страдаешь этим недугом».

Фрэнсис перепробовала все средства, любезно предложенные другими плившими на корабле женщинами. Однажды вечером, когда она, казалось, вот-вот упадет в обморок, Мэри решила, что с ее спутницы довольно мучений; Фрэнсис нужен врач.

Девушка поговорила с капитаном, и тот сказал, что знает подходящего человека...

— Благодарю вас, — произнес мужчина. — Мне нравится сидеть здесь и смотреть, как садится солнце и из воды выпрыгивают летучие рыбы.

— Я думала, только я знаю об этом месте.

— Я думал точно так же и очень удивился, увидев здесь вас...

— Тогда нам придется побороться за эти места...

— Их два, — улыбнулся мужчина.

Мэри привыкла проводить большую часть времени на палубе; благодаря пилюлям доктору наконец удалось облегчить состояние Фрэнсис, однако теперь она почти все время спала. Каюта Мэри примыкала к каюте Фрэнсис, и всякий раз, когда девушка заглядывала внутрь, ее спутница лежала с закрытыми глазами. Доктор часто проводывал Фрэнсис. Мэри удивилась тому, что он был индусом, и тут же разозлилась на себя за свое удивление. Она заметила, что большинство белых пассажиров относятся к индусам как к людям второго сорта. Девушка подумала о Сите и Амине, своих лучших друзьях из той, другой

жизни. О любимой матери, которая сама была наполовину индуской...

Теперь, взглядевшись в лицо мужчины повнимательнее, Мэри вспомнила, где видела его раньше. Он сидел, откинувшись на спинку стула и закрыв глаза, и его похожие на веер длинные ресницы касались уже начинавших покрываться щетиной щек.

— Вы доктор.

Мужчина открыл глаза и улыбнулся ей.

— Большинство людей это шокирует. Слыша слово *доктор*, они точно не ожидают увидеть меня.

Он поднял бровь, словно бросая ей вызов.

Мэри покраснела.

— Меня не шокирует.

— Правда? Вы не согласны с теми, кто считает, будто мне не следует ехать первым классом и обедать с капитаном?

Мэри почувствовала, что вновь краснеет, смущенная проницательностью своего собеседника. Он в точности знал, что думают о нем люди. Желая скрыть смущение, она подняла бровь, так, как это делала Роуз, и, копируя игривый тон кузины, произнесла:

— Обедать с капитаном! Вижу, у вас влиятельные друзья.

Врач хохотнул.

— Видите ли, я его вылечил. Прошлым вечером ему было очень плохо из-за пищевого отравления.

— Что ж, это успокаивает. Страшно подумать, как бы наш корабль добрался до Индии под руководством больного капитана.

Доктор рассмеялся. Это был радостный, искренний смех, звук которого напоминал плеск морских волн.

Мэри пришло в голову, что сидеть вот так наедине с мужчиной — индийским мужчиной, — обмениваясь с ним шутками, неприлично. Привыкшая придерживаться правил девушки, которой она была до визита майора Дигби, в такой ситуации почувствовала бы стеснение. Однако теперь Мэри

это, наоборот, возбуждало. Ей совсем не хотелось быть осторожной.

Покинув Англию и лишившись привычной защиты, которую давали ей правила и ограничения, решив быть бунтаркой, которой хотели ее видеть родители, и ввязавшись в авантюру, в которую никогда бы не ввязалась девушка, которой она была в Англии, Мэри чувствовала, что на смену стремлению уважать правила, подчиняться им и делать то, что от нее ожидают, приходит желание взбунтоваться и вырваться на свободу... Возможно, все дело в солончатом, пахнущем водорослями восточном воздухе. А быть может, она, читая любимые книги отца, просто слышала в голове голоса своих родителей. «Мы хотим, чтобы ты была свободна от ограничений и жила так, как тебе хочется».

— Я не мог не заметить ваших книг, — сказал сидевший рядом с ней врач. — Простите, что из-за меня вам пришлось их убрать.

Он посмотрел на книги, лежавшие у Мэри на коленях.

Девушка по привычке сдвинула ноги, вспомнив слова гувернантки, которую тетушка наняла для своих дочерей и для нее самой: «Леди должны сидеть как подобает».

Однажды Мэри вмешалась в чрезвычайно некрасивую и шумную ссору, вспыхнувшую между кузинами, и попыталась их помирить. «А тебе-то что об этом известно, святоша?! — крикнула тогда на нее Роуз. — Ты за всю свою жизнь ни разу не поступила неправильно!»

Вспоминать об этом было вдвойне неприятно, ведь Роуз была права.

— Вам нравится научная литература?

— Эти книги принадлежали моему отцу. Но да, мне нравится наука. Я вообще читаю все подряд.

— Все подряд? — опять поднял бровь доктор.

Внезапно Мэри охватил гнев.

— Вы только что обвинили меня в предрассудках, доктор, однако они, похоже, есть и у вас. Вы считаете, что женщины не любят читать?

Что это на нее нашло? Возможно, гнев Мэри спровоцировало то, что этот человек, смотревший на нее, подняв бровь, нарушил ее мирное уединение.

Несмотря на темную кожу, было видно, что врач покраснел.

— Нет, я... я совсем не это имел в виду.

Собственная гневная вспышка смутила Мэри почти так же сильно, как ее слова, похоже, смутили доктора. И все же эта новая Мэри, занявшая место кроткой девушки, которой она была раньше, сказала:

— Теперь, когда мы с этим определились, ответьте: какие книги нравятся *вам*? Романы? Или вы вообще ничего не читаете? *Видела бы ты меня сейчас, Роуз!*

На лице врача появилась улыбка; его глаза весело блеснули.

— А что, если бы я сказал «да»?

— В ответ на вопрос о том, читаете ли вы романы? В то, что вы не читаете вообще, я бы, учитывая вашу профессию, поверила с трудом.

Он вновь рассмеялся, и Мэри почувствовала, что ее тоже охватывает веселье.

Почувствовав на лице ласковое прикосновение сладковатосоленого бриза, девушка поняла, что счастлива. Все тревоги по поводу того, что ожидало ее впереди, и по поводу того, что она оставила в Англии, покинули ее. Она беседовала с интересным человеком, открывая ту пылкую себя, которую всегда хотели видеть ее родители.

Возможно, все дело в том, что корабль плыл на восток. А возможно, она разметала осколки своей души по океану, когда ей пришлось покинуть Индию, и теперь, когда Мэри плыла обратно, морской воздух лечил ее израненную душу, постепенно собирая ее по частям.

Отбросив приличия, которые всегда столько для нее значили, Мэри почувствовала себя странно свободной. Свобода... Любимое слово ее родителей. Мэри до самого ужина весело болтала с доктором о книгах, о медицине, о движении суфражисток, борющихся за права женщин, а ветер, словно отцовская рука, ласково трепал ее волосы, унося прочь сомнения и тревоги.

Глава 20

Сита

Страсть к гепардам. 1928 год

Приглашение было доставлено на золоченом подносе вместе со свежайшими сладостями, вышитыми золотом шалями, сари из сверкающего нежнейшего шелка, ювелирными украшениями и отборными фруктами. Все это привез ливрейный лакей, приехавший в автомобиле с королевским гербом.

У нас есть причины полагать, что будущая принцесса питает страсть к гепардам. Вы приглашены на гепардовую охоту, которая состоится в следующее воскресенье. Просим вас явиться во дворец в девять. Мы отправимся на охоту оттуда.

Будущая принцесса.

Глядя на мать, читавшую приглашение, Сита ощутила сначала возбуждение, а затем — облегчение, отразившееся и в глазах матери. Они ожидали информации о помолвке с наследным принцем.

Гороскопы Ситы и принца совпали идеально, и теперь придворные жрецы должны были определить наиболее благоприятную дату свадьбы. Однако вестей из дворца не было уже несколько месяцев. Девочка знала, что мать волнуется: она срывала злость на слугах и на ней самой чаще, чем обычно, и их с Ситой отношения вновь стали натянутыми: она перестала одаривать дочь ласковыми улыбками и обрушивала на нее гневные монологи, когда Сита совершала что-то неподобающее.

Девочка тоже волновалась. Ее мысли о том, чем она будет заниматься, когда станет королевой, — неужели все это останется лишь фантазиями?

Королева. Сколько власти таило в себе это слово! «Я смогу делать все, что захочу! — думала Сита. — Даже родители будут вынуждены подчиняться моим приказам».

И комната, от пола до потолка заполненная книгами, тоже будет моей!

Кто бы мог подумать, что у меня есть выход, который устроит всех?

— Не знала, что ты питаешь страсть к гепардам, — произнесла мать с вопросительной интонацией в голосе.

«Ты многого обо мне не знаешь», — хотелось сказать Сите. Однако за несколько месяцев мучительного ожидания она научилась держать язык за зубами.

— Мне нравятся гепарды, — наконец ответила Сита, так сдержанно, как только могла.

В воздухе повисла пауза. Сузив глаза, мать смотрела на Ситу, словно хотела заглянуть ей в самую душу.

— Ты должна вести себя идеально. Они, знаешь ли, в любой момент могут разорвать помолвку.

Сите вспомнились слова наследного принца: «Я никогда не встречал таких, как ты».

Мысль об этом развеяла сомнения, одолевавшие ее последние несколько месяцев. «Принц не разорвет помолвку, — подумала Сита. — Я нравлюсь ему так же, как и он мне». Девочка вновь почувствовала изумление, которое охватило ее, когда она узнала о предложении принца. Единственным человеком, кроме него, которому нравилась ее прямота, была Мэри. «Что бы ты на это сказала, Мэри? — мысленно спросила подругу Сита. — Я — будущая принцесса!»

Мать читала приглашение вслух, и в ее голосе звучали одновременно благоговение и самодовольство. С того самого дня, когда из дворца прибыло невероятное известие, Сите, в дополнение к урокам хороших манер, давали еще и уроки королевского поведения. И она всегда ждала их с нетерпением.

Сита распаковала сумку, спрятанную под кроватью, и вернула деньги в отцовский сейф. Это означало отказ от мечты

о побеге и о судьбе, которую будет вершить она сама, поэтому мгновение Сита колебалась, но затем под понимающим взглядом Повелителя Вишну достала ключ из-за его святылища.

Увещевания гувернантки уже не казались Сите невыносимыми; теперь она к ним прислушивалась.

— Можешь ведь, когда захочешь, — сопела женщина, пораженная тем, как изменилась ее упрямая подопечная.

После того как наследный принц сделал Сите предложение, отец улыбался ей всякий раз, когда их пути пересекались. Девочку это шокировало и одновременно наполняло ее сердце счастьем.

Когда весть о случившемся дошла до Кишана, он написал ей: «Моя сестра — будущая королева! Ты будешь лучшей королевой, которую это королевство когда-либо знало, Сита!»

Одобрение семьи было для девочки чем-то совершенно новым. Оно давало ей возможность почувствовать собственную значимость, и, несмотря на все то, что она говорила себе год за годом, Сита хотела, чтобы так было и дальше. Именно поэтому она волновалась из-за того, что королевский двор хранил молчание.

Сита всегда завидовала Мэри: возможности поступать, как хочется; любви, с которой относились к ней родители; тому, что Мэри была центром их мироздания. Однако теперь у нее самой будет все это и даже больше.

Сита представляла себе бесчисленные роскошные комнаты дворца, внутренний дворик с бассейном и пальмами, в который ей удалось заглянуть. Сколько еще бассейнов и двориков было в этом огромном здании? Сита была намерена это выяснить.

А теперь ее ожидала гепардовая охота! Взяв приглашение из рук матери, девочка провела пальцами по золотым рельефным буквам, представляя себе грациозных зверей. «Все наконец налаживается, — подумала Сита. — Теперь у меня появилось то, ради чего стоит жить. Наконец-то я заживу по-настоящему».

Глава 21

Мэри

Смелость. 1936 год

У Мэри и доктора вошло в привычку встречаться на палубе.

Каждый раз, видя его, девушка ощущала тревожное возбуждение и желание нарушить правила.

«Я не делаю ничего дурного, — говорила она голосу в своей голове, предупреждавшему ее о том, что она должна быть осторожнее. — Мы просто беседуем».

«Беседуешь с мужчиной — индийским мужчиной — в отсутствие дуэньи», — распекала ее совесть, однако Мэри приказывала ей замолчать. Та новая Мэри, которую она открыла на борту корабля, приводила ее в восторг, хоть и слегка шокировала.

— Прошу, зовите меня Винаем, — сказал индус в день их знакомства, когда они шли на ужин.

Мэри рассмеялась.

— Поверить не могу, что проговорила с вами целый час, так и не спросив вашего имени. Возможно, нам следует начать сначала? Я — Мэри. Как поживаете, доктор Винай?

— Просто Винай. Благодарю.

Не считая перерывов на еду и того времени, когда Винай обходил своих пациентов, включая Фрэнсис, они с Мэри были вместе целый день.

Разговаривать с ним было легко, и эти беседы открывали девушке глаза на ту сторону ее натуры, о которой она не знала и которая, как она решила, ей нравилась.

— Почему вы плывете в Индию? — спросил Винай, встретившись с Мэри во второй раз.

— Я росла там и переехала в Англию, когда мои родители... — Девушка сглотнула вставший у нее в горле комок. Она не привыкла говорить о своих родителях и гнала прочь вос-

поминания о них и о своем детстве. Кашлянув, Мэри снова заговорила: — ...когда они умерли.

— Простите, пожалуйста.

— Это было давно.

Веселые пенные волны игриво плескались о борт корабля.

— С потерей родителей трудно смириться, сколько бы времени ни прошло.

Мэри избегала его взгляда. Она смотрела на горизонт, туда, где небосвод встречался с морем, пока ее глаза не перестало щипать.

— И теперь вы возвращаетесь?

— Я буду работать учительницей в школе для девочек.

— А, хотите дать миру что-нибудь взамен.

— Да, вроде того.

Винай замолчал. Они оба глядели на рябь, тянувшуюся следом за кораблем. Молчание доктора утешало Мэри. Он ничего от нее не требовал, лишь желал, чтобы она созерцала водную гладь вместе с ним.

Мэри нравилось, что Винай такой начитанный и она могла говорить с ним обо всем — его ответы всегда были разумными. Впервые ей представилась возможность вести продолжительные беседы с женщиной, не заботясь о правилах этикета. Это приводило девушку в восторг и в то же время заставляло нервничать, поскольку ей приходилось время от времени успокаивать свою совесть, напоминая Мэри о приличиях и о том, чего от нее ожидали: «Именно поэтому твоя тетушка и решила, что тебе нужна дуэнья».

Однако Мэри нравилась компания Виная, и она не готова была от нее отказаться. Впервые в жизни девушка поняла, почему люди нарушают правила — ради извращенного удовольствия и потаенного восторга делать все наперекор.

Мэри перестала ходить по вечерам на танцы. Ей больше нравилось проводить время на палубе, читая книги отца в перси-

ковом сиянии заката или глядя на то, как тени окутывают все вокруг, как фонари льют желтый свет на темно-синюю водную гладь за бортом. Девушка сидела там до тех пор, пока не становилось слишком темно для чтения.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она в один из таких вечеров, когда после ужина Винай опустил на сиденье рядом с ней.

— Мне хотелось бы спросить тебя о том же, — ответил врач, и Мэри, не отрывая взгляда от книги, почувствовала, что он улыбается. — Ты не любишь танцы?

— Люблю. Просто мне не нравятся бессмысленные разговоры, которые им сопутствуют.

— А, литературный соблазн...

— Что ты имеешь в виду?

— Ни один человек не способен говорить так же мудро и красноречиво, как книга.

Мэри наконец повернулась к нему, глядя в сгущающихся сумерках на его блестящие глаза и темное, покрытое щетиной лицо. Девушка вновь ощутила восторг от того, что нарушает табу.

— А ты любишь танцевать? — вернула она вопрос.

— Люблю. Однако сегодня не решился пойти на танцы из-за странных взглядов окружающих.

— О.

Что еще она могла на это ответить?

А затем Мэри, вдохновленная видом пустой палубы и звуками музыки, доносившимися из танцевального зала, которым вторила песня морских волн, спросила:

— А ты бы хотел потанцевать?

— Прошу прощения?

Что ты делаешь? Ты же нарушаешь традиции и правила приличия!

Но Мэри была в восторге от своей смелости и велела совести замолчать.

Я уже не та девчонка, которая боится переступить черту. Я та, кто сам рисует эту черту там, где захочет.

— Потанцуешь со мной? — спросила Мэри.

Собственная дерзость заставила ее сердце забиться чаще.

— Здесь?

Винай посмотрел на пустую палубу, на заливавший ее свет фонарей, на сверкавшие желтые доски. Прислушался к звукам музыки, смеху и звону бокалов, которые доносил до них морской бриз.

Это не ты. Ты об этом пожалеешь.

На мгновение совесть заставила Мэри задуматься.

Она взглянула на Виная, на его поднятые брови, на едва заметную улыбку, игравшую на его губах.

— Почему бы нет? — храбро спросила она.

Потому что он... ты... ты не...

Девушка вновь заставила замолчать робкую часть своей натуры, возмущенную ее поведением и приходившую в ужас от последствий ее неслыханной смелости.

Мэри и Винай танцевали на пустынной палубе в медовом свете луны. Он обнимал девушку, ее голова лежала у него на плече.

От него пахло мускусом и одеколоном.

А еще — специями и, особенно сильно, лимоном.

Винай был умелым танцором, и вскоре Мэри забыла о своих тревогах.

Они танцевали до тех пор, пока музыка не перестала звучать, а затем рухнули на свои сиденья, хихикая, как шаловливые дети.

— Принести тебе какой-нибудь напиток? — спросил Винай.

— Я в порядке, — ответила Мэри, и это было правдой.

Когда музыка опять заиграла, они снова закружились в танце под сияющим пологом. Свет звезд отражался в чешуе рыб, проплывавших мимо корабля.

Мэри почувствовала, что ее рука, которой она держалась за ладонь Виная, стала скользкой от пота. Девушка ощутила на языке привкус счастья.

«Берегись! — шептали ей пенистые волны. — Берегись!»

Глава 22

Сита

Гимн. 1928 год

Окрестности дворца были заполнены автомобилями, повозками и каретами. Слуги в униформе с королевским гербом предлагали вновь прибывшим гостям свежесжатый дынный сок и бурфи из орехов кешью. Им на шею вешали цветочные гирлянды и приветствовали королевским гимном.

По газонам бегали обезьяны, с любопытством поглядывая на вереницы автомобилей, двигавшиеся по длинной широкой подъездной дороге.

Их машина тоже ехала по этой дороге, и Сита видела, как на территорию за зданием дворца, где она впервые встретилась с принцем, дрессировщики заводили в запряженные волами повозки лоснящихся гепардов в колпаках, закрывавших глаза.

Внезапно обезьяны с визгом взобрались на деревья, а земля под автомобилем завибрировала. На площадку за дворцом стали выводить величественных слонов. На каждом из них гордо восседал погонщик в тюрбане. Лбы слонов были украшены обшитыми золотом пластинами, а на спинах были закреплены усыпанные драгоценностями паланкины с расписанными орнаментом куполообразными крышами.

При виде величавых животных, двигавшихся с невозмутимым, королевским достоинством, Ситу охватил восторг.

— Мы поедем на охоту на слонах? — спросила она.

— Похоже на то, — ответил отец.

Он смотрел *на* дочь, а не сквозь нее, как было прежде, и на его лице играла улыбка.

Сита почувствовала, что ее щеки краснеют; это случалось всякий раз, когда отец ей улыбался. Девочку раздражало, что она испытывала при этом такое счастье, пусть даже и понимала, что это чувство ей никогда не наскучит. Раньше Сита сама не понимала, как много значит для нее одобрение родителей. Однако теперь она это осознала и решила, что сделает все, что

в ее силах — а когда она станет королевой, в ее силах будет очень многое, — чтобы так было всегда: чтобы ее родители были счастливы и гордились ею.

— Вероятнее всего, мы поедем в паланкине королевы. — Голос матери был полон ликования. — Она очень строго придерживается традиций, поэтому все время прикрывая голову накидкой и старайся выглядеть скромной.

Мать окинула оценивающим взглядом украшения в волосах Ситы и ее блестящее сари, всмотрелась в безмятежное выражение ее лица. Девочка сидела, степенно сложив руки на коленях, как ее учили, несмотря на то что бушевавшие в ее душе эмоции напоминали пламенный вихрь. Нервное возбуждение и радость наэлектризовали ее и, бурля, вот-вот готовы были выплеснуться наружу.

Сите понравились слова матери. «*Старайся выглядеть скромной*», — сказала она, прекрасно понимая, что на самом деле ее дочь не была таковой ни единой клеточкой своего тела; теперь, после нескольких месяцев обучения, Сита умеет казаться кроткой, но никогда не станет такой.

Завтрак гостям подавали ливрейные лакеи. Мужчины сидели в одном зале, женщины — в другом. Тхали¹ с различными видами риса, пури и чапати, алу паратха² и роти³, кульча и наан⁴, карри на любой вкус и сладости, способные удовлетворить самого взыскательного гурмана, — таявшие во рту ладду и бурфи, джамун и педы, халва и кхир⁵. Блюда наполняли вновь и вновь; гостей развлекали музыканты и танцоры.

После пира развлечения продолжились. Попугаи, наряженные клоунами и акробатами. Попугаи, ездившие на миниатюрных колесах, стрелявшие из крошечных пушек, танцевавшие, певшие и подражавшие голосам с поразительной точностью.

¹ Индийский чечевичный суп с овощами, специями и рисом.

² Индийский картофельный хлеб.

³ Индийский листовой хлеб.

⁴ Кульча, наан — разновидности индийского листового хлеба.

⁵ Густой десерт из молока, зерен риса и других злаков.

В конце представления раздались аплодисменты и смех. Сита из-под вуали смотрела на королеву, оценивающе глядевшую на нее. Девочка улыбнулась. Лицо королевы стало суровым. Сжав губы и нахмурившись, она отвела взгляд.

Глава 23

Прия

Потребность. 2000 год

В тот день, когда Прие предстояло впервые увидиться с мужем, с тех пор как сюрприз на день рождения не удался, она долго лежала в ароматной ванне.

Затем надела подчеркивавшее достоинства ее фигуры платье с глубоким декольте; в нем ее талия казалась уже.

Это для меня, а не для Джейкоба. Я хочу выглядеть на все сто. Прия решительно гнала прочь образ — прильнувшее к нему гибкое тело и сияющая юностью кожа.

Прия накладывала макияж, ловко скрывая следы горя, которое ее заставил испытать Джейкоб, и наконец вновь увидела в зеркале классную, собранную, красивую женщину, в которую он влюбился. Ну, почти что. Сложно вот так сразу убрать пятнадцать лет.

Когда Джейкоб встретил ее впервые, ей было двадцать. Она была необузданной, пылкой, вздорной и амбициозной. Прия уже начала приобретать известность, после того как ее малобюджетный документальный фильм, смонтированный буквально на коленках, был куплен Би-би-си и номинирован на премию Британской академии кино и телевизионных искусств. На Прию посыпались предложения со всего мира, однако она отвергла их, решив открыть собственный продюсерский центр. Это было рискованным шагом, однако она была юна, уверена в себе и полна решимости добиться чего-то самостоятельно. С тех пор Прия приобрела репутацию режиссера, снимающего бескомпромиссные, пронзительные фильмы без оглядки на условности и не боящегося высказывать собственное мнение. Несмотря на

холодный прием, оказанный публикой ее последним трем фильмам, Прия осталась верна себе. Она обойдется и без инвестиций Джейкоба. Возможно, ей придется ликвидировать свой продюсерский центр и вновь начать делать фильмы на коленках, но она справится. Джейкоб ей не нужен.

«Возможно, он тебе и не нужен, но ты его желаешь, — рыдало ее сердце. — Можешь хорохориться сколько угодно, но тебе его не хватает. Ты вернешь его — знаешь, что вернешь. Он — для тебя. И так было всегда».

Они познакомились, когда фирма Джейкоба решила инвестировать деньги в продюсерский центр Прии. Он был на десять лет старше ее. Красивый, утонченный, красноречивый, обходительный. Джейкоб относился к Прие так, словно она была для него центром мироздания, самым важным для него человеком. Вскоре Прия влюбилась в него без оглядки. И с тех пор не переставала любить. А он нашел себе подружку помоложе.

Прия сглотнула, чувствуя, что ее вновь охватывает тоска, переполнявшая ее душу, когда она потеряла своих детей. Оба ее ребенка едва успели стать зародышами в ее утробе, однако она все равно любила их всем сердцем и очень надеялась, что они появятся на свет. Прия отогнала и эту мысль, вытеснив ее с помощью гнева, как делала последние несколько дней.

Если она позволит тьме поглотить ее, то уже не сможет отсюда выбраться. Только не в этот раз.

Раньше, даже в самые трудные минуты, рядом с Прией всегда был Джейкоб, помогавший ей со всем справиться и развеять окутывавшее ее отчаяние. Однако теперь она осталась без якоря, без мужчины, неизменно поддерживавшего ее, любившего ее и помогавшего пройти через потрясения, безнадёжность, слезы и ярость.

Когда, потеряв детей, они решили оставить попытки стать родителями, Прия чувствовала себя опустошенной. Однако Джейкоб оставался рядом с ней, и благодаря его любви она нашла в себе смелость взглянуть миру в глаза. Она начала посещать психолога — в основном ради Джейкоба, убежденно-

го в том, что это ей поможет. Сама Прия считала, что помочь ей не сможет *ничто*.

Однако надежды Джейкоба оправдались: психолог ей помог. Прия смогла в какой-то мере стать такой же, как раньше, и вновь начала снимать документальные фильмы, каждый из которых производил эффект разорвавшейся бомбы.

Но каждый день для нее по-прежнему был борьбой, борьбой с желанием замкнуться в себе и, сдавшись, лежать, рыдая, пока она не выплачет все слезы.

Джейкоб знал об этом. И тем не менее...

Боль казалась просто невыносимой.

Посмотрев в зеркало, Прия улыбнулась своей самой лучшей улыбкой и держала ее на лице до тех пор, пока не заболели щеки. Она улыбалась до тех пор, пока ее глаза не перестало щипать от слез, пока из ее взгляда не исчезла боль. Впрочем, Прия знала, что Джейкобу не составит труда увидеть то, что она скрывает под маской, — если он захочет это сделать.

Прия стала дожидаться своего неверного мужа.

Глава 24

Сита

Процессия. 1928 год

Как и предсказывала мать Ситы, они отправились на охоту в паланкине королевы.

Он оказался самым роскошным после паланкина короля.

— В нем помещается пять человек, поскольку я предпочитаю всегда иметь при себе двух служанок, — проинформировала Ситу и ее мать королева, когда они с помощью лакеев робко взобрались на любезно опустившегося перед ними на колени слона. — Остальные паланкины, кроме, разумеется, того, что принадлежит королю, вмещают всего троих.

В самом роскошном из паланкинов ехали король, принцы и отец Ситы, который вскоре должен был стать тестем наследного принца. Выглянув из-под вуали, Сита увидела, что ее

будущий муж улыбается. Его брат не обращал на нее внимания. Его плечи были заметно напряжены.

Когда все расселись по своим паланкинам, оркестр заиграл королевский гимн, а затем под отдававшийся эхом звук конхов¹ процессия двинулась вперед. Лакеи на лошадях ехали впереди, по бокам и позади слонов.

Было просто чудесно взирать на окружающий мир, сидя на спине огромного слона. В глазах матери Сита видела отражение собственного восторга и удовольствия. Слоны двигались плавно, в успокаивающем ритме. «Должно быть, нечто подобное ощущает ребенок, которого качают в колыбели», — подумала Сита.

Как только они выехали за ворота дворца, королева сделала знак своим служанкам и те завесили двери паланкина прозрачным золотистым шелком.

«Я бы не стала закрывать двери», — подумала Сита.

Тем не менее шелк был настолько тонким, что сквозь него было все прекрасно видно. Отведя от лица вуаль и затаив дыхание, девочка смотрела на горожан, собравшихся вдоль дороги и глазевших на процессию. Их словно окутывало золотое сияние.

— Где гепарды? — спросила она.

Королева молчала. Наконец одна из служанок ответила:

— Их увезли раньше, вместе с дрессировщиками. Видите ли, запряженные волами повозки едут медленнее.

Сидевшая рядом с Ситой мать напряглась. Девочка подумала, что она, вероятно, очень остро почувствовала пренебрежение королевы. С того момента как они сели в паланкин вместе с ее величеством, она не проронила ни слова. Сита понимала, что мать нервничает, не зная, может ли первой заговорить с королевой или же ей следует подождать, пока та сама к ней обратится.

У самой Ситы подобных сомнений не было. Теперь, когда королева не удостоила ее ответом, она будет говорить лишь в том случае, если к ней обратятся. Если это означало, что они

¹ Ритуальный духовой музыкальный инструмент (*Примеч. ред.*).

будут ехать в молчании, — что ж, пускай. Снаружи было много интересного. Она не позволит этой грубой женщине — совершенно невоспитанной, несмотря на то что она была королевой (а возможно, именно по этой причине), — испортить ей сегодняшний день.

Бросив резкий взгляд на служанку, которая ответила на вопрос Ситы, королева отвела от лица вуаль и наконец встретилась с девочкой глазами. Взгляд ее величества был мрачным.

Сита знала, что ей следует быть любезной, во всяком случае до тех пор, пока она не выйдет замуж за принца, но она просто не могла вести себя подобным образом, в то время как эта женщина смотрела на нее оценивающим взглядом, так, словно ее будущая невестка была товаром. Мать толкнула Ситу локтем, словно приказывая ей улыбнуться, однако взгляд девочки был твердым и хмурым. Королева первой отвела глаза.

— Надеюсь, внутри ты так же красива, как и снаружи, — наконец произнесла она.

Что это, комплимент? Или оскорбление?

Мать Ситы напряглась еще сильнее. Должно быть, она думала: «Поняла ли королева, как непокорна моя дочь?» При мысли об этом девочке захотелось хихикнуть.

Королева ждала ее ответа. Еще немного помедлив, просто чтобы отплатить будущей свекрови за то, что она ее игнорировала, и дождавшись, когда мать толкнет ее коленом, Сита ответила:

— Это так.

— Надеюсь, ты сделаешь так, чтобы мой сын и королевство тобой гордились.

— Сделаю. — Мать толкнула Ситу локтем, и та добавила: — Я буду брать пример с вас.

«И если вы будете плохо ко мне относиться, заплачу вам вдвойне», — хотелось сказать ей, но она проглотила вертевшиися на языке слова.

Впервые за все время королева улыбнулась, хотя ее взгляд оставался холодным.

— Ты умеешь быть дипломатичной.

Сита скорее почувствовала, чем увидела, что ее мать улыбается. По телу девочки прокатилась волна облегчения. Дипломатичной Ситу назвали впервые в жизни.

— Благодарю. Надеюсь еще больше освоить этот навык, беря пример с вас.

Ложь далась ей легко. Сита вернула королеве ее холодную улыбку.

Оставшуюся часть поездки они провели в молчании. Мать Ситы то и дело пыталась завести разговор — теперь, когда королева нарушила тишину, она чувствовала, что и ей можно это сделать, — однако все ее попытки были тщетными. Служанки суетились вокруг королевы, помахивая веерами и подавая напитки. Королева жаловалась решительно на все — на погонщика слона, на жару, на влажный воздух в паланкине, на неровности дороги. «О каких неровностях она говорит? — недоумевала Сита. — Мы будто плывем. А влажно внутри потому, что ты приказала задернуть занавески». Однако девочка училась быть сдержанной, твердя себе, что это будет продолжаться лишь до свадьбы.

В лесу было прохладнее. Сквозь тенистый полог листвы пробивался темно-зеленый свет. Слоны жизнерадостно шли напролом. Любопытные обезьяны висели на ветвях вниз головами, с опаской поглядывая на процессию.

А затем взгляд Ситы приковал к себе шевельнувшийся на одном из деревьев пятнистый силуэт. Это не обезьяна — те гораздо меньше.

— Смотри!

Девочка схватила мать за руку, и они обе с изумлением уставились на развалившегося на ветвях баньяна леопарда. Широко зевнув и потянувшись, лоснящийся пятнистый зверь, подобно желто-черной молнии, одним грациозным прыжком исчез в лесу.

Королева зевнула так же широко и лениво, как леопард, показывая, что ей скучно. Зачарованная Сита не обратила на нее внимания. Ее сердце бешено колотилось от восторга.

Чуть позже девочка увидела черную морду и прочь от них метнулось темное мохнатое тело. Медведь!

— Это самое захватывающее путешествие в моей жизни! — воскликнула Сита, забыв о том, где находится.

Королева холодно посмотрела на нее.

— Значит, ты еще мало жила.

Сите хотелось огрызнуться, но она прикусила язык и вновь стала смотреть на лес, желая, чтобы оттуда появился тигр, прыгнул на спину слону — девочке было известно, что они иногда так делают, — и утащил королеву.

Ты стала бы хорошим обедом для тигра. Разве это не было бы чудесным концом твоей чудесной жизни, королева, утверждающая, что я еще мало жила?

Однако кровожадные мысли покинули Ситу, когда она увидела гиену, а затем, почти сразу за этим, еще одного леопарда. Радость и удовольствие вытеснили раздражение.

Лес был полон чудес и опасностей, а поездка на слоне приводила Ситу в восторг.

Через некоторое время погонщик вывел слона на берег реки. Остальные слоны собрались вокруг; затем они все вместе вошли в воду и, опустив в нее хоботы, начали пить. Взлетавшие в воздух брызги попадали на сидевших в паланкине женщин, даже несмотря на занавески.

— Погонщик, на нас льется вода! Прекрати...

Однако голос королевы был заглушен восторженным визгом Ситы:

— Как чудесно! Это самая волшебная вещь на свете!

Служанки снисходительно улыбнулись девочке, а королева нахмурилась. Спереди донесся голос погонщика:

— Ему хочется пить, махарани. Мы продолжим путь через минуту.

— Что ж, надеюсь, за это время мы не промокнем насквозь! — рявкнула королева, а затем обернулась к Сите: — Принцессы не визжат. И никогда не перебивают старших.

Сита кивнула: именно этого от нее и ожидают. Однако она задумалась о том, какой унылой должна быть жизнь человека,

не способного радоваться. Какой пресной. Может ли *хоть что-нибудь* сделать королеву счастливой?

Впрочем, когда слоны величественно вышли из воды и вновь углубились в лес, девочка, несмотря на присутствие королевы, не могла сдержать широкую улыбку, и ее радость отразилась на лице ее матери.

Выехав на поляну, слоны остановились. Перед ними расстилалось зеленое море джунглей. Гепарды вместе с дрессировщиками уже были на месте в запряженных волами повозках. Грациозные кошки не обратили на слонов никакого внимания. Они не отрывали глаз от пасшихся на поляне оленей, пребывавших в неведении относительно того, какая участь была им уготована.

— Охота еще не началась, а мне уже скучно, — проворчала королева, откидываясь на спинку сиденья и закрывая глаза.

«Вот зануда! — подумала Сита. — Королева Уныние. Теперь я понимаю, в кого пошел младший принц».

Глава 25

Мэри

Женская репутация. 1936 год

За завтраком миссис Олден с мрачным видом сказала:

— Мэри, можно тебя на пару слов?

Желудок девушки подпрыгнул. Ей стало очень плохо.

Миссис Олден была полной некрасивой женщиной. Жена военного, она возвращалась в Индию после недолгого пребывания в Англии, где ухаживала за своей больной сестрой. Миссис Олден была одной из тех, кто посоветовал Фрэнсис несметное количество средств от морской болезни. Она пыталась быть нянькой всем на борту, а к Мэри, в связи с самочувствием Фрэнсис, проявляла особый интерес.

— Ходят слухи, — решительным тоном начала она.

— Слухи?

Мэри ощутила во рту привкус желчи. Девушке показалось, что съеденный тост просится наружу.

— О том, что ты сблизилась с доктором из местных.

«То, что это обнаружат, было лишь вопросом времени», — распекала Мэри ее совесть.

Однако та сторона ее натуры, которую девушка обрела совсем недавно, велела тревожной части ее личности замолчать, и Мэри ответила миссис Олден, выдавив из себя улыбку:

— О, вы о Винае...

— Вижу, вы уже зовете друг друга по имени, — засопела миссис Олден.

«Она расскажет обо всем твоей тетушке, — предупредила девушку совесть. — У тебя будут неприятности».

Однако Мэри вновь мысленно приказала ей не лезть не в свое дело: «Моя тетушка мне лгала. Почему я вообще должна тревожиться о том, что она подумает?»

— Он мой друг, — спокойно произнесла девушка, обращаясь к миссис Олден.

Губы женщины неодобрительно сжались.

— Мужчины не могут быть друзьями, дорогуша, особенно такие, как он.

— Что вы имеете в виду?

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, дорогуша.

Голос миссис Олден был полон презрения.

— Благодарю за беспокойство, миссис Олден, но я не понимаю, каким образом это касается вас или кого-либо еще, — холодно ответила Мэри.

Вздвогнув, она поняла, что ей это нравится. Как и вчерашний танец с Винаем. Когда удавалось заставить совесть замолчать, Мэри становилось весело.

В конце концов, миссис Олден не сказала ничего такого, о чем совесть ее бы уже не предупреждала.

— Женская репутация чрезвычайно ценна, дорогуша. Насколько я понимаю, ты намерена в свое время выйти замуж.

В ушах у Мэри зазвучал голос тетушки: «Ты сможешь отправиться в Индию и остаться там на год. А затем вернешься сюда и найдешь себе хорошего мужа».

Тетушка, дядюшка, кузины, полная ограничений жизнь в Англии, даже дебют при дворе в следующем сезоне — все это сейчас казалось Мэри таким далеким.

— Я же о тебе забочусь, дорогуша, — недовольно произнесла миссис Олден.

— Миссис Олден, при всем уважении к вам, я не думаю, что на браке свет сошелся клином.

«А это еще что? — пришла в ужас ее совесть. — Ты же хочешь выйти замуж!»

— И кстати о репутации, — продолжила Мэри, вновь не обращая внимания на внутренний голос, — что насчет всех тех женщин, в том числе и ваших подруг, которые то и дело навешиваются в каюты, не принадлежащие ни им, ни их мужьям? Их репутация вас не заботит? Или после свадьбы это уже не имеет значения?

На корабле тоже были свои правила поведения, однако Мэри заметила, что многие пассажиры либо находили способы их обходить, либо вовсе не следовали им. Поначалу это ее шокировало, но, пожалуй, не так сильно, как собственное новое «я», эта храбрая особа, которая осмеливалась не только нарушать правила, но и давать отпор человеку, пытавшемуся ее отчитать.

Губы миссис Олден превратились в тонкую линию.

— Я приглядываю за тобой лишь до тех пор, пока твоя спутница, дражайшая Фрэнсис, не сможет этого делать. — Миссис Олден вновь засопела. — Как я понимаю, ты сирота. Тебе нужно быть осторожнее. Нет ничего хорошего в том, чтобы сблизиться с местными. Послушай женщину, которая прожила рядом с ними дольше, чем ты на этой земле: от них одни неприятности.

— Я ценю вашу заботу, миссис Олден. — Мэри холодно кивнула. Ей пришлось собрать волю в кулак, чтобы добавить: — Благодарю вас.

Мэри нашла Виная там, где и ожидала, — в их любимом месте на палубе.

— Итак, — сказала она, опускаясь на стул рядом с ним и чувствуя, что наконец может вновь вдохнуть полной грудью, вы-

пустив из нее воздух, наполненный пламенным гневом, которой Мэри затаила после пренеприятнейшей беседы с миссис Олден, — завтра мы прибываем.

— Да, — ответил он и, повернувшись к ней, спросил: — Волнуешься?

— Нервничаю.

Винай ждал, что она еще что-то произнесет, и каким-то образом девушка почувствовала, что может излить ему свою душу, рассказать о бушевавшей внутри нее буре эмоций.

— Я... я представляю Индию по своим воспоминаниям. И боюсь, что она может не оправдать надежд, которые я на нее возлагаю. В конце концов, моих родителей не вернуть... — Вздохнув, она тихим голосом призналась в своем самом большом страхе: — Что, если все это — ошибка?

— Это не ошибка, — убежденно ответил Винай.

— Откуда ты знаешь?

— Ты сама сказала мне, что уже ощущаешь в себе изменения. — Он посмотрел на Мэри; его глаза сияли. — По крайней мере, ты попытаешься. Сделаешь что-то, что, по твоему мнению, должна была сделать. И, самое важное, сможешь на что-то повлиять, Мэри.

Слова Винай были отражением ее собственных мыслей, отражением того, чего хотели для нее родители. Ему каким-то образом удалось понять, зачем она это делает, несмотря на то, что Мэри никогда не говорила об этом вслух. Девушка почувствовала к нему нежность, к которой примешивалась боль от осознания того, что уже через несколько часов они расстанутся и каждый пойдет своим путем.

— Спасибо, — тихо сказала она. А затем, сглотнув внезапно вставший в горле комок, попыталась разрядить обстановку: — Меня предупреждали насчет тебя.

— *Правда?* — Винай поднял бровь. Его глаза блеснули. — Тебя это огорчает?

«Да».

— Ничуть.

Он рассмеялся.

Мэри открыла рот, и слова сами сорвались с ее языка:

— Так что нам лучше дать еще один повод для сплетен.

У тебя или у меня?

Едва сказав это, Мэри поняла, что зашла слишком далеко.

«Что ты делаешь? Совсем с ума сошла?»

Однако слово не воробей. Вылетит — не поймаешь.

Под бескрайним небом плескались волны. Океан ревел, и в такт ему стучало ее собственное сердце. Закусив губу, Мэри нашла в себе смелость взглянуть Винаю в глаза. Она ожидала изумления, гнева.

Однако вместо этого увидела вопрос.

И ощутила, как ее охватывает возбуждение... «Должна ли я? Решусь ли?»

«Он — индус. Ты — англичанка. Ты об этом подумала? Что с тобой?»

«Наступит завтрашний день, и я никогда его больше не увижу».

— Вероятно, наши пути больше не пересекутся, — сказал Винай, вновь удивив девушку сверхъестественной способностью читать ее мысли.

Он всерьез думает над моим предложением, которое я сделала в эмоциональном порыве!

— Да.

Сердце Мэри бешено колотилось от восторга и тревоги.

«Пути назад не будет. — Ее усталая совесть из последних сил изрекала банальности, продиктованные паникой. — Ты играешь с огнем».

Однако это был их последний вечер вместе, и Мэри хотела взять от него все.

«Это называется иначе. Это — худшая из возможных ошибок».

Мэри хотела провести этот вечер с мужчиной, в обществе которого ее сомнения по поводу Индии и того, что ожидало ее там, улетучились; в его присутствии она стала другим, более смелым человеком. Этот мужчина относился к ней как к равной, обсуждал с ней прочитанные книги и происходящее в мире, возможность войны в Европе, свою уверенность и ее

сомнения по поводу того, что Индия вскоре станет независимой, свободной от британского правления.

«Беседуйте, как вы все время делали, сидя в уединенном уголке палубы. Не иди с ним в свою каюту».

«Я... я хочу этого». Возбуждающая наглость, потаенный, запретный, сладкий вкус неповиновения — все это побеждало хорошую, послушную девушку, которая никогда в жизни не поступала неправильно.

«Нет, не хочешь. Это не ты».

«Это я», — заявила новая, смелая часть ее личности, и не дожидаясь, пока она струсит, Мэри сказала Винаю:

— Пойдем ко мне.

Она представила себе каюту, в которой они будут только вдвоем, ведь занимавшая соседнюю каюту Фрэнсис, должно быть, уже давно спала.

Сердце Мэри тревожно билось. «Нет, нет, нет! Не делай этого!»

В ушах девушки зазвучал голос миссис Олден: «Ходят слухи...»

Все эти нелепые правила и ограничения для женщин. Общество, следящее за тем, что хорошо и правильно, кто кому подходит, а кто — нет.

И слова родителей: «Мы хотим, чтобы ты была свободна от ограничений, жила так, как тебе хочется».

Вот что они имели в виду?

Вернувшись в Англию, она вновь станет послушной. Будет жить согласно правилам, осознавая ограничения. Не осмелится перейти черту. Мэри это знала. Возможно, она даже хотела этого.

В будущем — но не сейчас. Сейчас она была на корабле, приближавшемся к берегам Индии, вместе с мужчиной, который ей нравился и в глазах которого читались вопрос и приглашение.

В тот момент она чувствовала себя свободной, бесшабашной, невероятно дерзкой. Так, словно была способна на что угодно. И Мэри цеплялась за это чувство с такой же жадностью, с какой внимала словам отца и читала книги, которые когда-то были ему дороги. Она, пусть недолго, побудет кем-то

другим, смелой девушкой, которую не беспокоят правила приличия и которой плевать на запреты.

«Женская репутация чрезвычайно ценна, дорогуша», — вновь послышался голос миссис Олден.

Она, Мэри, современная, начитанная женщина. Которая проведет ночь с мужчиной в своей каюте, если ей этого захочется.

«Мужчины не могут быть друзьями, дорогуша, особенно такие, как он».

Винай шагнул к ней. Теперь он стоял так близко, что Мэри чувствовала исходящий от него запах табака и перечной мяты.

«Что ты делаешь, Мэри?» — вопила ее совесть голосом миссис Олден.

Но было уже слишком поздно. Мэри тоже сделала шаг к Винаю, и они коснулись друг друга...

«Я и сама не знаю».

«Это неправильно».

«Мне это кажется правильным до нелепости».

Винай поцеловал ее на прощание с первыми лучами солнца. Небо в иллюминаторе было девственно-белым.

Мэри лежала, чувствуя себя счастливой и виноватой, дикой и опустошенной, ошеломленной и утомленной.

Глава 26

Сита

Победители и проигравшие. 1928 год

Слоны встали вокруг поляны, и, когда гепардов вывели из повозок и сняли с их глаз колпаки, Сита почувствовала, что ее охватывает восторг.

Словно этих гепардов, меня всю жизнь держали в клетке. Тела готовых к броску хищников лучились скрытой, но от этого не менее впечатляющей силой, пульсирующей и опасной.

Сита взглянула на мать, которая казалась сдвнувшейся: она злилась на королеву за то, что та заставляла ее чувствовать

себя отвратительно в столь восхитительный момент, которого она так ждала. Сита сжала ее руку, сама удивившись тому, какую близость почувствовала. Мать благодарно ей улыбнулась, и девочке стало очень уютно. Ее взгляд вновь устремился на гепардов. Звери натянули поводки, готовые в любую минуту ринуться вперед. Сите хотелось коснуться гепардов, ощутить их энергию, исходившую от них жизненную силу.

У меня бы хватило времени.

— Пустая трата времени, — произнесла королева, с упреком глядя на Ситу. — Я была на охоте всего один раз, да и то вместе с английской герцогиней, пожелавшей все это увидеть.

Она откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза. Служанки стали подобострастно обмахивать ее веерами.

Увидев, что служанки не смотрят на них, Сита и ее мать обменялись презрительными ухмылками. Позже, по дороге домой, мать скажет Сите: «Похоже, вы нашли друг друга. Если бы невесткой этой женщины стала какая-нибудь другая девушка, я бы волновалась, но мне кажется, что с тобой все будет в порядке». Сита в ответ улыбнется. Обе они будут надеяться, что это действительно произойдет, что день свадьбы вскоре назначат и их радужные мечты станут реальностью.

Глядя сквозь занавеску паланкина, Сита едва сдерживала нетерпение.

Погонщики ласково разговаривали со слонами, готовя их к тому, чтобы помчаться вслед за гепардами. Чувствуя повисшее в воздухе напряжение, слоны размахивали хоботами и хвостами.

В мгновение ока гепарды ринулись вперед, двигаясь невероятно грациозно и быстро, прорываясь сквозь кусты и разгоняя оленей. Слоны побежали следом. Паланкин затрясся, и глаза королевы распахнулись. Воздух наполнился электричеством, невероятным, жестоким зарядом предстоящего убийства. Глядя на то, как оказавшиеся в своей стихии проворные гепарды делают то, для чего их создала природа, Сита почувствовала в теле вибрацию, которую никогда прежде не ощущала, — головокружительный восторг и прилив адреналина. На ее внезапно пересохших губах был вкус страха, восторга и алого железа.

Мать зажмурилась, удивив Ситу, никогда не считавшую ее чувствительной.

Не будь рядом королевы, девочка сказала бы ей: «Давай же, открой глаза! Ты ведь так долго этого ждала».

Королева перестала притворяться, будто спит, и с интересом выглядывала из-за занавески. В ее глазах сверкало предвкушение.

Гепарды вихрем налетели на своих жертв. Хищники раздирали когтями шкуры, их клыки впивались в плоть, и ярко-красная кровь заливала желтые тела. В наполнившемся запахом крови воздухе раздавался жалобный рев оленей и победный рык настигавших их гепардов. С деревьев взлетали перепуганные птицы. Минуты казались днями. Из пронзенных сердец вытекали последние алые капли жизни, падавшие в желтоватую грязь.

— Убийство — единственная вещь, ради которой стоит тратить на все это время, — оценивающе глядя на Ситу, произнесла королева, когда все закончилось.

Девочка ничего ей не ответила, глядя, как одни дрессировщики сгоняют гепардов, пока другие собирают олени туши, лежащие на поляне со вспоротыми животами. Грязно-алые пятна посреди пыльной зелени — вот и все, что осталось от красивого стада, которое мирно паслось всего несколько минут назад, не осознавая нависшей над ним опасности.

— Похоже, насилие тебя ничуть не встревожило. Я бы подумала, что столь чувствительная юная особа...

— Это было невероятно — смотреть, как эти удивительные хищники делают то, для чего создала их природа, видеть, с каким проворством и грацией они убивают.

— И тебе не жалко оленей, которые стали жертвами гепардов?

— Так устроен мир. Смерть и жизнь. Победители и проигравшие.

Глаза королевы сузились.

— Твоя мать просто позеленела от страха. Если она не может выдержать небольшого кровопролития, это не очень хорошо для матери будущей королевы.

Сита выпятила подбородок.

— Разве хороший правитель не должен стремиться к тому, чтобы кровь в его королевстве лилась только ради развлечения? — Она почувствовала, что ее мать напряглась. — Именно поэтому мы сейчас здесь. Мирное королевство — это ваша с королем заслуга.

Мать Ситы расслабилась, несмотря на то что взгляд королевы вспыхнул и стал тяжелым, а губы сжались в тонкую линию.

Слоны отправились в обратный путь через лес, и Сита задумалась о бесконечных днях, каждый из которых был столь же монотонным, как и предыдущий, — о днях, из которых (за исключением коротких визитов к Мэри и неудачных попыток убежать, казавшихся теперь столь далекими) состояла вся ее жизнь, жизнь, полная злости на навязываемые ей ограничения, желания испытать *все*, что предлагал ей этот мир, и острого осознания того, как бесцельно она тратит свое время.

А теперь она сидела на спине у слона, взирая на сияющий зеленым светом мир, от которого исходил дух опасности и приключений; мир, залитый красной кровью, усыпанный внутренностями и припорошенный пылью; всматриваясь в глаза, следившие из подлеска за их процессией, вслушиваясь в то, как где-то в джунглях леопард набрасывается на ничего не подозревающую добычу, глядя, как лев потягивается, обнажая когти, как медведица собирает своих медвежат, как стадо буйволов пьет из реки...

Сита познавала этот мир, вкушая его головокружительный, отдававший опасностью изумрудный аромат. Можно ли представить себе жизнь более насыщенную?

Мне больше не будет скучно, после того как я стану частью королевской семьи.

После их возвращения во дворец празднества продолжились. Пирсы и развлечения, развлечения и пирсы. Королева беседовала с гостями и вела себя доброжелательно. Она часто

улыбалась, а пару раз даже засмеялась. Похоже, она *могла* быть любезной, когда ей самой этого хотелось.

Воспользовавшись тем, что взгляды окружающих больше не были устремлены исключительно на нее, Сита выскользнула из женского банкетного зала, намереваясь разыскать гепардов и одобрительно похлопать их по спинам. Как и во время королевского дарбара, когда случилась изменившая ее судьбу встреча с принцами, девочка шла через роскошные залы дворца, однако теперь к ее благоговению примешивалось еще и чувство собственности. «Однажды все это будет моим», — говорила она себе.

Сита стояла перед портретом одного особенно свирепого предка короля, махараджи Бикрама, рядом с которым вместо портрета его жены висела пустая рама, когда ощутила чье-то присутствие.

— Вижу, тебе удалось сбежать.

Вихрем крутнувшись на месте, Сита увидела своего будущего мужа. Он улыбался, его глаза блестели.

Внезапно девочка остро осознала, что ее голова непокрыта, а коса распустилась. У Ситы покраснели щеки, и она закусила нижнюю губу, ощутив непривычную для себя застенчивость.

— Да.

— На это я и надеялся. Потому и прокрался сюда.

На это я и надеялся. От его слов сердце Ситы наполнилось теплом.

— Я хотела увидеть гепардов. Погладить их.

— Тебе понравилась охота?

— Это было невероятно! — пылко ответила она.

Принц широко ухмыльнулся.

— Именно поэтому я и уговорил отца тебя пригласить. «Такие развлечения не для светских дам», — сказал он, да ты и сама видела, что моя мать терпеть этого не может и обычно отказывается ездить с нами. Но мне казалось, что тебе охота понравится.

— И мне действительно понравилось! Спасибо тебе.

— Моя мать захотела тебя сопровождать: хоть ей и не нравится охота, но оставаться не у дел нравится еще меньше. Надеюсь, она не слишком действовала тебе на нервы. С ней бывает сложно, если она плохо кого-то знает.

Следовало ли сказать ему правду? Что ж, почему бы нет, раз уж они должны пожениться?

— Она была просто невыносима.

Принц расхохотался; его смех эхом отдавался от стен коридора.

— Уверен, она тебя полюбит, — сумел выдавить он из себя между взрывами хохота.

— Сомневаюсь.

Принц засмеялся еще громче.

Кто бы мог подумать — ему *и правда* нравилась ее дерзость. И он совершенно не возражал против того, чтобы она говорила то, что действительно было у нее на уме.

Находясь рядом с кем-то, кто принимал ее прямоу и любил ее за это, Сита ощущала себя свободной. Это заставляло ее чувствовать себя непобедимой. То, что этот человек должен был стать ее мужем, приводило Ситу в еще больший восторг и, говоря начистоту, вызывало у нее огромное облегчение.

Девочка очень надеялась на то, что их свадьба состоится. Единственная сторона королевской жизни, которая заставляла Ситу чувствовать себя неуверенно и даже пугала ее, — это отношения с другими людьми. Своих родителей она постоянно разочаровывала — хотя после того, как принц сделал ей предложение, ситуация, конечно же, изменилась. А после того как Кишан отправился в школу, у его любви тоже появилось условие — «будь послушной, сговорчивой и веди себя, как и положено приличной барышне». Мэри любила и воспринимала Ситу без оговорок, однако винила ее в аварии, во время которой погибли ее родители.

Но принц... Он, казалось, любил ее такой, как она есть. Брак с ним внезапно перестал ее пугать.

— Итак, ты шла навестить гепардов?

— Да, но задержалась здесь. Почему нет изображения жены махараджи Бикрама? Ее имя написано под рамой. Вместо фотографии вставлена пустая пластина.

— В прошлом короли не выставляли фото своих жен на всеобщее обозрение. Они держали их у себя. Но не волнуйся, когда ты станешь моей королевой...

Когда ты станешь моей королевой. Сита почувствовала, как по всему ее телу разливается тепло.

«Берегись, — предупредила девочку осторожность. — Он может отвернуться от тебя, когда ты меньше всего будешь этого ожидать. Как твой брат. Как Мэри».

«Не отвернется, — ответила осторожности Сита. — А если и отвернется, к тому моменту это уже не будет иметь значения, ведь я стану королевой».

Однако она решила не терять головы и быть осмотрительнее. Просто на всякий случай.

Появился слуга с сообщением для принца.

Будущий муж Ситы виновато улыбнулся.

— Если ты пройдешь через первую комнату налево, то окажешься прямо на окружающей дворец территории и легко найдешь вольеры для гепардов. Прости, что не могу составить тебе компанию.

Прежде чем она успела что-либо ответить, принц удалился, ни на шаг не отставая от слуги. Сита смотрела ему вслед, и на ее губах играла улыбка.

Глава 27

Мэри

Давно забытые слова. 1936 год

Индия.

Запахи. Грязь, специи, ладан, солнечный свет, пот, влажность и еще что-то неуловимое и в то же время до боли знакомое. Мэри глубоко вдохнула и наполнила всем этим свои

легкие. Она вспоминала давно забытые слова, фразы на языке, которым не пользовалась с тех пор, как покинула Индию много лет назад. На языке, который она выучила раньше, чем английский, на языке, на котором аяя пела ей колыбельные, говорила ласковые слова и утешала ее.

Все по-прежнему здесь, в моем сердце. И оно возвращается. Я возвращаюсь.

Первое впечатление от страны, которую Мэри покинула еще ребенком, вскоре после смерти родителей, испортила миссис Олден.

— Вот ты где, — сказала она, выйдя на палубу.

Мэри оперлась об ограждение, глядя на приближавшийся берег. Если ее щеки и покраснели, то виной тому была жара, а не воспоминания о том, что она совершила прошлой ночью. Могла ли миссис Олден обо всем догадаться, глядя на ее лицо? Произошли ли в Мэри изменения, которые могла почувствовать другая женщина? Не из-за этого ли миссис Олден была сейчас здесь?

Винай не появился за завтраком; его место рядом с капитаном пустовало. В толпе людей, собравшихся на палубе, чтобы посмотреть на берег, его тоже не было. Стулья, и их стулья в том числе, с палубы уже убрали.

— Надеюсь, ты не восприняла мой совет превратно, Мэри, — сказала миссис Олден. — Я думала, что мне следует тебя предупредить, учитывая, что доктор женат и все такое.

Мэри схватилась за ограждение, не веря своим ушам. Внезапный порыв бриза, поднявшего в воздух песчинки, ударил ей в лицо, и глаза девушки защипало от слез. Она сердито моргнула и обернулась к миссис Олден, силясь понять, не шутит ли та.

Миссис Олден не шутила. Выражение ее лица было таким же важным и самодовольным, как и всегда.

— Он учился в Англии и теперь возвращается к своей жене. Но тебе, разумеется, об этом известно, раз уж вы с ним такие друзья.

Глаза Виная. Прошлой ночью они потемнели от желания. Он ласкал ее так, словно она была хрупкой драгоценностью. Была для него единственной...

Собрав волю в кулак, Мэри заставила свои губы сложиться в подобие улыбки, хотя едко-фиолетовая горечь предательства превращала в пепел вкус его поцелуев, который девушка все еще ощущала.

Взгляд миссис Олден был полон понимания, и Мэри сказала:

— Да, известно. Ее зовут... Сита, и, по словам Виная, у нее вздорный характер. Она постоянно готова с кем-нибудь поссориться. Все это время он скучал по ней, и ему не терпится снова с ней встретиться.

Каждое произнесенное слово, наполненное желтым, горьковато-соленым вкусом вероломства и нежелания с этим вероломством мириться, резало слух Мэри, словно нож.

Но миссис Олден ее уже не слушала. Ее внимание приковала приближавшаяся к ним нетвердой походкой Фрэнсис, лицо которой было покрыто мертвенной бледностью.

— Дорогуша! — воскликнула миссис Олден, обращаясь к ней. — *Как вы?*

Почувствовав облегчение от того, что пронизательный взгляд этой дамы больше не устремлен на нее, Мэри обернулась к морю. Волны вздымались, будто досада и боль, которые разожгли в ее душе слова миссис Олден. Казалось, море шепчет: «Он женат».

Инстинктивно ощутив, что на нее смотрят, Мэри взглянула влево.

Она увидела глаза Виная, глаза, в которых было все, что случилось между ними прошлой ночью.

Лжец!

Мэри быстро отвернулась, однако все же успела заметить мелькнувшее на его лице выражение боли. От этого она должна была бы почувствовать себя лучше, однако вместо этого девушке захотелось всхлипнуть.

Она еще некоторое время продолжала ощущать на себе взгляд Виная, а затем краем глаза увидела, что он развора-

чивается и уходит. Через несколько минут его поглотила толпа.

Трус!

Мэри выдохнула. Она не знала, испытывает ли облегчение или огорчается из-за того, что он не решился подойти к ней и завязать разговор. Впрочем, следовало ли ему вообще это делать? К чему бы это привело? Скоро их пути разойдутся и он отправится к своей жене. Мэри вновь ощутила во рту соленый вкус слез. На сей раз он был синим, подобно гематоме.

На берегу к воде приближалась процессия. Люди танцевали, пели и причитали, держа над головой мягкий сверток, который, как Мэри, судорожно вздохнув, осознала, был чьим-то телом. Ее вздох эхом отразился в толпе.

Она поняла, что маленький огороженный участок побережья был крематорием. Под продолжавшиеся песнопения тело осторожно уложили на погребальный костер из хвороста. К дереву поднесли зажженную ветку, и пламя взвилось в небо, ярко-оранжевое на фоне серых облаков.

Конфетти из пепла. Запах дыма и земли, горения и смерти.

— Я так и не поняла этих язычников, несмотря на то что провела в их стране много лет, — сказала миссис Олден, фыркнув.

Ураган эмоций, бушевавший в душе у Мэри, вспыхнул пламенной яростью, обрушившейся на стоявшую рядом с ней женщину.

— У них свои обычаи, у нас — свои, — выпалила она, не отрывая взгляда от берега. — Кто сказал, что наши — лучше?

Девушка услышала, как миссис Олден резко вздохнула.

— Прошу меня простить, — холодно сказала она Фрэнсис и зашагала прочь.

— Зачем было ей грубить? — мягко укорила Мэри ее дужня. — Она не знает ничего другого.

— А следовало бы знать, учитывая, сколько она прожила в Индии, — парировала девушка, часто моргая, чтобы

не позволить слезам выступить у нее на глазах при виде удивленного лица Фрэнсис, не ожидавшей от своей деликатной подопечной такой резкости.

— Я понимаю, ты нервничаешь, — после короткой паузы произнесла Фрэнсис. — Волнуешься из-за того, что тебя ждет.

Она сжала руку Мэри, пытаясь ее успокоить, однако от этого бушевавшая в душе девушки злость и желание расплакаться стали лишь еще сильнее.

Сделав над собой усилие, Мэри слабо улыбнулась своей дуэнье.

— Ты права... — начала было она, однако слова застряли у нее в горле.

Перед ними стоял Винай.

Предатель! Лжец!

Не хочу больше тебя видеть!

Хочу, чтобы ты обнял меня и поцеловал так же, как прошлой ночью, прогнав мою печаль.

— Мисс Грин, рад видеть вас на палубе. Вам уже лучше?

— Гораздо лучше, благодарю вас.

— Я пришел, чтобы попрощаться и пожелать вам обоим всего наилучшего, — сказал Винай, и на этот раз его глаза встретились с глазами Мэри.

Те самые глаза, которые прошлой ночью смотрели на нее с такой нежностью и таким желанием. В них было столько невысказанных слов — слов, которых хватило бы на продолжительную беседу об их дружбе.

О дружбе? Скорее о соблазнении.

Мэри отвела глаза и стала глядеть на разбивавшиеся о берег грязно-желтые волны.

— Я также хотел вернуть книгу, которую взял у вас, мисс Бригам.

Винай протянул Мэри томик.

Фрэнсис вопросительно подняла бровь.

— Мы часто беседовали на палубе и выяснили, что наши вкусы очень похожи, — продолжал Винай. — Мисс Бригам любезно согласилась одолжить мне одну из своих книг.

Ты — искусный лжец. А я — дура, позволившая обвести себя вокруг пальца.

Винай коротко кивнул, пожирая Мэри глазами, и удалился.

Я никогда больше тебя не увижу.

— «Опыт о человеческом разумении» Джона Локка. Не знала, что эта книга есть в твоей коллекции, — сказала Фрэнсис, заглянув Мэри через плечо и прочтя название вслух.

— Ох. Мммм...

Мэри не знала, что ответить.

— Мэри, я очень устала, — вздохнула Фрэнсис. — Я немного посижу внутри, если ты не против.

— Я пойду с тобой.

Большой зал был пуст. Лишенный блеска, наполнявшего его по вечерам, — мерцающих канделябров, сверкающих украшений, красивых платьев и выглаженных костюмов, — он казался каким-то ветхим. Здесь слабо пахло духами и хлоркой, и этот запах навевал ностальгию и воспоминания о прошедшем празднике.

Фрэнсис откинулась в кресле, вытянув ноги.

— Ты не хочешь пойти в каюту?

— Там сейчас убирают, а наши чемоданы уже несут на палубу, — устало ответила Фрэнсис, закрывая глаза.

Дождавшись, когда дыхание ее дуэньи станет ровным, Мэри открыла книгу.

Внутри была записка.

Дорогая Мэри!

«Тот, кто хочет всегда быть счастливым и мудрым, должен часто меняться». Конфуций

«Слушай свое сердце и иди в том направлении, которое оно тебе укажет». Руми

Спасибо за то, что была мне другом в этом путешествии. Желаю тебе всего самого лучшего.

Винай.

Девушка сунула записку в карман платья и погладила обложку книги.

Она смотрела, как страна, где упокоились ее родители, страна, где жили друзья ее детства, становилась все ближе и ближе.

И, приложив руку к своему все так же болевшему сердцу, задумалась о том, что ожидало ее там.

Глава 28

Сита

Публика. 1928 год

Гепарды отдыхали после охоты. Они выглядели безобидными — сложно было поверить, что еще совсем недавно эти звери, охваченные охотничьей яростью, напрягая рельефные мышцы и сухожилия, бросались на своих жертв и впивались в их плоть зубами.

— Можно мне?.. — спросила Сита у дрессировщика.

Он вывел одного из гепардов, и девочка провела рукой по его шерсти. Ей казалось, будто она гладит собаку, ощущая, впрочем, что этот зверь гораздо сильнее. В его теле чувствовалась скрытая мощь.

— Значит, ты все-таки исполнила свое желание.

Перед ней стоял младший из принцев, скаля зубы в подобии улыбки. Истинный сын своей матери. Он был похож на королеву и вел себя как она. Так, словно ему было все позволено.

Но скоро все изменится. Сита проследит за этим. *Победила я, а не ты.*

Словно прочитав ее мысли, принц рывкнул на дрессировщика:

— Кто разрешил тебе выводить гепарда из вольера и позволять посторонним его гладить?!

— Я не *посторонняя*, — сказала Сита, попавшись на удочку.

— Ты еще не вышла замуж за моего брата. Мой отец может изменить свое решение. Пока что ты посторонняя, что бы ты о себе ни думала.

Как же ей хотелось стереть с его лица это самодовольное выражение! И она сделает это. Всему свое время.

Ты такой же, как и я. Амбициозный. Как же тебя, должно быть, бесит, что твой брат унаследует трон лишь потому, что родился на минуту раньше.

Я знаю, какой болезненной может быть несправедливость. Я сама была лишена образования только потому, что я девочка.

И именно из-за этого понимания Сита сказала:

— Не стоит превращать меня в своего врага.

Принц рассмеялся лишенным веселья, мрачным смехом:

— Ха! Думаешь, у тебя будет власть, *если* ты выйдешь замуж за моего брата? У тебя, простой женщины? Думаешь, моя мать хоть чем-то управляет? Ее обязанность заключалась в том, чтобы привести в этот мир наследников, — вот и вся ее роль в жизни королевства. Родив нас с братом, она перестала быть полезной. Как думаешь, почему она так озлоблена?

Сита сжала кулаки в бессильном гневе.

— Я всю жизнь пытаюсь бороться с несправедливостью, окружающей меня из-за того, что я девочка. Я не позволю, чтобы так продолжалось и дальше, когда я стану королевой! Я буду принимать участие в управлении королевством. Люди *будут* меня слушать! Я изменю положение вещей.

Принц хихикнул.

— *Если* ты выйдешь замуж за моего брата. Моя мать не хочет, чтобы Джайдип на тебе женился; у нее есть целая армия принцесс, желающих занять твое место, — девочек королевской крови с безупречной родословной. Быть может, она и не смогла помешать вашей помолвке, но сделает все возможное, чтобы расстроить ваш брак. Пока что ей удалось отложить свадьбу с помощью жрецов, которые якобы определяют благоприятную дату для свадьбы. Кто знает? Возможно, ей удастся

откладывать вашу свадьбу до бесконечности и мой брат, устав от ожидания, женится на ком-нибудь другом.

Моя свобода, похвалы родителей, знания, власть — все, чего я всегда желала, находится на расстоянии вытянутой руки. И теперь никто не сможет у меня это отнять!

Сите вспомнилось многозначительное, насмешливо-самодовольное выражение лица королевы, которая смотрела на нее так, словно она была каким-то недоразумением.

— На более подходящей девушке... — произнес принц.

— Я — самая подходящая, — перебила его Сита, гордо расправив плечи.

Принц вновь холодно рассмеялся.

— На девушке, — продолжал принц, выделяя каждое слово, — которая обладает аристократическими связями. А не на неизвестной особе, которая не видела дворца, пока ее туда не пригласили.

Сильно прикусив губу и почувствовав горячий металлический привкус крови, Сита вспомнила, какое благоговение она чувствовала, бродя по дворцу в первый раз.

Видел ли этот принц ее в те минуты? Или, возможно, ему доложил обо всем кто-то из слуг? Были ли во дворце шпионы? Или у нее паранойя?

Девочка смотрела, как дрессировщик уводит гепарда. Зверь был спокоен, никак не демонстрируя, сколь сильным, опасным и жестоким он был.

Я буду такой же. Буду учиться у гепардов. Горе тем, кто меня недооценивает. И тебе в том числе, принц.

Глава 29

Мэри

Другое. 1936 год

Мэри сошла с корабля на индийскую землю, вдыхая воздух, полный песка. Он был другим. Совершенно другим.

Она нарушила правила, и это позволило ей почувствовать себя свободной, однако теперь в ее душе бушевал ураган противоречивых эмоций. В какой-то мере это можно было объяснить тем, что Мэри приехала в страну, где жила со своими родителями, охраняемая их любовью.

Однако в основном дело было в Винае и в том, что она к нему чувствовала. А еще — в том, что он утаил от нее, придав привкус лжи всему, что говорил Мэри до этого. Существовала ли их дружба лишь в ее воображении? Действительно ли Мэри была ему небезразлична и он наслаждался их беседами так же, как и она сама, или же все это было лишь для того, чтобы соблазнить ее? Но как тогда объяснить книгу, которую он ей дал, и спрятанную в ней записку? Цитаты, которые, как предположила Мэри, были тщательно подобраны и призваны облегчить ее страхи и нервозность из-за поездки в Индию? Это ведь означало, что она была для Виная не просто наивной, глупой игрушкой, не так ли?

Папа и мама, вы хотели, чтобы я была свободной. Но не причиняет ли свобода боль? Не несет ли она с собой чувство вины и тоску? Не мучит ли угрызениями совести? Сомнениями по поводу того, правильно ли человек поступил?

Смелая и дерзкая часть ее личности, которую Мэри открыла в себе, общаясь с Винаем, отступала, а девушка — точнее, теперь уже женщина, — искавшая утешения в правилах и никогда не выходившая за рамки приличий, возвращалась, хотя, конечно, и с опозданием.

Мэри подумала о том, чтобы швырнуть книгу Виная вместе с запиской в море, однако не смогла решиться на это. Вместо этого она спрятала томик поглубже в своих вещах, решив оставить Виная и свое короткое приключение на борту корабля в прошлом. Она не откроет эту книгу, не прочтет и даже больше на нее не взглянет.

И все же Мэри вспоминала Виная вновь и вновь — и когда они сходили на берег, и во время слезного прощания с Фрэнсис. Мэри плакала из-за того, что расставалась со своей

спутницей, и из-за Виная, и потому, что, открыв другую, более смелую часть своей личности, боялась теперь принять ее, с изумлением осозная, что из-за своего отчаянного поступка едва не потеряла все.

Во время поездки на поезде в Хавальдар, а затем в карете, ожидавшей ее на станции, Мэри глядела на пронесившиеся за окном пейзажи, так непохожие на английские и в то же время странно знакомые, и на нее накатывали образы из детства. Воспоминания, скользившие прежде по краю ее сознания, теперь обрели форму — так, словно, приехав в Индию, она вновь надела кожу, которую сбросила, когда, осиротев, поднималась на корабль, плывший в Англию.

Отец, качавший ее на качелях, которые сам повесил к росшему у них во дворе баньяну. «Смотри, твои ноги почти касаются неба!» В его громоподобном смехе эхом отражался ее собственный залиvistый визг, полный восторга и страха. Запах жасмина и эвкалипта, привкус адреналина...

Желавшая доказать свою смелость Сита держала в руках змею. Факир с дредлоками, носивший питона на шее, словно это был живой, движущийся шарф, за монетку обернул змею вокруг ее тела, заверив девочку, что «она не укусит».

Прищурившись от страха, Мэри, кусая губы и сжав кулаки, смотрела, как питон, который был больше, чем ее подруга, медленно полз по ее телу. Сита стояла неподвижно. Ее губы были сжаты, выражение лица стало сердитым. Мэри понимала, что таким образом она пытается скрыть страх.

Мэри не могла на это смотреть и все же не закрывала глаз. Это было наименьшим, что она могла сделать для своей храброй подруги.

«Ты такая смелая, Сита!» — благоговейно прошептала она, когда факир наконец забрал змею.

В ее голосе слышалось облегчение.

«Теперь твоя очередь», — ответила Сита, и, прежде чем Мэри успела возразить, змея была уже на ней.

Мэри помнила жирное прикосновение питона, заскользившего по ее телу. От шока и ужаса она не могла пошевелиться. Ее глаза встретились с глазами Амина, в которых она увидела отражение собственного страха — он полз по ее телу, будто змея. Питон раскрыл свою пасть так широко, что, казалось, мог проглотить ее целиком, и девочка до крови прокусила свою нижнюю губу, ощутив вкус меди и паники. Однако затем, при виде просиявшего лица подруги, на нее нахлынуло чувство облегчения и гордости.

«Видишь? Ты такая же смелая! — сказала Сита. — Ты просто этого не знала!»

Факир улыбнулся беззубым ртом, обнажив кровоточащие десна. Его дыхание источало аромат паана.

«Храбрая девочка», — произнес он.

Карета пересекла дорогу у подножия холма, на вершине которого стоял огромный, роскошный, великолепный дворец.

«Должно быть, это резиденция короля Хавальдара», — подумала Мэри. Школа, в которой она будет учить детей, пусть и управлялась монахинями, однако находилась под патронажем короля.

Дворец стоял на холме, огромный и просторный, а люди жили в хижинах внизу. Смешение нищеты и невероятной роскоши. Воистину Индия — страна контрастов.

В городе, садясь на поезд, Мэри видела протестующих. «Мы хотим независимости, хотим получить свою страну обратно!» — скандировали они.

Британская полиция разогнала толпу дубинками.

И внезапно в голове у Мэри зазвучал голос Виная: «Скоро Индией будут править индусы».

Девушка попыталась отогнать мысли о нем, однако вместо этого вспомнила слова из его прощальной записки: «Слушай свое сердце и иди в том направлении, которое оно тебе укажет».

Мое сердце привело меня сюда, в эту пыльную, выжженную солнцем страну парадоксов.

Мое сердце выбрало тебя, Винай. А ты... Ты просто воспользовался мной.

Жара была такой же липкой и неотступной, как и ее тоска. По Винаю. И по знакомым зеленым холмам Англии. По дому. Мэри закрыла глаза, представив своих кузин. Наверное, они сейчас в оранжерее. Роуз пишет письма, Лили шьет, а Айрис мечтает, сидя в кресле, и на ее хорошеньком лице играет улыбка. Если бы Мэри была вместе с ними, она сидела бы на канапе и читала.

Ей не хотелось открывать глаза, не хотелось принимать реальность этой странной земли, которая была ей чужой, даже несмотря на то, что казалась такой знакомой. Однако Индия спешила оставить на ней свой след, вызывая физическую реакцию: из-за жаркого, беспощадного солнца пот градом стекал по ее шее, и очень скоро одежда Мэри прилипла к телу.

Карета остановилась на окраине города, у маленького кирпичного здания с черепичной крышей и многочисленными украшениями вроде машущих рук, в совершеннейшем беспорядке свисавших с обеих сторон. Дом был окружен поросшим мхом кирпичным забором. На огороженной территории был разбит огород, соседствовавший с цветниками и фруктовыми деревьями.

Вид этого беспорядочного изобилия вызвал у Мэри живые воспоминания о доме ее детства с его хаотично расположенными клумбами, создававшими впечатление полнейшего смешения красок. Мать босиком ходила между ними, наклоняясь, чтобы понюхать розы или жасмин, и ее ярко-желтая шляпка, надетая вместе с красным платьем, превращала ее в такое же смешение красок. Мэри покачала головой, пытаясь прогнать образ матери. Сейчас не время.

Под деревьями сидели маленькие девочки, читая вслух расписание.

Когда карета остановилась, они замолчали и повернули головы, с любопытством глядя на Мэри.

Выйдя из кареты, Мэри отряхнула платье. Под устремленными на нее взглядами девушке стало неловко. Ее охватила желто-зеленая паника. Что она вообще здесь *делает*?

За девочками приглядывала полная монахиня с добрым лицом. На ней было черно-белое одеяние с прикрепленным к нему огромным крестом. Она подошла к карете, улыбнулась и, не говоря ни слова, заключила Мэри в объятия.

Ошеломленная девушка стояла совершенно неподвижно, не зная, какие порядки здесь заведены. Должна ли она обнять монахиню в ответ? Не будет ли это дерзостью, ведь эта женщина — одна из ее нанимателей?

Какое-то время монахиня продолжала обнимать Мэри, по-видимому, не замечая ее замешательства. От женщины пахло сырым луком и потом.

— Вы, должно быть, Мэри, — наконец произнесла она. — Я — сестра Кэтрин. Добро пожаловать, дитя.

Затем она обернулась к девочкам:

— Дети, что мы должны сказать мисс Бригам?

Девочки поднялись, шурша платьями и отряхивая их от пыли. Стоя под фруктовыми деревьями, они взяли за руки и, торжественно посмотрев на Мэри, произнесли в один голос:

— Добро пожаловать в Индию, мисс Бригам! Добро пожаловать в нашу школу!

Мэри немного успокоилась и смогла сделать вдох. Это всего лишь дети. Маленькие девочки, ищущие свой путь, как и она когда-то. Точнее, Мэри искала его до сих пор. И она сделает все, что в ее силах, чтобы помочь им его найти. Тогда, возможно, та часть ее личности, которая напоминала корабль без руля и без ветрил после того, как к ней вернулись детские воспоминания (и из-за которой она, возможно... нет, Мэри не станет к этому возвращаться), обретет утешение и позволит Мэри, оставив прошлое в прошлом, вновь двигаться вперед, вернуться в Англию и исполнить задуманное.

Девушка вновь ощутила жгучую тоску по дому тетушки и дядюшки, по окружавшему его безупречному зеленому саду, по привычной и комфортной рутине, по беззаботной болтовне

кузин. Мэри с трудом избавилась от этого чувства и, улыбнувшись детям, вдохнула аромат манго и ананасов.

— Спасибо, — сказала она. — Я очень рада, что приехала сюда.

Глава 30

Сита

Аудиенция. 1929 год

Королева потребовала, чтобы Сита и ее мать явились на аудиенцию — на «частный дарбар», как говорилось в приглашении.

— Возможно, она хочет сообщить нам дату свадьбы и обсудить вопросы, связанные с подготовкой к ней.

Голос матери был полон энтузиазма, и Сита почувствовала, что ее тоже окрыляет надежда.

Со дня гепардовой охоты прошло уже несколько месяцев, однако никакой информации о дате свадьбы не было. Мать Ситы сначала немного встревожилась, потом занервничала сильнее, а затем ее охватило настоящее беспокойство.

«Что, если все сорвется?» — твердила она, заламывая руки. «Чем вызвана задержка?» — вопрошала она, ни к кому не обращаясь, сидя в кресле и глядя на кухню. Суетившиеся там служанки оборачивались к ней, думая, что госпожа говорит с ними, однако, увидев хмурое выражение ее лица и боясь получить нагоняй, тут же возвращались к работе.

Сита тоже была сама не своя, хоть и не подавала виду. Теперь, когда все ее мечты были на расстоянии вытянутой руки, ей хотелось схватить их и попробовать на вкус.

По ночам она ворочалась в постели, не в силах заснуть. Сита видела выражение лица младшего принца, говорившего: «На более подходящей девушке...» Его многозначительную, надменную ухмылку. Слышала презрение в его голосе.

Свобода, которой она так жаждала всю жизнь, была на расстоянии вытянутой руки, вместе с властью и уважением, а еще — с лестью родителей и всего королевства.

И все же каждый день, который прошел без вестей из дворца, казалось, все больше отдалял это от нее.

Отец снова ее игнорировал. Улыбки сменились хмурым выражением лица, из-за чего он выглядел старым и усталым.

«Возможно, если бы в паланкине ты приложила больше усилий к тому, чтобы расположить к себе королеву, — бросила ей мать два дня назад, — мы бы сейчас не гадали, действительно ли до сих пор предложение принца!»

Сита, не в силах молчать в присутствии осуждавшей ее матери и не желая признавать, какую боль причинили ей эти слова после того, как мать была так ласкова к ней последние месяцы, крикнула в ответ:

«Ты была там вместе со мной! Почему же ты не подружилась с королевой? Насколько я помню, ты сидела тихая и испуганная, боясь даже улыбнуться в ее присутствии!»

Слуги громко вдохнули и замерли, перестав мыть, чистить, нарезать, жарить, просеивать и помешивать.

«Это из-за твоей наглости мы оказались в такой ситуации!» — заорала мать.

Ее лицо налилось кровью и стало фиолетовым; глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

«Если под “такой ситуацией” ты имеешь в виду мою помолвку с принцем — ты права, — парировала Сита. — Ты не посмеешь говорить со мной в таком тоне, когда я стану королевой!» — крикнула она, выходя из комнаты.

«Как ты смеешь? Немедленно вернись!» — завизжала мать, однако Сита притворилась, будто не слышит. А еще она сделала вид, что слезы у нее на глазах выступили из-за песчинок, поднятых летним ветром, и резкого запаха лука, доносившегося с кухни.

Ночью Сита пыталась представить лицо наследного принца, однако, несмотря на все ее усилия, ей это не удалось, хоть она четко видела гепардов в их дикой красоте и дворец с его

тайным внутренним двориком и бесконечными, полными сокровищ залами.

Она хотела владеть этими животными, хотела, чтобы ей принадлежала комната, полная книг, хотела обладать еще многим. Это желание было таким отчаянным, что девочка ощущала во рту привкус железа и от бессилия сжимала кулаки.

Мечты, которые почти осуществились, были ослепительными и застилали взор. Однако больше всего Ситу мучило то, что она не была хозяйкой своей судьбы. До встречи с принцем она собиралась сбежать из дома и добиться чего-нибудь в этой жизни. Но затем отказалась от этого ради новой возможности, ради другого пути, который мог подарить ей свободу — свободу королевы.

Однако это означало зависимость от королевского двора, от сложной игры, в которой она, Сита, будет пешкой: король и суженый Ситы с одной стороны, младший принц и королева — с другой. И пока не объявят победителя, она будет находиться в подвешенном состоянии.

А теперь это приглашение. От королевы.

Это уже *что-то*. Однако не то, чего ожидала Сита.

Приглашала ли королева их во дворец ради того, чтобы сказать, что свадьба отменяется, ради того, чтобы позлорадствовать?

Потому что, если бы дата свадьбы была назначена, разве король не изъявил бы желание встретиться с отцом Ситы? Почему королева приглашает Ситу?

Девочка вспомнила слова младшего принца: «Думаешь, у тебя будет власть, *если* ты выйдешь замуж за моего брата? У тебя, простой женщины? Думаешь, моя мать хоть чем-то управляет?»

Зачем ты себя накручиваешь? Выше нос, Сита. Это еще не конец света.

Однако он наступит. Ведь Сита так мечтала об этой свадьбе.

Ей была ненавистна сама мысль о том, что осуществление ее мечты зависит от капризов королевской семьи, что ее судь-

ба столь хрупка, что ею может управлять кто-то другой — так, как это было всю ее жизнь.

Когда я стану королевой, все будет по-другому. Я сама буду хозяйкой своей судьбы, сама определю направление, в котором буду двигаться. Никто не сможет диктовать мне свои условия, заставляя подчиняться чужой воле и делать то, что мне не нравится.

Когда я стану королевой... Если я ей стану...

Стану ли я королевой?

Дарбар королевы проходил не в Тронном Зале, а в другом, столь же пышном помещении, расположенном в восточном крыле дворца.

— Ты — девочка, о которой все говорят, — произнесла одетая в шитый золотом наряд женщина с густо напудренным лицом, поравнявшись с Ситой и ее матерью, когда они шли по широким, богато украшенным коридорам дворца в зал дарбара.

Во время прогулки по дворцу в тот судьбоносный день, когда ее жизнь изменилась, Сита не побывала в этой части дворца, выглядевшей еще более роскошно, если это вообще было возможно. «Чем больше я знакожусь с этим дворцом, тем больше сокровищ нахожу», — подумала девочка.

— Ты огорчила многочисленных принцесс и их матерей-интриганок. Все они присутствуют на сегодняшнем дарбаре, желая понять, что такого есть в тебе, чего нет в них.

Женщина покосилась на Ситу, и в ее глазах появился оценивающий блеск.

— Поэтому вы здесь? — с прохладой спросила Сита.

Женщина рассмеялась.

— Разумеется. Ни за что бы это не пропустила.

Сита улыбнулась. Эта женщина ей нравилась.

— Значит, дарбар устроили ради этого? Чтобы все смогли взглянуть на меня?

«Это означает, что свадьбу никто не отменял», — мысленно добавила она.

— Полагаю, что да. На дарбаре будут многочисленные приятельницы королевы, а также матери принцесс, которых не выбрали из-за *тебя*. Известно ли тебе, что ты ступила на ее территорию?

— О?

— В восточном крыле расположены покои королевы, ее зал для дарбара, парадные покои и кухня. Все здешние помещения королева использует в личных и государственных целях.

— Понимаю.

Здешнее убранство было гораздо более пышным и эклектичным, чем все то, что Сита видела до этого. Возможно, у королевы и не было власти, однако этого никак нельзя было сказать, глядя на ее покои.

— Что ж, удачи ей, — произнесла Сита, и женщина рассмеялась.

— Вот мы и пришли, — сказала она.

Огромный зал был просто великолепен. Антикварные стулья, стоявшие у вышитых ширм, колонны из резного мрамора, зеркала в изысканных рамах, картины, от которых нельзя было оторвать взгляд. Благодаря витражным окнам помещение заливали радужные лучи. Покрытый плиткой пол был устлан плюшевыми коврами. На расположенном в центре зала помосте плясали танцовщицы. Задумчивая мелодия сливалась с болтовней одетых в лучшие наряды дам.

На еще одном, более высоком помосте, на троне, который мог бы соперничать с тронном короля, восседала королева.

Когда Сита вышла вперед, чтобы выразить свое почтение, королева вперила в нее взгляд. Собравшиеся вокруг королевы дамы последовали ее примеру. Их взгляды были мрачными и оценивающими. Сита поняла, что ее ожидает допрос.

Стоявшая рядом с ней мать напряглась.

По пути во дворец, похлопав дочь по колену, она сказала: «Постарайся быть сдержанной, Сита. Думай, прежде чем говорить. Дипломатия — это искусство, которое тебе очень пригодится, когда ты станешь королевой».

Сита сидела совершенно неподвижно, не зная, что ответить. Неожиданное прикосновение матери после многих дней холодности и раздражения застало девочку врасплох.

— У тебя очень светлая кожа, — сказала королева, фыркнув. Это не было комплиментом. — Я понимаю, почему ты вскружила голову моему сыну.

«Ты запустила в него свои когти» — вот что она имела в виду на самом деле. Сидевшие за королевой женщины согласно закивали.

— Эти темно-желтые глаза такие необычные...

Слова королевы вновь прозвучали как оскорбление.

— Дед Ситы по линии отца женился на английской баронессе, — произнесла мать девочки. — Сита пошла в нее.

— Смешанная кровь, — фыркнула королева, продолжая смотреть на Ситу пронизывающим взглядом.

В присутствии своих приятельниц эта женщина выражала неодобрение более открыто, поняла Сита. В паланкине во время гепардовой охоты королева была недовольна, раздосадована и жаловалась на весь белый свет, однако там она не решалась на прямые выпады в ее адрес.

— А вы дочь фермера, как я слышала, — сказала королева, обернувшись к матери Ситы.

Та залилась краской.

Щеки Ситы пылали от гнева. Заметив выражение ее лица, мать толкнула ее локтем, призывая сохранять спокойствие. Однако Сита отказывалась быть спокойной. Одно лишь то, что эта женщина — королева, не давало ей права оскорблять ее мать, особенно в присутствии всех этих женщин, которые были выше их по положению только благодаря своим мужьям.

— Что есть королевство, если не ферма с домами? — беззаботно произнесла Сита. — В этом отношении вы и моя мать совершенно одинаковы, махарани. Моя мать происходит из семьи землевладельцев, а вы сами вышли замуж за представителя семьи, владеющей землей.

Собравшиеся вокруг королевы женщины резко вздохнули. По залу пронесся шепот, однако вскоре там повисла удивленная

тишина, которую нарушала лишь печальная мелодия да стук сандалий танцовщиц.

— Вот, значит, что ты думаешь о королевстве?

Голос королевы был обманчиво любезным и опасно тихим.

Мать Ситы напряглась еще сильнее.

— Да. — Сита выпятила подбородок, глядя королеве в глаза.

— Вижу. Смешанная кровь со стороны отца, фермерская кровь со стороны матери... Не самая хорошая идея — смешать ее с нашей. О чем я и говорила королю.

А, так вот в чем дело. Она открыто признает, что Сита не ее выбор.

Девочка спокойно улыбнулась королеве.

— Но, несмотря на это, вот она я, ваша будущая невестка.

Собравшиеся женщины громко вздохнули: Сита прямо заявляла о том, что король не прислушивается к словам своей супруги.

Настала очередь королевы замереть. Она сжала губы.

— Дата свадьбы еще не определена. Все может измениться.

— Или же, — беззаботно улыбнулась Сита, несмотря на то что ее мать побледнела, — не измениться.

Впрочем, сердце девочки бешено колотилось; возможно, на этот раз она действительно зашла слишком далеко. Эту мысль Сита прочла в глазах своей матери.

Подали еду. Это был изысканный пир для настоящих гурманов — нежнейшие закуски, лучшие виды карри, рис и роти на любой вкус. Королеве и ее приятельницам принесли золотые тарелки, а Сите и ее матери — серебряные. Еще один изощренный способ их унижить.

Поездка домой прошла в молчании. И Сита, и ее мать были подавлены.

Следующие несколько недель в их доме царила мрачная атмосфера, словно они готовились к похоронам, а не к свадьбе.

У матери Ситы не было сил кричать на слуг; похоже, она опустила руки. Мать не ругала девочку даже за то, что та пере-

стала изучать с гувернанткой этикет, хорошие манеры и правила королевского поведения.

Отец, который теперь приходил домой по вечерам нетвердой походкой, взял привычку заператься в своем кабинете.

Каждый день Сита ждала у пруда, высматривая автомобиль с королевским гербом, и, так и не дождавшись его, начинала обдумывать новый план побега, который позволил бы ей стать хозяйкой своей судьбы. Впрочем, теперь она мечтала без особого энтузиазма. Каждый день, думая о побеге, девочка представляла себе лоснящихся, пульсирующих энергией гепардов и отчаянно желала их коснуться.

«Я не хочу убегать, — думала она. — Я хочу стать королевой».

Через восемь недель после дарбара королевы прибыл ливрейный лакей с письмом в золоченом конверте на золотом подносе.

Мать Ситы, которая в последнее время побледнела еще сильнее, казалось, находилась на грани обморока.

Едва увидев машину, Сита бросилась бежать и, пролетев всю дорогу от пруда до дома, едва дышала. Однако затем ее словно парализовало. Сите хотелось поскорее разорвать конверт. Однако она поняла, что не может шевельнуть даже пальцем.

Если это еще одно приглашение на охоту или дарбар, я закричу. А если уведомление об отмене помолвки — закричу еще громче.

Из кабинета вызвали отца. Он был растрепанным, его глаза покраснели. Отец вскрыл письмо.

Сита с матерью ждали, вглядываясь в его лицо.

Прошу вас, боги!

Казалось, прошла целая вечность. Наконец отец поднял глаза на Ситу. Его лицо было очень серьезным.

Пришло время отказаться от своей мечты стать королевой.

Однако затем отец улыбнулся. Мать молитвенно сложила руки. Ее лицо выражало такую надежду, что на него было

больно смотреть. Сите казалось, что она чувствует тревожный, полный ожидания вкус этой надежды на языке.

— Руководствуясь гороскопами, дворцовые жрецы определили благоприятные дату и час свадьбы, — произнес отец Ситы.

Девочка выдохнула и лишь в этот миг осознала, что стояла затаив дыхание. Мать разжала руки. По ее щекам текли слезы.

— Свадьба состоится через двадцать недель.

— Времени недостаточно! — воскликнула мать, немедленно ожив. — Совершенно недостаточно. Сита, пойдем, мы должны...

— Ма...

Мать наклонилась к Сите и очень нежно обхватила ее лицо ладонями.

— Если кто и может стать королевой, девочка моя, так это ты. Я волновалась из-за того, что ты слишком смелая. Но королева не может быть *слишком* смелой. Ты станешь великолепной королевой. Я это знаю.

Прикосновение матери, то, что она впервые в жизни назвала Ситу «девочка моя», гордость в ее голосе, то, с каким пылом она произнесла эти слова, — все это прокатилось по телу Ситы теплой волной, согревшей ее изнутри.

Я буду королевой.

Глава 31

Мэри

Почти идеально. 1936 год

Главное здание школы состояло из трех комнат — приемной и двух классов, в каждом из которых была доска, стол, испачканный мелом, и маты, на которых, вероятно, дети сидели во время уроков.

Мэри представили сестре Терезе и сестре Хильде, после чего сестра Кэтрин провела ее в пристройку слева, где девушка познакомилась с матерью Рут.

— Должно быть, вы устали с дороги. Сестра Кэтрин проводит вас в вашу комнату. Когда вы как следует отдохнете, присоединяйтесь к нам, моя дорогая.

Мать Рут весело подмигнула Мэри.

— Идемте.

Сестра Кэтрин провела девушку в другую пристройку. Похоже, все части здания были соединены коридорами.

— Это ваша комната, — сказала она, открывая дверь. — Туалет расположен в конце коридора, а...

Однако Мэри уже не слышала слов монахини. Войдя в комнату, она посмотрела на черепичную крышу, на пересекавшие ее деревянные балки, на кровать с москитной сеткой в углу, на письменный стол и стул у окна, на расположенную рядом дверь, которая вела на веранду — ее собственную веранду, выходящую на фруктовый сад и тянувшиеся дальше поля. Девушка слышала болтовню детей и видела, как они играют в прятки — цветные пятна среди деревьев. Она вдохнула кисло-зеленый запах растений и начинавших бродить на солнце плодов.

Все это было так не похоже на ее поместье в Англии, с его строгими газонами и внушительным фасадом. Мэри почувствовала, что теперь она очень далеко от своей жизни с тетушкой, дядюшкой и кухнями, и ее сердце наполнилось мучительной тоской, ощущавшейся сильнее после предательства Виная. Она больше не могла представлять себя идеальной английской девушкой, которой в глубине души все еще оставалась.

Мэри закрыла глаза. Ее лицо ласкал ароматный ветер. Она вновь была ребенком, живущим с родителями в бунгало; двери на веранду были открыты, и в дом врывались звуки обычного дня: доносившийся откуда-то собачий лай, громоподобный хохот отца, сопровождавшийся залиvistым смехом матери, тихий напев поварихи, ставившей на поднос лаймовый шербет и дымящиеся луковые бхаджи¹...

Теперь Мэри *могла* представить маленькую девочку, которой была когда-то. В пыльном платье, с растрепанными волосами,

¹ Индийский вариант овощей в кляре.

она играла в саду с айей и гуляла по городку с друзьями, шагавшими по обе стороны от нее, — с Ситой и Амином. Мэри вспомнила, как она здесь жила.

Жизнь в школе была жаркой, влажной и чрезвычайно яркой.

Мэри очень старалась привыкнуть к ней, но отчаянно скучала по Англии. Она всем сердцем тосковала по обществу кузин, по их веселой болтовне. Гадала, как прошел их дебют, были ли их реверансы идеальными. Представляла их, сияющих красотой, в облегающих фигуры белых платьях с пышными юбками, и ее охватывали зависть и сожаление. Воображала, как в их честь устраивают вечеринки, как за ними ухаживают, как кузины танцуют вальс с восхищенными кавалерами, как их юбки вращаются, будто вихрь. При мысли об этом Мэри испытывала желание быть рядом с кузинами, а также томление и тоску по дому; ей хотелось оказаться среди прохладных зеленых газонов родного поместья, несмотря на все свои попытки привыкнуть к беспощадной жаре, царившей в том краю, в котором она теперь оказалась. Глубокой ночью, когда влажность и тоска по дому не давали ей уснуть, Мэри смотрела в потолок опухшими глазами и размышляла, что вообще заставило ее отправиться в Индию, ведь она прекрасно знала, какое будущее ее ждет, и с нетерпением его ожидала. Все аргументы, с помощью которых Мэри убедила себя в необходимости этой поездки, смывала волна застилавших ее измученные глаза слез.

По вечерам, когда Мэри заканчивала выполнять свои дневные обязанности, дети отправлялись по домам, а монахини шли на молитву, девушка писала письма своим кузинам. Она сидела на веранде и, слушая звуки доносившейся до нее вечерни, смотрела на садившееся за горизонт солнце, не обращая внимания на комаров, впивавшихся в ее тело. Переписка немного заглушала ее тоску по кузинам, по легкой и комфортной жизни в Англии.

Но иногда — нужно быть честной с собой — разум Мэри возвращался к ее другому, более смелому «я», которое она

обнаружила в себе на борту корабля. Однако, как и в случае с ее детскими воспоминаниями после прибытия в Англию, девушка решительно гнала прочь мысли о беседах с умным (и ненадежным) мужчиной, о его искрящихся шоколадных глазах, глядевших на нее так, словно она была центром его мироздания, о танце на орошаемой морскими брызгами палубе в сиянии фонарей, о смехе, дерзости и открытиях...

Однажды Мэри искала что-то в гардеробе и ее пальцы, скользнув по книге, сомкнулись на листе бумаги.

Девушка машинально разгладила его. Она увидела знакомый почерк и, прочтя слова, которые знала уже наизусть, вздрогнула, охваченная тоской, воспоминаниями с ароматом соли и водорослей.

Мэри знала, что ей не следует хранить записку от Виная, и, сидя на веранде в свете заходящего солнца, вдыхая запах угасающего дня и ощущая на языке вкус спелых фруктов, остывающей пыли и ностальгии, охваченная желанием и болью, она разорвала лист надвое.

Однако, смяв эти два кусочка бумаги в кулаке, девушка поняла, что не в силах их выбросить.

Найдя в столе клей, Мэри очень осторожно, дрожащими руками, долго и тщательно склеивала записку. Закончив, девушка бережно разгладила бумагу. Разрыв был почти не заметен. Записка выглядела такой же, как и раньше. Почти идеальной.

Мэри шмыгнула носом. С мокрым лицом она спрятала записку подальше в гардероб, положив ее рядом с книгами, и принялась склеивать осколки своего сердца. Когда она закончила, ее сердце тоже было почти идеальным. Почти.

Часть 3

Желание

Глава 32

Сита

Хорошая жена. 1930 год

Свадьба Ситы и принца Джайдипа была, по общему мнению, самой великолепной в истории королевства.

Торжества длились несколько дней.

Со всех уголков Индии во дворец прибыли сановники и члены монарших семей вместе со своей свитой. Охотничьи забавы сменялись зваными вечерами, а званые вечера — охотничьими забавами. Музыка, песни и танцы не стихали ни на минуту. Фейерверки продолжались глубоко за полночь, окрашивая дворец и его окрестности разноцветными вспышками.

Жонглеры и глотатели огня, факиры и гадалки, гимнасты и заклинатели змей, цирковые соколы и танцующие медведи.

Залпы из пушек.

Для Ситы эти дни проходили словно во сне. Ею восторгались и восхваляли ее красоту. На нее устремляли взгляды, полные любви и восхищения. Ее осыпали подарками. Своего будущего мужа Сита почти не видела: для мужчин и женщин были предусмотрены отдельные церемонии.

А вот его мать она видела слишком уж часто.

Ее собственная мать — женщина, сумевшая выдать свою единственную дочь за самого завидного жениха в королевстве, — купалась в лучах славы. Ее лицо будто светилось изнутри, и никакое количество колкостей, злобных замечаний

и шепотков о «своенравности» ее дочери, запустившей свои когти в принца, не могли погасить этот свет.

И Сита, и ее мать научились не обращать внимания на бесильные выпады проигравших женщин; Сита не удостаивала ответами даже едкие комментарии королевы, которым, казалось, не будет конца. Она победила. Она выходила замуж за сына этой женщины против ее желания. И королева ничего не могла с этим поделать. Поэтому если ей хочется говорить гадости — ну что ж, пускай.

Однако кое-что все же немного омрачало радость девушки. Это были слухи, повторяемые шептавшимися приятельницами королевы.

«Король не очень-то хорошо выглядит, — говорили они. — Он недоволен выбором сына?»

«Они просто выдумывают», — твердила себе Сита. Однако в глубине души все равно волновалась, что в самый последний момент что-то может пойти не так.

Ей удалось улучшить минутку и отойти с братом в уголок, где их не слышали многочисленные собравшиеся женщины. Среди них было несколько доброжелательниц вроде той, что предупредила Ситу насчет приятельниц королевы во время дарбара, но в основном женщины были на стороне королевы; они холодно улыбались Сите, когда она смотрела на них, или бросали на нее оценивающие взгляды, когда думали, что девушка их не видит.

«Когда я стану королевой, — мысленно предупреждала их Сита, — я такого не потерплю».

Кишан после продолжительных празднеств выглядел очень усталым.

— Сита, помимо того, что он наследник престола, принц, похоже, еще и очень хороший человек. Кто бы мог подумать, что ты... что мы...

— Я могла, — резко ответила Сита. — Я знала, что меня ждет великое будущее. И лишь ожидала, когда мир тоже это увидит.

Брат рассмеялся:

— Да, это правда.

— Что ты думаешь о короле?

— В каком смысле?

— Люди говорят, что он выглядит бледным и изможденным.

И что его огорчает наш союз.

— Мне так не кажется. — Кишан задумчиво посмотрел на нее. — С каких пор ты стала волноваться о том, что думают люди? Девчонке, которую я знал, было наплевать, кто и что о ней думает, даже если этот человек — король. Именно это в тебе и поражает. Не говори мне, что ты изменилась.

Сита лучезарно улыбнулась, избегая, впрочем, встречаться с братом взглядом. Как сказать ему о том, что она пребывает в таком восторге и возбуждении, что это иногда пугает ее саму? Что она лежит по ночам без сна, беспокоясь, что что-то может пойти не так? Что у любого счастья есть своя цена?

Ей вспомнились слова аьи: «Во время церемонии твоего наречения жрец объявил, что каждое удачное событие в твоей жизни будет иметь свою цену».

Мэри обвиняла Ситу в аварии, в которую попали ее родители. Отец говорил, что она приносит неудачу, а мать твердила: такой характер, как у нее, доведет до беды...

Сите не следовало придавать значение всему этому, но темными ночами, когда праздник стихал и она лежала в постели, ее преследовали опасения. Однако теперь брат смотрел на нее с такой верой, и благодаря его взгляду все тревоги казались ей незначительными.

— Сита, ты станешь лучшей королевой в истории этого королевства, и я говорю так не только потому, что я твой брат. Я это *знаю*.

Кишан вновь стал ее союзником. Может ли она на него полагаться? Всегда ли он будет на ее стороне? И почему она думала обо всем этом — о врагах и союзниках? Почему, ведь сейчас она должна пребывать в экстазе? Теперь, когда ей удалось достичь того, за что другие девушки отдали бы что угодно.

— Незамужние принцессы и их матери просто в бешенстве из-за того, что наследный принц одного из лучших королевств

теперь занят. Их всех растили с надеждой выйти за него замуж, а он попросил *твоей* руки, — ликовала сияющая мать Ситы чуть позже; ее улыбка была больше похожа на гримасу — из-за волос, стянутых на затылке в сложный узел одной из многочисленных служанок, готовивших невесту принца и ее мать к одной из бесконечных церемоний, предшествовавших свадьбе.

— Ты красивее их всех, а еще — гораздо умнее и проницательнее, — добавила она, удивив дочь неожиданным комплиментом, пока служанки пытались создать идеальные складки на юбках их богато украшенных сари. — Мне приходилось сдерживать тебя, твой мятежный разум, твой неукротимый дух. Ты такая же, как я. Мы умны и желаем большего. Я была дочерью фермера и добилась немало, выйдя замуж за твоего отца, а ты... ты добилась большего, чем я могла даже мечтать.

От неожиданного признания матери на глаза Сите навернулись слезы, и у нее, всегда готовой дать ответ, в кои-то веки не нашлось слов.

Если бы раньше кто-нибудь сказал Сите, что накануне дня, когда она должна будет стать самой могущественной женщиной в королевстве — после самой королевы, разумеется, — она будет тревожиться и нервничать, девушка рассмеялась бы ему в лицо.

Однако теперь, когда она вот-вот должна была достичь всего, о чем только смела мечтать, Сита была как на иголках, а сомнения кружились в ее голове подобно ласточкам в сумеречном небе.

Больше всего Сита беспокоилась о своем суженом. Из их разговора на территории дворца, когда горячий воздух благоухал сладостями, гепарды послушно стояли рядом с людьми, а обезьяны с любопытством взирали на них с деревьев, ей стало понятно, что он выбрал ее наперекор желанию матери.

Именно тогда самое глубинное опасение Ситы превратилось в ядовитую змею. Ведь, несмотря на всю свою самоуверенность, она действительно была довольно наивна. Когда они

поженятся, когда принц узнает настоящую Ситу, не разочаруется ли он в ней?

Она была вздорной и амбициозной. Но еще — невинной. Умела петь, играть на музыкальных инструментах, управлять хозяйством. Однако знала ли она, как удовлетворить мужчину?

Гувернантка ей, разумеется, об этом рассказывала, но она сама никогда не была замужем.

Сита не могла спросить об этом мать, твердившую: «Будь хорошей женой, почтительной к своему мужу». А когда поступило предложение от принца, мать стала добавлять: «Будь хорошей королевой».

Дочь часто мысленно задавала ей вопрос: «Что именно нужно делать, чтобы быть хорошей женой, ма?»

Однако, несмотря на свою склонность бесстрашно спорить, девушка не могла заставить себя произнести эти слова, глотая их вместе со слюной, прежде чем они вырывались у нее изо рта.

У нее больше не было подруг, к которым можно было бы обратиться за советом. Сита с болью подумала о Мэри. Милой, ласковой, щедрой, восхищавшейся ею Мэри, которая, несомненно, была бы счастлива за Ситу...

Она могла бы спросить свою айю, однако ее уже не было.

Поэтому девушка волновалась. И ее огорчали неуверенность и уязвимость, которые она открыла в самой себе.

«Перестань тревожиться, все решится само собой, — говорил сестре Кишан, словно читая ее мысли. — Король слишком много съел и выпил. Дворец еще не видывал подобных торжеств, и на нем это сказывается. Как только все войдет в привычное русло, король оправится».

И вот наконец настал день свадьбы, когда Сита должна была официально стать принцессой.

По улицам, вдоль которых толпились ликующие подданные, были пронесены всевозможные свадебные подарки. Возглавляли процессию музыканты, исполнявшие праздничные

мелодии на трубах, таблах и конхах; следом за ними двигались причудливо украшенные коровы и волы, а за ними — всадники на лошадях.

Почетные гости, включая британского резидента, английских сановников и членов индийских монарших семей, ехали на обвешанных драгоценностями слонах. Английские леди в роскошных платьях и причудливых шляпках держали над головами зонтики, а джентльмены вытирали со лбов пот большими носовыми платками. Индийские короли пытались перещегоолять друг друга своими драгоценностями. Их укутанные вуалями жены, махарани, скрывались в установленных на спинах слонов паланкинах, которые, в свою очередь, тоже были завешены золотой тканью, гармонизировавшей с их куполообразными крышами.

Когда на слоне с самым роскошным паланкином прибыл жених, толпа взорвалась приветственными криками.

Как только принц под грохот канонады, звуки королевского гимна и взрывы фейерверков вошел во дворец, ворота закрыли для толпы, и людям оставалось лишь глядеть на продолжившееся внутри празднество сквозь решетку.

Обо всем этом Сите позже рассказал в письме Кишан, ехавший в паланкине вместе с их отцом, королем и принцем Правином, близнецом Джайдипа. «С королем было все в порядке, а вот принц Правин был просто невыносим», — писал он.

Теперь Сита ждала, когда принц Джайдип войдет в священную мандапу¹, где проводились религиозные ритуалы. Все утро девушку украшали золотом, жемчугом и бриллиантами, а ее волосы укладывали в сложную прическу. Когда принц сел, Ситу, одетую в сверкающее сари, вручную вышитое золотой нитью, внесли в мандапу на покрытом резьбой троне с занавесками, и жрец провел свадебные ритуалы.

Когда Сита, выглянув из-за занавески, увидела принца в королевских одеждах и тюрбане, усыпанном сверкающими

¹ В индийской архитектуре: открытый зал с колоннами, предназначенный для публичных ритуалов.

рубинами и сапфирами, у нее перехватило дыхание. Он выглядел будто сказочный герой.

Это происходит на самом деле!

Затем они вместе с принцем несколько раз обошли священный костер. Сквозь вуаль Сита увидела, что королева отвела глаза, а младший принц, ставший теперь ее деверем, нахмурился.

«Многие люди желают мне неудачи», — думала девушка, а тем временем каждый новый круг, описываемый ими во круг пламени, привязывал ее к наследному принцу на всю жизнь.

И это лишь укрепило Ситу в решимости добиться успеха. Она победит — станет лучшей королевой в истории их государства.

Глава 33

Прия

Чужой человек. 2000 год

В семь часов вечера Прия сидела за кухонным столом, потягивая вино, и вдруг раздался звонок в дверь.

Джейкобу нельзя было отказать в пунктуальности.

И все же, почему он сам не открывает замок ключом?

Почему звонит в дверь, как чужой человек?

Неужели все будет не так, как она себе представляла? Неужели он не станет ползать перед ней на коленях, пока она наконец не скажет ему нехотя: «Ладно, можешь остаться»?

Открыв дверь, Прия раздраженно спросила:

— Почему ты не воспользовался своим ключом?

Она вдыхала запах Джейкоба, вглядывалась в знакомые любимые черты, в линии тела, дарившего ей столько наслаждения, в профиль, который видела во снах. Никакой едва достигшей совершеннолетия нимфы. Джейкоб снова принадлежал ей.

А затем Прия заметила, что его лицо покраснело, и услышала, как из лживого рта предателя вырвалось слово:

— Я...

Ее взгляд переместился на его безымянный палец. Теперь на нем не было кольца и была видна небольшая полоска незагорелой кожи.

Прия машинально схватилась за собственное кольцо.

Ей хотелось сорвать его и швырнуть Джейкобу в лицо. Хотелось, чтобы он не выдержал и воскликнул: «Прости меня!» Ей хотелось умолять его остаться.

Ей хотелось... О как же ей хотелось, чтобы все было как раньше! Когда она еще не знала того, из-за чего теперь ей было трудно дышать, того, что наполняло ее сердце, рот и тело горечью. Это заставляло ее чувствовать себя использованной старухой, нежеланной, изнаивающей от желания.

Муж стоял в дверях их квартиры, словно был совершенно чужим ей человеком.

Он едва взглянул на Прию, несмотря на то что она несколько часов накладывала макияж, выбирала платье и прихорашивалась.

А затем Джейкоб произнес то, о чем она отказывалась даже думать. То, от чего ее уже разбитое сердце взорвалось подобно вулкану.

— Прия, я... я хочу развода, — сказал он.

Глава 34

Сита

Сюрприз. 1930 год

— Ну что, — спросил у Ситы муж (ее муж!), лучезарно улыбаясь ей, когда они отправлялись в свадебное путешествие, — тебе понравились свадебные торжества?

Следовало ли ей быть с ним честной? Собственно, почему бы и нет? В конце концов, для этого она, его жена, и сидит

рядом с ним! При мысли о том, что должно было произойти, Сита затрепетала от возбуждения. Это странное чувство неуверенности, которое она ощущала с тех самых пор, как Джайдип сделал ей предложение...

— Понравилась, — ответила она. — Но я чувствую немалое облегчение от того, что теперь могу побыть наедине с тобой. В последнее время я чаще видела твою мать и всевозможных тетушек (как у человека вообще может быть столько родственников?), чем тебя, своего мужа.

Джайдип рассмеялся, и его лицо просияло. Он смотрел на нее с восхищением, однако к нему примешивалось что-то еще. Нежность, поняла Сита, и ее сердце подпрыгнуло.

Муж взял ее за руку. Сита взглянула на их переплетенные пальцы, и ее возбуждение усилилось, когда он как бы невзначай положил другую руку на спинку ее сиденья. Они так и сидели рядом, пока карета петляла по узким извилистым дорогам. Мимо них проносились телеги с сеном, которые тянули волы, лошади, запряженные в двуколки, маленькие деревушки, хижины из грязи и дети-попрошайки, а затем леса, поля, блестящие в солнечных лучах озера и гигантские деревья со скрывавшимися среди них дикими животными.

Сита задремала, но, когда карету трянуло, проснулась. Ее голова лежала на плече у Джайдипа, а он прижимался щекой к ее макушке. В карете пахло потом и уютом. Их переплетенные руки были скользкими.

Девушка поняла, что глаза ее мужа открыты и он смотрит на нее. Его взгляд был полон нежности.

Их карета неслась во тьме под фиолетовым куполом неба, усеянным мерцающими звездами. Казалось, будто они — единственные люди в мире. Они — да кучер на козлах.

— Ты не голодна? — спросил Джайдип.

— Думаю, за последние несколько дней мы наелись на месяц вперед, тебе так не кажется? — спросила Сита, и ее муж улыбнулся.

— Как бы там ни было, осталось уже недолго.

— Куда мы направляемся?

— Это сюрприз.

Он широко ухмыльнулся.

— Я люблю сюрпризы, — сказала Сита, а затем, улыбнувшись, добавила: — Если они — приятные.

Джайдип хохотнул.

— Этот — приятный. — Помолчав мгновение, он продолжил: — О чем ты думаешь?

Его голос был таким же нежным, как и темнота, медленно проносившаяся за окном. Иногда мерцали огоньки расположенных у дороги домиков. Однако, не считая этого, ничто не мешало ночи спускаться на землю. После суматохи последних дней это действовало успокаивающе.

Стоило ли портить очарование момента, сказав ему, о чем она думает? Впрочем, искренность ей пока только помогала, так что — почему бы и нет?

— Я не нравлюсь твоей матери.

Выражение глаз ее мужа стало еще более нежным, если это вообще было возможно.

— Со временем она к тебе привыкнет. Она не сможет противиться твоим чарам слишком долго.

Сита подумала о своей свекрови. Неподвижное лицо, мрачный взгляд.

— Мне почему-то так не кажется. Думаю, я не та невестка, о которой она мечтала.

Джайдип долго смеялся — сначала тихо, затем во весь голос. Его смех успокаивал.

— Возможно. Вот только ты — именно та, о которой мечтал я. Я не мог выбросить тебя из головы с того самого дня, когда ты дала отпор моему брату.

— Твой брат... — начала было Сита, однако муж заставил ее замолчать, прижавшись губами к ее губам.

Сначала она испытала шок, однако очень скоро его сменило наслаждение. Девушка закрыла глаза и отдалась этому мужчине, своему мужу. Отдалась его губам, его телу, прижавшемуся к ней.

Карета все так же продолжала катиться во тьме.

Глава 35

Мэри

Беседа. 1936 год

Воздух разорвал крик, исполненный боли и паники. Он был совсем не похож на счастливый детский визг, звучавший еще минуту назад.

Мэри бросилась к закричавшей девочке. Та лежала на траве, сжимая руками свою ногу. Из ее колена лилась кровь, лицо было мокрым от слез.

— Змея! — завизжали другие девочки, указывая на заросли календулы, и Мэри, взглянув туда, успела заметить исчезающий в кустах хвост.

— Приведите врача! — обратилась она к сестре Кэтрин, убежавшей посмотреть, из-за чего такой шум.

Сына поварахи отправили в город за доктором, однако Мэри и сама сумела определить, что змея не укусила девочку; ребенок лишь испугался, упал с дерева и ушиб колено.

Врач оказался пожилым мужчиной с жесткими седыми волосами и добрыми глазами. Он со знанием дела забинтовал девочке ногу, рассказывая байки, чтобы ее отвлечь.

Глядя на его работу, Мэри безуспешно старалась не думать о Винае. «Открыл ли ты практику у себя в городе? — мысленно обращалась она к нему. — Как там твоя жена, о которой ты никогда не упоминал в наших разговорах? Ты вообще думаешь обо мне?»

Чуть позже Мэри пила вместе с доктором приготовленный монахинями чай с пакорами.

— Простите меня. Я подумала, что это змеиный укус, поэтому мы и послали за вами.

— Не волнуйтесь, в таких случаях всегда лучше перестраховаться. — Помолчав секунду, врач добавил: — Вы — новая учительница. Я слышал о вас в городе.

«Ходят слухи», — зазвучал в голове у Мэри голос миссис Олден.

— Надеюсь, только хорошее, — произнесла она.

Доктор Кумар добродушно улыбнулся ей:

— Разумеется. Девочки вас любят, а их родители вам благодарны.

Мэри задумалась. Догадывается ли доктор, как она тоскует по дому, как сожалеет о том, что приехала сюда? Возможно, он просто пытался сделать так, чтобы она чувствовала себя лучше? Мэри пробыла в Индии всего неделю, однако каждые сутки казались ей трудными. Она считала дни, оставшиеся до того момента, когда она сможет вернуться в Англию. Девушка полагала, что никогда не будет чувствовать себя в этой стране так же комфортно, как ее родители. Впрочем, как бы там ни было, она была здесь, а потому со временем намеревалась исполнить то, ради чего приплыла сюда, — посетить городок, в котором выросла. Находясь под прямым управлением Британской империи и не являясь частью королевства Хавальдар, он все же был недалеко от их школы. Мэри узнала об этом из разговоров с монахинями.

В Англии девушка, не задавая вопросов, поступала так, как хотели тетушка и дядюшка. Однако здесь она отвечала за детей. Для нее это было новым опытом, но в то же время еще и вызовом. Мэри никогда не принимала решений с уверенностью, а после обмана Виная стала сомневаться в себе еще сильнее. Девушка задумывалась о том, имеет ли она право учить этих детей, ведь ей самой еще многому предстояло научиться.

— Так что же вы думаете о нашем городке? — спросил врач.

— Я его еще не видела толком.

— Мы должны немедленно исправить это упущение, — ответил он, ставя чашку на стол.

Через два дня доктор Кумар прислал Мэри приглашение.

Для нас с женой было бы большой честью, если бы вы пришли к нам на чай в субботу. В этот день король празднует день рождения, и по этому случаю они с королевой будут присутствовать на параде. На королевскую процессию всегда интересно взглянуть.

Монахини были довольны.

— Самое время вам развлечься, — говорили они Мэри.

Глава 36

Сита

Полная луна. 1930 год

— Приехали.

Когда карета остановилась, они все еще целовались. Сита полностью забыла об окружающем мире, осознавая лишь то, что рядом с ней сидит мужчина, вызывавший в ее душе настоящий ураган чувств.

Открыв глаза, девушка моргнула, взирая на раскинувшуюся перед ней мерцающую водную гладь. Сите понадобилась минута, чтобы привыкнуть к свету, прежде чем она поняла, *что именно* видит.

Посреди огромного, похожего на зеркало озера спокойно стоял дворец, а его сияющая копия отражалась в водных глубинах. Лунный свет играл в мирных водах в прятки со звездами; озеро хранило свои секреты и словно приглашало погрузиться в него.

— Добро пожаловать в Озерный дворец, твое убежище на озере Самовар, принцесса Сита, — прошептал ей муж.

Сита глядела на него с благоговением.

— Рад, что смог лишить тебя дара речи, — прошептал принц ей на ухо, и от его теплого дыхания девушке стало щекотно.

— Мне нравится твой сюрприз! — прошептала она в ответ.

Джайдип улыбнулся, и его зубы ярко сверкнули в мистической, таинственной темноте.

У берега была привязана роскошная лодка с навесом и позолоченными сиденьями. Низко поклонившись, лодочник помог им забраться в нее.

Они поплыли к дворцу. Лодка качалась на волнах, а полная луна благословляла принца и принцессу своим сиянием. Звез-

ды мерцали под тихий шепот волн и дуновение прохладного ночного бриза, благоухавшего жасмином и восторгом.

Дворец гостеприимно сиял.

Сита провела рукой по серебристой воде, в которой играли тени. Она представляла, как под покрывавшейся легкой рябью поверхностью озера, которое пересекала их лодка, плавают рыбы. Как и в карете, Сите казалось, что она, ее муж и лодочник — единственные люди в мире, и ей хотелось, чтобы это полусонное чарующее плавание продолжалось вечно.

— Мне кажется, что я попала в сказку, — произнесла она, и муж нежно улыбнулся ей.

Лодка причалила к острову. Ситу и Джайдипа провели во дворец, где их ожидал очередной пир для настоящих гурманов.

Пока они ели, слуги нагревали воду для купания.

Чуть позже согревшуюся, чистую, надушенную Ситу провели в роскошную спальню, где стояла огромная, украшенная гирляндами кровать с балдахинном; ложе было усыпано лепестками роз. Уже ожидавший ее муж заключил девушку в объятия.

Страхи, терзавшие Ситу последнее время, вернулись.

— Я боюсь, что подведу тебя, — призналась она мужу.

— Ты никогда этого не сделаешь, Сита.

В его голосе прозвучала такая убежденность, что девушка успокоилась.

Принц начал осыпать ее поцелуями, и ее тело стало отвечать ему. Когда губы Джайдипа коснулись ее губ, последние сомнения Ситы рассеялись. Осталось лишь благоухание роз и любви.

Глава 37

Прия

Извинение. 2000 год

В полной изумления тишине, после того как ее муж сказал, что хочет развода, Прия пыталась собраться с мыслями, сидя за туалетным столиком, за которым еще час назад накладывала макияж, представляя себе совершенно иную развязку.

— Я... я не понимаю, — произнесла она, запинаясь, — слова, которыми позже не гордилась.

В последующие годы Прия вновь и вновь будет мысленно возвращаться к сказанному, меняя его и переживая ситуацию заново. Однако в тот момент она была поражена тем, как жалко прозвучали ее слова. Слова проигравшей. Во всех сценариях, которые представляла себе Прия, она отказывалась даже рассматривать подобный вариант.

Джейкоб, казалось, вот-вот расплачется. Его глаза были полны раскаяния.

— Прости меня.

Вот оно — долгожданное извинение. Однако Прия не испытывала триумфа. Ей не удалось заставить Джейкоба ползать на коленях. В его взгляде явственно читалось сожаление, но это было сожаление из-за того, что он сказал, из-за того, как его слова повлияли на нее. Прия чувствовала себя еще более опустошенной, чем при мысли о его дне рождения, обернувшимся катастрофой.

Потрясенная женщина не могла говорить. Во рту у нее ощущался горьковато-соленый привкус слез.

— Я... я ждал подходящего момента. Мне не хотелось, чтобы ты узнала обо всем вот так.

Она для него — не родная душа. Его любовь закончилась. То, что она вместе с друзьями увидела в тот вечер, не было минутной слабостью.

Прия ждала, когда к ней придет осознание, однако этот миг все никак не наступал. Слова Джейкоба стояли комком у нее в горле.

Ее муж выглядел смущенным.

— Твой нервный срыв... Он не прошел для меня бесследно, Прия. Я должен был быть сильным ради тебя, и я... Я понял, как это изматывает.

Ей хотелось стереть свой макияж и сбросить платье — вместе с той женщиной, которую она изо всех сил старалась изображать, с той невозмутимой, неукротимой Прией, в которую влюбился Джейкоб. Хотелось вопить, вцепившись в него. Хотелось

умолять Джейкоба: «Прошу тебя! Ты — мой якорь. Я больше не могу представить себя без тебя. Не бросай меня!»

— Я не мог оставить тебя, когда тебе было так плохо. Не мог оставить тебя, когда ты переживала тяжелый период. Но теперь, когда ты пришла в норму...

Прия посмотрела на него. Увидев в его глазах слезы, она опустила взгляд и уставилась в стол, который они вместе купили в антикварной лавке, расположенной на их улице. Должно быть, этот стол не раз становился свидетелем подобных драм, свидетелем рождения и крушения любви, свидетелем краха надежд, попыток что-то исправить и их окончательной гибели.

— Ты говоришь, что был рядом со мной, уговаривал меня не сдаваться лишь для того, чтобы уйти, когда мне станет лучше? — спросила Прия, не поднимая глаз.

Чувство, что ее предали, было таким острым и едким, что ей хотелось с шумом втянуть в себя воздух. Она заметила на столешнице скол. Это они с Джейкобом уронили на нее что-то тяжелое и острое? Или же он уже был там — изъян, придававший столу характер, шрам, оставленный одной из семей, владевших им ранее? Нет, если бы это было так, Прия заметила бы скол раньше. Когда они привезли этот стол домой, она с любовью полировала его пчелиным воском, пока он не сиял как новый.

— Нет! — ответил Джейкоб.

Прия потрогала скол. Этого уже никак не исправить. Кто это сделал, она или Джейкоб?

— Прия, прошу, ты должна мне поверить!

Голос Джейкоба звучал очень настойчиво.

Наконец Прия вспомнила. Это произошло, когда она потеряла последнего ребенка. «Все в порядке...» — сказал ей тогда Джейкоб с мукой в голосе. В ответ Прия, не выдержав переполнявших ее гнева, боли и печали, схватила огромную жестяную банку с мякотью манго и швырнула ею в мужа. Джейкоб — слава небесам — увернулся, и банка с грохотом врезалась в стол. Стало ли это началом конца их брака? Или это произошло раньше, когда у нее случился срыв из-за потери первого ребенка?

— Я... — сокрушенно произнес Джейкоб. — Она... она беременна.

Должно быть, Прия ослышалась. Это не могло быть правдой.

Он ведь не поступил бы с ней так, верно? Джейкоб знал, сколько он для нее значит и какую боль это ей причинит. Он единственный знал об этом.

— Прости, Прия. Я...

Она напонила себе о том, что должна дышать. Вдох-выдох, вдох-выдох. Прия сидела, изо всех сил стараясь держать спину прямо и сохранять на лице маску спокойствия, зная, что если двинется хотя бы на дюйм, то разрыдается.

— Прия?

Где-то в глубинах своего разбитого естества она отыскивала свой голос. Ее собственные слова резали ей горло, будто нож, однако Прия все же сумела произнести:

— Уходи.

— Прия...

Она опустила голову на руки. Ее палец касался скола на столешнице.

Этого уже не исправить.

Глава 38

Сита

Барабаны. 1930 год

В голове у Ситы настойчиво били барабаны. Она схватилась руками за голову, пытаясь отогнать от себя этот звук, однако он не прекращался.

Сдавшись, девушка открыла глаза. Она лежала в объятиях мужчины. Потных и соленых, сильных и нежных. Он тихо храпывал. Солнце пробивалось сквозь щель между причудливыми парчовыми занавесками, заливая своим светом лепестки роз и разбросанные по роскошному ковру с изысканным орнаментом венки из жасмина и календулы. Венками был

украшен и балдахин кровати, и вся огромная комната с массивной роскошной мебелью.

Кто-то стучал в дверь.

Тук. Тук. Тук. Этот звук отдавался в черепе у Ситы.

Ей хотелось снова заснуть в объятиях мужа. Посмотрев на него и вспомнив прошедшую ночь, она слегка покраснела.

Это ли имела в виду ее мать, говоря о том, что она должна быть почтительна к своему мужу?

Можно ли представить себе более приятную обязанность, ма?

Стук в дверь не прекращался.

Разве слуги не должны были дать им поспать? Особенно учитывая то, что у Ситы и Джайдипа первая брачная ночь. Почему они колотят в дверь? Как они смеют?

И тогда к солнечному чувству сытой удовлетворенности начала примешиваться леденящая паника...

А что, если что-то случилось?

В голове у девушки уже в который раз зазвучал голос айи: «Во время церемонии твоего наречения жрец объявил, что каждое удачное событие в твоей жизни будет иметь свою цену».

Муж по-прежнему мирно спал рядом с ней. Он недовольно заворчал, когда Сита осторожно освободила руку, и, перевернувшись на другой бок, вновь забылся глубоким сном.

Войдя в примыкавшую к спальне ванную, Сита побрызгала водой себе в лицо. Она вспомнила, как выглядело озеро прошлой ночью, и подумала, что хорошо было бы взглянуть на него при дневном свете.

Но сперва... сперва ей предстояло узнать, что это за срочность, не позволявшая подождать еще часок.

У входа в спальню с мрачным видом стояли трое слуг. Один из них уже поднял руку, чтобы вновь постучать.

Муж Ситы пошевелился на кровати.

Выйдя из комнаты, девушка закрыла за собой дверь, чтобы они не мешали ему спать.

— Что случилось? — резко спросила Сита.

— Простите, — сказал старший из слуг, — но мы только что получили весть из дворца...

Слуга замолчал, и его лицо стало еще печальнее, если это вообще было возможно.

— Из дворца?

Какое-то время ее еще не до конца пробудившийся разум не мог понять, о чем идет речь. Они ведь и так были во дворце, разве нет?

Но затем слуга снова заговорил и Сита все поняла.

— Королева прислала весть с одним из слуг. Лодка прибыла полчаса назад.

Должно быть, слуга, о котором шла речь, ехал всю ночь. Что могло быть настолько важным, чтобы...

Сердце Ситы сжалось от страха.

— Вчера вечером король слег в постель, — продолжал слуга. — Он мертв. Вам нужно немедленно отправляться во дворец.

Сита прислонилась головой к двери, за которой в блаженном неведении спал ее муж. Она подумала о короле, которого видела лишь мельком. Толстяк с добрыми глазами — такими же, как у его старшего сына. Последние несколько дней король выглядел очень усталым.

Сита вспомнила о тревоживших ее перешептываниях: «Король не слишком-то хорошо выглядит. Он недоволен выбором сына?»

Он был доволен. Просто ему было плохо.

Возможно, свадебные торжества стали слишком большой нагрузкой для его сердца и оно отказало?

А затем Сита постепенно начала осознавать: король мертв. Ее мужа так спешно вызывали потому, что он — старший сын короля, наследник престола.

Сита хотела стать королевой, мечтала об этом. Однако она и подумать не могла, что это произойдет так быстро и при таких обстоятельствах. Входя в спальню, Сита чувствовала себя обмякшей, как заварной крем, который аяя давала ей за хорошее поведение. Это чувство не оставляло девушку, когда она будила своего мужа, глядя на то, как при виде ее его сон-

ные глаза загорелись и как свет вновь покинул их, когда она сообщила ему печальную новость. Их наполнили непонимание и боль, потушив блеск, который казался негасимым.

Принц поднялся на ноги; это была усталая поза внезапно повзрослевшего человека, несшего на плечах бремя правления королевством.

Сите хотелось облегчить его боль, хотелось обнять его. Однако сейчас было не время для этого. Она взяла мужа за руку, и он благодарно улыбнулся ей, после чего сообщил слугам, что будет готов сесть в лодку через полчаса.

Сита вышла на окружающую дворец веранду и усталилась на спокойную мерцавшую синеву озера, чистую, как бесхитростная душа менее эгоистичной женщины. Солнце ласкало дворец, а она злилась на себя за дрожь возбуждения, вновь и вновь пробегающую по ее спине.

Теперь это все — мое.

Глава 39

Прия

Заявление. 2000 год

Со дня заявления Джейкоба прошла неделя. Прия игнорировала и телефонные звонки, и стук в дверь.

Теперь у Джейкоба не было ключа. Охваченная яростью и болью от его предательства, она потребовала, чтобы он его отдал. Джейкоб подчинился, и, увидев этот ключ на гавайской цепочке (Прия привезла ее из одной из своих поездок, в которую отправилась, чтобы собрать материал для очередного документального фильма), женщина осознала необратимость происшедшего.

У него будет ребенок от другой женщины. Они создадут семью. Семью, которую хотела создать я.

Не считая психолога, Джейкоб был единственным человеком на земле, знавшим о нервных срывах Прии после того, как она потеряла детей. Именно благодаря ему она выкарабкалась.

Когда Прия застала Джейкоба с другой женщиной в день его рождения, когда он оставил ее в тот вечер наедине с чувством опустошенности, вызванным его предательством, она отказалась погружаться во мрак, уцепившись за праведный гнев.

И Прие удалось отогнать тьму. Она решила считать, что случившееся было результатом кризиса среднего возраста у ее мужа. Несмотря на свой гнев, она готова была простить его и смотрела вперед, отказываясь даже думать о худшем варианте — о том, что он решил с ней порвать.

Однако теперь у нее не было другого выхода, кроме как принять все это. У них с Джейкобом больше не было общего будущего. Будущим Джейкоба был ребенок, которого ему с такой легкостью удалось зачать с другой женщиной.

Боль была невыносимой и всепоглощающей. Прия лежала в кровати без мужа, этого предателя, и отказывалась вставать. Ей больше незачем было это делать.

«Взгляните на положительные стороны», — прозвучал у нее в голове голос психолога.

На какие положительные стороны? Прия не могла себя обманывать. Правда заключалась в том, что у нее не было шансов стать матерью, она была плохой женой и терпела неудачу за неудачей на профессиональном поприще. Три ее последние работы провалились. Ей не удалось продать их даже на региональные каналы. Муж оставил ее ради молодой дурочки, беременной ребенком, которого она, Прия, не смогла ему родить.

«Подумайте о месте, где вы чувствуете себя счастливой», — говорил психолог во время первых занятий.

«У меня нет такого места!» — рыдала тогда Прия.

«Когда вы росли, разве у вас не было места, видя которое вы ощущали себя счастливой?»

Теперь, в полутемной комнате, пропахшей печалью, Прия, закрыв глаза, представляла сад у ворот дома ее родителей, заросший дикими цветами, этот рог изобилия, из которого, не иссякая, лилась танцующая надежда...

Глава 40

Сита

Женские хитрости. 1930 год

Когда Сита и ее муж, наследный принц, который вскоре должен был стать королем, вышли из машины у дворца, его брат-близнец уже ждал их там.

Он побледнел и съезился. От его важного вида не осталось и следа. Принц Правин казался совсем юным; его глаза опухли.

Проигнорировав Ситу, он вперил взгляд в своего брата:

— Ма хочет тебя видеть.

— Как она? — спросил Джайдип голосом, полным горечи.

— Плохо, — отрывисто ответил его брат.

Они проследовали по мрачным коридорам, мимо угрюмых слуг, выстроившихся вдоль стен. Двери во многие залы были распахнуты, однако теперь, когда там не было торжеств и не звучала музыка, эти помещения, несмотря на богатое убранство, начисто лишились помпезности и казались пустыми. В них отражалось эхо изумления и потери.

Королева находилась в своих личных покоях, которых Сита прежде не видела, поскольку была только на ее дарбаре, а он проходил в зале, расположенном в самом начале восточного крыла; этот зал, несмотря на всю свою пышность и великолепие, не давал ни малейшего представления ни о размерах крыла, ни о сокровищах, которые там хранились.

Покои королевы представляли собой дворец во дворце, отделенный от основного здания большим прямоугольным внутренним двором с пальмами, на ветвях которых, щебеча, сидели попугаи, скворцы и другие птицы. Сад был полон ярких цветов; среди них бродили павлины. Тут был бассейн размером с небольшое озеро, в котором было установлено множество фонтанов, а посередине возвышалось святилище, которое отражалось в покрывавшейся рябью воде. Этот внутренний

двор отличался от того, в который Сита забрела в судьбоносный день, когда встретила обоих принцев.

Комнаты королевы были еще более шикарными, чем те, что Сита видела прежде. Они были до потолка увешаны гобеленами и картинами; их переполняли зеркальные ширмы, статуи и фонтаны. Королеве явно нравилось коллекционировать красивые и дорогие предметы старины.

Сита и принцы остановились в самом большом из залов, в которых девушке довелось бывать. Она подумала, что это помещение не меньше теннисного корта. Здесь было еще больше гобеленов и настенных украшений, диванов и кресел (сработанных не менее искусно, чем троны), отделенных перегородками уголков с письменными столами. На окнах были витражи, а за расписной ширмой стояла великолепная кровать с шелковым покрывалом.

Королева полулежала, обложившись подушками, на одном из диванов. Она была очень бледна. Ее окружали служанки: одна массировала королеве ноги, другая обмахивала ее лицо веером, сделанным из перьев павлина; бирюзовые и темно-синие глаза на них, казалось, с пониманием глядели на Ситу.

Веки королевы были опущены, однако, заслышав шаги, она открыла глаза. При виде сыновей ее нижняя губа задрожала. Глаза королевы опухли и были полны слез. Вокруг них залегли темные круги. Заметив Ситу, женщина вжалась в спинку дивана.

— Что она здесь делает?

Палец королевы, дрожавший точно так же, как и ее голос, указал на девушку.

— Надеюсь, ты не Сита?

Джайдип в смятении уставился на мать. Всего за один день муж Ситы стал выглядеть старше. Его лицо казалось вялым и изможденным. Он словно постарел от потери, печали и усталости.

Служанки отвели глаза.

— Она твоя невестка.

— Она не принесла нам ничего, кроме неудачи.

Печальные глаза королевы уставились на Ситу, и девушка увидела, что это глаза змеи — маленькие, цепкие и полные яда.

— Ма, ты говоришь о моей жене.

Джайдип обнял Ситу, словно хотел ее защитить.

Инстинкты девушки приказывали ей отстраниться. «Мне не нужна защита, — хотелось сказать ей. — Спасибо, я сама могу за себя постоять».

— Ее появление на свет было ознаменовано разрушением, когда буря уничтожила часть ее дома, — сказала королева. — Я предупредила твоего отца, но он меня не послушал. Он настоял на этом браке, и в тот момент, когда эта девушка стала частью нашей семьи, мы его потеряли. — Королева печально посмотрела на Джайдипа и добавила мягче: — Она проклята, сын. И должна уйти.

Служанки притворились глухонемыми, однако принц Правин внезапно оживился. Его бледное лицо, всего несколько мгновений назад казавшееся таким растерянным, что Сите стало его жаль, изменилось. Казалось, Правин ожил и даже раздулся.

— М... ма, о чем ты говоришь? Сита — моя жена, — ответил Джайдип. — Отец благословил ее. Он был счастлив, что она стала членом нашей семьи.

— Он попал под влияние ее чар. Ее красота подобна отраве, сын мой: она застит взгляд, мешая увидеть то, что находится внутри.

— Ма! — От досады и злости голос Джайдипа стал громче.

— Еще не поздно, сын. Ты можешь...

— Никогда. Горе заставляет тебя говорить то, чего ты не думаешь на самом деле.

Джайдип сильнее сжал руку жены.

«Все она думает», — подумала Сита.

«Ты пошла по неверному пути, женщина, — добавила она, мысленно обращаясь к королеве. — Ты полагаешь, что, обвиняя меня, сможешь переманить сына на свою сторону. Но ты ошибаешься. Я смогу с тобой справиться, уж поверь. Но я промолчу, ведь это ты ко мне несправедлива, а не наоборот. Ты могла бы действовать гораздо тоньше, однако предпочла

вслух объявить о своей ненависти ко мне, заставив сына выбирать. Ему придется встать на сторону одной из нас, и его это не обрадует. Со временем он тебя возненавидит (если это уже не произошло) за твои попытки разрушить наш брак».

— Она пришла в этот дом, и в тот же день мы потеряли твоего отца. — Королева закрыла глаза, и по ее щекам потекли две крупные слезы. — Зачем она здесь? Почему мешает нам горевать? Я хочу побыть несколько минут наедине со своими сыновьями, прежде чем начнутся похоронные ритуалы.

Джайдип посмотрел сначала на мать, а затем на Ситу. В его глазах была мольба. Девушка видела, что он разрывается на части. Ее добрый муж не знал, как поступить, столкнувшись с женским коварством.

Сита сжала руку, которой он обнимал ее за плечи. А затем выскользнула из его объятий. Джайдип благодарно улыбнулся ей.

— Увидимся позже, — сказала Сита мужу.

Ее свекровь, все еще королева (но ненадолго), открыла глаза и взглянула на Ситу. Девушка увидела, что они блеснули.

Сита твердо встретила этот взгляд, надеясь, что королева прочтет ее мысли.

Ты думаешь, что умна. Но я умнее.

Ты говоришь, что не хочешь меня здесь видеть. Хочешь, чтобы с тобой были только твои сыновья. А что насчет служанок, которых полно в этой комнате? Они не мешают тебе горевать?

Сейчас я уступлю и тихо уйду. Я промолчу. Не пристало молодой жене принца оскорблять горюющую вдову.

Ты хочешь сыграть в эту игру? Что ж, мы в нее сыграем. Но знай: я играю лучше.

И одержу победу.

А ты уже в шаге от поражения.

Должно быть, королева прочла все это во взгляде невестки. Она закрыла глаза, притворившись усталой.

Принц Правин не обращал внимания на Ситу. Он не отрывал взгляда от матери.

Глаза Джайдипа задержались на жене. Улыбнувшись ему, она вышла. Служанки поспешили за Ситой, чтобы показать ей ее комнаты.

Глава 41

Прия

Вне контекста. 2000 год

Где-то на краю ее сознания раздавался стук. Он не стихал ни на минуту.

Прия зажала уши подушкой мужа и зарылась поглубже в простыни, пахнущие немытым телом и горем. Она понюхала подушку, однако запах Джейкоба давно уже выветрился.

— Прия, открой! Прошу тебя!

Голос показался ей знакомым, и все же он был совершенно вне контекста.

— Если не откроешь, я выломаю дверь.

Это ее отец. Но разве он сейчас не в Нью-Йорке?

— Прия, милая...

Она встала. Во всяком случае, попыталась это сделать. У нее закружилась голова, и Прия упала обратно на кровать. Сколько дней прошло с тех пор, как она в последний раз ела? Она заходила на кухню, где пила воду прямо из-под крана. А вот того, чтобы она ела, Прия вспомнить не могла.

— Прия?

В этот раз ей, пусть и с трудом, удалось встать, дотащиться до входной двери и открыть ее.

На пороге стоял отец. Одет он был просто безупречно — впрочем, как и всегда.

Отец не приснился ей. Он действительно был здесь, во плоти.

— Баба? — сумела произнести Прия, прежде чем у нее перед глазами все поплыло.

Ноги у нее подкосились. Последним, что видела Прия, было встревоженное лицо отца и тянущиеся к ней руки. Затем ее поглотила тьма и женщина рухнула на пол.

Глава 42

Сита

Эфемерность. 1932—1934 годы

— Я слышала, что школа для девочек, которую ты основала, работает неплохо, — сказала мать Ситы.

Сита гостила у своих родителей. Они вели себя подобострастно. Отец обедал вместе с ней и матерью, а не в своем кабинете, как делал обычно до замужества дочери. Кишана дома не было: он работал.

— Да, в школе все хорошо, — улыбнулась Сита. — Но, разумеется, именно король был тем, кто...

— Ха! — усмехнулась мать. — Скромность тебе не идет.

Сита широко ухмыльнулась. Она воплотила мечту, появившуюся у нее, когда ее брата отправили учиться, а ее — нет: основала в королевстве школу для девочек. Сита знала, что ее подданные ни за что не отправят дочерей в школу, если учителя там — мужчины, а единственными учительницами-женщинами, которых она смогла найти, были монахини. Сита наняла их с условием, что они будут учить детей, но воздержатся от попыток обратить своих подопечных в христианство.

— Школа оказалась гораздо успешнее, чем я полагала. Туда съезжаются девочки со всех уголков королевства. Монахиням нужна помощь — оказывается, найти учительниц-женщин не так-то просто. Дайте мне знать, если у вас будет кто-нибудь на примете.

Отец поднял взгляд от своей тарелки.

— Я слышал, что если кому-то что-нибудь нужно — от политического решения со стороны британского резидента до урегулирования спора, — то они обращаются к тебе, а не к королю.

Мать нежно улыбнулась.

— Ты делаешь столько хорошего, Сита. Ты заботишься о бедных; твои подданные счастливы, особенно после того, как началось строительство дорог. Они соединят все уголки королевства! И еще я слышала, что ты не только основала шко-

лу для девочек, но и повлияла на улучшение школы для мальчиков.

— А приют для женщин ты упомянуть не забыла? — лукаво спросила Сита.

Она уговорила Джайдипа, своего царственного супруга, построить приют на берегу озера, посреди которого стоял Озерный дворец. Вместе с основанием школы для девочек это было одно из достижений, которыми Сита гордилась больше всего. Приют предназначался для нуждающихся женщин, как незамужних, так и брошенных мужьями либо желающих от них сбежать.

— Слышал, из-за этого вспыхнули споры, — мягко произнес отец.

— Меня это не огорчает.

— Мы знаем об этом, — с чувством сказала мать, и Сита хихикнула.

Приют произвел фурор, став первым подобным заведением на территории королевства. Советники короля (разумеется, исключительно мужчины) выступали против его строительства. Но Сита твердо стояла на своем, и Джайдип, зная, как это для нее важно, не отступил, несмотря на гневные протесты советников. Приют работал с большим успехом. Управляли им, как и школой для девочек, монахини, а финансировался он непосредственно из королевской казны.

— При новом правителе королевство процветает, хотя каждый знает, что в действительности им управляет королева, — подмигнула Сите мать. — Каковы же твои дальнейшие планы?

— Я хочу устроить гепардовую охоту исключительно для женщин.

— Это мужское развлечение. Женщинам лучше управлять хозяйством... — начал было отец, однако замолчал, увидев выражение лица Ситы, поставившей бокал на стол и отодвинувшей тарелку.

— Ты хочешь сказать, что то, что я, королева, устраиваю с благословения короля, — неправильно? — спросила она.

Ее голос был опасно тихим.

Лицо отца потемнело. Мать перестала есть. Служанки, как матери, так и самой Ситы, сопровождавшие ее из дворца, тревожно замерли, словно паря в воздухе.

— Нет, я... Разумеется, нет. Полагаю, на охоту отправится и твоя мать?

— Я ее еще не пригласила.

Отец молча кивнул. Мать не отрывала глаз от тарелки. Власть уже не в первый раз кружила Сите голову. Это был ее долгожданный триумф над отцом, над человеком, который когда-то тащил ее по ступеням этого самого дома и поклялся, что немедленно выдаст дочь замуж, после того как обнаружил ее плавающей в пруду вместе с Гири, сыном поварихи.

— Мы очень тобой гордимся. Ты — достойная королева, — сказала мать, попытавшись разрядить обстановку.

Отец согласно кивнул.

Улыбнувшись и откинувшись на спинку стула, Сита приняла эти слова как должное.

Во дворец она вернулась в приподнятом настроении.

— Ты не очень-то спешила, — сказала королева-мать.

Настроение у Ситы резко испортилось.

Она не будет чувствовать себя в этом дворце настоящей королевой, пока ее свекровь ноет и жалуется на каждом шагу. Она по-прежнему носила траур и пользовалась всеми сопутствующими привилегиями, несмотря на то что с тех пор, как умер ее муж, прошло уже два года.

Это длилось слишком долго.

Какая радость быть королевой, если свекровь ведет себя так, словно Сита должна перед ней отчитываться? Это подрывало авторитет молодой королевы в глазах слуг и посещавших дворец сановников. Все усугублялось тем, что королева-мать жила в лучшей части дворца, в восточном крыле.

Королеве-матери нужно указать ее место; она, Сита, должна продемонстрировать свою королевскую власть. Первым делом ей следовало осуществить то, что уже давно надлежало сделать, — выселить эту женщину из восточного крыла.

Благодаря этому удастся постепенно ослабить хватку, которой она вцепилась в дворец и в своего сына, мужа Ситы.

Молодая королева дождалась, когда Джайдип расслабится после их близости, этого благословенного времени, когда он, размякнув от любви, готов был пообещать ей все что угодно.

— Уже два года, как я стала королевой, — сказала Сита, перебирая волосы на его груди. — Тебе не кажется, что мне пора переехать в восточное крыло?

Джайдип открыл глаза и улыбнулся ей.

— Ты хочешь жить с моей матерью? Вы заключили перемирие?

Сита никогда не говорила мужу о том, что свекровь своими едкими комментариями и постоянным неодобрением задевает ее самолюбие, и темными ночами, когда тревоги и неуверенность, которые молодая королева скрывала от окружающего мира, выплывали на поверхность, она начинала сомневаться в себе. Поэтому то, что его жена и мать держались друг от друга на расстоянии и настояли на том, чтобы жить в разных покоях, а не вместе в восточном крыле, Джайдип считал всего лишь небольшими разногласиями, которые со временем исчезнут.

— Пока что нет, — ответила Сита, и он хохотнул.

Она положила голову мужу на грудь, чтобы лучше слышать его смех.

— Я планирую проводить еженедельный дарбар для женщин королевства, чтобы они могли приходить ко мне со своими проблемами: их мужчины не всегда борются за их интересы, и у дам появится возможность высказаться. Восточное крыло подходит для этого лучше всего. Твоя мать может переехать в покои, расположенные с тыльной стороны дворца. Они сейчас пусты.

Смех Джайдипа стих. Он приподнялся на постели, опершись на локти. Сита невинно улыбнулась ему.

— Ма обязательно переезжать? Восточное крыло достаточно велико для того, чтобы...

— Она ясно дала понять, что не желает делить его со мной.

— Но Сита... Ма живет в восточном крыле с тех пор, как вышла замуж за моего отца.

— Вот именно. Мы с тобой женаты уже два года.

В колеблющихся тенях, отбрасываемых лампами, взгляд ее мужа казался взволнованным.

— Я не знаю, Сита, разумно ли это... Она в трауре.

— Обустройство новых покоев отвлечет ее, даст ей какую-то цель!

— Полагаю... полагаю, что ты права.

Джайдип по-прежнему выглядел встревоженным, и Сита, прижавшись к нему, страстно его поцеловала.

Заклучив жену в объятия, король вернул ей поцелуй.

— Ты поговоришь завтра с матерью? — спросила Сита.

— Поговорю, — пообещал Джайдип.

Их губы снова встретились.

Как и ожидалось, королева-мать устроила большой скандал. Она пустила в ход эмоциональные угрозы и стала с удвоенным усердием изображать безутешную вдову.

— Сначала я потеряла мужа, а теперь ты выселяешь меня из покоев, куда он привел меня, свою молодую жену, — покоев, наполненных памятью о нем и сокровищами, привезенными нами из совместных путешествий?! — кричала она.

В ее глазах стояли слезы.

— Ма... — Голос Джайдипа дрогнул.

— Твоя жена полностью завладела твоим разумом. Она принесла в нашу семью несчастье. Она...

Увидев, что взгляд сына стал суровым, королева-мать замолчала.

Однако было уже поздно.

— О каком несчастье ты говоришь? Королевство процветает, мои подданные счастливы. Я чего-то не знаю?

В голосе Джайдипа зазвучала сталь.

— Нет, сынок, я... Твой отец...

— Он умер два года назад, ма. И все эти два года королевство процветает, разве нет?

— Да. Но Сита...

— Довольно, ма. Ты поделишь восточное крыло с моей женой?

— Нет.

— Что ж, тогда...

Джайдип был непреклонен, и королеве-матери, несмотря на непрекращавшиеся жалобы, пришлось переехать.

Сита победила.

И все же, когда муж пришел в ее покои, расположенные в восточном крыле, она увидела, что в нем что-то изменилось. Казалось, он вел себя сдержанно и испытывал колебания.

Сита задумалась, не привиделось ли ей.

Но его глаза... Теперь их выражение было не так уж легко прочесть. Раньше, когда Джайдип смотрел на нее, его взгляд выражал лишь любовь, однако теперь в нем было кое-что еще — сомнения и неуверенность.

Несмотря на то что Сита выселила королеву-мать из восточного крыла, а возможно, именно поэтому, свекровь теперь не давала ей покоя.

Сита была в библиотеке, когда услышала ее голос:

— А, вот ты где. *Читаешь.*

То, что королева-мать вторглась в ее святилище, показалось Сите кощунством. А в том, как свекровь произнесла слово «читаешь», послышалось обвинение. А еще — насмешка и презрение.

— Когда я была королевой, у меня не было времени...

— Но теперь королева не вы, а я.

— Пока что, — фыркнула свекровь. — Однако твоя утроба все еще пуста. Если Правин подарит королевству наследника, а Джайдип нет...

Еще раз фыркнув, королева-мать вышла. Ее слова повисли в воздухе.

Сита до боли прикусила язык, вновь вспомнив о том, что власть, которой она так наслаждалась, эфемерна и зависит от определенных условий.

Принц Правин, брат-близнец ее мужа, женился на принцессе, девушке, которую королева-мать хотела видеть женой своего старшего сына вместо Ситы.

Жена Правина, Лата, была очень мила и чем-то напоминала Сите Мэри, поэтому вместо того, чтобы невзлюбить ее, молодая королева прониклась к ней симпатией.

Когда Правин женился на Лате, Сита волновалась за эту наивную девушку. Однако с удивлением обнаружила, что ее раздражительный деверь относится к жене с невероятной нежностью и заботой. От саркастичности и конфликтности, которые принц носил подобно броне, в присутствии Латы не оставалось и следа. А жена его за это просто обожала. Перед свекровью же Лата испытывала благоговение и, в еще большей мере, страх.

— Просто невероятно, как тебе удастся давать ей отпор, — часто говорила Лата Сите, становясь свидетельницей их ссор.

— Ты тоже с легкостью можешь это делать. Она способна лишь на пустые угрозы.

Слова Ситы заставили Лату сжаться.

— Я... Она... Я рада, что она живет с тобой.

Сита надеялась, что королева-мать переедет вместе со своим любимым сыном, Правинем, в просторный дворец, расположенный у подножия холмов, служивших естественной границей королевства, который Джайдип подарил своему брату-близнецу по случаю его женитьбы.

Молодой королеве даже удалось уговорить Джайдипа предложить это матери:

— Думаю, жизнь у холмов положительно скажется на ее здоровье. В последнее время она часто болеет...

Впрочем, эти болезни были лишь еще одной уловкой королевы-матери, пущенной в ход, чтобы завоевать расположение старшего сына.

Поразмыслив, Джайдип, как обычно, согласился с Ситой.

— Воздух у подножия холмов пойдет тебе на пользу, ма, — мягко сказал он.

— Ты хочешь от меня избавиться?! — закричала в ответ королева-мать. — Я переехала сюда сразу же после свадьбы

и никуда не уеду. Это мой дом! Я и так перебралась в убогие комнатенки в задней части дворца...

После вторжения королевы-матери Сита никак не могла сосредоточиться на чтении. От слов свекрови у нее на языке остался железный привкус поражения.

Несмотря на то что теперь Сита могла читать так долго и часто, как ей того хотелось, книги больше не доставляли ей такого удовольствия, как в детстве, и не успокаивали, как раньше.

Выйдя из заполненной книгами комнаты, которая привела Ситу в такой восторг, когда она впервые ее увидела — в судьбоносный день встречи с обоими принцами и гепардами, — молодая королева ускорила шаг. Несмотря на свою причудливую притягательность, этот дворец так и не стал для нее домом. В присутствии постоянно донимавшей ее королевы-матери Сита просто не могла расслабиться.

Молодая королева почти бежала по лабиринту коридоров. Ей хотелось вырваться на свободу, вдохнуть свежего воздуха. Она мчалась по обширным садам мимо клумб с экзотическими цветами, мимо деревьев и прыгавших с ветки на ветку любопытных обезьян, пока не оказалась у вольеров с гепардами.

«Однажды у меня будет собственный зверинец», — пообещала она себе когда-то, увидев тот, что был у Мэри. Теперь у Ситы был зверинец, причем превосходный.

Она оглядела дворец, вырисовывавшийся темным силуэтом на фоне заходящего солнца, и зеленые склоны, тянувшиеся до самого озера.

Она добилась всего, чего хотела. Она победила, а королева-мать и принц Правин проиграли. Но почему же тогда она ощущала горький вкус поражения?

Королева взглянула на животных, диких и прекрасных. Их скрытая сила чувствовалась даже сейчас, когда они были в клетке.

«Я как вы», — подумала она уже не в первый раз.

У нее была власть. Перед ней преклонялись — родители, подданные, собственный любящий муж. Она обладала всеми

богатствами, какие только могла пожелать. И все же дворец казался ей позолоченной клеткой. Сита была здесь пленницей, пленницей долга и чужих ожиданий.

Глава 43

Мэри

Молоко и мед. 1936 год

— Мисс Бригам, я так рад, что вы смогли прийти. — Провожая Мэри в дом, доктор Кумар ласково улыбался. — Это моя жена, Бринда.

Полная женщина покраснела и повторила слова мужа:

— Рада, что вы смогли прийти.

— А это, — произнес врач, указывая на высокого смуглого англичанина, — доктор Чарльз Сомс. Он практикует в главном городе региона, но остановился на несколько недель у нас в городке, в коттедже через несколько домов от нашего. Он недавно болел, и свежий воздух пойдет ему на пользу. Не так ли, доктор Сомс?

— Я провел здесь всего несколько дней, но мне уже лучше, — улыбнулся тот.

На столе у Кумаров царило настоящее изобилие — сэндвичи с огурцами и яйцами, картофельные бонды¹ и луковые бхаджи, рисовый пудинг и всевозможные пироги, кхир, ладду и бурфи, чай и кофе, свежий сок лайма и ласси² из манго.

Однако именно благодаря неожиданному присутствию доктора Сомса Мэри почувствовала себя за этим столом как дома — впервые с тех пор, как приехала в Индию. Его обходительность, то, с каким вниманием он наклонял голову, когда слушал своих собеседников, напомнило ей об Англии, о мужчинах, ухаживавших за ней и ее кухнями во время их поездок

¹ Блюдо индийской кухни, напоминающее крокеты.

² Индийский напиток, приготовляемый из йогурта, фруктов, соли, сахара, специй и льда.

в карете по городу или когда девушки отправлялись в гости. После долгих дней, во время которых Мэри пыталась вписаться в жизнь этой знакомой ей, но все же чужой страны, возможность вежливо побеседовать с кем-то, кто давал именно такие ответы, которых она ожидала, стала для девушки облегчением. Ощущение было такое, как будто она надела удобные туфли, после того как целый день ходила в тесной обуви.

— Хотите посмотреть на процессию по случаю дня рождения короля? — спросил чуть позже доктор Кумар.

— С огромным удовольствием, — ответила Мэри, улыбаясь.

В городе царила атмосфера праздника. Торговцы продавали сладости и деревянные игрушки, вышитые шарфы и браслеты. Ветер, доносивший приторный аромат, трепал разноцветные флаги, висевшие вдоль дороги на деревянных столбах.

Доктор Кумар купил у одного из торговцев сахарной ваты.

— Ее любят не только дети, — произнес он, протягивая угощение Мэри и своей жене.

Розовая сладость, похожая на облако, таяла во рту у девушки, возвращая ее в те дни, когда отец, сажая Мэри на плечи, отправлялся с ней на ярмарку.

У обочин столпились люди, постаравшиеся выбрать наилучшее место для того, чтобы увидеть процессию.

— Идемте вон туда, — сказала Мэри, заметив огороженный участок, где стояли стулья, часть из которых пустовала.

Доктор Кумар и его жена остановились.

— Эти места для английских сахибов и мемсахиб.

— Тогда мы постоим вместе с вами здесь, — произнесла Мэри, не желая оставлять своих спутников.

Доктор Сомс согласно кивнул.

— Вы ничего отсюда не увидите, — сказал доктор Кумар. — За годы жизни здесь мы видели уже множество таких процессий. По правде говоря, нам бы хотелось отправиться домой. Доктор Сомс, когда пройдет процессия, будьте добры, проводите мисс Бригам до нашего дома. Мы договоримся насчет кареты, которая отвезет ее обратно.

— Прошу вас, не беспокойтесь из-за меня, — ответила Мэри. — Я бы хотела вернуться пешком. Это совсем недалеко, и я смогу увидеть город.

— Пожалуйста, зовите меня Чарльзом, — сказал доктор Сомс Мэри, когда доктор Кумар с женой удалились.

Девушка улыбнулась.

— А я — Мэри.

— Возможно, мы... — Чарльз кивнул в сторону огороженного участка.

Мэри замешкалась. Ей было неловко сидеть, когда столько местных жителей вокруг стояло.

Однако затем толпа издала приветственный возглас и все, толкаясь, ринулись вперед, стремясь взглянуть на процессию. Любопытство взяло над Мэри верх. Поднырнув вместе с шедшим за ней Чарльзом под веревку, девушка встала у обочины. Стулья опустели: англичане теперь тоже стояли у дороги, устремив взгляды в сторону возвышавшегося на холме дворца.

Ворота дворца открылись, и оттуда появились барабанщики. За ними шли трубачи и другие музыканты с инструментами, которые были незнакомы Мэри. Дальше следовали всадники на лошадях, покрытых блестящими попонами. На головах у всадников были украшенные драгоценностями тюрбаны. За ними двигались волы, запряженные в резные повозки, увитые гирляндами и наполненные подарками, — вероятно, их преподнесли королю на день рождения. Замыкали процессию слоны, и земля сотрясалась под их тяжелой поступью. Слоны тоже были пышно украшены. На их спинах были установлены усыпанные драгоценностями, напоминавшие троны сиденья, на которых ехали члены королевской семьи.

— Что за показная роскошь! Должна сказать, все это выглядит слишком пестро, даже вульгарно, — прошептала стоявшая рядом с Мэри женщина, обмахиваясь веером с причудливым орнаментом.

На голове у нее была огромная шляпа, задевавшая щеку Мэри каждый раз, когда женщина поворачивала голову.

— Ходят слухи, что королева каждое утро принимает ванну из молока и меда, — слышался шепот Чарльза.

Мэри повернулась к нему:

— Это правда?

— Нет.

Врач с ухмылкой подмигнул ей, большим платком вытирая с носа капли пота.

Не сумев сдержаться, Мэри улыбнулась ему в ответ и, поправив шляпку, вновь повернулась к дороге. Внезапно толпа замолчала.

Жалили комары; воздух был горячим и чрезвычайно влажным. Однако Мэри даже не замечала этого. Ее взгляд был прикован к королю в украшенном рубинами, сапфирами, жемчугом и золотом одеянии; он махал рукой восхищенной толпе, сидя в установленном на спине слона золотом паланкине.

Королева ехала в таком же паланкине, высокомерно поглядывая сквозь вуаль на окружающий мир. Несмотря на вуаль, было заметно, что у нее очень пристальный взгляд.

Ее внешний вид — осанка, наклон головы, то, как властно и самоуверенно она смотрела на столпившихся подданных...

Мэри охватило невероятное возбуждение, и она изумленно открыла рот. *Я ее знаю.*

А затем, покрывшись испариной от жары и восторга, она упала в обморок. Ее удивленно блестевшие глаза заволокла тьма.

Когда Мэри пришла в себя, ее голова была тяжелой и кружилась, а над ней парил ангел с темным кудрявым нимбом.

Девушка моргнула. Вверху раскинулось бескрайнее небо, залитое солнцем, без единого облачка. Казалось, оно было раскалено добела. «Я в Индии», — поняла Мэри. Ее поддерживал незнакомец, от которого пахло мускусом и имбирем.

— Вот, выпейте.

Губ девушки коснулся блестящий сосуд, и она стала пить маленькими глотками. У жидкости был металлический вкус,

однако в пересохшем горле она оставляла ощущение приятной прохлады.

— Вы упали в обморок в тот самый момент, когда мимо нас в паланкине проезжала королева.

Королева...

Подруга ее детства?

Сита, целеустремленная, вздорная и решительная. «Я изменю мир, — любила говорить она. — Сделаю его лучше. Стану хозяйкой своей судьбы».

Что ж, Сита, если это и правда ты, ты действительно кое-чего добилась.

— Горожане говорят, что ваш обморок — это знак.

Чарльз Сомс выглядел так, словно был видением.

— Я подумала, что вы — ангел.

Смеясь, он помог Мэри сесть, поддерживая ее своими сильными руками.

— Не хотелось бы вас разочаровывать, но я — человек.

Собравшиеся вокруг них люди начали расходиться. Их топот сливался с поступью удалявшихся слонов. В воздухе висел запах начинавшего клониться к закату дня, пыли, навоза и разочарования, аромат специй и чая с молоком.

— Сможете встать? — спросил Чарльз.

— Да.

Мэри, шатаясь, поднялась. Она по-прежнему испытывала изумление.

Чарльз это заметил.

— Я вызову для вас карету.

Девушка была слишком слаба, чтобы протестовать.

Когда карета прибыла, врач сказал:

— Если вы не против, я хотел бы поехать с вами, чтобы убедиться, что все в порядке.

И вновь у Мэри не хватило сил ему возразить.

— Спасибо.

— Что привело вас в Индию? — спросил Чарльз, когда они сели в карету.

— Я здесь родилась, а когда мои родители... когда они погибли, попав в аварию... меня отправили в Англию.

Говорить с Чарльзом было легко. Как и у другого врача, о котором она думать *не станет*, речь Чарльза была начисто лишена надменности, а его вежливость и учтивость словно возвращали ее домой, в Англию. Когда карета остановилась возле школы, они уже успели подружиться.

— Как зовут королеву? — спросила Мэри у сестры Кэтрин, попрощавшись с Чарльзом.

— Королева Сита. — Монахиня улыбнулась. — А что?

— Я знала ее в детстве, — задумчиво ответила Мэри. — Уже тогда она была проницательна и амбициозна.

— Ну-ну! Вы ей напишете? Попросите об аудиенции?

— О, я... я не знаю.

Мэри приехала в Индию, надеясь на встречу с Ситой и Амином. Однако теперь, когда она нашла Ситу, ее терзали опасения.

Сита была ее лучшей подругой; она научила Мэри ценить вещи, которые та принимала как должное. Однако подруга во всем превосходила Мэри. Ее родители заметили это, и Мэри начала чувствовать себя неполноценной. Она любила Ситу, но кроме этого, немного ей завидовала. И хотя авария, в которую попали родители Мэри, произошла не по вине Ситы, даже сейчас девушка не могла избавиться от мысли о том, что этого никогда бы не произошло, если бы Сита не появилась в ее жизни...

Внезапно Мэри осенило.

— Эту школу тоже построила королева? — спросила она.

— Школа для девочек была одним из начинаний короля. Я, конечно, не сплетница, но люди говорят, что за всеми его решениями стоит королева...

Сестра Кэтрин подмигнула Мэри.

«Если бы Сита не основала эту школу, меня бы здесь не было», — подумала девушка.

Глава 44

Сита

Упорно пуста. 1935 год

Сита как раз проводила праздничный дарбар в честь своего дня рождения, когда поднялась суматоха.

Она сидела на своем троне, одетая в шитое золотой нитью сари ручной работы, усыпанное бриллиантами и рубинами. Ее прическу украшали драгоценности, на шее висели жемчужные и золотые ожерелья, а на руках звенели золотые браслеты. Женщины подходили к ней, чтобы выразить уважение, осыпали ее подарками и комплиментами. В центре большого зала танцовщицы развлекали гостей.

Сита вспоминала панчаят, на котором присутствовала вместе с Мэри и ее отцом и впервые ощутила восхитительный вкус власти. Вспоминала, как отец Мэри смотрел на нее с восхищением. «Вы — лучший третейский судья, чем я», — сказал он ей тогда.

«Видела бы ты меня сейчас, Мэри!» — думала Сита, потягивая аам панну, сок зеленых манго со специями, и глядя на пришедших на ее дарбар женщин.

Жена Правина, Лата, не смогла на нем присутствовать, поскольку отправилась погостить к родителям.

А вот у свекрови Ситы уважительных причин не было. Отсутствие королевы-матери и ее приспешниц — нескольких приятельниц, отказавшихся переметнуться в лагерь Ситы, — было очень заметно.

У Ситы были осведомители среди слуг королевы-матери, и она знала обо всем: кто посещал ее свекровь, что обсуждали в покоях с тыльной стороны дворца.

«Если бы только мой младший сын, младший на минуту, родился первым! — причитала королева-мать в последний раз. — Он женился на принцессе, на девушке из подходящей семьи. Жена слушается его и поступает так, как он просит. С другой стороны, мой старший сын... подкаблучник, которым

помыкает его жена. Именно из-за нее я здесь, выселена в забытый уголок дворца, а она теперь живет в роскошных покоех, которые я украсила и обставила».

Сита вздохнула. Она не позволит размышлениям о свекрови и любимым другим неприятным мыслям испортить ее дарбар, день ее рождения. И все же эти мысли вновь и вновь не давали ей покоя, подобно настырным насекомым, так и норовившим ужалить ее.

С тех пор как Сита вышла замуж, прошло пять лет. Пять лет она наслаждалась привилегиями, роскошью и властью, сопутствующими положению королевы.

Муж любил ее. Сита знала это, несмотря на настороженность и сомнения, прокрававшиеся на их брачное ложе, с тех пор как она настояла на том, чтобы отобрать восточное крыло у его матери. Джайдип давал жене больше свободы, чем любой другой мужчина. И все же Сита знала, что он очень хочет ребенка. Она прекрасно понимала, что каждый раз, входя в ее покои, король ожидал от нее сообщения о том, что скоро он станет отцом. И когда Сита так и не произносила этих слов, его лицо становилось застывшим.

Ситу пугало это выражение на добром лице ее мужа. После пяти лет, за которые она так и не подарила ему наследника, это выражение, казалось, не покидало его. Сита все время думала об этом. Темными ночами она, лежа без сна, смотрела на лицо Джайдипа, боясь, что он отвернется от нее и начнет во всем обвинять. Что ее тогда ждет? Ведь именно благодаря ему она стала королевой.

Сита полагала, что королевский статус даст ей свободу, однако в действительности он означал лишь еще больше правил и ограничений, которым она по традиции должна была следовать. Теперь она была ответственна *перед всеми*, ведь все взгляды были устремлены на нее.

Это изматывало, и иногда Сита с тоской думала о прежней жизни, когда она была обычной девчонкой и ее единственными заботами были борьба с несправедливостью в отношении ее самой и попытки перехитрить гувернантку.

Но... Сите нравилось принимать вызов, нравилось казаться покорной и в то же время делать то, что хочется. Ей нравилось осторожно манипулировать мужем, подталкивая его к правильным решениям, тем, что шли на пользу королевству. Нравилось раз за разом обыгрывать свекровь и деверя, заставляя короля прислушиваться к жене, а не к ним.

И все же проходил месяц за месяцем, а ребенок в ее утробе так и не появлялся. Похоже, свекровь и деверь Ситы все еще могли победить, и от осознания этого во рту у молодой королевы всегда было горько, даже когда она ела самые изысканные сладости.

Если у ее деверя будет ребенок, а у нее — нет, то она проиграет. Она просто обязана зачать.

У мужа Ситы появились морщинки. Некоторые из них объяснялись возрастом. Другие повлекло за собой бремя королевской власти. Однако часть из них, безусловно, была следствием того, с какой неприязнью его мать и брат относились к его жене. Мать эту неприязнь даже не скрывала, в то время как брат, хоть и был более сдержанным, завидовал ему самому, поскольку был лишен возможности стать королем из-за жестокого каприза судьбы. Однако капризы у судьбы бывают разными... Например, отсутствие возможности завести ребенка, наследника. Наследника, которого ему вполне могли бы дать другие девушки, жениться на которых предлагала Джайдипу его мать. Они — но не Сита.

«У тебя *будет* ребенок», — заверяла Ситу собственная мать, давая ей зелья, взятые у санньяси¹ и гуру, эти благословленные богами тоники.

Однако лицо матери осунулось, а улыбка, не покидавшая его с тех пор, как Сита взошла на престол, стала натянутой. Женщина старалась успокоить не только дочь, но и саму себя.

Мать Ситы уже стала гордой и счастливой бабушкой: у Кишана родились дети, однако Сита знала, что она ждет внука, который в будущем станет править королевством.

¹ В индуизме: странствующие монахи.

Пять лет прошло с тех пор, как Сита вышла замуж за наследного принца.

Однако ее утроба по-прежнему упорно оставалась пустой.

Сита взглянула на мать, сидевшую в окружении собственной восхищенной свиты и купавшуюся в лучах славы. Каждый раз, проводя дарбар, молодая королева видела в ее глазах воспоминание о том дне, когда королева-мать оскорбила их, и триумф от осознания того, что теперь Сита заняла ее место.

Родители Ситы гордились ею, однако они станут счастливее и вздохнут свободнее, когда она понесет наследника. Их внука, который однажды сядет на трон.

— Махарани...

Услышав, что ее тихо, но настойчиво зовут служанки, Сита заставила себя выбросить грустные мысли из головы.

На другом конце зала, в окружении нескольких сохранивших ей верность подруг, стояла королева-мать.

Все обернулись к ней, и в зале, еще минуту назад таком шумном, полном женского смеха, песен и танцев, воцарилась тишина.

Королева-мать впервые почтила дарбар невестки своим присутствием.

Сита выпрямилась, желая выглядеть на троне как можно более величественно. Она глядела на свекровь, и на ее лице не было ни намека на улыбку. Что ей нужно?

— Эта женщина пришла ко мне, — громко и четко объявила королева-мать.

Она держала за руку какую-то старуху. Спутанные волосы, рваное сари. Чаша для подаяний в руках и гирлянда из диких цветов на шее. Безумные вращающиеся глаза.

На мгновение Сита встретилась взглядом с матерью, сидевшей слева от нее. Та выглядела напряженной, а на ее лице читалось подозрение.

— У нее есть сообщение для тебя, — сказала королева-мать. — Это мой подарок на день рождения, если хочешь.

Сита кивнула женщине:

— Послушаем.

Женщина подняла руку и указала на Ситу. Голос у старухи был скрипучим, словно галька на побережье или древний песок.

— Ты проклята!

По залу пронесся изумленный вздох. Глаза собравшихся женщин расширились. Услышать такое было мечтой любой сплетницы.

Сита расхохоталась, и ее смех эхом отразился от стен.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

Поначалу гости выглядели сконфуженными, однако затем с облегчением рассмеялись.

— Можете смеяться, — сказала старуха, и ее хрипый голос заглушил звучащий в зале смех, несмотря на то что она его не повышала. Она раскинула руки, словно указывая на каждую из присутствующих. Челюсти женщин, улыбавшихся еще мгновение назад, отвисли. — Но знайте: утроба вашей королевы пуста, как река во время засухи, и столь же бесплодна. Она не подарит королевству наследника.

Собравшиеся женщины замолчали; на губах каждой из них читался один и тот же вопрос. Взглянув на мать, Сита увидела в ее глазах панику, отражение ужасной боли, которую чувствовала сама.

«Это бред, — укорил ее внутренний голос. — Происки твоей свекрови. И ты, вне всяких сомнений, не позволишь себе насолить».

— Довольно странный подарок на день рождения, но все равно спасибо. Возможно, вы с вашими друзьями присоединитесь к нам за праздничным столом? — спросила Сита у свекрови, стараясь, чтобы ее голос звучал весело и беззаботно.

Лицо королевы-матери стало чернее тучи.

Не сказав больше ни слова, она развернулась и ушла. Ее немногочисленные подружки последовали за ней. Старая гадалка покинула зал последней, тихо ворча что-то себе под нос.

Гости все еще казались слегка ошеломленными, но Сита приказала музыкантам и танцовщицам продолжить выступление. Слуги стали разносить закуски, и вскоре в зале вновь царил веселье.

Случившееся потрясло Ситу сильнее, чем она готова была признать. Она больше не притронулась ни к одному из изысканных кушаний, приготовленных к дню ее рождения, и заметила, что мать также перестала есть.

В очередной раз Сита услышала запомнившиеся ей слова аи: «Во время церемонии твоего наречения жрец объявил, что каждое удачное событие в твоей жизни будет иметь свою цену».

Стала ли она королевой лишь для того, чтобы передать королевство ребенку Правина, когда тот появится на свет?

Сита представила, как слухи о произошедшем расползаются по всему королевству, включая его отдаленные уголки, — и все благодаря женщинам, которые сейчас смаковали ее еду, рассыпаясь в благодарностях, и которые уйдут домой со щедрыми подарками: сладостями, фруктами, сари, вышитыми шальями, браслетами. Она представила, как смеется ее деверь, которому, несомненно, обо всем доложат.

Правин жил, дожидаясь ее краха. Однако ему не удастся ее победить. Не удастся.

Глава 45

Мэри

Искренность. 1936 год

Через пару дней после королевской процессии, во время которой Мэри узнала Ситу, за девушкой заехал Чарльз.

— Доктор Кумар говорит, что ты до сих пор не познакомилась с городом. Позволишь мне это исправить?

Они стали встречаться через день, ходить на прогулки и изучать город. Сидели на берегу, вдыхая пахнущий илом речной

воздух. Вдоль песчаного берега тянулся ряд кокосовых пальм; ласковый ветерок приносил аромат фруктов.

Чарльз был приятным спутником. Он заставлял Мэри смеяться и напоминал ей об Англии, усиливая тоску по кухням и по стране, которую она оставила, но, как ни странно, и облегчая ее.

— Тебе нравится Индия, Мэри? — спросил Чарльз, когда они шли по рынку.

Он помогал ей находить путь между кучами гниющих овощей, горами пахучих специй всех цветов радуги, сыпавшихся из тростниковых корзин, и сладостей из бледно-желтого теста, с шипением жарившихся в больших чанах с маслом. Между пестро одетыми людьми бродили коровы и собаки. На рынке царила настоящая какофония звуков и запахов. Это было настолько не похоже на царившие в Англии спокойствие и порядок, что Мэри хотелось кричать.

— Я...

Она почувствовала, что ей на глаза внезапно навернулись слезы. *Я скучаю по Англии всем своим естеством. Всей душой хочу туда вернуться. Я не знаю, зачем приехала в Индию, отказавшись от всего, что у меня было. Я была счастлива. А затем собрала вещи и приплыла сюда, чтобы найти человека, которого видели во мне мои родители. Но теперь, когда я здесь, я не могу избавиться от ощущения, что я не тот человек, которым родители хотели меня видеть, и никогда им не стану. Меня это пугает и огорчает. Я предала память отца и матери, наслаждаясь жизнью в Англии и чувствуя себя там на своем месте, а теперь, когда я оказалась здесь и почувствовала себя чужой, мне кажется, что я вновь их предаю. И это больно.*

Она не могла передать эти мысли словами и потому решила промолчать.

И все же Чарльз, похоже, понимал ее. Очень осторожно он увел Мэри прочь от царившего на рынке хаоса, и теперь они сидели на бревне у воды.

Мужчины мыли в реке перепачканных буйволов, с любопытством косившихся на них. Откуда-то доносился смех. Весело звеня браслетами на руках и ногах, какая-то женщина опустила в реку бадью. Набрав воды и поставив бадью на свою покрытую вуалью голову, она грациозно удалилась.

— В воскресенье, если позволишь, я бы хотел взять тебя в главный город региона, — произнес Чарльз. — Меня пригласили на бал, но я не хочу ехать туда один. Составишь мне компанию, моя дорогая?

Мэри надела платье из желтого шифона. «Этот цвет придает твоим глазам золотистый блеск», — сказала Роуз, когда они выбирали ткани для нарядов, которые тетушка собиралась заказать для Мэри. Когда Мэри решила отправиться в Индию, она упаковала это платье в чемодан, не в силах отказаться и от него тоже; оно лежало там вместе с белым платьем для дебюта, дожидаясь подходящего случая.

— Мэри! — Глаза заехавшего за ней Чарльза блеснули, когда он стал осыпать поцелуями ее затянутую в перчатку руку. — Ты — воплощение прелести и, вне всяких сомнений, самая прекрасная женщина в этих краях!

Мэри покраснела, и Чарльз повел ее к карете. И все же девушка ощутила болезненный укол. «Вот как все было бы, если бы я осталась в Англии, дебютировала и начала свой первый сезон, как и было запланировано, — подумала она. — Внимательные мужчины осыпали бы меня изысканными комплиментами».

Эта мысль не покидала Мэри весь вечер, пока она танцевала с Чарльзом и множеством других партнеров в величественном зале, полном величественных людей. Ее представили сливкам английского колониального общества в этой части света. Мэри угощали напитками и восхищались ею — как мужчины, восхвалявшие ее внешность, так и женщины, приходившие в восторг от покроя ее платья и умолявшие рассказать им о том, что нового в Англии.

В конце вечера, когда Чарльз вез Мэри в карете в школу, девушка уже позабыла о тоске по дому. Ей по-прежнему остро не хватало Англии, однако она, опьяненная счастьем, со смехом сказала:

— Мне было очень весело.

Головокружительный восторг, охвативший ее во время танцев, и изысканные комплименты, дождем лившиеся на нее весь вечер, уносили Мэри прочь из этого мира.

Дневная жара начинала уступать место ночной прохладе. Стук лошадиных копыт эхом отдавался в вечернем сумраке. Воздух пах жасмином и интригой. Ласкавший лицо Мэри ветер нашептывал ей секреты.

— Я рад, — улыбнулся Чарльз. — Я согласен с горожанами: твой обморок во время королевской процессии был знаком, — добавил он и продолжил тише: — Мы созданы друг для друга. Ты выйдешь за меня, Мэри?

Девушка ошеломленно взглянула на него. У нее во рту пересохло, и она не могла произнести ни слова.

Одна из лошадей заржала, и кучер забормотал что-то успокаивающее. Рассекаемый каретой воздух свистел у Мэри в ушах. Сквозь грозовые тучи проглядывали серебряная луна и звезды, напоминавшие молочно-белые пуговицы на темно-синем переднике. Лицо Чарльза окутывала темнота, и Мэри видела лишь его глаза, яркие, страстные и искренние.

До этого момента она вообще не задумывалась о браке, хотя теперь понимала, что была наивной. С чего бы еще красивым молодым мужчинам проявлять к ней такое внимание? Если бы ее кузины были здесь, брак был бы первым, о чем они подумали. Однако она сама тосковала по дому и чувствовала себя слишком удрученной, чтобы об этом размышлять. Мэри приехала в Индию не ради замужества. Создать семью она планировала в Англии. Чарльза Мэри считала хорошим другом, беспечно полагая, что и он относится к ней так же.

Ей на ум пришли слова миссис Олден. Мэри разъезжала по городу с мужчиной, без дуэньи, флиртуя с ним и не задумываясь о своей репутации. Она жила в маленьком городке с мо-

нахиями, так что собственная репутация была последним, о чем она беспокоилась, хотя на самом деле именно об этом Мэри должна была тревожиться в первую очередь, учитывая то, как важны для нее приличия. Во всяком случае, девушка все время говорила себе, что они для нее важны.

Она поняла, что все эти люди на балу должны были решить, будто они с Чарльзом жених и невеста.

«Почему я об этом не подумала?»

«На борту корабля ты не слишком заботилась о приличиях», — ответила ей совесть.

Именно это и было причиной, *настоящей* причиной, по которой Мэри не рассматривала Чарльза в качестве жениха. Ее предательское сердце, игнорируя твердую решимость двигаться дальше, напрочь забыв о происшедшем, тосковало по Винаю, несмотря на то, как он с ней поступил. Мэри говорила себе, что это было лишь ничего не значащее, кратковременное увлечение. Для Виная их связь, несомненно, была именно такой. Мэри пыталась убедить себя, что ей просто хотелось побыть другим человеком, смелым и уверенным в себе. Но это не срабатывало. Жестокая правда заключалась в том, что Винай был женат. Он остался в прошлом. И никогда не станет ее будущим.

Чарльз смотрел на Мэри. Его лицо было окутано тенями, в живых карих глазах сияла надежда.

Общение с Чарльзом помогало Мэри уменьшить боль от безнадежной любви к Винаю и непрекращавшихся попыток возненавидеть и забыть его. Чарльз облегчал ее тоску по дому. И был хорошим другом, самым лучшим.

«Он отличная партия, — услышала Мэри голоса кузин. — Привлекательный, врач, из хорошей семьи и отнюдь не беден».

Мэри знала это, поскольку Чарльз рассказывал ей о своих родителях, о других родственниках, о своем происхождении. Теперь ей стало ясно, что он говорил обо всем этом, подготавливая почву.

«В моем семейном шкафу есть один скелет», — сказал Чарльз однажды во время прогулки. Его красивое смуглое лицо покраснело.

«И что же это за скелет?» — спросила Мэри, улыбаясь.

«Моя бабушка со стороны отца была индуской».

Это объясняло оттенки его кожи.

«Любопытно! — сказала Мэри. — Моя бабушка по материнской линии тоже была индуской».

Чарльз тогда рассмеялся с явным облегчением, и теперь Мэри понимала почему.

— Мэри, мы должны быть вместе. — Глаза Чарльза пылали. — Впервые увидев тебя, я понял, что хотел бы провести с тобой всю свою жизнь.

А хочешь ли я провести с Чарльзом всю свою жизнь?

Он — очень хорошая партия.

Но он не тот мужчина, в которого я смогу влюбиться.

Чарльз был добрым, мягким, заботливым. Его дружба помогла Мэри пережить первые дни в Индии. Его компания успокаивала, он был кем-то *привычным* в этом новом и все же таком знакомом мире, приводившем девушку в смятение.

Но... она не любила его.

Отец Мэри любил свою жену так сильно, что ради нее предпочел оставить собственную семью, которую больше никогда не увидел.

Фрэнсис, ее спутница во время плавания на корабле, любила своего Альфи и, по ее собственным словам, «потратила лучшие годы своей жизни, оплакивая его».

Мэри же не любила Чарльза. Иначе она бы чувствовала сейчас не только ошеломление.

— П-прости, Чарльз.

Он вздохнул, и Мэри даже в темноте увидела боль на его лице.

— Это было неожиданно, знаю. Я ринулся с места в карьер.

— Чарльз, я... я не...

— Прошу тебя, подумай об этом, — сказал Чарльз, беря ее за руку. Его взгляд в темноте был ясным и искренним. — Я буду ждать твоего ответа.

Мэри могла лишь кивнуть.

Глава 46

Сита

Подарок на наречение. 1936 год

— Я думал о том, чтобы подарить первенцу Правина на наречение Озерный дворец.

Рука Ситы замерла на груди у мужа. Они лежали в ее спальне. Светало, и сквозь окна начинали пробиваться первые серебристые лучи рассвета. Джайдип всегда просыпался рано. Забота о королевстве и благополучии подданных лежала на его плечах тяжким грузом. Даже несмотря на то, что большую часть управленческих функций выполнял британский резидент, люди все равно приходили со своими заботами к Джайдипу, своему королю. Он был их единственной опорой и принимал на себя эту ответственность со всей серьезностью.

В первые дни их совместной жизни Сита часто, просыпаясь, видела, как муж, опершись на локоть, смотрит на нее. «Мне нравится наблюдать за тем, как ты спишь, — говорил Джайдип. — Движение твоих закрытых глаз способно рассказать целую историю. Ты ворочаешься и бьешь руками по постели, а выражение твоего прекрасного лица все время меняется».

Сита в ответ смеялась: «Я ничего не помню».

«Жаль. Хотелось бы знать, что творится в твоей хорошенькой головке».

Тебе бы это совсем не понравилось, мой добрый, наивный супруг, — думала она.

Сита привыкла просыпаться от его нежных поцелуев. Они лежали, болтая и наслаждаясь драгоценными моментами близости, ведь вскоре им предстояло расстаться, превратившись на весь день в не принадлежавших самим себе людей.

Королева тосковала по тем дням, когда любовь ее мужа была абсолютной и безусловной, когда во всем, что касалось Ситы, Джайдип верил лишь в лучшее. Теперь же, глядя на новые морщины, которые, казалось, появились на его лице всего за одну

ночь, Сита ощутила прилив нежности к этому мужчине, который, пусть уже и не полностью ей доверяя, по-прежнему оставался рядом с ней. Он влюбился в нее, увидев ее возле гепардов, и с тех пор не переставал любить, пусть и все время пытался поддерживать мир между ней, своей женой, и матерью, которую он любил, но которая не любила его настолько, чтобы принять его жену. Пытался, даже несмотря на то, что его мать с тех самых пор, как она заявила на дарбар по случаю дня рождения Ситы, поставила себе целью найти ему новую, «плодовитую» жену, приводя жрецов и старцев, призванных придать вес ее уверениям в том, что Сита проклята и продолжает приносить им несчастье.

Замужество обеспечило Ситу всем тем, о чем она мечтала с детства, — высоким статусом, властью, уважением, одобрением родителей. И потому она отчаянно хотела дать Джайдипу то единственное, о чем он мечтал. Ребенка. Наследника.

«Ты хочешь его не меньше, а то и больше, чем Джайдип», — укоряла ее совесть.

А теперь произошло то, чего Сита так боялась. У ее деверя, который никогда не скрывал неприязни к ней, родился сын, который унаследует трон, если Сите так и не удастся произвести на свет ребенка.

Точно так же, как королеве-матери пришлось уступить место Сите, той придется уступить место сыну Правина.

— Мой отец хотел, чтобы дворец на озере отошел старшему сыну и наследнику, — мягко произнес ее муж.

Именно в этом дворце должен был пройти медовый месяц Ситы и Джайдипа, и именно туда они часто уезжали на пару дней. Они сидели на веранде, глядя на пляску светлячков над водой — танец света, исполняемый специально для них. Шелестящая тьма была густой и пахла жасмином. Сита держала мужа за руку. Лишь они вдвоем во мраке и безмолвии, нарушаемых только нежным шепотом воды, мерцанием звезд да резвящимися светлячками. Лодка плыла по озеру, и Сита опустила руки в воду, глядя на быстрых рыб, проносившихся под ее поверхностью. В такие моменты даже ее муж, казалось, на время забывал о государственных заботах.

Это место было *их* волшебным убежищем, принадлежавшим лишь им двоим. Сите казалась невыносимой сама мысль о том, что оно перейдет человеку, который ее ненавидел, и его сыну.

— Ты — старший сын.

— Да. Но...

Глаза ее мужа заволокло пеленой, и его плечи поникли.

Слова будто сами вырвались изо рта Ситы, прежде чем она смогла их остановить. Она попыталась это сделать, но было уже слишком поздно. Впервые со дня их помолвки, впервые с тех пор, как Сита начала брать уроки дипломатии и этикета, она заговорила, не подумав как следует, выпалила то, что первым пришло ей в голову.

— Я думала подождать еще немного. Не хотела говорить тебе, пока не буду уверена полностью...

На лице Джайдипа вспыхнула надежда. Мрачные тени, из-за которых он выглядел старше своего возраста, исчезли. В его глазах сияли любовь и предвкушение.

— Говорить о чем?

Отступить было уже слишком поздно. Сглотнув, Сита выпалила:

— Ты станешь отцом.

— О Сита! — Глаза Джайдипа засияли еще ярче. — Я так хотел это услышать!

Его слова утонули в поцелуях, которыми он, заключив Ситу в объятия, стал ее осыпать.

— Я не буду публично объявлять об этом еще как минимум несколько недель, — сказала она, когда Джайдип ее отпустил.

— Разумеется. — Ее сияющий муж помолодел на глазах. Его морщины, следствие постоянных тревог, исчезли. — Мы сообщим обо всем через три недели, на церемонии наречения сына Правина.

— Это может быть мальчик. Почему бы нам не дождаться рождения этого ребенка, прежде чем ты отдашь дворец своему племяннику?

Джайдип улыбнулся:

— Вместо дворца я подарю ему золотую корону и другие украшения.

Сита тоже улыбнулась. Она отвечала на страстные поцелуи мужа, чувствуя его радость и восторг. Однако сердце так сильно билось у нее в груди от собственной дерзости, что, казалось, вот-вот разорвется.

Глава 47

Мэри

Зная. 1936 год

В ту ночь, когда Чарльз сделал Мэри предложение, когда он предпочел неверно истолковать ее отказ, предпочел думать, что просто застал ее врасплох, девушке снились очень яркие сны. О родителях, в кухне, тетушке и дядюшке, об их доме в Англии. О миссис Олден. О Фрэнсис. Об Амине и Сите. О том, каким амбициозным и властным ребенком была ее подруга. О процессии со слонами. О строгом взгляде, обращенном на Мэри из-под вуали. О взгляде, который она узнала. А затем о тьме, в которую она провалилась...

О корабле. О танце под куполом с мерцавшими звездами. О желтом свете фонарей. О темноволосом мужчине и темно-синем море вокруг...

Мэри проснулась, зная, что что-то изменилось. Что-то очень важное внутри нее. Зная...

Она стала отсчитывать дни, чувствуя, что ее охватывает паника.

«Тебя предупреждали!» — распекала ее совесть.

Винай. Его пронизывающий взгляд. Его острый разум. Его ложь.

Его ребенок.

Мэри была здесь совсем одна. Она лишь недавно прибыла сюда и не могла обратиться к монахиням за помощью. Как бы добры они ни были, Мэри совершила нечто такое, что шло

вразрез с их верой. Более того, это они взяли ее на работу. Она могла потерять это место. И что тогда ей делать?

Мэри вспомнились слова миссис Олден: «Женская репутация чрезвычайно ценна, дорогуша. Насколько я понимаю, ты намерена в свое время выйти замуж».

Она с пренебрежением отнеслась к предупреждению миссис Олден, наплевала на правила приличия — и теперь ей предстояло столкнуться с последствиями собственной импульсивности.

Мэри не могла вернуться в Англию, только не при таких обстоятельствах. При мысли об этом ей на глаза навернулись слезы. От осознания того, в каком положении она оказалась, ее сердце разрывалось на части. Если тетушка и дядюшка, для которых репутация и положение в обществе были превыше всего, узнают, что она забеременела от индуса — и, что еще хуже, от женатого мужчины, который не сможет дать ее ребенку законный статус, — они отвернутся от нее. Ее отца отвергли за то, что он женился на женщине из другого социального слоя, которая была наполовину индуской, а теперь она сама скоро должна была стать матерью, забеременев вне брака, от женатого индуса.

У нее были адреса старых друзей отца, тех, кому написала тетушка, перед тем как ее племянница отправилась в Индию, но сама Мэри была с ними незнакома. Она не могла появиться у них на пороге — незамужняя мать, несущая с собой скандал.

К Винаю она тоже обращаться не станет.

В Индии Мэри не знала никого. Кроме... Чарльза.

Чарльза, происходившего из хорошей семьи. Обеспеченного. Этот выбор одобряет ее тетушка и дядюшка.

Чарльза, в чьих глазах каждый раз, когда он смотрел на нее, вспыхивал огонь. «Мы должны быть вместе», — сказал он.

Чарльза, темного и смуглого из-за толики индийской крови.

Его нежелание принять ее отказ теперь могло сыграть Мэри на руку.

Девушка ненавидела себя за то, в каком направлении двигались ее мысли, однако она была в отчаянии, чувствовала себя в ловушке. У нее просто не оставалось выбора. Предложение

Чарльза пришлось как нельзя кстати. И его чувства к ней были искренними.

Борясь со своей совестью, Мэри умылась и приготовилась ждать.

— Ты подумала... о нас?

В голосе Чарльза слышался страх, его взгляд был взволнованным.

Должна ли она это сделать? Сможет ли?

Они сидели на своем любимом месте у реки. Среди ветвей жалобно вскрикнула птица. Мимо прошел бродячий торговец. В корзине, висевшей у него на шее, лежали уже увядающие под безжалостным солнцем овощи.

Мэри казалось, что принять предложение Чарльза — единственный выход из положения, в котором она оказалась. И времени у нее было немного.

Когда она вернется в Англию, у нее уже не будет дебюта, на который она так надеялась... И приняв предложение Чарльза, и отвергнув его, Мэри уже не сможет вернуться в Англию через год, как планировала. При мысли об этом ей хотелось вопить, пока боль в ее сердце, тоска по кузинам и жажда комфортной, упорядоченной жизни, которую в Англии она принимала как нечто само собой разумеющееся, не ослабнут.

Одно импульсивное действие, одно бездумное решение — и ход ее жизни изменился. Опять.

Какой наивной она была, думая, что поездка в Индию разрешит внутренний конфликт, терзавший ее с тех пор, как к ней вернулась память; конфликт между надеждами, которые возлагали на нее родители, и ожиданиями опекунов. Как глупо было считать, что приезд сюда избавит ее от чувства вины за сделанный ею выбор. Как наивно было хотя бы на мгновение подумать, что свобода, которой желали ей родители, означала связь с Винаем...

А теперь она собиралась совершить очередную ошибку, воспользовавшись Чарльзом и сделав груз своей вины еще тяжелее.

Чарльз терпеливо ждал ее ответа.

Больше всего на свете Мэри хотелось повернуть стрелки часов вспять, вновь вернуться в то невинное время, до того как она встретила с майором Дигби и к ней вернулись воспоминания; в то время, когда она знала, в каком направлении движется ее жизнь, когда была счастлива и не сомневалась в том, где ее место в этом мире.

Ее отец отказался от дома и страны ради любви. А она выйдет замуж не по любви, а потому, что ей так удобнее, обманув при этом хорошего человека, воспользовавшись его простодушием и симпатией к ней.

И будет делать вид, будто ее ребенок — от Чарльза, благо наличие у них обоих индийских предков это позволяло.

Ей придется каждый день ему лгать.

Мэри опустила глаза, избегая взгляда Чарльза, и произнесла с притворной робостью, так, словно играла роль:

— Да.

Каким лживым, недостойным человеком я стала!

— «Да» — ты подумала об этом или «да» — ты выйдешь за меня?

— Я выйду за тебя, — ответила Мэри, вновь вспомнив об отце, который предпочел быть отвергнутым собственной семьей, лишь бы жениться на своей возлюбленной.

Река покрылась возмущенной рябью, словно укоряя Мэри: «Что же ты делаешь?»

Просияв, Чарльз заключил девушку в объятия.

Мэри вцепилась в него так, словно от этого зависела ее жизнь.

Глава 48

Сита

Помпезность и грандиозность. 1936 год

Церемония наречения сына принца Правина была чрезвычайно роскошной. Правин остался верен себе: он пошел на огромные расходы, чтобы перещегоолять торжества, устроенные Ситой и Джайдипом.

Стоявший у подножия холмов дворец Правина был ярко освещен и увешан флагами. Принц пригласил заклинателей змей и глотателей огня, магов и факиров с обернутыми вокруг их тел удавами, гадалок и фокусников, ходящих по гвоздям и огню. Гостей развлекали фейерверками и музыкальными фонтанами, выступлениями дрессированных соколов и попугаев. Был даже зверинец с леопардом, тигром и двумя рычавшими, бродившими по клеткам львами.

Собравшиеся дети смеялись и визжали от страха. Гости наслаждались едой и сплетнями. Многочисленные слуги готовы были исполнить любой их каприз.

Сама церемония была невероятно помпезной и грандиозной. Ребенка благословляли сразу три жреца.

— Первый внук покойного короля, моего мужа, — гордо объявила королева-мать, сидевшая среди своих приспешниц. Ее глаза искали Ситу, словно она хотела своим взглядом сделать боль невестки еще сильнее. — Тот, кому суждено стать королем.

Окружавшие ее женщины заулыбались, однако в их устремленных на Ситу глазах читалась тревога.

Мило улыбнувшись королеве-матери, Сита ничего не сказала.

— Жаль, что мой старший сын не сумел произвести на свет ребенка. Давно бы пора.

На этот раз ни одна из приятельниц королевы-матери не улыбнулась; их взгляды стали еще более тревожными. В конце концов, Сита была королевой. Их судьбы находились в ее руках.

Лишь королева-мать продолжала радостно хихикать, откусывая кусочки ладду.

— Какой смысл быть королем, если у тебя нет наследника, которому можно будет передать королевство? Я подарила мужу двух здоровых сыновей. И по крайней мере один из них уже произвел на свет сына.

Вновь воцарилась тишина. Собравшиеся на дарбар женщины перестали жевать. Словно зачарованные, они ждали, что же произойдет дальше.

Вы все так думали, однако лишь королеве-матери хватило духу произнести это вслух. Сита улыбнулась, глядя себя по животу. Она наслаждалась моментом, который потом будет вспоминать вновь и вновь. Это придавало ее наполненной ложью жизни смысл. Единственным, что омрачало триумф Ситы, был тот факт, что Джайдип настоял, чтобы сообщить обо всем Правину лично: ей бы очень хотелось увидеть лицо своего деверя, когда он услышал эту новость.

Однако и вид свекрови, глядевшей на невозмутимую Ситу, поглаживавшую себя по животу, был достаточной наградой. Выждав еще некоторое время, молодая королева спокойно объявила:

— Вам не нужно волноваться за своего старшего сына. Он скоро станет отцом.

Для того чтобы увидеть выражение лица королевы-матери, стоило сделать все то, что сделала Сита за последнее время.

По залу пронесся вздох, а затем собравшиеся женщины стали наперебой ее поздравлять.

Жена Правина, Лата, заключила Ситу в объятия. По ее лицу бежали слезы.

— Я так рада за тебя и за короля!

Сита видела, что она говорит искренне.

Королева-мать открыла рот, словно желала хоть что-то возразить.

Сита знала, что свекровь не поверила ее словам. Она оценивающе глядела на ее живот. Королева-мать придавала слишком большое значение словам гадалки, которую привела на дарбар по случаю дня рождения невестки.

— Будем надеяться, что это мальчик, — наконец произнесла она холодно и нарочито отвернувшись к собравшимся вокруг нее дамам.

Сита улыбнулась. Она добилась, чего хотела. Другие женщины хлопали в ладоши и поздравляли ее, однако она не могла насмотреться на сжавшиеся губы и сузившиеся глаза королевы-матери, лишившейся долгожданного шанса позлорадствовать.

Часть 4

Слишком много, чтобы потерять

Глава 49

Мэри

Секреты. 1936 год

— Несколько лет назад на их месте были я, Сита и Амин, — сказала Мэри, когда они с Чарльзом гуляли по берегу реки, и указала на детей, пускавших камешки по воде.

— Та самая Сита, которую ты узнала в королеве в день нашего знакомства? — улыбнулся Чарльз.

— Та самая.

— Ты написала ей, как собиралась?

— Еще нет.

Чарльз с любопытством взглянул на нее.

— Почему?

— Я... я не знаю. Прошло уже много времени. Мы — два очень разных человека.

— Ты боишься, что она тебя забыла?

— Я думаю, что у Ситы слишком много забот, связанных с управлением королевством, и ей некогда вспоминать старую подругу. Она, должно быть, получает множество писем.

Чарльз взял Мэри за руку, и они вышли на дорогу. Теперь она была пуста. Бросавшие камешки дети исчезли — вероятно, пошли подкрепиться.

— Не думаю, что, однажды повстречавшись с тобой, тебя можно забыть, Мэри. Ты даже не понимаешь, что ты особенная.

Взгляд Чарльза был таким искренним, что Мэри стало стыдно. Его глаза сияли любовью. Мэри стала смотреть прямо перед собой, сосредоточившись на облаке пыли, поднимавшемся над грязной дорогой, на птицах, клевавших зрелые орехи кешью, на ошеломляющей жаре, пахшей забродившими фруктами, на вкусе гуайявы со специями, которую они купили у настырного торговца, и на чувстве сожаления.

Почему я не могу полюбить Чарльза?

Она вспомнила другие карие глаза, становившиеся золотисто-черными от желания, и моргнула. *Не сейчас. Не здесь. Никогда.*

Чарльз обнял ее.

— Я — твой без остатка, Мэри, и все, что я имею, тоже твое, — прошептал он.

Они сидели в тени манго, кешью и хлебных деревьев, росших на краю поля. На них безмятежно поглядывали пасшиеся коровы, отгоняя хвостами садившихся им на спины мух. Весело бурливший ручеек впадал в реку, и шум воды нагонял воспоминания о том, как Мэри танцевала на палубе корабля; ее партнером был мужчина с умными глазами и сияющей улыбкой, чье наследие она теперь носила в себе. Прикусив нижнюю губу, Мэри вновь отогнала эти воспоминания.

— Я... я был с тобой не до конца честен, — сказал Чарльз, прижимая ее к себе.

Девушка подняла на него взгляд. Ей и в голову не приходило, что у этого мужчины могут быть от нее секреты.

Со свисавшей над ними ветки вспорхнула птица; несмотря на липкую жару, Мэри задрожала.

— Мой отец... Он... — Чарльз глубоко вздохнул — ...много раз изменял моей матери. Она пристрастилась к выпивке и умерла, когда мне было пятнадцать.

— Мне очень жаль, Чарльз, — мягко сказала Мэри. — Потерять мать подобным образом...

— Я презирал своего отца, вина его во всем. К тому моменту, когда он умер, я не разговаривал с ним уже много лет. — Чарльз с шумом втянул воздух через нос и вздохнул. — Если в этом мире есть что-то, что я ненавижу по-настоящему, — его голос стал гневным, — то это когда супруги скрывают друг от друга правду и изменяют друг другу.

Мэри замерла в его объятиях. Следовало ли ей обо всем ему рассказать?

Ты не можешь этого сделать. Ни один мужчина не согласится взять в жены женщину, носящую чужого ребенка. Чарльз немедленно разорвет помолвку. И где ты тогда окажешься?

Тетушка, дядюшка, кузины... Мэри очень скучала по ним и по своей жизни в Англии. Она надеялась, что, когда ребенок родится, законный статус позволит ей вернуться в Англию, пусть даже ненадолго. Это лучше, чем не возвращаться вообще и быть отвергнутой семьей. А если опекуны Мэри узнают правду, они от нее отвернутся...

— Именно из-за своей матери я стал врачом. Я не мог спасти ее, потому что был слишком юн, но подумал, что, возможно, смогу спасти кого-нибудь еще. Отец был против, считая профессию врача неаристократичной, однако это лишь укрепило мою решимость. — Чарльз легонько поцеловал Мэри в лоб. — Думаю, мне так легко с тобой потому, что ты, потеряв родителей в столь юном возрасте, тоже познала горе и пережила утрату. Ты меня *понимаешь*.

Он вновь поцеловал Мэри, и девушка ощутила вкус слез — его и своих собственных. Слезы Чарльза выражали чистые эмоции: любовь и облегчение, а ее — вину и предательство.

Он обхватил лицо девушки руками.

— В тебе я нашел родную душу. У нас не будет друг от друга секретов. Теперь ты знаешь обо мне все. Расскажешь о себе?

Мэри рассказала. Обо всем, кроме причины, заставившей ее принять его предложение.

Рассказала правду, не считая одной лжи.

Тетушка и дядюшка лгали мне. Как и Винай. Узнав об этом, я была опустошена. Поэтому я сделаю все, чтобы Чарльз никогда не узнал о том, что я от него скрываю.

— Встретив тебя, я понял, что мы созданы друг для друга.

Он заслуживал лучшей жены, чем она. Но... Мэри была недостаточно сильной для того, чтобы сказать об этом Чарльзу, чтобы освободить его от обещания.

Пусть я и не могу быть с тобой честна, я стану тебе хорошей женой. Я буду любить тебя настолько сильно, насколько это возможно в отношении человека, которому лжешь день за днем.

Глава 50

Сита

Только лучшее. 1936 год

— Во время беременности моя мать полагалась на повитух, не желая, чтобы ее обследовал мужчина, — сказал Джайдип. — Но времена изменились. Я попросил королевского врача посоветовать нам хорошего акушера. Для тебя — только лучшее, моя королева.

— Я во многом расхожусь с твоей матерью, но в этом я с ней согласна, — улыбнулась Сита.

— Если в Индии есть женщина-врач, я ее найду.

— Меня устроит повитуха, — настаивала Сита. — У них у всех есть опыт.

— Я найду лучшую повитуху в королевстве...

— Прошу тебя, — Сита сжала руку мужа, мягко ему улыбаясь, — позволь мне самой этим заняться. Я найду повитуху, которая меня устроит.

Сита пригласила во дворец свою гувернантку, чье время так бессовестно тратила и которую довела до отчаяния. Годы

были безжалостны к ней: гувернантка стала очень хрупкой и выглядела гораздо старше своих лет.

— Я знаю, что у вас были отношения с моим дядей, — произнесла Сита без лишних преамбул, едва отпустив слуг.

Услышав это, гувернантка едва не упала в обморок.

— Как? — Вот и все, что она смогла произнести слабым голосом.

— Когда вы ложились вздремнуть, мне всегда было ужасно скучно, поскольку вы не позволяли мне читать книги. Так что я рылась в ваших вещах в поисках чего-нибудь, что можно было бы почитать.

— Это... было давно.

Голос женщины дрожал так же, как и ее руки.

— Я знаю о ребенке.

— Ох-ох-ох...

На этот раз гувернантка и правда упала в обморок.

Сама удивляясь своей добротой, Сита вызвала служанок и приказала им привести женщину в чувство.

Старая гувернантка медленно очнулась. Ее мутило, взгляд был затуманенным. Она жадно пила предложенную служанками воду.

Когда они с Ситой вновь остались наедине, гувернантка простерлась перед ней ниц.

— Прошу вас, смилуйтесь! Моя дочь живет с людьми, которые ее любят и заботятся о ней. Она ничего не знает обо мне и о вашем дяде. Если ей станет об этом известно, ее жизнь рухнет.

— Встаньте. Вы позорите нас обеих. Я не намерена говорить о чем-либо вашей дочери.

В глазах гувернантки было безумие.

— Тогда чего же вы хотите?

— Найдите мне повитуху, которой я смогу доверять. С безупречной репутацией, но готовую нарушать правила. — Сита вручила гувернантке деньги, коробочки со свежайшей морковной халвой и молочными педрами (которые, как она помнила, были любимым лакомством этой женщины), пару сари

и золотой браслет. — И если хоть кто-нибудь узнает о моей просьбе, вашей дочери станет известна правда.

— Никто ни о чем не узнает, клянусь!

Гувернантка сдержала слово: она прислала к Сите повитуху — с кучей рекомендаций, но совершенно лишённую моральных принципов. Вероятно, даже эти рекомендации были куплены — так же, как Сита покупала ее молчание. Молодая королева не завидовала пациенткам этой женщины.

Глава 51

Мэри

Личное. 1936 год

Бракосочетание было очень скромным.

Несколько друзей Чарльза.

Монахини.

Когда Мэри думала о своей свадьбе, она представляла, как пройдет по огромной старой церкви, в которой, одевшись во все самое лучшее, бывала с тетей, дядей и кузинами каждое воскресенье. Именно там были похоронены родители ее отца вместе со многими поколениями семьи Бригам. Мэри представляла, как дядя отведет ее к алтарю, у которого уже будет ждать жених.

В день свадьбы ярко светило солнце — впрочем, как и всегда в Индии. На Мэри было ниспадавшее свободными складками платье из белого шифона, покроем которого она выбрала после долгой и забавной дискуссии с кузинами. Платье, которое она мечтала надеть на свой дебют. Достав наряд из чемодана, где он все это время дожидался подходящего случая, Мэри надела его и, отряхнув с переливчатой ткани прах своих грез, взглянула в зеркало, с трудом видя свое отражение из-за застилавших ей глаза угрызений совести, тоски по дому и душевной боли.

Чарльз казался самым счастливым человеком на свете, и Мэри изо всех сил улыбалась, пытаясь скрыть свои сожаления,

сомнения и страстное желание увидеться с семьей (принявшей ее, когда она была потеряна и страдала от горя) точно так же, как она скрывала секрет, который носила под сердцем.

Как далеко я теперь от своих грез!

— Согласна, — громко сказала Мэри.

«Мне очень жаль», — прошептала она мысленно.

Мэри скучала по кузинам, дядюшке и тетушке, однако в глупине души была рада, что они не стали свидетелями этой пародии на брак.

Мы не думали, что ты выйдешь замуж через несколько недель после того, как уплывешь в Индию, Мэри! — писали ей кузины. — Эта страна, должно быть, действительно тебя околдовала! Поскорее приезжай в гости со своим мужем. Нам бы очень хотелось познакомиться с мужчиной, завоевавшим твое сердце. Должно быть, его красота под стать твоей!

— Я самый счастливый человек на земле, миссис Сомс! — сказал Чарльз, лучезарно улыбаясь, когда их с Мэри объявили мужем и женой.

Мэри чувствовала себя так, словно ее чувство вины вот-вот прольется из глаз слезами. Чарльз заключил жену в объятия и поцеловал ее. Его глаза сияли.

— Я люблю вас, миссис Сомс.

Он ждал. Увидев, что его улыбка стала слегка растерянной, девушка сказала:

— Я тоже люблю тебя.

Горький вкус лжи, который Мэри ощущала во рту, смягчили его страстные поцелуи.

Возможно, я и вступила в этот брак во лжи, но ты никогда об этом не догадаешься. Я сделаю тебя счастливым, Чарльз. Я буду тебе хорошей, почтительной женой. И обещаю, что однажды, произнеся эти три слова — «я тебя люблю», я действительно скажу то, что думаю.

Выходить замуж за человека, в глазах которого сияла такая любовь к ней, просто потому, что это было удобно, казалось Мэри неправильным. Однако ее утешало то, что она не вступала в этот брак бесприданницей. Ее тетушка и дядюшка передали Чарльзу деньги, оставленные отцу Мэри его родителями.

Настала их первая брачная ночь.

Мэри постаралась выбросить из головы мысли о Винае и о той украденной у судьбы ночи, когда она, опьяненная чувством независимости (которое испытала после того, как отвергла советы миссис Олден), совершила то, чего ей хотелось по-настоящему.

«Ты так прекрасна!» — шептал тогда с благоговением Винай.

Помогая ему развязать ее корсет, Мэри дрожала от желания и предвкушения. Дрожала, когда в смущении стояла перед ним нагая. Ей было холодно, а он согревал ее своим телом.

Теперь же Мэри была в комнате с мужчиной, за которого вышла замуж по необходимости. Ее импульсивный поступок в *ту* ночь стал причиной *этой* ночи.

Чуть раньше Мэри внимательно осмотрела свое тело. Пока еще было не заметно, что внутри нее рос ребенок.

Чарльз нежно поцеловал ее. Мэри попыталась ответить на его поцелуй, изо всех сил стараясь забыть вкус губ другого мужчины, свою запретную любовь, которой она желала так, как не желала любви мужа.

Мэри дрожала, когда Чарльз осторожно раздевал ее.

— Ты так прекрасна, — сам того не подозревая, повторил он слова Виная.

Мэри всматривалась в его глаза, вслушивалась в звук его голоса. Сможет ли он понять, что она не та идеальная, чистая женщина, которой он ее считает?

Впрочем, даже если он это и понял, его отношение к ней не изменилось. Чарльз стал лишь более страстным, а поцелуи, которыми он осыпал ее тело — более настойчивыми. В его глазах Мэри видела страсть и желание, которых сама не испытывала.

Чарльз осторожно вошел в нее. Мэри постаралась не отпрянуть от него.

Она двигалась вместе с ним. От вины и сожаления, которые Мэри чувствовала, у нее в горле встал ком, заставивший ее залиться краской, словно она была девственницей.

Позже, прижимая ее к себе, Чарльз шептал:

— Я самый счастливый мужчина на свете.

Напряженная Мэри лежала в его объятиях, пока его дыхание не стало ровным. Чарльз уснул.

Она осторожно повернулась в его объятиях. Чарльз вздрогнул, но затем вновь погрузился в сон. Мэри смотрела на него — мужчину, за которого вышла лишь для того, чтобы дать законный статус своему ребенку, — запоминая черты его лица: неправдоподобно длинные ресницы, золотисто-каштановую щетину на щеках, царственной формы нос, подбородок с ямочкой.

«Я *научусь* тебя любить», — вновь подумала она.

Перед глазами у Мэри вновь встало лицо Виная. Его умные глаза, пронзительный взгляд которых наполнял ее теплом и чувством собственной значимости.

Мало того что ты обманом заставила Чарли жениться на тебе, так теперь еще смеешь пускать отца своего ребенка к вам в постель в первую брачную ночь?

Мэри до крови прокусила губу, прогоняя слезы, соленые, как море.

Ты вышла сухой из воды. О чем тебе плакать?

Глава 52

Сита

Необычное. 1936 год

Шли месяцы; Сита успешно продолжала изображать беременность.

Всякий раз, когда их пути пересекались, королева-мать странно смотрела на нее, все еще не веря невестке, несмотря

на ее растущий живот. Сита игнорировала эти взгляды, улыбаясь свекрови с холодной безмятежностью. Она старалась вести себя как гепарды, которых она так полюбила. Сита дала им клички и посещала почти каждый день.

— Никто не знает меня по-настоящему, — говорила она лоснящимся животным. — Человека, которым я стала.

Правильно было бы выпустить гепардов на волю, позволить им жить той дикой жизнью, для которой создала их природа, жизнью стремительных зверей, способных обогнать кого угодно.

И в этом Сита тоже последовала бы их примеру. Она умчалась бы быстро и далеко, сбежав от ситуации, в которой оказалась.

Ее мать знала о ней *все*. Во всяком случае, так было раньше. Однако сейчас она была настолько ослеплена желанием стать бабушкой будущего короля или королевы, что с радостью поверила в устроенный дочерью фарс, ничего не заподозрив.

А Сите хотелось, чтобы она заподозрила. Как бы она ни бунтовала против матери в детстве, сейчас королева мечтала о том, чтобы та взяла ситуацию в свои руки и исправила то, что натворила ее дочь. Ей хотелось снять с себя ответственность, избавиться от снедавшей ее тревоги, от паники, поселившейся в том месте, где должен бы быть ребенок.

Сита желала, чтобы королева-мать была не единственной, кто что-то подозревал, понимая, впрочем, что лишь она, обладавшая таким же изощренным умом, как и сама Сита, могла заподозрить что-то неладное.

Королева смотрела на гепардов. Она не выпустит их на свободу, потому что слишком любит этих зверей.

И точно так же она не выпустит на свободу саму себя — из любви к собственным путам: к королевскому статусу, к этому дворцу и ко всему, что он собой представлял. Ко всему, что задушило в ней ту, кем она была когда-то, превратив ее в человека, которого она больше не узнавала, — в холодную, беспринципную, безжалостную лгунью.

Глава 53

Мэри

Ложь. 1936 год

— Беспорядки в Бомбее усилились, — сказал Чарльз, глядя на Мэри поверх газеты и взволнованно хмурясь. — Надеюсь, сюда они не перекинутся.

Мэри заметила, что он выглядит усталым. Следовало ли сказать ему это сейчас или лучше подождать еще неделю?

Мысль о том, чтобы отложить этот разговор, была соблазнительной, однако у нее оставалось не так уж много времени. На самом деле его почти уже не было. Лучше покончить со всем разом.

Мэри глубоко вздохнула.

— Чарльз...

Перестав намазывать маслом тост, ее муж рассеянно улыбнулся, а затем снова уткнулся в газету.

— Да, дорогая?

— Я беременна.

Открыв свой секрет, Мэри испытывала одновременно ужас и облегчение. За несколько недель их брака она не видела от Чарльза ничего, кроме любви, но тем не менее у нее все равно были опасения; она страшилась взглянуть в глаза этому доброму, милому мужчине, которого обманывала. Если он и правда что-то подозревает, если ему известно о ее лжи, Мэри это поймет.

Жизнь в браке и правда так чудесна, как мы себе это представляли, когда были подростками? — писали Мэри кузины. — Расскажи нам все.

Как рассказать им о том, что, хотя она ни в чем не нуждалась, а Чарльз был прекрасным мужем, она все равно чувствовала себя несчастной?

Как рассказать о том, что дурачить хорошего человека, лгать ему каждый день оказалось сложнее, чем она думала?

Как рассказать о том, что она открыла в себе удивительную и в то же время удручающую способность водить за нос всех вокруг и особенно саму себя?

После их с Чарльзом свадьбы жизнь очень быстро вошла в привычное русло. В будние дни муж Мэри ночевал там же, где была расположена его клиника, — в главном городе региона, возвращаясь домой на выходные.

— Мне нужно возобновить свою практику, — неуверенно сказал он через несколько дней после свадьбы.

— Ну разумеется, — ответила ему Мэри, стараясь не выказывать облегчения. Жить рядом с Чарльзом, проявляя к нему любовь и внимание, но в то же время постоянно чувствуя вину, оказалось сложнее, чем она думала.

— Мне... В будни мне придется оставаться в Уайни-гарденс.

Чарльз выглядел виноватым.

Это еще лучше.

Уайни-гарденс — так назывался дом Чарльза в главном городе региона, где они остановились сразу после свадьбы, приехав туда, чтобы полюбоваться местными достопримечательностями, посетить чаепития и насладиться роскошным ужином у его друзей.

Ужасная женщина! Ты поклялась быть покорной, чтобы искупить свою ложь, а теперь радуешься, что мужа не будет дома большую часть времени?

— Ты хотела бы ко мне присоединиться? — спросил Чарльз. В его глазах читалась надежда.

Больше всего на свете я хотела бы жить в большом городе, посещать балы и играть в карты, воссоздав маленький кусочек дома, до тех пор, пока не смогу вернуться в Англию. Но продолжать этот фарс, изображать почтительную жену, я не могу. Быть лишенной компании людей, которые напоминали бы мне об Англии и позволяли бы чувствовать себя как дома, — это заслуженная кара за то, что я лгу мужчине, который так добр ко мне.

— Чарльз, я... Монахини и дети ждут меня в школе.

На мгновение его лицо омрачилось, однако затем он улыбнулся.

— Разумеется. С нетерпением буду ждать выходных, когда снова смогу тебя увидеть.

Чарльз уехал в главный город региона на следующей неделе, и Мэри, несмотря на его настоятельную просьбу пользоваться каретой, стала ходить в школу пешком через поля, покрытые золотившейся в рассветном сиянии росой. Солнце в это время еще не пекло, и земля у нее под ногами была мягкой, как пудра.

Монахини и дети были очень рады возвращению Мэри из отпуска, продлившегося несколько дней. Она сразу же принялась за работу и впервые с тех пор, как решила выйти замуж за Чарльза, почувствовала, что вина и сожаления терзают ее уже не так сильно.

Вечерами Мэри бесцельно бродила по их с Чарльзом коттеджу, наслаждаясь одиночеством и отсутствием мужа, пусть совесть и не давала ей покоя: «Он любит тебя, а ты хочешь от него избавиться!»

«Он совсем небольшой, — сказал Чарльз, показывая Мэри коттедж, — но тут можно пожить, пока мы не решим, что нам делать дальше, не следует ли мне перенести свою практику поближе, или же будет лучше, если я продолжу работать в главном городе региона».

«Он идеален», — ответила ему Мэри.

И это было правдой. Коттедж был расположен в прекрасном уголке, вдалеке от дороги, на огороженной территории посреди полей. К двум кокосовым пальмам был подвешен гамак. В саду пахло лаймом, гуайявой, спелыми манго и плодами хлебного дерева.

«Готовит и убирает в доме служанка, — сообщил Чарльз. — Живет она в городе, но приходит с рассветом и остается до тех пор, пока не выполнит все свои обязанности. Если понадобится, ты можешь нанять дополнительную прислугу».

Лишь двое в раю. «О чем мы будем с ним беседовать?» — думала Мэри, нервничая.

Первый вечер без Чарльза она провела за чтением его книг.

Возможно, увидев, что именно он читает, и поняв, что он за человек, Мэри научится его любить.

Служанка со смущенным видом принесла ей чай и сладости из воздушного риса, которые Мэри помнила еще с ранних лет. Индия вернула ей вкусы и ощущения детства. Специи и ароматы давно забытых блюд, которые когда-то казались ей обычными. Мэри даже не знала, как они называются, однако ее вкусовые рецепторы помнили их. Ощущения были подобны тем, которые человек испытывает, вновь знакомясь с другом, с которым давно не виделся, и понимая, насколько они похожи.

После ухода служанки Мэри лежала в гамаке, пытаясь читать одну из книг Чарльза и вдыхая аромат фруктов, который доносил ласкавший ее кожу нежный ветерок. Однако слова на страницах казались ей совершенно бессмысленными. Мэри коснулась живота. Он округлился лишь совсем чуть-чуть. Живот, в котором Мэри носила ребенка от другого мужчины.

Когда стемнело, Мэри отправилась спать. Она опустилась на кровать, которую они с Чарльзом делили с самой свадьбы, кровать, в которой Чарльз спал, а она лежала без сна. Теперь это ложе принадлежало ей одной до конца недели. Однако Мэри все равно не могла уснуть.

«Что, если Чарльз каким-то образом узнает правду? — спрашивала она себя. — А если нет, то смогу ли я лгать ему всю оставшуюся жизнь?»

— О моя дорогая! — сказал Чарльз, заключая Мэри в объятия и целуя ее.

Его глаза сияли.

Мэри было тяжело улыбаться, смеяться и радоваться вместе с ним.

А слушать, как он строит планы на их будущее и будущее ребенка, стало для нее настоящей пыткой.

И все же она это делала.

Как же легко ей теперь стало лукавить, как непринужденно ложь срывалась с ее губ!

В ту ночь, когда восторженный Чарльз наконец заснул, Мэри еще долго лежала, глядя перед собой затуманенными глазами.

По вздувшемуся растрескавшемуся потолку бегали ящерицы. Внезапно в голове у Мэри вспыхнуло давно забытое, но очень живое воспоминание. Однажды Амин поймал ящерицу, однако в следующее же мгновение в его руке остался один лишь хвост. Мэри с Ситой смотрели на него как зачарованные. Сита даже решила его потрогать.

«Чешуйчатый», — сообщила она. На ее лице читались одновременно отвращение и интерес.

Сита... Мэри ей так и не написала.

Помнишь, как мы детьми беззаботно бродили по улицам городка, строя планы на будущее?

Если бы только жизнь вновь стала такой же легкой и простой.

Счастлива ли ты, Сита, осуществив свои детские мечты, став той, кто способна что-то изменить, той, кого невозможно игнорировать?

У меня есть все, о чем я мечтала: хороший муж, уважение, а скоро будет еще и ребенок.

И все же я несчастлива. По правде говоря, никогда в жизни я еще не чувствовала себя настолько подавленной.

Глава 54

Сита

Груз. 1936 год

— Сита.

Что-то в голосе мужа заставило ее открыть глаза и взглянуть на него.

Они лежали в постели. Сита притворялась, будто спит. Как только Джайдип погрузится в сон, она станет бродить по ком-

нате. Ей больше нравились ночи, когда он не приходил в ее спальню, поскольку тогда ей не нужно было притворяться. Когда муж уснет, она сможет сбросить груз своей лжи, отложив его на какое-то мгновение вместе с диванной подушкой, которую Сита засовывала под юбку своего сари. Во всяком случае, ей хотелось на это надеяться, пусть даже в действительности королеве никогда этого не удавалось. Ложь всегда преследовала ее. Она росла, подобно несуществующему ребенку, требуя действий, вызывая у Ситы паранойю, заставляя подозревать всех и вся. Даже мужа. Даже сейчас...

— Моя мать захотела сегодня со мной увидеться.

Ночной воздух внезапно показался Сите очень горячим, и она прикусила язык, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего. Что еще задумала ее свекровь?

— Она... она хотела бы примириться с тобой теперь, когда ее внук вот-вот родится.

— Значит, она смирилась с тем, что я не бесплодна? Поверила, что я сказала правду, а гадалка, объявившая меня проклятой, а мое лоно — сухим, солгала?

Злость в ее голосе заставила Джайдипа вздрогнуть. Впрочем, его тон остался довольно мягким.

— Я знаю, что тебе очень больно. Но...

— Почему к ней пошел ты, а не я?

Когда-то мужу нравилась ее прямота. Теперь же Джайдип закрыл глаза. Он выглядел очень усталым.

— Она волнуется из-за того, что ты можешь испытывать к ней неприязнь...

— И у нее есть на это основания, — резко перебила его Сита.

Она ненавидела себя за свое поведение, однако ничего не могла с собой поделать. Солгав в первый раз, остановиться было уже невозможно. Ложь росла, как снежный ком, как рос бы ее живот, если бы она действительно была беременна.

Иногда Сите хотелось убежать. Однако тогда она потеряла бы слишком многое. Ее ложь раскрылась бы. Свекровь стала бы злорадствовать, а сын ее деверя стал бы королем. Ее родители были бы опозорены и вновь начали бы испытывать

к ней отвращение. Ее муж был бы не просто разочарован — он был бы сломлен тем, что его избранница оказалась мошенницей, лгуньей, которая не остановится ни перед чем в стремлении добиться своего и готова растоптать чьи угодно чувства.

Некоторое время назад, когда проходил еженедельный дарбар для женщин королевства, призванный позволить им поделиться с Ситой своими заботами, жалобами и проблемами, решение ее собственной дилеммы нашлось словно само собой.

Она как раз пыталась разрешить спор между двумя женщинами из богатых семей, когда услышала, что в приюте «Дом на озере», который Сита основала вопреки воле королевского совета, одна незамужняя женщина родила ребенка; монахини как раз собирались отдать его на усыновление.

Именно тогда в голове у Ситы что-то щелкнуло и она поняла, что ей нужно делать.

Следующей ночью, лежа в постели, она сказала Джайдипу: «Забеременев, я решила, что должна дать что-то взамен. Я буду лично помогать сиротам и женщинам, оказавшимся в трудном положении».

Ее муж улыбнулся.

«Вместо того чтобы снять с себя часть обязанностей, ты хочешь делать еще больше. Прошу, не напрягайся слишком уж сильно, любовь моя».

С тех пор Сита под видом благотворительности объехала все сиротские приюты королевства. Вскоре она планировала посетить и «Дом на озере», где собиралась составить список женщин, которые должны были родить примерно в то же время, когда родила бы она, если бы действительно была беременна. Она хочет убедиться, что все они из хороших семей. Эти женщины были в отчаянии, и раз уж они все равно отдавали своих детей — то почему бы не отдать их королеве?

В том случае, если ни одной такой женщины Сите найти не удастся, ей придется взять ребенка из приюта. Именно поэтому она побывала во всех них — чтобы определить, из каких

социальных слоев происходили жившие там дети. Впрочем, это было запасным вариантом: проверить ребенка из приюта столь же тщательно не удастся просто потому, что у нее на это не хватит времени, ведь ей необходимо дождаться девятого месяца своей «беременности», прежде чем брать новорожденного, иначе Сите не удастся выдать его за своего.

— Моя мать хотела бы тебе помочь, — сказал ей муж. — Есть женщина, способная определить, мальчика ты вынашиваешь или девочку, просто коснувшись твоего живота. Она очень стара. Эта женщина стала благословением для моей матери, когда та вынашивала нас с Правинком. Она сумела даже предсказать, что у матери будет двойня! — Глаза Джайдипа сияли. — Просто представь, у тебя тоже могут быть близнецы!

— Я не хочу, чтобы какая-то старуха касалась моего живота, — коротко ответила Сита.

Лицо ее мужа вновь помрачнело. Ее слова причинили ему боль.

— Она не просто какая-то старуха...

— Джайдип, — мягко сказала Сита, уповая на ту любовь, которую он по-прежнему к ней испытывал, — ты должен понять, что у меня нет причин доверять твоей матери или женщине, которую она могла бы порекомендовать, особенно после того, что она сделала на мой день рождения в прошлом году.

Джайдип кивнул. От восторга на его лице не осталось и следа.

Сита потянулась к нему, желая преодолеть дистанцию, вознившую между ними в последнее время.

Однако Джайдип отвернулся.

Глава 55

Мэри

Тишина. 1936 год

По вечерам после рабочего дня Мэри подолгу гуляла. Ей не хотелось возвращаться в их с Чарльзом коттедж. Без него он

был пустым и бездушным, и Мэри слышала в тишине голос своей совести.

Ты должна сказать ему, что ребенок, которого он ждет с таким нетерпением, не его.

На выходных, когда сияющий, заботливый Чарльз возвращался домой с подарками, осыпая жену комплиментами и строя планы на их совместное будущее, Мэри становилось еще тяжелее.

«Прекрати! — хотелось крикнуть ей. — Я не могу этого вынести! Прошу тебя, прекрати!»

Лишь в школе чувство вины на время оставляло ее.

Каждое утро, когда Мэри, входя в класс, слышала радостные приветствия своих учениц, она ненадолго забывала о своих заботах, о том лживом фарсе, в который превратилась ее жизнь.

Через неделю после того, как Мэри рассказала Чарльзу о своей беременности, он, приехав на выходные, неуверенно спросил ее:

— Я знаю, ты очень любишь свою работу в школе, но, возможно, если тебе станет слишком тяжело, ты переедешь ко мне? В большом городе тебе не будет скучно... — Увидев на ее лице смятение, он сделал паузу. — Если ты вдруг изменишь свое решение, обещай мне, что...

— Обещаю, — сказала Мэри.

Очередная ложь. Сколько раз она уже солгала с тех пор, как согласилась выйти замуж за Чарльза?

Ей хотелось, чтобы он уехал, и все же после его отъезда она бродила по коттеджу, не находя себе места. Когда стемнело, уснуть ей тоже не удалось. Угрызения совести были такими сильными, что Мэри не могла даже читать.

Поэтому по вечерам после работы, вместо того чтобы возвращаться в коттедж, она бродила по тропинкам, которые Чарльз показал ей, когда знакомил с городком.

Мэри все так же остро не хватало кузин, английского дома и тетушки с дядюшкой. Разлука с ними была для нее словно незаживающая рана. И все же, гуляя по городку в поисках отдохновения от терзавшего ее чувства вины, вдыхая резкий от

запаха перезрелых фруктов воздух, слушая жужжание мух, глядя на мирно пасущихся на полях коров, на фермеров, которые мыли своих буйволов в реке, и на описывавших над баньянами красивую дугу птиц, Мэри вновь, как в детстве, начинала испытывать любовь к Индии. Она стала понимать, почему ее родителей так восхищала красота этой земли.

Мэри нравилось сидеть у реки, слушая ее тихий шепот, глядя на клевавших что-то на берегу цыплят, на женщин, наполнявших ведра водой и стиравших одежду; уходя, они бросали на нее из-под вуалей лукавые взгляды.

Она вспоминала, как играла с Амином и Ситой на берегу реки в городке неподалеку. Амин неизменно ждал их за занавешивавшим вход в его хижину куском ткани и, широко ухмыляясь, выскальзывал наружу, едва завидев Ситу и Мэри. Как же давно это было!

Придет день, когда она вернется в этот городок и разыщет Амина. Придет день, когда она напишет Сите. Но не сейчас, когда, вместо того чтобы быть счастливой, Мэри разрывалась на части. Что же она делает, приводя ребенка в мир, где он будет жить во лжи?

О сколько же ошибок она совершила, обедев Чарльза во круг пальца, использовав его! Мэри приводило в смятение то, что она продолжала жить как ни в чем ни бывало, даже несмотря на уверенность в том, что она движется в неверном направлении.

Иногда на реку приходили играть дети. Они резвились до самого заката. В такие моменты Мэри, глядя себя по животу, задумывалась о том, будет ли у ее ребенка такая же смуглая кожа, как у них.

Именно там, на берегу, Мэри однажды почувствовала это. В ее животе словно что-то затрепетало. Будто крошечный ротик пускал пузырьки.

Мэри восторженно погладила себя по животу.

— Привет, — сказала она ребенку, вновь ощутив трепет.

Отбросив с лица сбившиеся от ароматного ветра волосы, Мэри почувствовала, что ее рука мокрая от слез.

Сидя на лежащем в тени манго поваленном стволе кокосовой пальмы, который она часто использовала вместо скамьи, Мэри глядела на серебристо-голубую воду, мерцавшую в закатных лучах, и разговаривала со своим ребенком.

Мэри вернулась в коттедж. Она была преисполнена решимости и теперь четко знала, как должна поступить. После долгих размышлений, рожденных чувством досады и вины, которые преследовали ее на протяжении всего их брака, заставляя ощущать смятение вместо счастья, Мэри, несмотря на ожидавшую ее неизвестность и боль, которую она, несомненно, причинит Чарльзу, почувствовала если не облегчение, то покой.

В детстве ее огорчало, что родители видели в ней совсем не того человека, которым она была на самом деле, желая, чтобы она стала кем-то другим. По правде говоря, до этого момента Мэри считала, что она и ее родители хотели совершенно противоположного.

Однако теперь она не была в этом уверена.

Ограничения всегда позволяли ей чувствовать себя в безопасности; правила были для нее защитой. Именно поэтому она и вышла за Чарльза — чтобы соблюсти приличия. Альтернатива была для нее просто невыносимой: она оказалась бы опозоренной и отвергнутой.

Но все в одночасье изменилось.

— Ты — дар более ценный, чем моя репутация, — сказала Мэри ребенку. — Более ценный, чем правила приличия. И я поступлю правильно.

Глава 56

Прия

Кокон. 2000 год

Прие снилось, что рядом с ее кроватью сидит отец и смотрит, как она спит в их с Джейкобом постели. Где Джейкоб? Должно быть, в очередной командировке.

Нет.

Нет, он... Джейкоб...

Прия проснулась в слезах. У нее в горле стоял ком. Ей трудно было дышать и глотать. Она не могла даже всхлипнуть. Ощущение было такое, словно в ее груди застыло что-то соленое и фиолетовое.

— Прия?

Она моргнула. Это не сон. Ее отец действительно здесь.

Та крошечная часть ее сердца, которая еще не умерла после того, как Джейкоб ее бросил, наполнилась нежностью к отцу. Он всегда был рядом с ней. Когда ей было семнадцать, именно он помог ей пережить смерть матери от внезапного сердечного приступа и не пустить свою жизнь под откос, несмотря на боль, которую испытывал сам. Именно он поддержал Прию в ее намерении записаться на курсы кинорежиссеров, хоть они и находились в Англии. Именно он часто прилетал к ней в первые дни ее жизни в чужой стране, когда Прия еще не успела встать на ноги.

И теперь прилетел вновь.

— Мне позвонил Джейкоб. Оставил сообщение, что волнуется за тебя.

Прию охватил жгучий гнев.

— Волнуется за меня? Ха!

— Ублюдок.

Отец произнес это очень тихо, однако Прию поразили ярость и яд, прозвучавшие в его голосе.

— Джейкоб рассказал тебе, что он сделал? — почти пропищала она, слыша в своем голосе унижение и досаду.

А почему это униженной чувствует себя *она*, а не Джейкоб?

— Я потом так и не смог до него дозвониться. Молодец, ничего не скажешь. Так что я подумал, что мне стоит приехать сюда и...

— Баба...

Отец посмотрел на нее, и выражение его лица смягчилось.

— Я попытался до тебя дозвониться, но ты не брала трубку. Поэтому я позвонил в твой продюсерский центр, и они... Они мне все рассказали.

Его голос вновь задрожал от ярости.

Прия залилась краской. Вечеринка. Все эти люди. Вся ее команда. С чего ей вообще взбрело в голову устроить Джейкобу сюрприз? Если бы она этого не сделала, то по-прежнему находилась бы в уютном коконе неведения.

Однако теперь, похоже, о случившемся знал весь мир, включая ее семью.

— А дадима¹ об этом известно? — спросила Прия, надеясь, что отец не стал рассказывать о случившемся своей матери.

С чего бы ему это было делать? Они не были близки. Однако на тот маловероятный случай, если он это сделал, Прия хотела быть готова.

Она устало закрыла глаза. Только разглагольствований бабушки ей не хватало!

— Твоя бабушка не знает о Джейкобе, — ответил отец. — Она больна. Ее врач попросил меня как можно скорее вернуться в Индию.

Последние несколько месяцев он провел в Нью-Йорке, прилетев туда по делам.

Прия открыла глаза и уставилась на отца, пытаясь осмыслить сказанное.

— Значит, плохо дело.

Он кивнул:

— Ей недолго осталось. Я как раз собирался позвонить тебе, когда узнал о том, что случилось у вас с Джейкобом...

Прия рухнула на подушки, вновь ощутив соленый вкус горя и розовато-лиловый аромат потери.

У нее не было сил разобраться в своих чувствах к бабушке. Опустошенность, которую она ощущала из-за предательства Джейкоба, затмевала все.

— Ты поедешь со мной? Думаю, твоя дадима хотела бы, чтобы мы приехали вместе.

Больше всего на свете Прия желала погрузиться в пустоту, в сон без сновидений. Ей хотелось обо всем забыть.

¹ Бабушка (*хинди*).

Однако миру до ее желаний не было никакого дела.

Ее бабушка умирала, и, несмотря на их сложные отношения, она была частью жизни Прии. Как и Джейкоб. Теперь они оба менялись, становясь эфемерными, смертными, и это ошеломляло Прию, лишая ее мужества.

В тот день, когда ее мать скончалась от сердечного приступа, Прия была в колледже. Ее вызвали из класса и сказали, что ее мама умерла. Единственная мысль, которая вертелась в голове у Прии, пока она пыталась осмыслить произошедшее, была о том, попрощалась ли она с матерью в то утро.

Я никогда не прощу себе, если не увижусь с дадимой перед смертью...

— Поехали со мной в Индию, — вновь заговорил отец. — Там ты сможешь спрятаться от мира и прийти в себя после того, что случилось. А заодно попрощаешься с бабушкой.

Предложение отца было соблазнительным.

Она не могла вечно прятаться ото всех, карая себя за то, как поступил с ней Джейкоб.

На Прию вновь нахлынула печаль, и прежде чем женщина успела полностью поглотить это ощущение, она сказала:

— Да, я поеду с тобой.

Глава 57

Мэри

Безвыходное положение. 1936 год

Было воскресное утро.

Чарльз читал газету и уплетал омлет. Мэри ела совершенно без аппетита.

— Чарльз...

— Да, дорогая?

Он рассеянно ей улынулся, по-прежнему не отрывая глаз от газеты.

Прости, Чарльз.

— Я...

Чарльз перестал жевать. Теперь он смотрел прямо на Мэри, и улыбка на его лице сменилась выражением тревоги.

Когда мы поженились, я поклялась, что всегда буду заботиться о тебе. Тогда я не понимала, что, выходя за тебя без любви и нося в себе ребенка от другого мужчины, обрекаю тебя на жизнь, лишённую счастья. Меня волновало лишь собственное спасение. О тебе я вообще не думала.

— Что-то с ребенком?

Я не видела от тебя ничего, кроме доброты. Ты не заслуживаешь такого удара. Мне так жаль...

— Мэри?

Теперь тревога уже отчетливо слышалась в его голосе.

Чарльз протянул к ней руку.

— Не надо, Чарльз. Я этого больше не вынесу.

— Мэри? Да что случилось, дорогая? Тебе нехорошо?

Выражение его лица было озабоченным. Не доев завтрак, Чарльз положил газету рядом с тарелкой.

Я прерываю его обычное, счастливое воскресное утро с беременной женой, чтобы разрушить его жизнь.

В ушах у Мэри стучала кровь. Ее щеки покраснели от стыда, а ужасное, полное вины сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Она могла бы солгать. Сказать, что больна. И продолжить привычную жизнь.

— Прости меня, Чарльз. Я больше так не могу.

— О чем ты, Мэри? Дорогая, что-то с ребенком? — спросил он вновь, пристально глядя на нее.

Его голос был таким заботливым.

Она сама поставила себя в это безвыходное положение. Никто не заставлял ее делать то, что она сделала с Винаем. Наоборот, ей советовали не делать этого. Никто не заставлял Мэри усугублять свою ошибку, вовлекать в происходящее другого мужчину, обманывать его и выходить за него замуж.

Теперь ей придется все исправлять самой. Хотя это и означало, что Чарльз будет сломлен.

Мэри ощущала слабость во всем теле. Она открыла рот, но из него не вырвалось ни звука.

Чарльз вновь потянулся к ней — любящий мужчина, которого она обманом сделала своим мужем.

Мэри отпрянула. Лицо Чарльза вытянулось, его глаза наполнились болью.

Боль, которую я ему вот-вот причиню, будет еще хуже.

Мэри закрыла глаза.

Трусиха! Взгляни на него, взгляни в лицо тому, что ты натворила; всему, что ты натворила.

Смотри ему в глаза, когда будешь разбивать его сердце.

— Этот ребенок, Чарльз...

— Ребенок?

На лице Чарльза отчетливо читался ужас.

Она не может так с ним поступить.

Но должна.

— Этот ребенок... Он не твой.

Непонимание. Ошеломление.

Смотри на него. Встреться с ним взглядом, предательница!

Наконец Чарльз понял смысл ее слов и его лицо словно разбилось на тысячу осколков.

— Ч-что ты... Ты не можешь быть...

В его дрожащем голосе слышалось все, что он чувствовал, — досада, удивление, замешательство, паника, боль.

— Прости меня, Чарльз.

Обида. Опустошенность. Чарльз открыл рот, и из него вырвалось лишь одно, произнесенное все тем же слабым, дрожащим голосом слово:

— Нет.

Мне было горько узнать, что Винай скрывал от меня то, что он женат, горько узнать, что мои тетя и дядя скрывали от меня мое прошлое. Однако то, как я сейчас поступаю с Чарльзом, от которого не видела ничего, кроме добра, гораздо хуже.

Чарльз отодвинул тарелку и схватился за голову.

Через секунду, показавшуюся ему вечностью, он провел рукой по глазам и растерянно посмотрел ей в лицо.

В его глазах читалась агония, которая затем сменилась пламенным гневом.

Мэри понимала, кем он ее считает. Лгуньей. Такой же, как его отец.

Чарльз был честен с ней, открыл ей свою душу, а она... У нее было столько возможностей ответить ему тем же, однако она предпочла скрыть от него правду.

Мэри обвела его вокруг пальца, преследуя собственные интересы. Чтобы выйти сухой из воды после того, что надела-ла. Она вообще не думала о Чарльзе. Отказывалась даже рассматривать вероятность того, что он узнает правду. Не хотела размышлять о том, что она может с ним сделать.

Чарльз выглядел совершенно разбитым. Его глаза заволочло болью и яростью.

— Ты была с кем-то еще, — сдавленно произнес Чарльз. — Кто он? Ты его любишь?

Агония в его голосе была просто невыносимой.

— Нет, — удалось солгать Мэри.

— Разве я могу тебе верить? Разве я могу верить хоть одному твоему слову? Если бы ты была честна со мной... А сейчас ты со мной честна? Посмотри на меня.

Встретившись с измученными глазами мужа, Мэри почувствовала, что из ее собственных глаз текут горькие слезы.

Я все еще лгу ему.

— Возможно ли, что этот ребенок — мой?

Надежда в его голосе заставила Мэри содрогнуться.

Ей хотелось сказать «да». Даже сейчас инстинктивное желание защитить себя было очень сильным. Однако лживые слова застряли у нее в горле.

— Так я и думал. — Чарльз выглядел сломленным. — Зачем же ты сказала мне об этом сейчас?

— Я не могла привести ребенка в мир, построенный на лжи.

— И все же ты мне солгала. Ты солгала мне, Мэри. Я так тебя люблю, а ты осознанно меня обманула. Как же я мог в тебе ошибиться? — Чарльз судорожно вздохнул. — Тебе хватило духу заставить меня поверить, будто ребенок другого мужчины мой. Как ты могла? Кто этот человек? Я заслуживаю того, чтобы знать правду.

— Он... Я...

— Скажи мне.

— Я...

Чарльз вскочил на ноги, проследовал в их спальню и стал вытаскивать вещи Мэри из гардероба и швырять их на пол.

— Нет, Чарльз, прошу тебя! — стала умолять его вошедшая за ним в спальню Мэри.

Она никогда еще не видела его в таком бешенстве. В него словно вселился бес.

Не обращая на нее внимания, Чарльз метнулся обратно в столовую. Выдвинул стул и тяжело рухнул на него.

— Каким же я был дураком! — тоскливо воскликнул он, вновь схватившись руками за голову.

Затем Чарли поднял исполненные болью глаза и решительно посмотрел на застывшую в дверном проеме Мэри.

— Уходи, — сказал он.

— Прости, — сумела произнести она. — Я не хотела...

— Уходи! — проревел он, с силой ударив кулаком по столу. — Видеть тебя не могу.

— Я...

— Ты не лучше моего отца.

— Чарльз, я...

— Не смей! — Его глаза метали молнии. — Я долго ждал встречи с женщиной, которая была бы настолько честна, насколько это вообще возможно. Я видел, как страдала моя мать...

— В браке я была верна тебе.

— Ты солгала мне. Я искал женщину, которая разделит со мной жизнь, которая будет любить меня. А не ту, которая меня

предаст. Я рассказал тебе, кто я. Рассказал обо всем. И попросил ничего от меня не скрывать. Если бы ты мне сказала...

И тогда Мэри подняла на него взгляд.

— Ты женился бы на мне, если бы я сказала тебе правду?

Чарльз отвернулся и опять обхватил голову руками.

— Уходи, — прошептал он.

И она ушла.

Глава 58

Прия

Блюда быстрого приготовления. 2000 год

Даже приняв предложение отца вернуться в Индию вместе с ним, Прия колебалась, меняя решение тысячу раз. Вновь и вновь она зарывалась в уютную постель, и лишь отцу удавалось уговорить ее поесть с ним блюда быстрого приготовления, которые он разогревал в микроволновке. «Ненавижу обедать в одиночестве», — говорил он, поднимая дочь с кровати.

Прия ела с трудом, ощущая во рту лишь вкус печали. Осознание того, что она никогда больше не будет сидеть за этим столом вместе с Джейкобом, было похоже на пощечину. Однако отец был здесь, сидел вместе с ней за этим столом с поврежденной столешницей. Глядя на расколотое дерево, Прия через силу заталкивала еду себе в рот. У каждого куска был вкус ее рухнувших отношений.

— Прия, такси приедет через час, — торопил ее отец в день вылета.

Желудок Прии сжался, и она ощутила тошноту.

— Не могу, — прошептала она, закрывая глаза и зарываясь лицом в подушку Джейкоба, которая уже давно утратила его запах. — Лети один.

Встать с постели означало бы взглянуть в лицо миру без Джейкоба, принять происшедшее, невыносимую правду: ее

муж создавал семью, о которой она так мечтала, с другой женщиной. Прия не знала, хватит ли у нее на это сил.

Здесь же она могла просто закрыть глаза и притворяться, будто все хорошо, будто Джейкоб просто уехал по делам и скоро вернется. А что, если он *и правда* вернется, а ее не будет?

«Ты вызываешь жалость, — прошептал ей голос другой, пылкой и вздорной Прии, частичка которой еще оставалась в ее душе. — Где твой стержень? Ты — состоявшаяся личность, и тебе не нужен Джейкоб, чтобы это доказать».

— Твоя бабушка умирает, Прия, — сказал отец. — Поехали со мной. Ты знаешь, мне трудно общаться с ней, поэтому ты мне нужна. Прошу тебя!

Именно просьба отца все и решила. Он был рядом с Прией всегда, когда был ей нужен. А теперь *она* была нужна ему. Да ей и самой хотелось увидеть бабушку перед смертью.

Собрав волю в кулак, Прия побросала одежду в сумку и позвонила членам своей команды, чтобы сообщить им о том, что пробудет некоторое время в Индии по семейным обстоятельствам. Возможно, они все поняли — в конце концов, они были на вечеринке по случаю дня рождения Джейкоба, — однако Прия не обращала на это внимания.

Она уехала, не оглядываясь на дом, в котором когда-то надеялась жить вместе с Джейкобом и детьми. Пятнадцать лет семейной жизни закончились закрытой дверью и стуком ее каблуков по лестнице.

Глава 59

Мэри

Черное ничто. 1936 год

— Я... я могу здесь остаться?

Монахини всматривались в лицо Мэри, и в их обычно безмятежных глазах читалась тревога.

— Разумеется, дитя.

Она вновь была там, откуда начала, в своей комнате в здании школы. Однако у нее за плечами был рухнувший брак, а в животе рос ребенок. Ребенок, зачатый не от мужа.

Монахини относились к ней очень нежно, однако их лица не покидало беспокойство, и Мэри читала на них невысказанный вопрос.

От доброты монахинь ей было еще больнее.

Я этого не заслуживаю.

Мэри не могла злоупотреблять их гостеприимством. В этом безвыходном положении она оказалась именно потому, что солгала Чарльзу. Она не могла позволить себе поступить так же с монахинями, утратив еще и их доверие. Впрочем, сказав им правду, она все равно рисковала его утратить.

Мэри скользнула в маленькую часовню, где монахини молились. Скамьи были пусты, на нее с креста кротко смотрел Иисус.

— Помоги мне, Господи! — взмолилась Мэри, склонив голову и упав на колени на холодный цементный пол.

Однако Господь оставался безучастным. С чего Ему вообще ей помогать после всех тех ошибок, которые она совершила?

Да и молитвы ее были всего лишь словами. У нее не было такой глубокой веры, как у монахинь.

Была перемена, и Мэри как раз готовила план урока по «Книге джунглей», когда в дверь постучали.

Это была сестра Кэтрин.

— Вам письмо. Вот оно.

Мэри сразу же узнала почерк. Трясущимися пальцами она вскрыла конверт. Мэри ждала этого, и все же это письмо стало для нее потрясением.

Должно быть, она издала какой-то звук, потому что уже направлявшаяся к двери сестра Кэтрин обернулась. Лицо монахини было встревоженным. Письмо выпало из дрожащих рук Мэри на пол.

Поддерживая ее одной рукой, сестра Кэтрин подняла письмо другой.

— Письмо от вашего мужа?

— Да.

— Не хотелось бы показаться любопытной, но это не просто размолвка, не так ли?

Письмо было просто ужасным. Чарльз называл Мэри последними словами; она их заслуживала, но он ни за что не назвал бы ее так еще неделю назад. В конце письма была фраза: *я требую развода*.

— Мы не хотели спрашивать. Ваш брак — это ваше дело, но мы подумали...

— Да, это не просто размолвка.

— Пары редко живут отдельно так скоро после свадьбы, но мы надеялись, что все образуется. Мы молились за вас.

Никакими молитвами этого не изменить.

Мэри обвела взглядом ставший уже таким привычным класс, вдохнула запах меловой пыли и плеснево-желтый аромат истрепанных страниц. Работа здесь, во время которой она делилась с детьми своей любовью к книгам, помогла Мэри пройти через один из самых сложных периодов своей жизни. Позволят ли ей монахини остаться тут после того, как она во всем признается? Мэри в этом сомневалась.

— Дитя, есть ли хоть какая-то надежда на то, что вы с супругом помиритесь?

Ей хотелось отдаться на милость этой монахини. Хотелось выплакаться. Хотелось вернуться к своей семье — тетушке, дядюшке и кузинам. Но после всего, что она совершила, Мэри не могла к ним обратиться: они бы ее не приняли.

— Мэри? Дитя?

В голосе монахини зазвучала паника. Не выдержав горя, Мэри рухнула на пол, провалившись в черное ничто.

И вновь, придя в себя, она увидела ангелов.

Взволнованные лица, чепцы на головах.

— Мэри?

Она села. Выпила предложенной воды. У нее кружилась голова, однако Мэри знала, что монахини заслуживают ее откровенности.

— На корабле по дороге сюда я...

Как же это сказать? Как облечь в слова то, что она сделала? Закусив нижнюю губу, она ощутила горячий сладкий вкус крови.

— Я беременна.

Какое-то время монахини ничего не говорили.

— Не от мужа, — сказала наконец мать Рут.

Это был не вопрос, а утверждение.

Мэри закрыла глаза и с трудом выдохнула:

— Да.

— Ваш муж об этом знает?

— Он требует развода.

Монахини дружно вздохнули.

— А вы? — мягко спросила мать Рут. — Чего хотите вы?

Мэри подумала об Англии, о легкой, комфортной, упорядоченной жизни там, о теплых отношениях с кузинами. Она лишилась всего этого из-за того, что пренебрегла правилами.

Она подумала о своей комнате здесь, о маленькой веранде с видом на фруктовый сад. О детях, восторженно слушавших, как она читала «Книгу джунглей». Открывавших для себя силу и волшебство историй так же, как когда-то открывала она сама.

— Я... я хотела бы и дальше работать здесь.

— А что насчет вашей семьи в Англии?

Тетушка с дядюшкой, для которых доброе имя семьи и общественное мнение стояли на первом месте... Которых передергивало, когда они говорили о том, что мать Мэри была наполовину индусской... Им не нужна разведенная племянница, беременная, и даже не от супруга, с которым разошлась, а от женатого индуса, который не станет брать на себя ответственность за ее ребенка.

— Они не примут меня обратно, — ответила Мэри дрожащим, надтреснутым голосом.

Дом в Англии, простая и удобная жизнь, следование правилам и указаниям. Всего этого она теперь, вне всяких сомнений, была лишена. Дружба с кузинами, роскошь, которую Мэри принимала как нечто само собой разумеющееся... Она не станет об этом думать, иначе просто сломается. А ей нужно быть сильной ради малыша, который рос внутри нее.

— Вам придется отказаться от ребенка.

Мэри коснулась живота, где был этот ребенок, ребенок, которого она зачала в эмоциональном порыве. Она вышла за Чарльза, чтобы защитить свое дитя, дать ему достойное существование. И из-за этого же положила конец их браку — чтобы мир, в который придет уже любимый ею ребенок, не был построен на лжи.

— Я хочу оставить его.

Взгляд матери Рут стал пронзительным.

— Это будет непросто. И для вас, и для ребенка.

А особенно для ребенка, в жилах которого течет индийская кровь. И у меня уже нет приданого, чтобы обеспечить его; наследство, оставленное бабушкой и дедушкой, передано моему мужу, и после всего того, чему я подвергла Чарльза, мне не хватит духу потребовать деньги обратно.

— Я хочу оставить своего ребенка, — повторила Мэри. А затем добавила: — И... и еще хочу остаться здесь и продолжать исполнять свои обязанности, если вы мне позволите.

Мать Рут вздохнула:

— Вы не можете оставить ребенка и продолжать работать здесь, Мэри.

Остальные монахини отвели взгляды. Сестра Кэтрин сказала, заламывая руки:

— Мы не можем закрывать глаза на то, что вы собираетесь сделать, Мэри. Не можем потворствовать вашему решению растить внебрачного ребенка. Мне очень жаль.

— Значит, если я хочу остаться здесь...

— Вам придется отдать ребенка, — мягко произнесла мать Рут. — Подумайте об этом. Я вновь задам вам этот вопрос через несколько недель.

Мэри не понимала, что плачет, до тех пор, пока слезы не упали на ее руку, которой она держалась за живот.

Мать Рут сдержала слово. Через несколько недель она спросила:

— Мэри, вы уже решили, как поступите?

Они гуляли в саду среди фруктовых деревьев, слушая птичьих трели, вдыхая аромат созревающих манго и оседающей пыли, глядя, как буйствует природа в лучах угасающего дня. Закатное небо переливалось множеством оттенков красного, розового и серо-голубого.

Мэри погладила себя по животу, и ребенок, ощутив ее прикосновение, перевернулся. Она понятия не имела, что будет делать, куда направится и какое будущее ей уготовано, но знала одно: она не расстанется со своим малышом.

— Я хочу оставить своего ребенка, — сказала Мэри монахини.

Мать Рут кивнула.

— Ради всех нас я надеялась, что вы измените свое решение. Но я восхищаюсь вашей твердостью, Мэри. Нужно обладать огромной силой, чтобы пойти против общепринятых правил.

От этого неожиданного комплимента из глаз Мэри хлынули слезы. Она-то боялась, что разочаровала монахинь.

— Я думаю, что последние несколько недель вашей беременности вам лучше провести недалеко от границ королевства, на озере Самовар, в приюте, которым управляют наши сестры.

Приют на озере. Мэри слышала о нем. Именно там женщины, оказавшиеся в сложной ситуации, рожали детей. Родив, они возвращались к привычной жизни, а малышей отдавали на усыновление или удочерение.

Ощущение тепла, которое возникло у Мэри благодаря комплименту матери Рут, исчезло.

— Я не отдам своего ребенка, — сказала она вновь.

Глаза Мэри вспыхнули, и она положила руку на живот, словно хотела защитить свое дитя.

— Я знаю, Мэри. — Голос матери Рут оставался мягким. — Но там опытные медсестры и акушерки, которые позаботятся о вас и помогут вам.

Мэри вытерла слезы, вновь хлынувшие у нее из глаз: она осознала смысл этих слов и была тронута заботливостью монахини. Это было прощание. Мэри отправится в приют, и если,

родив ребенка, все-таки решит оставить его себе, дальше ей придется рассчитывать только на свои силы.

Ей будет не хватать детей, которых она учила. Явившиеся к ней ученицы, широко раскрыв глаза, расспрашивали ее о ребенке и, несмотря на свою невинность, давали Мэри дельные советы, подслушанные у матерей; девочки постарше гордо говорили о том, что заботятся о своих братьях и сестрах, что это просто и волноваться не о чем.

— Где ваш муж? — спрашивали девочки поменьше.

— Он... Я буду растить ребенка одна.

Девочки закивали, а одна из них сказала:

— Мой отец умер, и мать растит нас с братьями одна.

— Мой отец ушел, разозлившись из-за того, что у мамы рождаются только девочки, — добавила другая. — Он хотел сына.

Работа с детьми давала Мэри силы, позволявшие ей справляться с мыслями о расставании с Чарльзом и о далеко идущих последствиях своих действий.

Как ты могла опозорить нашу семью, Мэри? — писала ей тетушка. — *Чарльз рассказал нам обо всем в письме.*

Боль от того, что тетушка поверила Чарльзу, а не ей, была невыносимой.

Прошу больше нам не писать. Я не хочу, чтобы этот скандал отразился на моих дочерях. Я была огорчена, когда ты настояла на том, чтобы отправиться в Индию, однако теперь я счастлива, что ты далеко от нас.

От суровых слов тетушки в измученном, тосковавшем по дому сердце Мэри словно взорвался вулкан. В глубине души она надеялась, что доброта, с которой тетушка отнеслась к ней, когда Мэри объявила о своем решении поехать в Индию, возобладает над пиететом, с которым ее опекуны относились к социальному статусу, доброму имени и желанию сохранить лицо. Мэри осмеливалась надеяться на то, что тетушка и дядюшка простят ее и все забудут, что они примут блудную племянницу и ее внебрачного ребенка с распростертыми объятиями. Однако суровое письмо тетушки убило эту надежду. Англия больше не была для Мэри домом.

Мэри захотелось сдаться и вернуться в прошлое, до визита майора Дигби, оживившего ее воспоминания. Однако затем ее ребенок вновь зашевелился, напомнив о том, что он зависит от нее, ведь у него больше никого не было. Почувствовав это, Мэри поняла: даже если бы у нее была возможность вернуть свою жизнь до встречи с майором Дигби, стерев все, что произошло затем, она бы ею не воспользовалась, ведь в таком случае у нее не было бы этого ребенка, которого Мэри любила больше, чем кого-либо, что-либо и когда-либо. Какой бы опустошенной она себя ни чувствовала из-за того, что семья в Англии ее отвергла, как бы ни болело ее сердце, она не станет избегать ответственности за своего малыша. Она зачала его, спровоцировала всю эту ситуацию и потому поступит правильно. Она не подведет этого ребенка. Даст ему то, чего так желала сама, — любовь и уверенность в том, что он не одинок. Для нее это важнее социального статуса, важнее мнения окружающих, важнее чего бы то ни было.

Вернуться в Англию Мэри не могла. Всеми отвергнутую, без мужа и с ребенком (скорее всего темнокожим) ее в лучшем случае будут избегать, а в худшем она станет объектом для насмешек... Да и как она найдет работу?

Здесь, в Индии, Мэри хотя бы могла рассчитывать на то, что, будучи англичанкой, сможет работать гувернанткой. На борту корабля она услышала, что богатые индусы нанимают для своих детей белых гувернанток, чтобы те научили их безупречному английскому.

Несколько недель, последовавших за сломившим ее уходом Чарльза, Мэри с тревогой думала о том, как обеспечить ребенка, но, по крайней мере, ее больше не терзало чувство вины, которое она испытывала в браке. Опекуны отвергли ее, но даже понимая, что будет скучать по своей семье всю оставшуюся жизнь, Мэри ощущала странное облегчение от того, что нарушила правила. Теперь она могла делать то, что хотела, не заботясь о мнении других и о том, осудит ли ее общество, ведь оно, включая ее близких, уже осудило Мэри, сочтя

ее недостойной. Ниже падать было просто некуда. И это, как ни странно, давало ей чувство свободы.

Она наконец поняла, что именно об этом говорили ее родители. Именно это они имели в виду, призывая Мэри жить по-своему.

Как и им, ей не на кого было опереться. У нее не было ни семьи, ни богатства. Будущее ее ребенка и ее собственное будущее зависело лишь от нее самой. Мэри было страшно, но в то же время она чувствовала себя свободной.

Ее родители отвергли требования общества и прожили свою короткую жизнь *по-своему*.

И того же они хотели для своей дочери. Это было *единственным*, чего они для нее хотели — возможность поступать так, как считала нужным она сама, а не общество.

Теперь, мама и папа, я вас понимаю. Правда.

Часть 5

Разные версии

Глава 60

Мэри

Убежище. 1937 год

Приют «Дом на озере» был очень красивым убежищем. Он располагался прямо на берегу озера, на острове, в центре которого стоял роскошный дворец; казалось, его возвели прямо на воде.

В первый день Мэри забрела в большой пышный сад; он окружал приют, состоявший из двух жилых зданий, для англичанок и индусок, и маленькой библиотеки с черепичной крышей, расположенной на равном удалении от обоих строений.

Садовник, пожилой индус, напомнивший Мэри Хана — старика, который уже не мог заботиться о саде, но которого у Пегги Бригам не хватало духу уволить, — безуспешно пытался выдернуть из земли огромный сорняк.

— Позвольте вам помочь, — сказала Мэри, опускаясь рядом с ним на корточки.

Садовник покраснел:

— Не нужно, мемсахиб.

Однако Мэри не обратила внимания на его слова, и вместе им удалось справиться с сорняком, хотя, вытаскивая его, они едва не упали спиной на влажную, только что политую землю.

Мэри рассмеялась и сама удивилась этому. Казалось, она смеялась от души впервые с тех пор, как вышла замуж за Чарльза.

* * *

Мэри стала помогать садовнику, Билалу.

Поначалу он принимал ее помощь неохотно.

— Вы не должны выполнять эту работу, мемсахиб, — говорил старик.

— Монахини рады, что я вам помогаю.

— Вы бегло говорите на нашем языке, — заметил садовник, когда они выкапывали сорняки на участке, который Билал решил засадить ананасами.

— Я выросла неподалеку. У нас был садовник по имени Хан...

Мэри почувствовала облегчение, получив возможность поделиться с кем-то воспоминаниями о своих родителях. Билал был тактичен и не задавал вопросов, но слушал ее рассказ очень внимательно.

Сажая растения и ухаживая за ними, Мэри нашла утешение, которого никак не могла обрести, молясь в школьной часовне. Ее труд был очень легким, и тем не менее растения благодарили Мэри прекрасными цветами и вкусными плодами. Работая в саду, она беспокоилась о ребенке — о том, правильно ли поступает, оставляя его себе, о том, делает ли это ради него или ради самой себя, — однако о разрыве с Чарльзом и о семье в Англии Мэри совсем не думала. Запуская руки в богатую, душистую, плодородную почву, она успокаивала и очищала свой разум.

Так Мэри и трудилась, вдыхая свежий красный аромат земли и буйной растительности. Цветы качались на ветру, пчелы кружились над сочными фруктами. В воздухе распространялся пьянящий аромат спелых гуайав и забродивших плодов хлебного дерева. А посреди сверкающего озера стоял великолепный дворец. Дворец Ситы. За все это время Мэри так и не связалась со своей подругой, а теперь у нее не было духу это сделать. Хотя, возможно, именно из-за близости к Озерному дворцу она задумывалась о Сите чаще, чем когда-либо с тех пор, как увидела ее на слоне, царственно взирающей на своих подданных. Сильно ли она изменилась? Как бы она, даже в детстве с такой страстью отстаивавшая права девочек, оценила поступки Мэри?

Было жаль, что королевская семья жила в таком прекрасном здании, как Озерный дворец, всего пару месяцев в году. По вечерам в воде отражались его мерцающие огоньки. Он словно говорил, что ждет своих хозяев.

«В домиках вокруг круглый год живет полсотни слуг, — рассказывал Билал Мэри. — Они присматривают за дворцом, следят за тем, чтобы в комнатах всегда было чисто, — на случай визита королевской семьи».

Каждое утро лодочник привозил детей слуг — болтающих, хихикающих, пускающих камешки по воде. Над озером раздавался радостный шум, в водной глубине скользили рыбы, а по поверхности расходилась веселая рябь. На детях была опрятная форма. Намазанные маслом волосы девочек были уложены в аккуратные косы. Высыпав из причалившей лодки, дети, толкаясь и дразня друг друга, направлялись в школу.

Вечером они возвращались, все так же весело шумя, ворча по поводу домашних заданий или сплетничая о случившемся за день. Косы девочек к тому времени уже расплетались, форма сбивалась набок, а банты развязывались.

В сердцах живших в приюте будущих матерей детский смех отзывался болью и обвинением, ведь им не позволено было оставить детей у себя: если бы они решились на это, их ожидали бы лишь остракизм да насмешки, а их отпрысков называли бы «ошибками» или еще похуже. Впрочем, у них еще был шанс насладиться материнством в будущем, вступив в законный брак.

Кроме работы в саду, Мэри приносили утешение часы, проведенные в маленькой библиотеке. Обычно там больше никого не было: остальные женщины, жившие в приюте, читать не любили.

Когда в саду становилось слишком жарко, Мэри читала у окна, за которым виднелись деревья и озеро. Чтение, как всегда, выручало ее в тяжелую минуту, унося в далекие края. Перечитав все книги в библиотеке, она взялась за ту, которую подарил ей Винай и с которой она не могла или не хотела расстаться, а затем — за книги отца.

После того, как она сама поступила с Чарльзом, Мэри если и не простила Виная за то, что он скрыл от нее правду о своем браке, то, по крайней мере, смогла его понять. Она осознала, что не бывает идеальных людей, что у всех есть свои секреты и каждый может обмануть, от страха, вожделения или любви.

Однажды утром в приюте поднялась суматоха.

— В Озерный дворец прибывает королева и хочет посетить приют, — сказала Мэри служанка, убиравшая в ее комнате.

Наконец-то я увижусь с Ситой!

— Монахини взволнованы больше всех, — добавила служанка, с силой взбивая подушки. — Говорят, у королевы сложный характер. Во время своих визитов в Озерный дворец она ни разу сюда не заглядывала, хотя открыть этот приют, судя по всему, было ее идеей. Хотела бы я знать, с чего вдруг ей захотелось его посетить.

— Я слышал, что королева занялась благотворительностью, — сказал Мэри Билал, когда они поливали сад. — Возможно, ее визит объясняется именно этим.

— А король ее сопровождает? — спросила Мэри.

Она не говорила садовнику, что знала королеву в детстве.

— Нет, королева приедет одна. Я слышал, что слуги очень нервничают. Особенно учитывая то, что она ожидает наследника.

«Любопытно, — подумала Мэри, глядя себя по животу. — Мы с Ситой забеременели в одно и то же время. Разве не прекрасно было бы, если бы наши дети подружились?»

«Это было бы просто чудо! — ответила ей совесть. — С чего бы наследнику престола дружить с ребенком опозоренной женщины?»

В то утро, когда должна была приехать Сита, Мэри была в саду. Она как раз наводила там порядок, когда увидела лодку. К визиту королевы она была нарядно украшена и вымыта, изображенный на ней герб подкрашен, а лодочник впервые за все время пребывания Мэри в приюте надел ливрею. На лодке

был установлен полукруглый навес, украшенный золотом и драгоценными камнями. Королева возлежала на подушках из плюша и бархата, опустив изящную руку в воду.

На берегу ее уже ожидала роскошная машина, также украшенная гербом. Именно на ней королева должна была отправиться в приют.

«Пешком было бы быстрее, однако королева вряд ли ходит пешком», — думала Мэри, вымыв руки и направляясь в библиотеку. Она села в свое любимое кресло у открытого окна и взяла книгу, подаренную Винаем. Знала ли она тогда, что эта книга — не единственный его подарок?

Сита вышла из машины, милостиво кивая монахиням. Ее голову покрывала вуаль, однако если во время процессии Мэри смогла разглядеть лишь горделивую улыбку Ситы, то сейчас ее лицо было хорошо видно. Сита была очень красивой и просто сияла; ее кожа казалась почти белой. Почти. Даже в детстве ее красота была очевидна, однако, повзрослев, Сита просто расцвела.

Идя за монахинями к зданию для индусок, королева взглянула в окно библиотеки, и ее изумительные янтарные глаза, завораживавшие Мэри в детстве, встретились с ее глазами.

Сита по привычке надменно улыбнулась — так, как делала это, когда смотрела на подданных. Однако затем ее улыбка стала нерешительной, а брови поднялись так высоко, что едва не соприкоснулись с линией волос. Сита замерла и резко развернулась к окну.

Она меня узнала!

— Мэри?

На лице королевы засияла чарующая улыбка, которую она дарила лишь самым близким, улыбка, способная заставить любого простить ей что угодно. Эта улыбка совершенно не изменилась. Даже в детстве те, кому улыбалась Сита, чувствовали себя так, словно получили ценнейший дар.

Околдованная ее кошачьим взглядом, Мэри вновь ощутила такое же головокружение, как и в тот день, когда, глядя на процессию, упала в обморок на руки Чарльза.

Она хотела улыбнуться Сите в ответ, однако той уже не было.

«Горожане говорят, что ваш обморок — это знак», — зазвучал в голове у Мэри голос Чарльза.

Почему каждый раз, когда она видит Ситу, ей становится дурно? Почему она так и не написала своей подруге детства, несмотря на то что ей очень интересно было бы узнать, каким образом Сита стала королевой?

«Возьми себя в руки!» — корил Мэри рассудок.

Однако она все равно ощущала пустоту в желудке. И нервничала.

Впрочем, времени на то, чтобы подумать об этом, у нее не было. В библиотеку вошла Сита.

— Мэри, это действительно ты, через столько лет? — спросила она своим мелодичным властным голосом.

Глава 61

Сита

Уловка. 1937 год

— Мэри, это действительно ты, через столько лет?

Сита не верила своим глазам. Сколько раз она думала о своей подруге детства, о девочке, которая восхищалась ею, позволяя Сите чувствовать себя особенной, о первом человеке, который увидел ее такой, какой она была внутри, и по-настоящему в нее поверил. О девочке, которую она любила и которой так завидовала. О девочке, по которой ужасно скучала, когда та отправилась в Англию после смерти своих родителей.

О девочке, которая обвинила Ситу в том, что она стала причиной смерти ее мамы и папы.

За прошедшие годы Сита не раз задумывалась о том, как сложилась бы ее судьба, если бы родители Мэри в тот день не погибли. Что было бы, если бы они убедили ее мать и отца позволить ей учиться? Оказалась бы она сейчас в столь неприятном положении?

«Если бы у меня было то, что было у Мэри, — часто думала Сита, — я бы стала врачом, учительницей или ученым».

И все же, несмотря на эту свободу, на эти книги, Мэри очутилась здесь, в приюте, который Сита построила для нуждающихся в помощи женщин. Она явно ждала ребенка, и судя по всему, эта беременность была нежеланной.

Учитывая то, в какой ситуации оказалась сама Сита, устроив этот фарс, она испытывала некое подобие облегчения, увидев, что положение Мэри такое же отчаянное, как и у нее, если не хуже.

Об обмане Ситы хотя бы никто не знал. В конце концов, она была королевой. Ее защищали богатство, уважение окружающих и высокий социальный статус. Именно поэтому она сделает все, что было в ее силах, чтобы это сохранить...

Мэри не изменилась. Из-за беременности ее лицо немного округлилось, однако огромные карие глаза с оранжевыми искорками все так же выдавали ее ранимость.

И улыбка осталась такой же — нежной и слегка неуверенной.

— Королева Сита! — протянула она руку подруге. — Или мне следует поклониться? Быть может, я должна сделать реверанс? Хихикнув, Сита взяла ее за руку.

— Нет нужды в церемониях, Мэри. Ведь мы вместе запускали воздушных змеев, устраивали гонки корабликов и влипали в неприятности.

— Если я правильно помню, это ты втягивала нас с Амином в неприятности, — ответила Мэри, рассмеявшись, и Сита почувствовала, что тревоги последних недель покидают ее.

Впервые за несколько месяцев королева ощутила спокойствие.

За несколько дней до этого Джайдип явился к ней в спальню с кучей подарков. Он выглядел виноватым. Между ними по-прежнему была дистанция, возникшая после того, как Сита отказалась мириться с его матерью. И все же она знала, что Джайдип ее любит. И ничто не могло омрачить его радость по поводу скорого рождения ребенка.

— Мне ненавистна сама мысль об отъезде сейчас, когда ты беременна, — сказал он, — но я должен на несколько дней отправиться в королевство Навар. Тамошний король прислал мне приглашение, которое я не могу отклонить. Среди прочего мы обсудим вероятность того, что британцы покинут Индию. Если они это сделают, нам, королям, нужно будет сохранить единство. Жены не приглашены — ты же знаешь, что король Навара строго следует традициям.

— Поезжай, — сказала Сита.

«Это просто чудесно!» — мысленно добавила она. Сита уже давно собиралась посетить приют «Дом на озере», желая взглянуть на беременных женщин, у одной из которых можно было бы взять ребенка.

— Я вернусь через две недели.

— По правде говоря...

— Да?

— В твоё отсутствие я могла бы пожить в Озерном дворце. Там мне будет легче перенести разлуку с тобой. Возможно, ты заедешь ко мне на обратном пути из Навара?

Джайдип улыбнулся.

— Замечательно. Мне будет легче уезжать, если я буду знать, что ты отправишься в Озерный дворец и отдохнешь там как следует. Ты это заслужила.

И вот она здесь, в библиотеке приюта. Окна распахнуты, и воздух насыщен запахом спелых фруктов, чернил, книг и знаний. Рядом с ней сидит Мэри, её подруга детства.

Встретившись с женщиной, которая знала её ещё до того, как она стала королевой, Сита почувствовала облегчение. Глядя в глаза Мэри, она видела себя такой, какой была когда-то, — дерзкой и бесстрашной, амбициозной и отважной. Девчонкой, которой она была ещё до всей этой лжи и ухищрений, девчонкой, скрытой под слоями отговорок, девчонкой, о которой она уже забыла.

А ещё Сита видела себя королевой, и это тоже было очень приятно.

Однако если бы у нее был шанс вернуться в прошлое, захотела бы она быть королевой, скованной традициями, долгом и чужими ожиданиями? Выбрала бы жизнь, полную лжи, нацеленной на то, чтобы сохранить свое положение и помешать притязаниям свекрови и деверя на трон? Лжи, которую она носила в своем животе вместо ребенка?

Девчонка, которой она была когда-то, девчонка, говорившая все, что взбредет ей в голову, всем, включая Джайдипа, именно из-за этого в нее и влюбившегося...

Где теперь эта бесшабашная проказница? До сих пор ли она здесь, прячется под плащом из мастерски сотканых уловок?

Если бы у Ситы был шанс начать жизнь заново, она осуществила бы свой план — сбежала бы в новую жизнь и прожила бы ее по-своему, сама управляла бы своей судьбой. Она не стала бы выходить замуж за Джайдипа.

Ведь правда?

— Спасибо, что проводили меня, — сказала Сита вошедшей вместе с ней монахини. — Я бы хотела провести некоторое время здесь.

Монахиня поклонилась.

— Я буду в часовне, ваше величество. Возле библиотеки будет ждать служанка, которая проводит вас туда.

— Ну разве это не знак? — сказала Сита Мэри, когда монахиня удалилась. — Из всех возможных мест мы с тобой встретились в библиотеке, среди книг. Она напоминает мне твою комнату в доме твоего детства.

Мэри на мгновение помрачнела, но затем сумела выдавить из себя слабую улыбку.

Ты так и не научилась скрывать свои эмоции, Мэри. Ты совсем не изменилась, если забыть о беременности и о том, что ты оказалась здесь.

— Я узнала тебя, увидев, как ты читаешь, свернувшись в кресле. Похоже, оно очень удобное.

Мэри залиvisto рассмеялась:

— Ты по-прежнему любишь читать?

— Я читаю уже не так часто, как раньше, — ответила Сита. — У меня больше нет на это времени.

«Я вообще почти ничего не читаю, — мысленно добавила она. — Не могу сосредоточиться. Хотела бы я вернуться в те благословенные дни, когда могла открыть книгу и полностью забыть об окружающем мире».

— Понимаю, — сказала Мэри. — Я видела тебя во время процессии по случаю дня рождения короля.

— Почему ты не дала о себе знать?

— Я собиралась это сделать. Но... Ты же теперь королева. Ты осуществила свою детскую мечту.

Знала бы ты, насколько реальная жизнь королевы отличается от того, о чем я мечтала!

— А тебе... тебе известно, где сейчас Амин? — спросила Мэри.

— Нет, я потеряла с ним связь, после того как ты уехала в Англию.

— Хотелось бы мне знать, удалось ли ему осуществить свои мечты, — с тоской произнесла Мэри.

— А что насчет тебя? — спросила Сита, желая увести разговор подальше от ностальгических воспоминаний об Амине.

Какой в этом смысл? Все они уже давно жили каждый своей жизнью. Впрочем, Сита пожалела о своем вопросе почти сразу же, как только его задала. Несмотря на свою искушенность в дипломатии, она поступила бестактно. Разве могла Мэри осуществить свои мечты — какими бы они ни были, — раз очутилась здесь?

— Я... я работала в основанной тобой школе для девочек.

По лицу Мэри вновь пронеслась мрачная тень, стерев с него улыбку и беззаботность.

— Ты — та самая новая учительница, которой пришлось уволиться по личным обстоятельствам?

Мэри печально улыбнулась:

— Да.

Она погладила себя по животу, и ее глаза засияли.

Она здесь для того, чтобы отдать своего ребенка, так ведь? Женщины приходят сюда именно для этого. Так почему же

они не позволяют Мэри вернуться к работе? В ежеквартальных отчетах о новой учительнице были лишь самые лестные отзывы. Монахини говорили, что ей очень нравится ее работа. С чего бы Мэри от нее отказываться? Она намерена вернуться в Англию? И если так, то почему до сих пор не сделала этого?

— Ты не собираешься возвращаться к работе после того, как ребенок...

— Нет.

Тон Мэри стал резким. Она явно не желала отвечать на дальнейшие вопросы.

Она даже в детстве была такой, вспомнила Сита. Если Мэри не хотела о чем-то говорить, ничто не могло заставить ее изменить свое решение. Ситу это очень огорчало. Но, с другой стороны, это означало, что Мэри умеет хранить секреты, поэтому, если Сите захочется выговориться, она может это сделать, попросив Мэри никому ни о чем не рассказывать, о чем бы ни шла речь.

— Разве не чудесно, что мы обе должны родить в одно и то же время? Что мы встретились так же неожиданно, как и расстались, и оказались почти в одинаковом положении? Мы вот-вот принесем в этот мир новые жизни.

Мэри улыбнулась, однако Сита вновь отметила, что она сделала это с усилием.

— Да, — коротко ответила Сита.

Раз Мэри не хочет откровенничать, с чего бы ей поступать иначе?

В библиотеке воцарилась неловкая пауза. Она висела в воздухе, пока Мэри ее не нарушила.

— Ты приехала, чтобы осмотреть приют, а я тебя задерживаю. — Она обвела рукой комнату. — Как видишь, это библиотека, так что ты можешь взять любую книгу. Только не забудь потом ее вернуть.

Напряжение спало, и Сита вновь расхохоталась.

— Спасибо. Но у меня во дворцах сейчас достаточно книг. — Она помолчала. — В детстве ты любила сказки. А что предпочитаешь теперь?

— О, я читаю все, что меня увлекает.

— А сейчас ты что читаешь?

— Эта книга принадлежит мне — «Опыт о человеческом разумении» Джона Локка. Каждый раз, читая ее, я узнаю что-то новое. Это очень увлекательно.

— Можно? — Сита взяла книгу у Мэри и начала листать ее. — «Наши умственные способности различаются не менее, чем наши вкусы; и тот, кто думает, что одна и та же истина одинаково всем понравится в одном и том же облачении, может с таким же успехом надеяться усладить всех одним и тем же блюдом...»¹

Читая эти строки, Сита размышляла о своем муже, его брате, матери и о себе. Одно королевство, четыре разные версии. Четыре взгляда на мир.

— Заставляет задуматься, не правда ли?

Глаза Мэри блеснули. У нее была очень красивая улыбка. В такие моменты ее лицо словно бы начинало светиться изнутри.

— Почему ты здесь, Мэри? — спросила Сита.

Ей уже надоело ходить вокруг да около.

Мэри глубоко вздохнула. Казалось, она колеблется. Но затем она рассказала Сите обо всем.

— Признаюсь, мне стало легче, — произнесла она, закончив свой рассказ. — Давно хотелось с кем-то поделиться. Спасибо, что выслушала. Что потратила на меня время. Знаю, у тебя есть множество более срочных...

— Ой, да ладно тебе, — ответила Сита. — Ты не отдашь ребенка?

— Нет.

— Так какой же у тебя план?

Мэри выпятила подбородок.

— Еще не знаю. Но я что-нибудь придумаю.

— В сложившихся обстоятельствах это будет непросто.

— Знаю.

¹ Перевод А. Н. Савина.

Глаза Мэри были полны решимости, а в голосе звучала сталь, которой Сита никогда прежде не слышала.

«Я восхищаюсь тобой, — внезапно подумала она. — У тебя есть силы идти против общественных норм и поступать правильно. Тебе хватило смелости разрушить свой брак, принять порицание семьи, которая так тебе дорога, отказаться от комфортной жизни — и все для того, чтобы не приводить ребенка в мир, в котором он будет жить во лжи.

А я... Именно во лжи я и живу. Я хотела свободы, а вместо этого сковала себя традициями, долгом, одобрением родителей, жадностью и фальшью».

— Не знаю, что ждет меня в будущем, — продолжила Мэри, — но сейчас я чувствую себя сильнее, чем когда была замужней дамой. Теперь я, по крайней мере, честна и искренна с собой и со своим ребенком.

Она вновь погладила себя по животу.

Честна и искренна. На глаза Сите неожиданно навернулись жгучие слезы. Мэри всегда умела ее рассмешить, но теперь она довела ее до слез.

Мэри всегда была застенчивой и боялась рисковать. Однако теперь она шла на самый большой риск в своей жизни, отстаивая то, во что верила. И делала это ради того, чтобы быть честной с собой.

Когда Сита впервые увидела Мэри в приюте, ей стало жаль свою подругу, которая, как она подумала, оказалась в ситуации еще худшей, чем ее собственная. Она ощущала досаду из-за того, что Мэри, несмотря на возможности, которые были ей предоставлены, попала в неприятности. Сите хотелось проявить к ней великодушие, посочувствовать подруге, павшей так низко.

Но теперь...

Теперь все перевернулось с ног на голову. Сита опять завидовала Мэри так же, как в детстве. Опять чувствовала себя обделенной, желая получить то, что было у подруги.

В детстве Сита постоянно испытывала потребность командовать, чтобы почувствовать себя выше Мэри.

И с тех пор ровным счетом *ничего* не изменилось.

Сита по-прежнему не была, а казалась, стараясь выглядеть лучше, чем Мэри, хотя в действительности все было наоборот. У Мэри всегда было то, чего Сита так отчаянно желала. И в детстве, и сейчас.

У Мэри будет ребенок.

Она предпочитала быть честной с собой, даже если это означало потерю репутации и всеобщее порицание. Ей хватило смелости бросить вызов обществу, в то время как Сита стала его пленницей, еще менее свободной, чем была в детстве.

Я недооценила тебя, Мэри.

Думала, что это я сильная и смелая. Однако сильной и смелой оказалась ты.

— Ваше величество... — обратилась к Сите вошедшая в библиотеку монахиня.

— Держись, Мэри. И пиши мне. Не пропадай.

С этими словами Сита развернулась и зашагала к двери. У нее в голове роились мысли. Да, она завидовала своей подруге так же, как и в детстве.

И несмотря на то что это она владела приютом, в котором Мэри сейчас жила, несмотря на раболепие подданных, несмотря на богатства, которые Сита воспринимала как должное, несмотря на многочисленные дворцы и почет, который давал ей королевский статус, она чувствовала себя обделенной и обманутой.

Как это мелко!

Глава 62

Прия

Сон без сновидений. 2000 год

Сидя в такси, направлявшемся в аэропорт, Прия сказала:

— Ты не должен говорить дадимае о Джейкобе.

Отец криво улыбнулся.

— Если ты еще не заметила, Прия, мы с твоей дадимой не разговариваем.

Прия посмотрела на отца, и он внезапно показался ей старым и усталым.

— Баба́, вы с ма всегда так меня любили. Как ты можешь настолько отличаться от своей матери?

— Когда ты родилась, — ответил отец, нежно улыбаясь, — твоя мать взяла с меня слово, что я не допущу, чтобы наши с тобой отношения стали такими же напряженными, как у меня с моей матерью, что бы ни произошло. Но Прия, мне и не нужно было давать это обещание. Едва взяв тебя на руки, я понял, что переверну мир ради того, чтобы защитить тебя и сделать счастливой. Именно поэтому сейчас... Джейкоб...

Голос отца наполнился злостью. Он сжал кулаки.

Джейкоб. Ярость и боль. Отчаяние и тоска. Вздохнув и собравшись с силами, Прия выбросила Джейкоба из головы и сменила тему.

— Почему вы с дадимой не разговариваете?

Странно, что она никогда не спрашивала отца об этом раньше. Она принимала все как есть. Свыклась с мыслью, что ее отец и бабушка не общаются.

Отец потер лицо ладонями и вздохнул.

— Она... она была не слишком-то заботливой матерью. Было проще не общаться с ней, чем каждый раз убеждаться в том, что ей безразличен. И постепенно я... отвык от общения с ней. — Он снова глубоко вздохнул. — Твоя мать, да будет благословенна ее душа, все время уговаривала меня восстановить отношения с твоей дадимой. Но было уже слишком поздно.

Слишком поздно. Прямо как у них с Джейкобом.

Ожидание рейса казалось бесконечным, а аэропорт — слишком шумным. Прии хотелось выбежать из терминала, подальше от весело болтающих детей, орущих младенцев, измученных родителей, безупречно одетых стюардесс, скрипящих колесиками перегруженных чемоданов, шипящих кофе-машин, шумных громкоговорителей, и мчаться до тех пор, пока не удастся убежать от своей рухнувшей жизни и сменить ее на более счастливую.

Однако когда они наконец сели в самолет (Прия — у окна, отец — возле прохода), она неожиданно сумела забыться сном без сновидений, о котором так мечтала.

Проснувшись, Прия обнаружила, что ее голова лежит на плече у отца, который сидел не двигаясь, чтобы ей было удобно. Заметив его напряженную позу, несмотря на которую он все же пытался читать газету, Прия впервые за много дней улыбнулась.

— Расслабься, бабá, — сказала она. — Мне все равно будет удобно.

Когда они приземлились, Прия вдохнула песчаный, пропахший специями воздух родины и почувствовала, что ей немного легче.

Глава 63

Сита

Туманный намек. 1937 год

— Ребенок Мэри-мемсахиб — от индуса.

— Отец ребенка Мэри — индус? — удивленно переспросила Сита, садясь на диван.

Она попросила свою доверенную служанку разыскать информацию о ее подруге детства. Сита знала, что служанка не скажет никому ни слова — ни сейчас, ни в будущем. Ей было известно, как страшна Сита в гневе.

Женщина кивнула.

— Это женатый мужчина. Врач. Из богатой семьи. Родственник королевы-матери.

Когда во время их беседы в приюте Мэри упомянула о короткой связи на борту корабля, Сита расслышала в ее словах туманный намек и по печальному выражению ее глаз поняла, что подруга рассказала ей не все. Вернувшись из Озерного дворца, королева так и не смогла добиться от Мэри признания, и это сводило ее с ума. Поэтому она попросила служанку (изучавшую прошлое беременных женщин, у одной из которых

Сита планировала взять ребенка) выяснить, кем был таинственный кавалер Мэри.

«И когда ты только успела стать такой смелой, Мэри? — думала Сита, вновь чувствуя укол зависти. — Ты носишь ребенка от женатого индуса и настаиваешь на том, чтобы оставить его у себя, даже зная, что вас ждет непростое будущее».

А ведь раньше Ситу не заботили ни общественное мнение, ни последствия ее действий; ее волновало лишь, что правильно, а что — нет.

Встреча с Мэри заставила ее взглянуть в глаза более юной, честной версии самой себя, и это было невыносимо.

Что видела Мэри, глядя на Ситу? Была ли она под впечатлением? Завидовала ли подруге так же, как Сита завидовала ей? Сита сомневалась в этом, и эта мысль огорчала ее сильнее, чем она готова была признать. Она была королевой, обладала властью, была окружена восхищением, купалась в богатстве — и все же свобода, о которой она так мечтала, казалась все такой же недостижимой, как и раньше.

Сита стала королевой, но лишилась своего «я».

Мэри же, напротив, стала сильнее. У нее были убеждения и принципы. Она жила по своему разумению и гордилась этим.

Ситу охватил беспричинный всепоглощающий гнев. Ее переполняла злость на подругу детства.

Маленькая часть ее естества, которую Сита тут же заставила замолчать, понимала, что винить ей следует лишь себя, ведь это она не смогла стать сильнее. Это ей не хватило решимости отказаться от королевского статуса. Это она лгала окружающим и себе самой. Ее ложь обернулась ужасным фарсом с беременностью. Ситу очень волновало, что подумают о ней люди, а Мэри — нет. А ведь когда-то все было наоборот.

Однако королевский статус и само королевство были единственным, чем обладала Сита, и она сделает все, чтобы не потерять их.

И все же после их встречи мысли королевы вновь и вновь возвращались к Мэри.

К Мэри, носившей ребенка, ради которого Сита все бы отдала...

Именно тогда мысль, вертевшаяся у нее в голове с момента их встречи, окончательно сформировалась.

К удивлению и удовольствию Ситы, ее план сложился словно сам собой.

Сита была светлокожей. Она пошла в бабушку по отцовской линии, которая была англичанкой. Джайдип тоже был очень светлым, лишь чуть-чуть темнее ее самой.

Я окажу ребенку Мэри услугу. Отблагодарю ее за книги, которые она давала мне много лет назад, за то, что она позволяла мне жить ее жизнью, вырываясь из своей собственной.

Перед глазами Ситы встало лицо Мэри, говорившей: «Не знаю, что ждет меня в будущем, но сейчас я чувствую себя сильнее, чем когда была замужней дамой. Теперь я, по крайней мере, честна и искренна с собой и со своим ребенком».

Усилием воли Сита отогнала образ подруги прочь, хоть голос у нее в голове зашептал: «Это — твой способ наказать Мэри за то, что у нее есть принципы, за то, что ей, в отличие от тебя, все равно, что говорят люди, за то, что она честна с собой, в то время как ты вообще ни с кем не можешь быть честной, не говоря уже о себе. Встретившись с ней, ты восхитилась Мэри, позавидовала ей, и тебе это не понравилось. Ты хочешь, чтобы она опустилась до твоего уровня. Хочешь забрать то единственное, ради чего она готова отдать все на свете, то единственное, что она любит. Ты не можешь позволить, чтобы твоя подруга имела то, чего лишена ты».

С нетерпением и злостью Сита велела этому голосу истины замолчать, мысленно твердя уже приготовленную ложь. Она так часто лукавила, что ее ложь была уже почти неотличима от правды, вот только оставляла горькое послевкусие на языке. *Это — наилучший вариант. И Мэри, и ее ребенок будут обеспечены на всю жизнь.*

Глава 64

Мэри

Лучшая жизнь. 1937 год

Мэри проснулась оттого, что у нее заболел живот. Ощущение было таким, словно ее разрывает надвое. Кто бы ни захотел сломить ее, вырвав из нее душу, он делал это самым худшим из возможных способов.

Она проснулась с криком. Чудовища из чрезвычайно реалистичных снов, которые она видела последнее время, чудовища с ее собственным лицом, загонявшие Чарльза в угол, не давали Мэри покоя. Она вспотела. Всем телом. И умирала. Кто-то хотел ее убить.

Мэри замолотила руками по кровати, не переставая кричать.

Дверь в ее комнату распахнулась; вбежали монахини и медсестры и начали ее успокаивать. Одна из них взяла Мэри за руку. Другая положила ей на лоб кусок прохладной материи.

— Тужься, — говорили они.

Тужься? Мэри прищурилась и посмотрела на них. В странном полусвете ее сны начали отступать, а глаза — привыкать к реальности. Что они имели в виду? Должна ли она тужиться изо всех сил, борясь с нападавшим? Но зачем? Почему они не могут его оттащить?

— Ребенок на подходе.

Ребенок. *Ее* ребенок. Ребенок, зачатый в порыве любви и безумия. Ребенок, которого Мэри любила больше всего на свете.

Сможет ли она дать ему ту жизнь, которой он заслуживает? Лучшую, чем ее собственная?

Все эти недели, пока Мэри работала в саду, а ребенок рос внутри нее, она спорила сама с собой.

Ради кого я это делаю? Ради себя или ради малыша? Не эгоистично ли оставлять ребенка себе, чтобы его, как и меня, повсюду преследовал позор? Не лучше ли будет от-

дать его, как поступают другие матери, чьи измученные глаза рассказывают истории, которые они не смеют облечь в слова, истории, которые привели их сюда, истории о небодуманных поступках, из-за которых их детей будут называть «ошибками»?

«Это — наилучший вариант, — пытались переубедить Мэри монахини. — Если ты все же оставишь ребенка у себя, он будет расти без отца».

Зато у него будет мать. Разве сможет кто-нибудь любить его так же, как уже люблю его я?

Эти мысли терзали Мэри по ночам, танцую в ее голове, словно светлячки над озером, пока ветер вздыхал среди фруктовых деревьев и растений, о которых она заботилась. Ребенок толкался, напоминая о своем существовании и беседуя с Мэри во тьме, как будто они были единственными людьми на свете. Ребенок, который был ее плотью и кровью. Единственный человек в этом мире, который принадлежал лишь ей одной. Мэри разговаривала с ним среди ночных шорохов. Однако затем она начинала слышать насмешливый голос: «Что ты можешь предложить этому ребенку? Ты даже не можешь гарантировать, что он будет чувствовать себя счастливым среди детей слуг из Озерного дворца, приплывающих в школу на лодке. Над ним будут смеяться из-за того, кто он. Над ним и над тобой».

«Ты говоришь, что любишь своего ребенка? Однако разве любить не означает желать человеку самого лучшего? Если бы ты любила этого ребенка, то, несомненно, отдала бы его, чтобы он смог расти с двумя родителями, которые любят его, а не с разведенной опозоренной матерью, прошлое которой покрыто позором».

Сита тужилась, сражаясь с волнами боли. Она тужилась и тужилась, пока наконец...

...вздохнув, не почувствовала облегчение.

В комнате раздался плач новорожденного.

А вот монахини и медсестры молчали. Однако это не было спокойное молчание людей, хорошо выполнивших свою работу. Оно было тяжелым и обвиняющим.

— В чем дело? Что с моим ребенком?

В тишине, не нарушаемой ни одним из взрослых, малыш зарыдал.

Подталкиваемая инстинктом, Мэри с трудом села и взяла ребенка на руки.

Мальчик. Скользкий, худенький, идеальный комочек со сморщенным личиком. Он плакал как котенок, широко раскрывая ротик и показывая розовые десны. Коричневое, как кокос, личико обрамляли пучки черных волос. Мэри прижала своего чудесного ребенка к себе, и он начал тыкаться носиком в поисках груди.

Мэри дала ему грудь, и ребенок начал ее сосать, сжимая сосок крошечными деснами. Мэри поняла, что ни за что его не отдаст. Она его родила. Он — ее. Она будет заботиться о нем и защитит его — если понадобится, даже ценой собственной жизни.

Словно прочтя ее мысли, монахини разом ожили.

— Ты не можешь его оставить, — сказала одна из них. — Не такого.

— Что с ним не так?

У ребенка чего-то не хватало? Мэри пересчитала пальчики на руках и ногах. В замешательстве она посмотрела на монахинь, и внезапно до нее дошло: ни им, ни сестрам в школе она не говорила, что ее ребенок — наполовину индус. Мэри никому не рассказывала о его отце. Это было слишком личное.

— Я не отдам его! — с жаром заверила она монахинь.

«Будь свободной, — зазвучал в голове у Мэри призыв ее родителей. — Живи по-своему».

— Как ты будешь его растить? — спросила другая монахиня. — У тебя нет денег. Ты разведена, а семья тебя отвергла. А с ребенком, особенно с *таким* ребенком, тебе очень сложно будет найти мужа.

— Мы найдем хорошую семью, которая его усыновит, — взывала к Мэри третья монахиня. — Индийскую семью, ведь у малыша темная кожа. Ни одна белая пара его не примет. Индусы любят светлокожих детей, а он сойдет за светлоко-

жего индуса. У нас выстроится очередь из желающих его забрать.

— Я хочу его оставить, — повторила Мэри, еще сильнее прижимая к груди своего — *своего* — ребенка.

— Это эгоистично...

Опять это слово.

Это *не* эгоистично. Это правильный выбор, *единственно* правильный выбор. Этот ребенок — ее. Один в целом мире. Она не может с ним расстаться.

Одна из монахинь протянула к нему руки.

— Нет! — сказала ей Мэри, сама удивившись ярости в своем голосе.

Ребенок моргнул, однако продолжал спокойно сосать ее грудь.

Мэри знала, что другие матери в приюте не брали младенцев на руки, и поступали так не из-за жестокости. Это позволяло им не привязываться к детям, чтобы потом легче было отдать их монахиням.

Однако сын Мэри держался за нее так, словно от этого зависела его жизнь. Или, быть может, это она за него держалась.

Глава 65

Сита

Возможность. 1937 год

Когда подошел девятый месяц «беременности» Ситы, муж сказал ей:

— Ты слишком много работаешь. Тебе нужно больше отдыхать. Перестань хотя бы заниматься благотворительностью.

— Я отправлюсь в Озерный дворец и проведу последние несколько недель там. Это место помогает мне расслабиться.

Сита уже давно хотела сказать это мужу, ведь так она будет находиться поближе к Мэри. А теперь он сам предложил ей эту возможность.

— Хорошо, — ответил Джайдип, однако затем на его лице появились тревожные морщинки. — Я буду приезжать к тебе так часто, как только смогу, — если получится, каждую неделю, однако не смогу быть с тобой все время. Что, если у тебя случатся преждевременные роды?

— Со мной поедет повитуха.

— Но...

— Как только у меня начнутся схватки, я пошлю кого-нибудь за тобой.

— А что, если у тебя будут осложнения? То есть я не... Боже упаси...

— Прошу тебя, не волнуйся. Повитуха все время со мной, и я прослежу за тем, чтобы лодка и машина всегда были наготове.

Сита потянулась к мужу и поцеловала его.

Сита завтракала, когда служанка, которую она подкупила в Озерном дворце, попросила ее об аудиенции.

Женщина запыхалась и выглядела взволнованной. Ей можно было доверять: служанка знала, что, если кто-то узнает о планах Ситы, платежи прекратятся и она больше никогда не найдет работу.

Сита приказала остальным слугам выйти.

Когда они остались наедине, королева обернулась ко все еще тяжело дышавшей женщине.

— Что такое?

— Ночью у Мэри-мемсахиб начались схватки.

— И ты говоришь мне об этом только сейчас?

Голос Ситы был резким и взволнованным.

— П-простите, махарани. Я не хотела тревожить вас посреди ночи.

— Я сказала «в любое время дня и ночи». Чего именно ты не поняла?

Сита старалась, чтобы ее голос звучал ровно, однако в нем все равно послышалась ярость. Ее разум лихорадочно работал, составляя план.

Ей нужно будет уединиться на пару дней, заставить повитуху сказать, что все случилось слишком быстро, отправить Джайдипу сообщение о том, что она потеряла много крови и ее нельзя беспокоить, и договориться, чтобы ребенка — если он родился здоровым и достаточно светлокочим — принесли сюда.

Если этот малыш не подойдет, придется рискнуть и выбрать приемного сына среди детей других живших в приюте женщин или взять подходящего новорожденного в одном из сиротских приютов.

— Она родила рано утром. Здорового маленького мальчика. Темнокожего. Какой скандал!

Слава богам!

— Монахини, разумеется, шокированы. Но мать...

«Я буду его матерью», — подумала Сита.

— Она категорически отказывается отдавать малыша.

Перед глазами Ситы встал образ — маленькая Мэри, идущая по подвесному мосту. Крепко зажмурив глаза, она вцепилась одной рукой в ладонь Амина, а другой сжимала веревку так сильно, что, казалось, ее костяшки вот-вот прорвут тонкую белую кожу. «Мэри, как ты будешь приветствовать свой кораблик с закрытыми глазами?» — спросила ее тогда Сита. Мэри открыла глаза, и в них вспыхнуло изумление. А еще — радость и гордость. Мэри довольно рассмеялась. Ее смех был таким заразительным, что уже через мгновение Сита с Амином тоже хохотали.

Королева трянула головой, прогоняя воспоминания, и внезапно почувствовала неуверенность.

Смогу ли я?

Я должна. Так будет лучше всего. Со временем Мэри меня поймет.

— Тебе действительно следовало сообщить мне, как только у нее начались схватки, — сказала королева женщине, стоявшей перед ней с виноватым видом.

— Простите, махарани. Я не хотела вас тревожить...

— Ты должна была выполнить мое распоряжение, сделать то, о чем я тебя *попросила*. Иначе я не просила бы тебя об этом.

Голос Ситы был все таким же резким.

Служанка вздрогнула.

Хорошо.

— Твои услуги мне больше не понадобятся.

— Простите, маха...

— А если ты когда-нибудь скажешь об этом кому-то хоть слово...

— Не скажу, махарани. Клянусь жизнью!

— Даже тем, кого любишь. Ты унесешь эту тайну с собой в могилу.

В голосе Ситы прозвучала угроза.

— Обещаю!

— Уходи. Дело сделано. Никогда больше не говори о нем.

Глава 66

Мэри

Что-то странное. 1937 год

Приглашение в Озерный дворец принесла подобострастного вида служанка. Тисненый золотом текст на дорогой бумаге гласил: *Вам дарована аудиенция у королевы. Она знает вашу ситуацию и хочет вам помочь. Лодка прибудет в четыре часа дня. Просим вас явиться одной.*

Мэри некоторое время разглядывала приглашение. Почему Сита лично ей не написала? Возможно, все дело в ее социальном статусе: в конце концов, она была королевой. И все же на ту Ситу, которую Мэри встретила в приюте, — все время смеявшуюся, шутившую и (не считая нескольких неловких моментов, которых вполне можно было ожидать после стольких лет разлуки) разговаривавшую с ней весьма дружелюбно, — это было не похоже. Она держалась с царственной надменностью, но в то же время была очень доброй. У Мэри сложилось впечатление, что, несмотря на то что Сита стала королевой, характер у нее не слишком изменился.

Разумеется, Мэри слышала от Билала, служанок и монахинь поразговорчивее, что Сита грозная и безжалостная.

«Говорят, что она редко улыбается, — рассказывал Билал, когда они вместе с Мэри поливали растения в саду. — Слуги очень ее боятся».

Впрочем, Мэри не слишком-то верила этим рассказам.

Сита и в детстве была высокомерной, но в то же время доброй. Когда Мэри разбила коленку, подруга утешала ее и они вместе с Амином донесли ее до дома. А еще Сита, несмотря на свою властность, была очень уязвимой. Мэри однажды убедилась в этом. Амин, устав от приказов Ситы, проявил неожиданную смелость, сказав: «Мы больше не хотим с тобой играть». Глаза Ситы расширились и наполнились слезами изумления и обиды. От ее взгляда у Мэри заболело сердце. Впрочем, Сита быстро пришла в себя и, сложив руки на груди, фыркнула: «Отлично! Я сама не хочу играть с малявками. Я уезжаю домой». И с этими словами ринулась прочь.

Мэри побежала за Ситой, которая в конце концов заставила себя умолять. Амин был очень огорчен мягкотелостью Мэри, однако, как обычно, сдался и вместе с ней стал просить Ситу остаться. И когда они с Мэри вновь разошлись на нее, Сита мило улыбнулась и, обняв девочку, прошептала ей на ухо, жарко дыша: «Прости. Я не хотела этого говорить. Ты — моя лучшая подруга и вовсе не малявка».

И хотя женщина с большим животом и многочисленными украшениями, которую Мэри встретила в библиотеке, выглядела величественно, она по-прежнему была девчонкой, которую помнила Мэри, пусть и немного более тревожной; Впрочем, когда Сита смеялась, ее нервозность исчезала. А еще в ее глазах были усталость и отстраненность. Но в остальном она совсем не изменилась.

Она оставалась ее лучшей подругой.

Именно поэтому Мэри открылась ей, рассказав обо всем, умолчала лишь о Винае. Она знала: даже став королевой, Сита,

которая всегда отстаивала права женщин, не станет ее осуждать.

И оказалась права.

Когда Мэри вскользь упомянула о своей связи на корабле, выражение лица ее подруги не изменилось. Она и глазом не моргнула, когда Мэри призналась, что ее терзают угрызения совести из-за того, как она поступила с Чарльзом. Сита лишь кивнула, когда услышала, что ее подруга не намерена отдавать своего ребенка, и погладила свой живот.

Возможно, именно поэтому Сита и вызывала ее сейчас к себе. Мэри знала, что королева приехала в Озерный дворец, чтобы провести там последние недели своей беременности. И хотя Сита больше не связывалась с ней, а она сама не стала напоминать о себе, поскольку окружающие могли подумать, будто ей от королевы что-то нужно, Сита, должно быть, не теряла ее из виду.

И все же почему ей принесли официальное приглашение? Что Сита хотела этим показать?

Мэри вновь почувствовала тревогу, которую так часто испытывала, когда дело касалось ее подруги.

Однако... *Она знает вашу ситуацию и хочет вам помочь*, говорилось в приглашении.

Мэри была в отчаянии. Она решила оставить ребенка и назвать его Ричардом — в честь своего отца, однако знала, что ее путь будет нелегким. Поэтому не принять помощь Ситы было бы просто глупо. Она не могла отклонить приглашение королевы, несмотря на беспокойство, которое испытывала; особенно ее тревожило требование явиться одной. Мэри не хотела расставаться с сыном. Но... она *пойдет* к Сите, оставив малыша на попечение монахинь, как бы ни тяжело ей было с ним разлучаться.

Мэри надела лучший наряд, тот самый, в котором когда-то собиралась выйти в свет, а в итоге вышла замуж; она распустила швы, чтобы это платье можно было носить после беременности. Выходя из лодки и направляясь к дворцу, женщина

думала, что есть какая-то ирония в том, что она предстанет перед индийской королевой в платье, в котором должна была дебютировать перед королем Англии.

К дворцу, окруженному верандой с мраморными колоннами, вели безупречные газоны с идеальными клумбами, засаженными экзотическими цветами, на фоне которых небольшой сад в приюте для женщин казался маленьким неухоженным кусочком джунглей. Сиявший в солнечном свете бассейн был дополнен фонтанами и скульптурами. По газонам расхаживали павлины.

Внутри дворец был еще более шикарным. Мэри утратила дар речи. Расписные стены и потолки, картины, гобелены, зеркальные ширмы. Старинная мебель. Чучела животных. Резные шахматы. Мозаичные полы. Бесчисленные комнаты, полные сокровищ. Мириады слуг, поддерживающих дворец в безупречной чистоте, полирующих до блеска каждую поверхность.

Но вся эта роскошь блекла в сравнении с покоями королевы.

Сита сидела на диване, укутав свое беременное тело причудливо вышитой шалью, не позволявшей Мэри как следует разглядеть ее большой живот.

Однако что-то в этом помещении казалось Мэри странным. Она не сразу поняла, что именно, но затем до нее дошло.

Слуги. По дворцу их сновала целая туча, однако здесь они с Ситой были одни.

Сита уставилась на нее своими янтарными глазами, и Мэри ощутила странную тревогу.

Когда она сделала реверанс, задумчивый взгляд королевы стал мягче.

— Не нужно, Мэри.

Лицо Ситы тоже смягчилось, и Мэри расслабилась, почувствовав себя спокойнее. Это ведь была ее подруга детства.

— Поздравляю с рождением сына. Слышала, он красив.

Мэри просияла, даже несмотря на то, что ей очень захотелось прижать малыша к себе.

— Это правда. Меня удивило твое приглашение. Не думала, что эта весть дойдет до тебя так скоро.

— У меня свои источники информации.

Улыбка Ситы стала натянутой, и Мэри вновь почувствовала беспокойство.

— Спасибо, что пригласила меня сюда.

Сита небрежно махнула рукой и неторопливо произнесла:

— Я много думала после нашей последней беседы.

Вот. Подруга предлагала ей помощь. Так почему же Мэри терзали опасения? Почему ей хотелось ринуться прочь, обратно к своему мальчику?

— Да?

— Я нашла отличное решение твоей дилеммы.

— У меня... у меня нет никакой дилеммы.

Когда Мэри держала на руках своего ребенка, тревоги покидали ее и она не сомневалась: лучшим — *единственно возможным* — решением будет растить этого ребенка, окружая его любовью и заботой, которую она только сможет дать. Никому не удастся их разлучить.

— Есть.

Сита сидела все так же расслабленно, однако ее голос внезапно стал резким.

Мэри почувствовала, что опасения уступают место злости. Как это похоже на Ситу — указывать человеку, что он, по ее мнению, должен чувствовать. Попытаться навязать свои мысли.

— Твой ребенок похож на индуса. Ты разведена и сейчас сидишь без работы. Ты опозорена, и у тебя нет ни гроша. Как ты будешь растить этого ребенка?

— Это моя забота, — коротко ответила Мэри.

«Пустая трата времени, — подумала она. — Сита вызвала меня для того, чтобы поучать. Чтобы подчеркнуть различие между нами, то, как по-разному сложились наши судьбы. Как глупо было приходиться сюда...»

Мэри простодушно надеялась, что Сита предложит ей работу. Однако та явно не собиралась этого делать.

Мэри уже хотела попроситься с королевой и вернуться к своему сыну, но тут ее подруга вновь заговорила:

— Я хотела бы усыновить твоего ребенка.

Мэри забыла обо всем, что испытала с момента прихода во дворец — и даже с тех пор, как приехала в эту страну.

— Что, прости?

— Ты все слышала. Я хотела бы усыновить твоего ребенка. Я выращу его как собственного сына — нашего с королем. Как наследника престола. Со временем все перейдет ему. Но для этого ты должна отказаться от своих прав на него и вернуться в Англию.

Ошеломленная Мэри могла лишь тарашиться на Ситу, вспоминая, что чувствовала, держа ребенка на руках и глядя на его еще не сформировавшиеся, но от этого не менее идеальные черты лица.

— Но ты же сама беременна.

Вместо ответа Сита отбросила шаль, которой укрывалась.

Мэри моргнула, не сразу осознав, что видит перед собой. Она знала, что Сита беременна и должна родить в ближайшее время. Однако никаких признаков этого Мэри не заметила. Живот королевы был плоским, а рядом с ней лежала сложенная пополам подушка. Мэри не могла отвести от нее взгляд.

— Ты... ты не беременна?

Теперь ей стало ясно, почему в этой комнате не было слуг.

— Нет.

— Но... почему?

— Тебя это не касается. Все, что я открыла тебе, останется в этой комнате. Если ты сболтнешь об этом хотя бы слово...

Вот о какой королеве говорил Билал. О королеве, которую все боялись.

— Мэри?

Взгляд темно-желтых глаз Ситы был непреклонным.

Неприятное ощущение в животе Мэри трансформировалось в боль. Женщина почувствовала, что ее мутит, и сглотнула.

— Я... я умею держать язык за зубами.

Сита улыбнулась одними губами.

— Знаю, что умеешь. Ты хранила мои секреты в детстве, и потому сейчас я делюсь с тобой своей самой большой тайной...

— Как? Почему?

— Я не люблю, когда меня перебивают.

Сита выглядела царственно холодной. Ее губы слегка изгибались в улыбке, словно она находила Мэри забавной.

Надменное безразличие королевы отталкивало Мэри. Перед ней была подруга ее детства и в то же время совершенно другой человек. Холодный, мрачный. Мэри не верилось, что еще вчера Сита смеялась — таким холодным был взгляд ее сузившихся глаз.

Зачем, Сита? Зачем тебе, королеве, имитировать беременность?

Ответ пришел к Мэри в следующее же мгновение.

А! Возможно, именно потому, что ты — королева. Ты никогда не останавливалась ни перед чем, чтобы получить желаемое.

Давно забытое воспоминание. Книга. «Ветер в ивах». Мэри подарили ее на день рождения, и они с Ситой обе очень любили эту повесть.

«Я могу взять ее домой и привезти на следующей неделе?» — спросила как-то Сита.

«Я еще не дочитала ее. Ты можешь взять любую другую из моих книг. Я дочитаю и дам тебе “Ветер в ивах” на следующей неделе».

Лицо Ситы вытянулось, но она согласилась.

В тот вечер Мэри попросила папу почитать ей «Ветер в ивах» вслух, однако они не смогли найти эту книгу. Они искали ее везде, и, когда поиски не увенчались успехом, папа подарил ей еще одну такую же.

Когда подруга приехала на следующей неделе, Мэри спросила у нее:

«Это ты взяла “Ветер в ивах”?»

«Ты обвиняешь меня в воровстве?!» — завизжала Сита.

«Нет! Я просто хочу знать, не взяла ли ты ее случайно».

«Нет».

«О чем эта книга?» — спросил Амин.

Мэри стала пересказывать ему содержание, и Сита подхватила ее рассказ.

«Откуда ты знаешь сюжет? — спросила Мэри. — Я думала, что ты ее еще не дочитала».

«Дочитала. На прошлой неделе», — настаивала Сита, краснея.

«Тогда зачем ты хотела взять ее домой?»

«Она мне так понравилась, что я захотела перечитать ее снова».

Мэри не предлагала Сите новый экземпляр «Ветра в ивах», а Сита и не просила его. Со временем Мэри позабыла о случившемся.

А сейчас вспомнила.

Сейчас она смотрела на Ситу, которая хотела забрать у нее кое-что гораздо более ценное, чем книга. На Ситу, которую больше не узнавала.

Или, возможно, узнавала. Возможно, именно поэтому Мэри ощущала такую тревогу, глядя на нее. Возможно, именно поэтому она не написала Сите, увидев ее во время процессии. Каждый раз, когда Мэри хотела связаться с подругой своего детства, что-то ее останавливало.

— Мэри, — сказала Сита, — я предлагаю твоему сыну стать королем.

Мэри представила своего малыша, оставшегося в приюте. Ей хотелось помчаться туда, прижать мальчика к себе и не отпускать. Темная кожа. Сливовые губки. Клочковатые черные кудри.

Ты украла мою книгу. Ты украла восхищение моих родителей. Украла даже их самих: они погибли в аварии, когда ехали поговорить о тебе с твоими родителями. Но моего сына ты не получишь!

— Нет, — сказала Мэри.

Она не знала, почему ее голос превратился в шепот, почему она чувствовала себя так, будто вот-вот расплчется, но не сомневалась: королева — опасный враг. В приюте Мэри

слышала много историй. И видела, как дрожали обычно невозмутимые монахини перед визитом королевы, как суетились, стараясь привести все в идеальный вид, как искали одобрения Ситы.

«Королева щедра к тем, кто ее радует, и безжалостна к тем, кто ее огорчает, — говорил Билал. — В данный момент этот приют, похоже, у нее в фаворе, и монахини хотят, чтобы так продолжалось и дальше».

Мэри увидела, что лицо Ситы едва заметно напряглось. Ее холодные змеиные глаза вспыхнули. Губы королевы все так же улыбались, как будто нежелание Мэри отдать ребенка казалось ей забавным. Даже смешным.

— Я знаю, что тебе нравилось работать в школе для девочек. Что ж, я дам тебе кучу денег — достаточно, чтобы открыть собственную школу, если это твоя мечта.

— Как я смогу учить других детей, бросив своего собственного? Тебе не удастся подкупить меня. Я не откажусь от сына!

— Ты не *бросишь* своего ребенка! — крикнула Сита. — Ты подаришь ему жизнь в роскоши, а со временем он станет королем!

На мгновение Мэри засомневалась. Однако затем вспомнила тепло малыша, которого она держала на руках.

— Допустим, ты откажешься от моего предложения. Как ты будешь заботиться о сыне? У тебя нет денег. Ты мать-одиночка, разведенная англичанка с ребенком-индусом на руках.

— Я что-нибудь придумаю.

Сита мило улыбнулась, но ее слова были ужасны:

— Я позабочусь о том, чтобы у тебя ничего не получилось. Руки у меня гораздо длиннее, чем ты думаешь.

— Почему ты выбрала именно *моего* ребенка?

Несмотря на охватившую Мэри панику, она старалась, чтобы ее голос не дрожал.

— Потому что он — мальчик. Потому что ты умна и образованна, как и его отец. Потому что у твоего малыша достаточно темная кожа и я смогу выдать его за своего собственного.

— Я не хочу отдавать своего сына!

Глаза Мэри защипало от слез, и она сердито моргнула.

— Теперь ты мать. Ты должна думать о ребенке, а не о себе.

Я понимаю, почему ты не хочешь расставаться с сыном: у тебя больше никого нет. И поэтому спрошу вновь: какую жизнь ты можешь ему предложить?

Мэри с вызовом расправила плечи и повторила:

— Я что-нибудь придумаю.

— Твой ребенок станет королем. У него будет все.

Сита обвела рукой дворцовые покои.

А еще ты вместо матери. Лгунья — быть может, патологическая, — симулирующая беременность. Мэри не произнесла этого вслух: несмотря на свою дерзость, она не была самоубийцей и не хотела увидеть воочию печально известную темную сторону королевы.

— Он ни в чем не будет нуждаться.

— Но у него не будет матери.

Мэри нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, не желая продолжать бессмысленную дискуссию с подругой своего детства, превратившейся в сумасшедшую. Она боялась ее, не зная, на что способна Сита в припадке гнева. Именно поэтому Мэри приходилось ждать, когда ее отпустит королева, даже несмотря на то, что единственным ее желанием сейчас было вновь оказаться в приюте со своим сыном.

— У него будет полноценная семья. Им будут восхищаться тысячи подданных. Признание, уважение, преданность жителей королевства... С тобой же его ожидает лишь неуверенность в завтрашнем дне. У тебя нет денег. Как ты сможешь работать, ведь тебе нужно будет присматривать за сыном? Если ты решишь вернуться в Англию, как ты сделаешь это без денег? И как тебя там примут с ребенком от неизвестного отца? И ты, и твой сын станете объектами злословия. Не будь эгоисткой, Мэри. Будь выше этого. Подумай о своем ребенке.

Мэри поняла, что с нее довольно.

— Да, я не королева, а обычная женщина, оказавшаяся в сложной ситуации, но я его мать.

Сита издала короткий безрадостный лающий смешок.

— Любовь ослепляет тебя, не давая принять правильное решение. Я тебя понимаю.

Мэри хотелось стереть улыбку с лица королевы. Она больше не могла воспринимать эту женщину как Ситу: это имя было слишком красивым для чудовища. Мэри хотелось дать этой надменной лгунье пощечину — лишь бы не видеть больше ее самодовольной ухмылки. Руки Мэри сжались в кулаки.

— Именно поэтому я тебе помогу. Мне следует вмешаться. Я знаю, что в тебе говорит материнский инстинкт. Гормоны лишили тебя здравого смысла. Ты ведешь себя очень эгоистично, желая оставить мальчика себе, в то время как даже дураку понятно: со мной ему будет лучше. Так что я окажу тебе услугу. Тебе повезло, что я выбрала именно тебя.

Гнев Мэри сменился непониманием. О чем она говорит? Она что, совсем с ума сошла?

— Послушай... — начала Мэри.

Однако Сита бесцеремонно перебила ее:

— Я вызвала тебя к себе лишь для того, чтобы сообщить о своих планах на твоего сына. Впрочем, он больше не твой. Теперь ты можешь идти. Я не желаю больше тебя видеть.

На смену непониманию пришел ужас. У Мэри подогнулись колени, и она осела на пол, оказавшись у ног королевы. Та с безразличным видом лежала на диване; на ее губах по-прежнему играла самодовольная улыбка.

— О чем... о чем ты говоришь? — выдохнула Мэри.

— Ты увидишь, что я очень щедро с тобой расплачусь. Бери деньги и возвращайся в Англию. Говорят, в Европе скоро начнется война. Быть может, там ты сможешь быть полезной.

Ее сын, которого она оставила с монахинями... Что эта женщина?.. Нет-нет-нет-нет...

Мэри даже не услышала собственного крика...

— Немедленно прекрати истерику! Я думала, что устраивать сцены ниже твоего достоинства.

Засунув подушку под одежду и укрывшись шалью, королева позвонила в колокольчик. Тут же появились слуги.

— Эта женщина спятила, потому что я отказала ей в помощи. Уведите ее, — лениво произнесла она, указывая на Мэри.

Мэри хотелось вцепиться королеве в лицо, ударить ее, рвать ее на части. *Пожалуйста, нет!*

Ее трясло от ужаса. И вместо того чтобы закричать на королеву, она начала умолять:

— Прошу, не забирай моего ребенка! Он — все, что у меня есть. Прошу тебя...

Мэри продолжала умолять, когда слуги вежливо, но решительно вывели ее из дворца. На этот раз Мэри уже не замечала его роскоши. Ее глаза застилала слезы, а тело обмякло. Ее перевезли через озеро и отвели в приют, где под подушкой лежала крупная сумма денег. Но ребенка в комнате не было.

Его забрали.

Часть 6

Одно решение

Глава 67

Мэри

Погружение. 1937 год

Чтобы изменить жизнь навсегда, достаточно лишь одного решения, лишь одного безумного мгновения, одной победы любопытства над здравым смыслом.

Одно решение: Мэри подружилась с Ситой и простодушно впустила ее в свою жизнь.

Одно решение: родители Мэри поехали к родителям Ситы и попали в аварию.

Одно решение: Мэри вернулась в Индию, отказавшись от дебюта и последующего сезона.

Одно решение: Мэри переспала с Винаем в тот волшебный, напоенный желанием вечер.

Одно решение: Мэри отправилась на встречу с Ситой, поверив, что та ей поможет.

И теперь ее руки были пусты, а сердце тосковало по ребенку.

Монахини пытались успокоить ее, и Мэри набросилась на них:

— Я думала, что здесь мой ребенок будет в безопасности!

— Прости нас. — Монахини пребывали почти в таком же смятении, как и она сама. — Этой служанке можно было доверять, пока она не сбежала, прихватив с собой твоего сына. Она все время была с нами. Она — опытная повитуха.

— Это Сита... королева забрала моего ребенка! — кричала Мэри. — Это она украла Ричарда!

Ее сына, которого Мэри назвала в честь своего отца. Боль и тоска по нему были еще сильнее, чем те, что испытывала Мэри, утратив родителей, если это вообще возможно.

Монахини смотрели на нее так, словно она была безумна, и утешали ее, будто ребенка.

— Тсс... Это в тебе говорит горе.

Мэри отбросила их ласковые руки. Ее злость и досада обернулись яростью, обрушившейся на этих женщин, которые стояли, ничего не предпринимая.

— Вы что, не понимаете?! Его забрала королева!

— Зачем королеве забирать твоего ребенка? Она сама беременна. Служанку, похитившую твоего ребенка, уже ищут. Успокойся.

— Успокоиться? Как я могу успокоиться и зачем мне это делать? Разве вы не видите...

Голос Мэри сорвался, и она начала всхлипывать. Ее платье — платье для дебюта, которое она надела на встречу с подругой детства, королевой, предательницей и похитительницей, — было мокрым от молока.

— Вот.

Мэри вновь попыталась отбросить их руки, однако монахини крепко ее держали. Женщина почувствовала укол в предплечье, и ей показалось, что она плывет, погружаясь под воду...

— Это из-за встречи с королевой ей пришло в голову, будто ее величество забрала ее ребенка. Как жаль! Королева хотела ей помочь. Заинтересовалась ее судьбой. Но теперь...

Шепот монахинь был последним, что услышала Мэри, прежде чем потерять контакт с окружающим миром; она погрузилась в печаль и поплыла через море потери к своему ребенку. К своему Ричарду. Но чем отчаяннее она пыталась доплыть до него, тем дальше от нее он был. Ощущения были такими же, как тогда, когда она, осиротев, направлялась на запад или, уже взрослой девушкой, на восток. Берег, где осталось все то, что было дорого ее сердцу, удалялся: Мэри плыла в новую жизнь.

Глава 68

Сита

Удачный момент. 1937 год

Сита вернулась в королевский дворец сразу же, как только жрец объявил, что момент для их с ребенком приезда удачный. Она хотела оказаться как можно дальше от Мэри. Во дворце царила атмосфера праздника: песни и танцы, лицедеи и гадалки, фейерверки и пиры.

В королевстве были объявлены трехдневные торжества по случаю рождения долгожданного сына и наследника.

Многочисленные сановники осыпали подарками новорожденного и комплиментами его гордых родителей. К дворцу стекались подданные. Детям позволяли подходить к гепардам, тиграм, львам и танцующим медведям так близко, как только это было возможно. Слоны набирали воду в хоботы и поливали визжавших малышей. Люди плавали по озеру, расположенному у подножия холма, на котором стоял дворец. Гостей развлекали глотатели огня и жонглеры, фокусники и заклинатели змей, гимнасты и карлики. Торговцы предлагали еду на любой вкус.

Сита вызвала свою доверенную помощницу.

— Когда я уезжала из Озерного дворца, за нашей машиной бежала английская мемсахиб; она выкрикивала ругательства и утверждала, что мой сын принадлежит ей.

— Ох!

— Это и правда печально. Я слышала, что она недавно потеряла ребенка и сошла с ума от горя. Она убеждена, что принц — ее сын. Скорее всего, она безобидна. Но я все же не хочу рисковать. Ни при каких обстоятельствах не пускайте ее на территорию дворца.

Через пару дней помощница попросила у Ситы аудиенции.

— Женщина, о которой вы меня предупреждали, здесь. Она настаивает на том, что вы украли ее сына, и умоляет впустить ее во дворец.

Сита взглянула на сына, сосавшего грудь кормилицы.

— Бедняжка! Но как бы мне ни было ее жаль — не могу себе представить ничего ужаснее, чем потеря ребенка, — я бы предпочла, чтобы ее не пускали внутрь.

— Разумеется, махарани.

— Что бы она ни говорила, впускать ее нельзя, — резко повторила Сита.

Помощница мрачно кивнула и удалилась, чтобы передать приказ королевы привратникам.

Глава 69

Мэри

Разрешение. 1937 год

— Я хочу увидеть королеву.

— Вам нужно получить разрешение, мемсахиб. Королевское приглашение.

Привратники не впускали Мэри.

— У нее мой ребенок!

Привратники смотрели на нее так, словно она была сумасшедшей. Прямо как монахини в приюте. Почему никто ей не верит? Почему никто не видит правду?

«Люди ищут вашего ребенка. Мы найдем его», — заверяли Мэри монахини каждый раз, когда действие успокоительных ослабевало и она начинала рыдать и звать сына.

«Я знаю, где он! — кричала Мэри. — Он с королевой!»

«Ну же, Мэри...»

Она сражалась с монахинями изо всех сил, но они были сильнее. Впрочем, успокоительные погружали ее в оцепенение и позволяли видеть сны. В них Мэри была со своим ребенком и все было идеально. Однако затем его вырывали у нее из рук и Мэри чувствовала опустошение. Она просыпалась, хватая воздух ртом, и монахини пытались ее утешить, а когда им это не удавалось, снова пичкали ее успокоительным, и Мэри проваливалась в забытие.

Так было до вчерашнего дня, когда она, в очередной раз проснувшись и задыхаясь от горького вкуса печали, тоски, потери и злости, услышала шепот служанок, приставленных следить за ней: «Королева отправилась в город, во дворец. Сегодня состоится церемония наречения».

Наречения моего сына. Моего. Но у него уже есть имя — Ричард...

Именно тогда ее злость и ненависть превратились в решимость. Вместо того чтобы кричать от боли и возмущения, Мэри лежала не произнося ни звука. Закрыв глаза и притворяясь спящей, она строила планы. А перед рассветом, когда служанки, сторожившие ее комнату, уснули, она, собрав свои вещи и оставленные вместо ребенка в ее кровати деньги, покинула приют.

Озеро мерцало во тьме. Сиявший огнями дворец отражался в шепчущей воде — огромное, насмехающееся над ней водяное чудовище.

Сад, о котором Мэри заботилась и который любила, растения, за которыми она ухаживала, махали ей на прощание.

Женщина сердито вытерла слезы. Сейчас не время горевать.

Столько ошибок! Столько неверных решений! Но больше этому не бывать.

Пришло время действовать.

До королевского дворца Мэри дошла пешком. Это заняло у нее целый день, но она сделала это — должна была сделать. Там был ее ребенок. Больше никаких успокоительных. Никакого бесцельного лежания в постели. Мэри вернет своего сына. Сите не сойдет с рук то, что она сделала.

По дороге в город Мэри видела крестьян. Некоторые из них жили в хижинах из грязи, другие — под навесами из веток и дырявых сари. Впалые глаза и животы... Сидя в пыли, на нее с любопытством смотрели костлявые дети.

Мэри была в отчаянии, но не осталась без средств к существованию. Она страдала, но в мире были и более тяжкие страдания, пусть в тот момент ей так не казалось.

Приближаясь к городку, она заметила признаки того, что жители готовятся к празднику, как в день процессии, когда она впервые увидела королеву. Но этот праздник был еще более пышным. Флаги и воздушные шары. Приветственные знамена, развевающиеся на ветру. Вереницы роскошных карет и еще более роскошных автомобилей, съезжавшихся к дворцу по холму. Сановники, собиравшиеся на церемонию наречения ребенка, который уже был наречен. Ребенка, которого Сита у нее украла.

И вот Мэри стояла у ворот, в нескольких шагах от своего сына. Дворцовая территория превратилась в подобие ярмарочной площади. Звуки музыки и торжественная атмосфера. Столпившиеся люди пили, ели и смеялись. Обезьяны беззаботно перекликались, не забывая, впрочем, высматривать еду, которую можно было бы украсть. Особо важных гостей провозжали внутрь.

— Я думала, на праздник приглашены все, — сказала Мэри привратникам.

— Это так, мемсахиб. Но у вас должно быть приглашение от короля. Оно было отправлено в каждый городской дом. Где ваше?

Привратники были не злыми, лишь грубоватыми. Они просто выполняли свою работу.

— У вас есть дети? — спросила Мэри.

Привратники вздрогнули. Тот, что постарше, ответил:

— Да. Двое.

Она посмотрела прямо на него:

— Тогда, как отец, вы меня поймете. Прошу вас! У королевы мой ребенок. Я хочу увидеть его, всего один раз.

Сита увидела в его глазах жалость и отвращение. Они считали ее безумной.

— Мемсахиб, зачем королеве ваш ребенок?

— Потому что сама она неспособна родить!

— Осторожней, мемсахиб. Такие обвинения равносильны государственной измене.

Привратник помоложе открыл ворота, чтобы впустить богато украшенную карету. Мэри попыталась проскользнуть следом за ней, но привратники оказались проворнее и загродили ей проход. Мэри успела разглядеть накрашенное лицо, увешанные драгоценностями руки и шею.

— Прошу вас! — взмолилась она, но карета уже отъехала.

Мэри ждала, изнемогая от жары. Молоко текло из ее груди, пропитывая платье. После долгой дороги все ее тело было покрыто пылью. Мэри изнывала от тоски и, несмотря на то что у нее были изранены ноги, готова была воспользоваться любой возможностью, чтобы проникнуть внутрь. Но привратники внимательно следили за ней, поэтому она села снаружи и, поставив рядом сумку, стала наблюдать за прибывающими и уходящими людьми, ощущая во рту вкус отчаяния, пыли и горя. Мэри чувствовала ароматы праздника — духов и восторга, копченого мяса и сладкой ваты, сиропа и специй. Из дворца доносилась музыка.

Мэри просидела так до наступления темноты; не впустивших ее привратников сменили новые, следившие за ней столь же пристально.

— Прошу вас, — вновь взмолилась она, — впустите меня!

Привратники не обращали внимания на ее слова.

Мэри проснулась среди ночи. Она лежала на каменистой земле. Дворец окутывало золотое сияние. Где-то там был ее сын, о котором заботились посторонние люди, в то время как молоко из груди Мэри стекало на твердую холодную землю.

Глава 70

Сита

Забыть. 1937 год

Сите сказали, что Мэри кричала: «Верните моего сына!»

Она стояла у ворот с утра до вечера. Лиф ее платья был пропитан молоком, юбка изорвана, волосы растрепаны, а по лицу текли слезы.

Еще Сите сказали, что приглашенные во дворец английские сановники с бесстрастными лицами отводили взгляды, делая вид, будто не замечают спектакля, устроенного их соотечественницей.

Горожане, приходившие во дворец, чтобы принять участие в торжествах, собирались вокруг Мэри, удивленные тем, что мемсахиб пала так низко.

«Мы-то думали, что сахибы и мемсахиб не устраивают сцен, — шептались они. — Они не плачут даже на похоронах, лишь стоят столбом. У них даже губы не дрожат!»

«Но эта женщина — другая. Я могу понять ее горе. И сочувствую ее безумию. Когда у моего малыша жар не спадал два дня, я чуть с ума не сошла».

Сите говорили, что горожане тарасились на Мэри, пока доносившиеся с территории дворца звуки — счастливый детский визг, крики лоточников — и запах жареной еды и сладостей не становились слишком соблазнительными; тогда люди входили в ворота.

Мэри пыталась последовать за ними.

«Прошу вас! — молила она, хватая их за руки. — Возьмите меня с собой. Я просто хочу увидеть своего ребенка».

Тогда в дело вмешивались привратники. Один из них провожал смущенную, полную сочувствия семью внутрь, а другой загромождал Мэри путь.

Сита попросила служанку сообщать ей обо всем, что делает Мэри. Необходимо знать о каждом ее шаге, чтобы понимать, какую угрозу она представляет.

Поняв, что никто не воспринимает Мэри всерьез — ни ее соотечественники-англичане (Сита проследила, чтобы слухи о ее прошлом распространились: никто не станет общаться с опозоренной, разведенной женщиной, сошедшей с ума от горя), ни горожане, ни индийские сановники, — королева решила запереть ее в дальнем уголке своего сознания, там же, где она хранила чувство вины и угрызения совести, которые испытывала, видя, как ее муж воркует с мальчиком, которого считает своим сыном.

Джайдип сразу же вжился в роль отца. Он нянчился с ребенком и все время разговаривал с ним, к огромному удовольствию многочисленных ай.

— Этот малыш идеален, — сказал Джайдип, протягивая Сите ребенка. — Просто твоя копия.

Однако она отвернулась, не в силах смотреть на малыша, потому что видела в нем черты Мэри. Ситу преследовало выражение ужаса, отчаяния, ярости, тоски и мольбы, возникшее на лице Мэри, когда она осознала смысл ее слов.

Взгляд Джайдипа стал вопросительным. Одна из ай взяла ребенка, привычно укачивая его и напевая колыбельную.

— Я устала, — коротко сказала Сита и опять отвернулась.

Она не могла видеть смятение и разочарование на лице мужа.

— Я дам тебе отдохнуть, — сказал он.

Сита молча кивнула, в то время как ей хотелось кричать, проклиная богов, которые не дали ей собственного ребенка, из-за чего ей пришлось совершить то, что она совершила.

Почему мне не хочется брать его на руки? Почему я не могу его любить?

Любовь придет, когда я забуду, что это ребенок Мэри. Я должна об этом забыть.

Ему со мной лучше. Теперь я — его мать.

Глава 71

Мэри

Одинокий гибискус. 1937 год

Утром привратники снова сменились.

До Мэри донеслись утренние ароматы — кардамон, имбирь, кипяченое молоко, изюм и орехи кешью, жарящиеся в топленом масле. Прохладный ветерок принес запахи жасмина и календулы. Пристроившись за молочником, Мэри в очередной раз попыталась проникнуть во дворец, но безуспешно: привратники опять оказались слишком проворными.

Сидя на своей сумке, Мэри смотрела, как оживает дворец. Привратники принесли ей чай с чапати.

— Поешьте и уходите, мемсахиб.

— Я должна увидеть своего сына! — с мольбой произнесла она.

— Пожалуйста, мемсахиб! Неужели у вас нет родных, к которым вы могли бы отправиться?

Родные... Ей на глаза навернулись слезы, однако Мэри проглотила их вместе с куском чапати.

— Мои родные — это мой сын, и он — во дворце, — произнесла она, когда смогла говорить.

Жалость привратников была почти невыносимой. Но Мэри была готова на все, если это могло вернуть ей сына.

Она сидела под палящим солнцем, оглядываясь вокруг.

Среди грязи и камней, покрывавших неухоженную землю перед дворцовыми воротами, Мэри заметила увядавший на солнце гибискус. Возможно, когда-то ветер принес с территории дворца семечко, которое затем проросло. В те долгие часы, когда никто не входил во дворец и не выходил из него, Мэри ухаживала за цветком, прося у привратников воды. Она поливала гибискус, даря ему любовь, которой не могла дать своему ребенку. И опустившиеся листья ожили, потянувшись к солнцу.

Шли часы, и Мэри, глядя на запретные ворота дворца, начала понимать: возможно, на то, чтобы вернуть сына, у нее уйдет больше времени, чем она думала.

Но она не сдастся. Она продолжит свои попытки, пусть даже все верят королеве, а не ей. Как же их убедить?

И как добраться до Ситы?

Возможно, сидя у ворот дворца, она и не сможет вернуть себе сына, но это хотя бы давало ей шанс его увидеть. По крайней мере, она была рядом с ним.

У Мэри не было сил на то, чтобы уйти. Да и как она могла это сделать, если все, что она любила, все, что было важно для нее в этом мире — ее сын, — оставалось внутри дворца? Так близко и все же вне досягаемости.

Глава 72

Сита

Хорошие гены. 1937 год

— Церемония наречения моего внука должна быть еще более пышной, чем твоя свадьба, — с сияющим лицом заявила мать Ситы. — Это будет самое великолепное торжество в истории королевства.

При виде ее нескрываемой гордости и радости Сите захотелось, чтобы мать держала ее в детстве на руках так же легко и естественно, как ребенка, которого она считала своим внуком. А еще — самой держать его так же легко, как ее мать и муж.

— Ты ничего не делаешь спустя рукава, — сказала мать Ситы, легонько целуя малыша в лобик. — Ребенок, которого ты наконец произвела на свет, такой светленький и красивый. Его словно благословили боги.

Его действительно благословили боги, христианский и индуистские: они сделали так, чтобы наши с Мэри пути пересеклись — в детстве и сейчас, когда я отчаянно нуждаюсь в ребенке.

Именно этого не понимала Мэри — ее сыну суждено стать королем.

Перестань думать о Мэри. Ты научишься любить своего сына — да, своего, — лишь когда забудешь о ней.

Но о Мэри сложно было забыть. Она сидела у ворот дворца, не уходя оттуда даже ночью.

Почему она не примет моего совета и не вернется в Англию? Почему не прислушается к голосу разума и не смиритса со своей судьбой? Ее ведь щедро вознаградили, а ее сын со временем станет королем.

— У дворцовых ворот сидит женщина, утверждающая, что ты украла ее сына, — сказала королева-мать, придя проведать внука.

— С каких пор вы стали обращать внимание на безумцев, благословивших наше королевство своим существованием? — холодно спросила Сита.

— Я лишь задумалась, с чего бы ей говорить такое. Похоже, прежде она не проявляла признаков безумия.

— Могу заверить вас, что боль от утраты новорожденного ребенка может свести с ума кого угодно.

— Знаю. Я сама родила двух сыновей-близнецов.

Голос королевы-матери оставался резким.

Свекровь Ситы всмотрелась в лицо своего внука, который, завернутый в пеленки, лежал в украшенной бриллиантами колыбели — подарке восхищенного отца. В отличие от матери Ситы, сразу же взявшей ребенка на руки и не желавшей отходить от него ни на минуту, мать Джайдипа и не думала к нему прикасаться. В этом она была похожа на Ситу, которая не могла даже смотреть на малыша.

— Он очень бледный, не правда ли? Почти белый.

— У него хорошие гены, — ответила Сита.

Королева-мать оценивающе посмотрела на нее.

— Ты прекрасно выглядишь для женщины, у которой были тяжелые роды и которая несколько дней не выходила из своих покоев.

— Что я могу сказать? Мне уже лучше.

— Воистину.

Со всего королевства съезжались жрецы, чтобы благословить наследника престола. Со всех уголков Индии прибывали с подарками и наилучшими пожеланиями генералы и мудрецы, султаны и низамы, принцы и короли. Их размещали во дворце, стараясь исполнить каждое желание дорогих гостей. Поздравления прислал даже вице-король Индии.

Сита и Джайдип решили назвать ребенка Арджуном.

— «Арджун» означает «белый, чистый». Как цвет его кожи. Как же он чист!

Мужа Ситы переполняла гордость.

— Нет, я хочу назвать его Арджуном в честь героя-воина из «Махабхараты», — ответила Сита. — Я как раз читала отрывки из этого эпоса, когда к дому моего отца подъехала машина с королевским гербом — с предложением, которое навсегда изменило мою жизнь.

Глава 73

Мэри

Бдение. 1937 год

Проснувшись на пятый день своего бдения у ворот дворца, Мэри увидела на гибискусе бутон.

Это знак?

— Вот, — сказал привратник, ставя перед ней упму¹ и чай.

— Мэри! — услышала она голос.

Чувствуя возбуждение и надежду, Мэри подняла взгляд. Возможно ли?..

Однако голос донесся не из дворца, а из остановившейся рядом с ней кареты. Это была сестра Кэтрин.

Монахиня обняла ее, и Мэри всхлипнула.

— Мы только что обо всем узнали. Сестрам из приюта понадобилось несколько дней, чтобы сообщить нам об этом, а нам самим — еще несколько дней на то, чтобы найти тебя.

— Королева забрала моего сына.

В глазах сестры Кэтрин не было недоверия и жалости, лишь сочувствие и любовь.

— Возвращайся в школу. Твоя комната ждет тебя.

— Но я... я думала, что моя работа...

Сестра Кэтрин покраснела.

И тогда Мэри поняла. Они, как и монахини в приюте, считали, что ее сына украла служанка и его уже не вернуть.

¹ Традиционная для индийской кухни разновидность манной каши.

Они не верили ей. Никто не верил. Мэри беспомощно осела на землю.

— Дети... — начала сестра Кэтрин.

Мэри с надеждой посмотрела на нее.

— Мой сын?

Сестра Кэтрин покраснела еще сильнее.

— Девочки, которых ты учила, скучают по тебе. Они ждут, с надеждой всматриваясь в каждую посетительницу.

«Ждут, как все это время ждала я, — подумала Мэри. — Ждала пять дней, но так и не увидела своего сына».

— Я никуда не уйду без своего ребенка.

— Мэри...

— Я не могу его покинуть.

— Ты никого не покинешь. Ты будешь на окраине городка и, если хочешь, сможешь приходить сюда каждый вечер.

— Но мой сын...

— Мэри, если ты будешь продолжать так и дальше, то прослывешь сумасшедшей...

— Вот, значит, что обо мне говорят?

— Да. Именно поэтому мы так долго не могли тебя найти. Нам сложно было связать «безумную белую мемсахиб» с Мэри, которую мы знали.

— О.

— Упорствуя, ты никому не поможешь. И рано или поздно король примет меры.

— Этого я и хочу.

Глаза сестры Кэтрин вспыхнули.

— Ты хочешь томиться в тюрьме?

— В тюрьме должна сидеть королева Сита — за то, что украла моего ребенка.

— Тише! — взволнованно сказала сестра Кэтрин. — Нельзя так говорить.

— Вы мне верите?

— Ты мне небезразлична, Мэри. Всем нам.

Она уклонилась от ответа.

— Прошу тебя, возвращайся. Ты нужна детям.

Я нужна своему сыну. А он нужен мне.

Привратникам было жаль ее, но они не впустят ее во дворец. У меня нет плана. Во дворец мне не попасть. А мой сын сейчас в безопасности — насколько это возможно, оказавшись в руках у воровки.

Сита хочет, чтобы я уехала в Англию. Она считает, что я покорно смирюсь с тем, что она сделала, как тогда, когда она присвоила книгу «Ветер в ивах», подаренную мне на день рождения. В тот раз я не смогла ничего доказать. Как и сейчас. Я не могу жить у ворот дворца... но далеко я не уйду. Я останусь в школе и не позволю Сите забыть обо мне и о совершенном ею преступлении. Еще одна мать ее ребенка. Моего ребенка.

Я люблю тебя, сынок, и буду ждать столько, сколько понадобится.

Мэри взглянула на бутон гибискуса, этот символ надежды. Багровый, как пронзенное сердце.

Она поблагодарила привратников и уехала с монахиней, оглядываясь на дворец, в котором остался ее новорожденный сын.

Глава 74

Сита

Уважение. 1937 год

Сита смотрела на мужа и на ребенка, которого он считал своим сыном и которого держал на руках так непринужденно. На лице Джайдипа читались гордость и безусловная любовь.

Мои родители никогда ко мне так не относились. Их любовь — если это вообще можно назвать любовью — всегда имела оговорки. Они стали проявлять ее лишь тогда, когда ко мне посватался принц и я стала будущей королевой.

За прошедшие дни Сите несколько раз хотелось вернуть ребенка, к которому она не могла прикасаться. У нее не было сил взглянуть на его убитую горем мать, сидевшую у ворот дворца. Но каждый раз Сита отступала, чувствуя себя еще более несвободной, чем раньше.

Я сделала это ради власти, ради уважения. Сделала потому, что хотела, чтобы мои родители продолжали восхищаться и гордиться мной. Ведь если бы они любили меня так же, как Джайдип любит ребенка, которого считает своим, так же, как его любит Мэри, они бы все равно продолжали любить меня, даже узнав, что я лгунья, мошенница, готовая на все, чтобы получить желаемое, — даже украсть ребенка у своей подруги.

Мысль о том, что причиной ее поступка стало желание сохранить призрачное одобрение родителей, наполнила Ситу отчаянием. Когда-то она бросала им вызов ради того, чтобы привлечь их внимание. Но теперь Сита научилась дипломатии, которую так ценила ее мать; научилась лгать, не краснея, похищать детей у других женщин и с улыбкой на лице выдавать их за своих.

«Единственная по-настоящему ценная вещь, которая у меня была, — подумала она, глядя, как Джайдип, уже не пытавшийся убедить ее взять ребенка на руки, передает его одной из ай и выходит, даже не прикоснувшись к Сите, — это любовь моего мужа, но теперь я, желая сохранить свой королевский статус и эфемерные любовь и одобрение своих родителей, теряю и ее».

Сита опустила на кровать и закрыла глаза. Она ужасно устала.

— Махарани, следует ли мне... — начала служанка.

— Уходи! — закричала Сита с такой яростью, что служанка отпрянула, а лежавший в колыбели в другом конце комнаты ребенок (которого она похитила и который привязывал ее ко всему этому) заплакал.

Глава 75

Мэри

Любовь. 1937—1938 годы

— С возвращением! — воскликнули дети в школе. — Мы скучали по вашим историям и играм, в которые вы с нами играли.

Монахини окружили Мэри теплом; они, как всегда, были добры и пытались ее утешить.

Работа в школе помогала Мэри сдерживать тоску по сыну, но по ночам женщина задыхалась, выдумывая все более и более сложные планы, которые позволили бы ей проникнуть во дворец и вернуть сына. По утрам ее подушка была мокрой от слез. Не выспавшаяся, убитая горем, измученная Мэри вставала на нетвердые ноги. Мысль о еще одном дне без сына казалась ей невыносимой. Но затем она думала: «Он жив. И находится неподалеку. Я должна быть сильной. Ради него я должна держаться, чтобы быть готовой, когда представится возможность вернуть его».

В каждом ребенке, которого учила Мэри, она видела своего малыша. Она делилась с детьми любовью, которую хранила для своего сына, заботилась о них, поскольку не могла заботиться о нем.

Со временем благодаря любви монахинь и детей душевная рана Мэри хоть и не зажила, но зарубцевалась.

Мэри отправила множество писем индийским и даже английским юристам, но никто не хотел браться за это дело. Ей просто не верили.

Она обратилась к британскому резиденту с просьбой об аудиенции. Он ей не ответил. Мэри написала ему о том, как с ней поступили. Ответа все так же не было. Она отправилась в главный город региона и побывала там в судах и адвокатских конторах, посетила даже британского резидента, но никто не хотел ее слушать. А даже если кто-то и удостоивал ее вниманием, Мэри переставали слушать, стоило ей перейти к рассказу о том, как королева, пригласив ее во дворец, потребовала у нее ребенка.

В школу Мэри вернулась усталой, но ее решимость лишь окрепла. Она не сдастся, пока снова не возьмет своего малыша на руки.

— Оставь это дитя, — говорили ей монахини.

— Разве я могу не бороться за своего сына?

Но хотя монахини и не верили Мэри, они молились за нее. И она сама тоже молилась. В часовне. В школьном саду, о котором заботилась. Под манго, глядя на играющих детей. В классе, пока ученики выполняли задания, которые она им давала.

Однажды на выходных, отправившись в главный город региона, Мэри дежурила у офиса британского резидента. Она бывала там каждую неделю. Это продолжалось уже два месяца, и резидент наконец согласился с ней увидеться.

Он выслушал историю Мэри, не выражая никаких эмоций. Единственным, что указывало на то, что резидент хоть что-то чувствует, был мускул, время от времени дергавшийся на его челюсти. Он не отвел взгляда даже тогда, когда Мэри сказала, что королева украла ее сына, и описала, как было организовано похищение из приюта.

Когда она закончила, резидент холодно посмотрел на нее.

— Вы говорите, что были вместе с королевой, когда вашего сына забрали из приюта, расположенного на другом берегу озера.

— Да, но она вызвала меня туда, чтобы сказать...

— Значит, лично королева вашего ребенка не крада. Она пригласила вас во дворец, и, пока вы были там, кто-то забрал вашего сына.

— Это сделала *она*. Она приказала служанке...

— Вы не можете доказать ни одно из этих нелепых обвинений в адрес королевы. Наши отношения с королевской семьей идут на пользу обеим сторонам, и мы хотим, чтобы так было и дальше. Даже если — и это очень большое «если» — вы говорите правду, разве вашему сыну не лучше с королевой, чем с вами, разведенной, опозоренной женщиной? — Резидент вздохнул. — Возвращайтесь в школу, мисс Бригам. Постарайтесь оставить прошлое позади.

Как будто это было так легко.

— Вы не... — начала Мэри.

— Я услышал уже достаточно, мисс Бригам. Не повторяйтесь.

На глаза Мэри навернулись слезы. Моргнув, она вышла из помещения с высоко поднятой головой. У нее в ушах эхом отдавались два произнесенных резидентом слова: «ваш сын».

Мой сын. Мой!

В этом и была загвоздка: ей никто не верил, но даже если люди и были склонны поверить в ее рассказ, они считали, что ее сыну лучше с Ситой. Как они могли решать, что лучше для ее сына? Кто дал Сите право отбирать у Мэри ребенка просто потому, что она посчитала, что с ней ему будет лучше?

Каждый вечер, когда дети расходились по домам, а монахини отправлялись на молитву, Мэри проходила милю до центра города и еще милю — вверх по холму, до дворца.

В первый такой вечер ее поприветствовал красный гибискус, улыбаясь ей с того места, где она дежурила несколько дней подряд.

Привратники тоже приветствовали Мэри как старые друзья и угостили ее чаем со специями.

— Вы видели моего сына? — спрашивала их она.

Привратники краснели, отводя взгляды.

«Ты больше не похожа на грязную и изможденную сумасшедшую, — читала она в их глазах. — Ты опрятно, хорошо одета. Но ты все так же не можешь избавиться от своей безумной идеи». Однако Мэри было все равно. Какая разница, что о ней подумают, если самый дорогой ей человек находится во дворце?

— Его выносили? Королева его выносила?

— Нет, мемсахиб.

Потягивая чай, привратники все так же избегали встречаться с ней взглядами.

— О, — произнесла Мэри. — У тебя есть дети, Суреш? А у тебя, Раджу?

Она болтала с привратниками, продолжая ухаживать за веселым гибискусом, который с каждым днем становился все

красивее, несмотря на суровые условия. Ему была нужна лишь любовь.

На протяжении нескольких месяцев Мэри ходила к дворцу каждый вечер. Ее не пускали внутрь, ей не позволяли увидеться с сыном, но она ухаживала за гибискусом и сажала цветы, принесенные из школы. Вскоре участок, ставший местом ее бдения и тоски по сыну, превратился в сад.

Иногда, ухаживая за ним, Мэри размышляла о Чарльзе.

Я обманула Чарльза, выйдя за него замуж, потому что хотела дать своему сыну законный статус. Я использовала его.

Сита поступила со мной точно так же. Ей были безразличны мои чувства. Она думала лишь о том, что так будет лучше для нее и моего ребенка.

«Я заслуживаю того, что со мной произошло, — думала Мэри, вырывая сорняки из твердой сухой земли. — Это карма».

На день рождения сына Мэри посадила в своем саду у дворцовых ворот вьющиеся розы и бугенвиллею. Женщина надеялась, что со временем растения поднимутся по стене и спустятся с другой стороны. Пусть ее и не пускали во дворец, но яркие цветы, которые она посадила, проберутся внутрь, став своего рода тайным посланием для ее сына — от матери, существование которой тоже было для него тайной.

Глава 76

Сита

Бессонница. 1938 год

Чувство вины, терзавшее Ситу, обернулось бессонницей. Ночами она бродила по дворцу, неизменно останавливалась у комнаты сына и, прислонившись к двери затылком, ожидала чего-то во тьме. Лишь там Сита находила спасение от угрызений

совести, которая ночью представляла перед ней в виде женской фигуры — подруги ее детства и матери ее ребенка.

Эта женщина. Та, которую Сита хотела забыть, но которая не позволяла ей этого сделать. Она по-прежнему работала учительницей — в школе, которую *Сита* основала для девочек королевства. В школе, куда приехала из Англии Мэри, благодаря которой у королевства появился наследник.

Когда Мэри, уже покинувшая свой пост у ворот дворца (где ждала во время торжеств по случаю наречения Арджуна и успела стать жутковатой достопримечательностью), вновь вернулась, Сита попыталась добиться, чтобы ее уволили.

Она вызвала во дворец мать Рут.

«Полагаю, женщина, которая утверждает, будто я украла ее сына, работает в школе учительницей, — сказала Сита монахине. — Разумно ли позволять сумасшедшей находиться рядом с детьми?»

Ее слова заставили мать Рут вздрогнуть, но затем она, тут же взяв себя в руки, улыбнулась.

«Когда ее ребенка... когда она потеряла своего ребенка, ее рассудок временно помутился от горя».

Эти слова заставили Ситу задуматься. Мать Рут запнулась после слова «ребенок». Она что, поверила Мэри?

У тебя паранойя.

«Теперь с ней все в полном порядке. Она — великолепная учительница. Девочки ее любят».

«Тем не менее я не хочу, чтобы сумасшедшая учила детей в одной из наших школ».

«Доктор Кумар осмотрел ее и заключил, что она совершенно здорова, ваше величество».

«Он психиатр?»

«Нет, но...»

«Что ж, тогда избавьтесь от нее».

«При всем уважении к вам, ваше величество, мы отчаянно нуждаемся в Мэри. Через пару месяцев сестры Хильда и Тереза покидают школу и возвращаются в Англию. Это означает, что останемся лишь я, сестра Кэтрин и Мэри. Поиск новой

учительницы займет несколько месяцев. А у Мэри недавно появились деньги, которые она вложила в школу, так что вам не придется финансировать нас еще по меньшей мере год».

Едва сдерживая досаду и гнев, Сита сказала матери Рут, что она может быть свободна. Мэри купила себе место в школе на деньги, которые королева дала ей для того, чтобы она начала новую жизнь в Англии. Она как будто смеялась над Ситой, изо всех сил стараясь создать ей неудобства. Последнее слово было за королем, а он не согласится прогнать Мэри, как бы Сита его ни упрашивала, — раньше ее уговоры действовали на него, но сейчас на это рассчитывать не приходилось. Теперь, приходя к сыну, король даже не заглядывал к жене. Единственная по-настоящему ценная вещь в ее жизни, любовь Джайдипа, ее мужа, который всегда видел в ней только хорошее и действительно сделал ее лучше, чем она была прежде, умерла, когда он понял, что Сита не хочет брать на руки их сына, не хочет быть ему матерью.

И хотя он по-прежнему соглашался с женой, когда видел, что она права, в этом случае ей не удалось бы доказать, что ее предложение имеет хоть какой-то смысл. Вдобавок, если бы Сита начала настаивать на увольнении Мэри, Джайдип задумался бы, почему она так отчаянно желает от нее избавиться. А королеве не хотелось привлекать внимание к Мэри. Она и так уже стала темой многочисленных пересудов, устроив сцену у ворот дворца во время торжеств по случаю наречения наследника. Сите совершенно ни к чему, чтобы ее муж и тем более его мать начали расспрашивать о Мэри и о тех диких обвинениях, которыми она бросалась, пытаясь проникнуть во дворец.

Глава 77

Мэри

Счастье. 1939 год

От доктора Кумара Мэри услышала, что Чарльз вновь женился и переезжает в Англию. Его жена ждет ребенка.

Именно тогда чувство вины, терзавшее Мэри, покинуло ее.

«Ты заслуживаешь счастья, Чарльз, — подумала она. — Прости меня за то, что я сделала. Я всегда буду об этом жалеть».

Когда сыну Мэри исполнилось два года, по городу прошла процессия, похожая на ту, во время которой она впервые увидела Ситу. Мэри тогда упала в обморок, и люди объявили это знаком.

Нужно было прислушаться к их словам.

Но откуда я могла знать?..

Именно тогда Мэри впервые увидела своего сына после похищения. Он сидел между королем и королевой в позолоченном, украшенном драгоценными камнями паланкине, установленном на спине нарядного слона. Малыш, которого она держала на руках, обещая защищать его, который сосал ее грудь, чьи крошечные пальчики на руках и ногах Мэри считала и целовала, на которого она смотрела ошеломленными, полными благоговения глазами и который зачаровывал ее одним своим видом, превратился в красивого маленького крепыша.

У Мэри перехватило дыхание. Он был идеальным. Бесценным. И она никак не могла его вернуть.

А еще он выглядел счастливым.

На нем была великолепная одежда; сидя между людьми, которых он считал своими родителями, и приветствуя восторженную толпу, мальчик выглядел воистину по-королевски.

Горожане восторженно вздыхали:

— Маленький принц! Какой же он славный и как похож на мать!

«Я его мать!» — хотелось крикнуть Мэри.

Но видя, что ее сын, сидя на слоне между королем и королевой, чувствует себя очень уверенно, видя, как смягчается лицо короля, когда он смотрит на мальчика, которого считает своим сыном, Мэри поняла, что этот ребенок потерян для нее.

Даже если она вернет его прямо сейчас, будет ли он счастлив? Захочет ли жить с ней, уже успев привыкнуть к роскоши,

к тому, что он получает все, что хочет, к подобострастному отношению подданных? Он был обожаемым единственным сыном королевской четы. Его растили для того, чтобы править. Ему суждено было стать королем.

Он больше не был ее сыном.

Сита победила.

Королева словно прочла ее мысли. Ее царственный взгляд скользнул по толпе; при виде Мэри глаза Ситы расширились. Затем она надменно улыбнулась, словно говоря: «Взгляни, что у него есть. Взгляни на эту раболепную толпу. Взгляни на то, что я могу ему дать».

Однако Мэри выдержала ее взгляд и улыбнулась в ответ.

«Возможно, ты и отняла у меня сына, — говорила ее улыбка. — Но ты не заставишь меня покориться твоей воле. Я буду здесь каждый год, буду смотреть, как мой сын участвует в процессии по случаю праздника, устроенного в честь дня его рождения, на сутки позже того дня, когда он родился на самом деле. И каждый вечер я буду подниматься к воротам дворца, чтобы ухаживать за садом, который я там разбила. Тебе от меня не избавиться».

Королева словно услышала каждое слово безмолвной клятвы Мэри. Ее лицо вытянулось, и она отвела взгляд.

Глава 78

Сита

Обещание. 1960 год

«Я научусь любить тебя, Арджун, — поклялась Сита спящему ребенку на церемонии его наречения, пока жрецы пели мантры. — Защищу то, что ты должен унаследовать, — это королевство. Я заполучила его для тебя, а значит, и для себя самой. Я буду оберегать его всеми силами».

И все последующие годы — годы, когда Индия получила независимость от Британии, королевство, ради удержания

власти над которым Сита лгала, стало частью независимого индийского государства, а она сама и ее супруг постепенно лишились могущества и богатства, — она была верна этой клятве.

Сита научилась любить своего сына, пусть и на расстоянии. Она все еще не могла к нему прикоснуться. Он же, в свою очередь, научился не обнимать ее и подбегал не к ней, а к отцу. Лицо мальчика вытягивалось, а губы дрожали от обиды, когда Сита шарахалась от него, когда она отворачивалась, видя, что он, плача, прибежал к ней с разбитыми коленками; в такие моменты Джайдип смотрел на жену так, словно она была чужим человеком, почти с отвращением.

Она же пыталась подавить отвращение, которое вызывала в ней застенчивость сына, его мягкость. Его боязнь новизны. Робость, которую он проявлял. Сита старалась не видеть в нем его мать.

Его мать... Это она, *Сита*, была его матерью.

Но Мэри всегда была рядом с ними.

Словно заноза, она напоминала о себе.

Монахини уже вернулись в Англию: мать Рут и сестра Кэтрин уехали, когда Индия обрела независимость. И теперь школой, которую — о ирония судьбы! — основала Сита и которую, как и все королевство, после обретения Индией независимости взяло под контроль правительство страны, управляла Мэри. Сите, по-прежнему следившей за Мэри, было известно, что ее бывшей подруге предоставили полную свободу в организации учебного процесса. Но на этом она, разумеется, не остановилась. Мэри убедила правительство открыть рядом со школой сиротский приют. Управлять им ей помогали местные жительницы: многих из них она учила в детстве. Мэри стала незамеченной, и Ситу это раздражало, ведь она сама, даже когда у нее была власть, не смогла сделать то, чего ей хотелось больше всего на свете, — избавиться от женщины, которая напоминала ей о поступке, о котором Сите хотелось забыть, от женщины, одно лишь присутствие которой мешало ей поверить в то, что этот ребенок — королевский сын.

И в довершение всего Мэри заявила свои права на участок у ворот дворца и разбила там сад. Яркие цветы словно смеялись над Ситой, спрашивая ее: «Ну что, оно того стоило?»

Когда Сита поняла, *что* именно делает Мэри, она пришла в ярость.

— Она не имеет права забрать себе кусок земли и что-то на нем выращивать!

— А почему? — холодно спросил Джайдип. — Она создает нечто прекрасное. И никому не причиняет вреда.

Сита не хотела, чтобы ее муж или его мать — которая совала нос в каждую интригу, связанную с ее невесткой, — задумались, почему ее так интересует Мэри. Поэтому ей пришлось смириться с тем, что делала ее бывшая подруга.

Однако каждый раз, покидая территорию дворца, Сита закрывала глаза. Она не хотела смотреть на сад, ведь росшие там буйные цветы были для нее подобны обвинению.

— Ма, ты должна смотреть на эти цветы, а не отворачиваться от них. Они такие красивые. Почему они не растут возле дворца? — спросил однажды ее сын.

Сита прикусила губу до крови.

— Возле дворца цветы красивее, — сумела через мгновение произнести она.

Ее голос был напряженным.

Арджун, который был таким же восприимчивым, как Мэри в детстве, никогда больше не говорил с Ситой о цветах в саду за воротами.

Сита и ее муж отделились друг от друга еще больше; теперь они жили в разных крыльях дворца. Слуги у них тоже были разные. Сита занимала восточное крыло, которое отняла у свекрови много лет назад, а Джайдип — западное.

Королева-мать превратилась в дряхлую, злобную, ворчливую старуху (что не стало такой уж неожиданностью) и умерла.

Родители Ситы скончались от сердечного приступа. Брат Кишан осел с семьей в Нью-Йорке.

Сита перестала посещать Озерный дворец. Ее сын обожал это место, но Сите находиться там было невыносимо, поэтому она возила его в Лондон, Париж — куда угодно, лишь бы не туда.

Арджун вырос спокойным, мягким, но в то же время решительным мальчиком. Он был очень близок с отцом, но от матери держался на расстоянии и был в ее присутствии сдержанным и настороженным.

Для Ситы управление королевством стало делом всей ее жизни, потому что из-за спорных решений и чувства вины, становившегося комом в горле каждый раз, когда она ела, ничего другого у нее не оставалось. Даже когда индийское правительство перестало признавать княжества и ликвидировало монархические образования на территории страны, Сита продолжала яростно цепляться за королевство, которого больше не существовало.

Сите не спалось, и она бродила ночами по коридорам дворца. Единственным местом, где она находила успокоение, был вход в комнату ее сына. Но даже там, прислонившись затылком к двери, она продолжала слышать голос Мэри: «Если бы ты знала, что через десять лет после того, как ты украла моего сына, Индия обретет независимость и от твоего королевского статуса останется одно лишь название, ты поступила бы иначе?»

«Уходи, Мэри, — устало отвечала Сита голосу в своей голове. — Перестань меня терзать. У Арджуна хорошая жизнь, жизнь, которой у него не было бы, если бы он остался с тобой. Он счастлив. Ни в чем не нуждается. Я не допускаю мысли о другой жизни, жизни без него».

«Я тоже, — насмехалась над ней Мэри. — Но ты не оставила мне выбора. Он никогда не будет твоим. Он мой. Мой».

Вздрыгнув, Сита приходила в себя. Хватая воздух ртом, она осторожно открывала дверь, чтобы убедиться, что ее сын там, и, увидев его лежащим на кровати, вновь ее закрывала.

— Дядя Правин предложил мне работать в его компании, — сообщил ее сын. — Я буду одним из управляющих, как мои кузены.

Сита в ужасе уставилась на него, не желая верить своим ушам.

Брат-близнец Джайдипа, Правин, его жена и их дети — трое крепких мальчишек — переехали в Бангалор, чтобы быть поближе к родителям Латы. После того как Индия обрела независимость, Джайдип начал торговать джутом, и его бизнес оказался очень успешным.

— Баба́ дал мне свое благословение, — продолжил Арджун.

Он встретился с Ситой взглядом, и в его глазах читались одновременно страх и вызов — свидетельство того, что у него тоже был внутренний стержень, который продемонстрировала Мэри, когда, глядя себя по животу, сказала Сите, что намерена оставить ребенка.

— Я думала, ты собираешься баллотироваться на выборах и управлять королевством, как отец, — резко ответила Сита, желая скрыть досаду.

— Нет никакого королевства, ма.

Голос ее сына звучал одновременно спокойно и разочарованно. Он словно говорил со старухой, несущей бред.

— Это наше королевство, и никто не убедит меня в обратном! — крикнула Сита.

Арджун вздохнул.

— Я никуда не уезжаю, — примирительным тоном произнес он.

— Мы члены королевской семьи, и нам не положено работать. Наш долг — управлять своими подданными.

Словно не услышав ее слов, сын продолжил:

— Я возглавлю представительство компании дяди Правина в этом штате.

Сита отвернулась, признавая, что, проигрывая деверю битву за сына, которого она присвоила именно ради того, чтобы не позволить ему захватить власть в королевстве, она получает

по заслугам. Правину пришлось долго ждать, чтобы ей отомстить, но его час наконец настал.

Глава 79

Прия

Наследие. 2000 год

— Ты слишком худая, тебя нужно покормить, — засопела бабушка Сита.

Впрочем, ее взгляд был мягким. Она не могла наглядеться на Прию.

Бабушка изо всех сил старалась делать вид, будто все нормально, однако она стала лишь бледной тенью той крикливой властной женщины, которой была раньше. Прия мысленно поблагодарила отца за то, что он уговорил ее приехать в Индию.

Когда отец сказал, что бабушка умирает, Прия ему не поверила. Ее дадима всегда была чрезвычайно сильной. Даже смерть должна была испугаться ее железной воли — так же, как боялись все, кому доводилось иметь дело с бабушкой Прии.

Но теперь Прия убедилась в том, что отец говорил правду. Это причиняло ей боль, но в то же время отрезвляло.

Прия с бабушкой ехали в такси к дворцу, который когда-то принадлежал их семье. Отец отправился в свой офис, расположенный в главном городе региона, чтобы изучить отчеты. «Я присоединюсь к вам вечером, — сказал он. — Хочу убедиться, что в Нью-Йорке в мое отсутствие ничего не случилось».

Остановиться во дворце было его идеей.

«Твоя бабушка так никогда и не смирилась с тем, что нам пришлось продать ее дом... — размышлял он вслух, покупая билеты. — Что, если мы сделаем так, чтобы она остановилась в тех комнатах дворца, где когда-то жила?»

«Думаешь, ей это понравится?»

Отец пожал плечами.

«Кто знает? Я никогда не умел читать мысли твоей бабушки и понимать ее настроение».

«Это красивый жест, баба́. Уверена, она его оценит».

— Надеюсь, они сохранили его дух, — сопела бабушка Прии, когда они приближались к городку, которым она правила в недалеком прошлом. — Это было одним из условий продажи.

В ее голосе слышались язвительность и презрение.

Прия внезапно поняла, что бабушка говорит это, чтобы скрыть свою нервозность. Дадима боялась, что дворец изменился до неузнаваемости. В другое время Прию разозлил бы резкий тон бабушки, но теперь боль, которую она испытывала из-за рухнувшего брака, открыла ей глаза на эмоции, которые старая женщина пыталась скрыть за раздражительностью. Прия похлопала бы бабушку по руке, если бы ее дадима нормально реагировала на подобные проявления чувств. Но она была сварливой старухой, и этот жест со стороны внучки заставил бы ее заподозрить неладное, что привело бы к расспросам.

А Прия этого не хотела.

Категоричных суждений бабушки она бы просто не выдержала. Дадима отговаривала ее выходить замуж за Джейкоба, и мысль о том, что она будет злорадствовать, казалась Прие невыносимой.

А это, несмотря на болезнь дадимы, было бы неизбежно.

Такси ехало вверх по холму. Их взглядам предстал дворец, такой же великолепный, роскошный, недоступный, как и всегда.

Когда Прия рассказывала друзьям о своем детстве, они воскликали: «Ух ты, как же тебе повезло!» Они ничего не понимали, но Прие не хотелось вызвать у них недоумение жалобами на детство, проведенное в роскоши. Однако правда заключалась в том, что она чувствовала себя очень одинокой в этих грустных ветшавших комнатах, полных потускневшего великолепия, покрытой паутиной славы и призраков прошлого...

Они шли через городской сад, разбитый перед дворцовыми воротами. Буйство красок, настоящий калейдоскоп цветов. Смеющиеся дети. Семьи, выбравшиеся на пикник.

Этот сад всегда был веселым и немного диким. После него сады на территории дворца казались унылыми. Они были слишком идеальны. Слишком однообразны.

Возможно, именно поэтому, когда психолог спросил Прию о месте, где она чувствовала себя счастливой, женщина подумала именно об этом саде. Его разнородная, радужная красота ассоциировалась у нее со счастьем.

На одной из скамеек сидела старая женщина. Ее лицо показалось Прие смутно знакомым. Женщина смотрела на дворец.

— Это... — начала было Прия, но дадима оборвала ее.

— Ты можешь в это поверить?! — воскликнула она.

Бабушка глядела прямо перед собой, сидя совершенно неподвижно. При виде дворца ее старое больное тело напряглось. Казалось, от ее взгляда не мог ускользнуть ни один уголок, ни одна трещина. Проехав через открывшиеся ворота, такси покатило по длинной широкой подъездной дороге, с двух сторон которой тянулись газоны.

— Они выкрасили его в белый цвет!

Бабушка произнесла слово «белый» таким тоном, словно речь шла о худшем из преступлений.

— А разве раньше он не был белым? — отважилась спросить Прия.

— Он был кремовым, — резко ответила бабушка. — Розовато-кремовый цвет рассвета на исходе ночи.

— Дворец разбудил в тебе поэтическое вдохновение, дадима, — сказала Прия, стараясь, чтобы ее голос звучал беззаботно.

— Это был мой дом, — прошипела бабушка. — А они его разрушили.

Она продолжала фыркать, пока ее и Прию провожали в большое элегантное фойе, где им предложили сок зеленых манго и бурфи, завернутые в креповую бумагу.

— Все поддельное. Дешевые безделушки. Где антиквариат, который был у нас?

Прия закусил губу. Бабушка уже утомила ее. Как и сама жизнь. Прие хотелось войти в свою комнату, закрыть дверь, задернуть шторы и уснуть. Забыться.

— Прошу вас, пойдёмте, — сказала безупречно одетая женщина с идеальным произношением.

— Я знаю дорогу, спасибо. Когда-то этот дворец был моим, — с царственным видом ответила бабушка. — Меня проводит моя служанка.

Разумеется, она взяла с собой служанку. Единственную, оставшуюся у нее после того, как дадима покинула дворец.

— Убранство просто нелепое. Претенциозное и вульгарное. Они лишили это место его духа, — вздохнула бабушка, когда они оказались в восточном крыле. — Но твой отец хотя бы зарезервировал апартаменты. Это уже что-то.

— Я знаю, что быть худой сейчас модно, но честное слово, Прия, ты зашла слишком далеко. Ты что, вообще ничего не ешь?

Бабушка расположилась на диване, глядя на бассейн. Тут не было никого, кроме них. Они пили чай во внутреннем дворике восточного крыла. Шиканджви¹ и чай со специями, чармури² и чаат³, пакоры и джалеби⁴. Впрочем, бабушка ко всему этому даже не прикоснулась.

Прию шокировало то, как осунулось ее лицо. Дадиму словно покидала жизнь.

По спокойной поверхности бассейна с фонтанами и маленьким святилищем в центре плавали лилии.

Настоящий рай — внутренний дворик — вел в восточное крыло дворца. Дворца, в котором они все когда-то жили. Бабушка занимала восточное крыло, а Прия, ее родители и дедушка, когда он был еще жив, — западное.

Прия легла на свежую траву под пальмой, опустив ноги в ласковую воду. Сейчас она была далеко от Джейкоба и его беременной любовницы. Чтобы справиться с печалью, Прия

¹ Традиционный индийский лимонад.

² Индийская закуска из воздушного риса с луком, специями и перцем.

³ Индийская закуска из жареного теста с различными специями и соусами.

⁴ Индийский десерт, представляющий собой нити из пшеничного теста, жаренные во фритюре из топленого масла и политые сахарным сиропом.

прикусила губу и сжимала зубы до тех пор, пока не ощутила солоноватый вкус.

Она была измотана — и путешествием, и попытками скрыть свою досаду от бабушки. Старая женщина тоже пыталась казаться такой же, какой была до болезни, но Прия видела, с каким трудом ей это удается.

Бабушка знала, что ее внучка и сын приехали потому, что она умирает, хоть она никогда бы и не призналась в том, что сама намекнула им на это, пусть и в привычной для себя надменной, властной манере.

— Наследие правителей королевства превратилось в гостиницу для туристов... — выплюнула дадима с презрением, делая ударение на слове «туристов».

Прия взглянула на отливавшее золотом белое небо.

— Мы уже давно перестали быть правителями, дадима.

— В глазах государства — возможно, но люди по-прежнему смотрят на нас. А твой дедушка оставался правителем в полном смысле этого слова, пока не подал в отставку. Но твой отец не захотел баллотироваться, предпочтя вместо этого работать на своего дядю. Насмешка и эгоизм! И где мы теперь? Гостим в собственной резиденции!

— Баба предлагал деньги, чтобы спасти дворцы.

— Я отказываюсь брать даже пайсу¹ из денег твоего двоюродного деда! — сердито рявкнула бабушка Прии.

— Это деньги, которые баба заработал, трудясь в поте лица!

Ну почему, когда она остается с бабушкой, они уже через пару минут начинают ссориться? Впрочем, то, что здесь ничего не изменилось, утешало. Бабушка Прии превратилась в бледную тень самой себя, но ее язык был таким же острым, как и раньше. Да к тому же за несколько минут их разговора Прия ни разу не подумала о Джейкобе.

— Озерный дворец, как и этот, стал частью сети отелей!

Словосочетание «сети отелей» бабушка произнесла так, словно говорила о мусоре, гниющем на помойке.

¹ Разменная монета в Индии, Пакистане, Непале и Бангладеш (*Примеч. ред.*).

— Они вполне сносно его отреставрировали...

Дадима выпрямилась и сверкнула на Прию глазами.

— Это было нашим наследием. И твоим тоже.

Голос старой женщины был суровым. В ее словах слышалась фиолетовая ностальгия.

Прия заметила на ее лице новые морщины. Ее дадима выглядела дряхлой. А ведь раньше Прия даже подумать не могла, что это слово применимо к ее неукротимой бабушке.

От этой мысли ее охватила печаль — о дадимае, о собственном рухнувшем браке, о своем пустом лоне, о неумолимом течении времени.

— Я устала, — сказала бабушка. — Пойду отдохну.

Служанка повела ее прочь, поддерживая тело, ставшее чрезвычайно легким.

Прия бродила по дворцу, в котором знала каждый уголок: в детстве она исследовала их все. И ее никогда не покидало ощущение, будто эти обветшалые, отдававшие плесенью комнаты населяют призраки. Она была одиноким ребенком, блуждавшим по огромным безлюдным залам, забитым древностями, свидетельствами былого величия, лишь усиливавшими ощущение одиночества и запустения. Прие казалось, что она слышит крики похороненных там фантомов.

Теперь все это ветшающее великолепие, холод древних призраков и прошедших жизней, скрывавшийся в отслаивающихся обоях, затхлый запах масла, специй и давно отгремевших пиров, исходивший от многочисленных картин, и ковры, истоптанные ногами бесчисленных правителей, их подданных и слуг, сменила сверкающая вычурная мебель. Возможно, дворец и утратил свой дух, но вместе с ним исчезли и призраки, леденящий воздух, напоенный потусторонним дыханием призраков прошлых поколений, чей шепот преследовал Прию, требуя возродить былое величие.

В зеркальных ширмах она видела женщину со впалыми щеками и опухшими глазами, окруженными тенями, которая держалась из последних сил.

В своих документальных фильмах Прия осуждала женщин, привыкших полагаться на мужчин и больше всего боявшихся самостоятельной жизни.

Я ничем не лучше их.

Когда женщины, у которых она брала интервью, говорили, что они не знают, как жить без мужчины, Прия отвечала им беспечно: «Так научитесь. Найдите себя. Полюбите себя. Теперь у вас есть возможность для этого».

Она называла себя феминисткой. Проповедовала самостоятельность женщин. Ей легко было об этом говорить, имея поддержку и любовь Джейкоба. Его вера в нее усиливала ее веру в себя.

Женщины в многочисленных зеркалах съезжились. Их впалые щеки покраснели. Затем они расправили плечи и громко сказали:

— Я не позволю случившемуся меня победить. Я буду как этот дворец. Смогу переродиться и начать новую жизнь. Взгляну в будущее без Джейкоба. Он — мой старый призрак. Его время прошло, и я должна оставить его в прошлом.

Прия с усилием улыбнулась и увидела в многочисленных отражениях проблеск той женщины, которой она была раньше.

— Ты и так отнял у меня слишком много лет жизни, Джейкоб. Больше этому не бывать, — пообещала она.

Чуть позже Прия стояла на площадке винтовой лестницы, глядя на длинную широкую подъездную дорогу, газоны, фонтаны, ворота и сад за ними, полный буйных цветов. Он выгодно отличался от аккуратных клумб на территории дворца.

Прия часто приходила сюда после особенно тяжелых разговоров с бабушкой, чтобы посмотреть на этот дикий веселый сад. Это всегда успокаивало ее бешено колотившееся сердце; гнев Прии на саму себя за то, что она позволила бабушке вывести ее из равновесия, постепенно утихал, и девочка начинала чувствовать некое подобие покоя.

Поэтому она пришла сюда и сейчас, сделав это почти неосознанно. Ноги словно сами привели ее в то место, где Прия чувствовала себя счастливой.

Сад остался таким же, каким она его помнила, а возможно, даже стал еще более диким и прекрасным. Прия почти ожидала увидеть там женщину, сидящую на одной из скамеек...

Мэри. Она и правда была в саду, поняла Прия. Мэри постарела, однако ее все равно нельзя было ни с кем спутать. Это она сидела на скамейке, когда их такси ехало через сад...

Теперь ее там уже не было. Однако, глядя на сад и мысленно повторяя данное себе обещание — не позволить действиям мужа разрушить ее жизнь и уверенно смотреть в будущее без него, — Прия поняла, что у нее в голове начинает формироваться идея.

Глава 80

Мэри

Посетитель. 1940 год

Однажды утром Мэри готовила вместе с детьми. Был день рождения матери Рут, и они решили испечь пирог. Мука покрывала лица, столы и полы. Вошла сестра Кэтрин.

— Мэри, к тебе посетитель, — сказала она.

Несмотря на многочисленные неудачи, сердце женщины подпрыгнуло. На нем расцвела надежда.

Заметив это, сестра Кэтрин добавила:

— Нет. Прости, Мэри.

Сердце Мэри упало.

Она, разумеется, понимала, что это не могла быть Сита или ее служанка, явившаяся, чтобы вернуть Ричарда, однако все равно надеялась на то, что королева очнется и изменит свое решение. Отказаться от этой надежды означало бы сдаться.

Как бы иррационально это ни было, сад, разбитый Мэри у ворот дворца, символизировал для нее обещание того, что сын однажды к ней вернется. Пока жил сад, жила и надежда.

Мэри вышла в приемную, вытерев руки о фартук и убрав волосы с лица.

В саду, где было множество цветов и фруктовых деревьев, за которыми Мэри ухаживала в свободное время, стоял мужчина, глядевший на школу.

Он был высоким, худощавым и немного сутулился, словно извиняясь за свой рост. Узловатые руки, свисавшие вдоль тела. Длинные пальцы. Что-то в его позе...

Мэри кашлянула.

Мужчина обернулся.

Густые локоны, обрамлявшие угловатое бородатое лицо. Морщинки возле рта и глаз, свидетельствовавшие о веселом нраве. Крючковатый нос. Устремленный на нее пристальный взгляд. Такие знакомые глаза, искрившиеся от смеха и лившие слезы в тот судьбоносный день, когда ее жизнь в первый раз бесповоротно изменилась. Лицо, так часто являвшееся ей в счастливых воспоминаниях.

— Амин!

Глаза мужчины засияли, и он улыбнулся. На его щеках появились ямочки. Перед Мэри вновь стоял друг детства. Она не будет думать о подруге, которая оказалась предательницей и воровкой. Не будет...

— Мисси Баба, — произнес Амин.

Имя, которого она лишилась, поднявшись на борт корабля, увезшего ее в Англию.

— Я недавно услышал о женщине, которая одинаково хорошо обращается с растениями и детьми. Говорят, она способна уговорить и тех, и других сделать что угодно, так что я решил прийти сюда и увидеть ее своими глазами!

Мэри рассмеялась, сама удивившись этому. Когда она в последний раз смеялась?

Монахини тоже явно были удивлены. Выглянув из двери, они улыбнулись Амину с благодарностью и одобрением.

— Я слышал, что ты делаешь столько добра детям этого городка, что уже успела превратиться в святую! Это твое покаяние за то, как ты обращалась со мной в детстве?

Мэри вновь рассмеялась, и Амин подхватил ее смех.

Продолжая смеяться, он постучал себя по носу.

— На тебе что-то белое. Это твой нимб? Если да, то его нужно поправить. Разве он не должен быть над головой?

— Это мукá, ты, обезьяна! — ответила Мэри, хихикая.

Впервые за долгое время она чувствовала себя по-настоящему счастливой. Это было эхо давно забытой радости и беззаботного детского веселья.

— Грунтовая дорога, ведущая к реке, и водонапорная башня. Они все еще здесь. Ничего не изменилось.

— Да, — ответил Амин.

Он привез Мэри в родной городок, по улицам которого она когда-то бродила, уверенная, что ее жизнь никогда не изменится. Что ее любят и оберегают.

Амин жил в доме своего детства вместе с маленьким сыном, Джахидом, и старой, ослепшей от катаракты матерью. Она потрогала лицо Мэри и поцеловала ее в лоб.

— Как ты выросла! — сказала женщина.

Пуская пузыри, Джахид улыбнулся Мэри беззубыми деснами, и она попыталась подавить тоску по собственному мальчику. Станет ли она когда-нибудь частью его жизни?

Амин работал лодочником, перевозил людей через реку.

— Ты исполнил свою детскую мечту, — улыбнулась Мэри.

— В лодке я думаю о нашем детстве. О том, как мы пускали камешки по воде, мчались за воздушными змеями и устраивали гонки бумажных корабликов. Какими счастливыми мы тогда были, правда?

— Да.

Амин хотел стать лодочником, а Мэри мечтала выйти замуж за красивого мужчину вроде папы и родить много детей.

Ты осуществил свою мечту, Амин, а вот моя мечта изменилась. Теперь я хочу лишь вернуть своего сына.

Она прикусила язык с такой силой, что почувствовала горьковатый железный вкус крови.

— Слыша эхо нашего смеха и видя нас в детстве, я хочу, чтобы мы снова стали детьми. Но тогда у меня не было бы Джахида.

— Кто мать Джахида? — нерешительно спросила Мэри.

Они сидели на подвесном мосту, на котором были в тот день, когда мир Мэри впервые перевернулся. По воде шла рябь, а мост, такой же шаткий, как и всегда, раскачивался на ветру. В этот раз, ступая на него, Мэри даже не моргнула.

— Ты больше не боишься, — заметил Амин.

— Нет.

Она потеряла все, что было ей дорого. Чего еще ей бояться?

— Моя жена умерла, рожая Джахида, — сказал Амин. — Мы с матерью заботимся о нем как можем.

Мэри закрыла глаза и подняла лицо к солнцу. Человеческая жизнь была полна горя, а судьба то стирала различия, то подчеркивала их.

На берегу грустно мычала корова и весело смеялась девочка. Ветер доносил запах крепкого чая и жареного лука.

— Что случилось с искорками в твоих глазах, Мисси Баба́?

Она попросила называть ее Мэри.

— Ты всегда будешь для меня Мисси Бабо́й, — ответил Амин.

Сидя на берегу шептавшей вековые секреты реки, Мэри обо всем ему рассказала.

Амин слушал внимательно, не произнося ни слова.

Когда Мэри закончила, он вздохнул.

— Мне очень жаль.

Мэри обернулась к нему.

— Ты мне веришь?

Глаза Амина вспыхнули. В них отразилась боль, которую Мэри пыталась скрыть.

— Мисси Баба́, ты всегда доверяла Сите. Но я... Та Сита, которую я знал, не остановилась бы ни перед чем, чтобы получить желаемое. Она не изменилась.

Мэри разрыдалась. Амин потянулся к ней, чтобы утешить, но остановился, прежде чем коснуться ее, и взялся за веревку. Они больше не были беззаботными детьми. Теперь они были

взрослыми мужчиной и женщиной, она — белой, а он — индусом. Потому они и сидели рядом, не прикасаясь друг к другу. Мэри безуспешно пыталась успокоиться.

Амин протянул ей свой носовой платок.

Взяв его, Мэри высморкалась. Платок пах лаймом и мятой.

— Не могу представить, какая это мучительная агония, — мягко произнес Амин. — Не могу представить жизнь без моего Джахида.

Когда Мэри немного успокоилась и они направились к его запряженной волами телеге, собираясь уезжать, женщина почему-то почувствовала, что ей стало легче. Для этого оказалось достаточно лишь того, чтобы Амин ей поверил. Этот дар Мэри вечно будет хранить в своем сердце.

— Давай сделаем небольшой крюк, — предложил Амин.

Он привез Мэри на кладбище и подвел к могилам ее отца и матери.

При виде написанных рядом имен родителей, которых не разлучила даже смерть, Мэри пришлось еще раз взять платок у Амина.

Ричард. Имя ее отца. Имя, которое она дала своему сыну.

— Тогда решения за меня принимали взрослые; они сочли, что я слишком мала для того, чтобы присутствовать на похоронах. Я собиралась посетить эти могилы сразу же, как только здесь устроюсь. Однако затем поняла, что беременна, и... — Мэри вздохнула. — Думаю, если бы я побывала на их похоронах, это позволило бы мне легче пережить потерю. Я ведь так до конца и не поверила, что мои мама и папа могли просто исчезнуть. В один день они были, а на следующий я их лишилась.

Как и своего сына. Но я верну его! Верну!

— Возможно, именно поэтому, приехав в Англию, я похоронила свое прошлое, свою жизнь здесь. Я просто не могла смириться с тем, что моих родителей больше нет.

Мэри заметила, что могилы ухожены. На них были высажены растения, цветы, качавшиеся на ветру.

— Кто заботится о могилах?

Амин покраснел, ковыряя землю ногой.

- Со дня твоего отъезда я приезжаю сюда каждую неделю.
 - Цветущие кусты тоже ты посадил?
 - Моя мать предложила это сделать, когда цветы, которые я принес, завяли.
 - Спасибо.
- Я снова приеду, когда смогу, — пообещал Амин, высадив Мэри у школы.
- Это было бы чудесно, — ответила она.
- Друг ее детства очаровательно ей улыбнулся.

Глава 81

Прия

Снова семья. 2000 год

— Вот мы и собрались снова одной семьей, — произнесла бабушка Прии, поднимая бокал.

Ее глаза блеснули. На мгновение Прие показалось, что морщины на ее лице исчезли и она видит перед собой прекрасную молодую женщину, которой бабушка, должно быть, была когда-то.

Ужин подали в банкетном зале восточного крыла, в котором теперь вместо длинного стола стояло множество маленьких. Прия, ее бабушка и отец заняли столик в дальнем конце помещения.

В вечер накануне отлета Прии в Англию, на курсы режиссеров, они втроем — все, кто остался от их семьи, — сидели именно там: бабушка — во главе длинного стола, а отец Прии и она сама — по бокам от нее. Свечи в канделябрах мерцали, хрусталь и серебро сверкали, а пустые стулья словно насмеялись над ними.

И вот они снова здесь. Но на этот раз их молчание было не таким явным из-за приятного звука тихих разговоров, доносившихся от других столов. Разодетых гостей обслуживал обходительный персонал в идеальной униформе.

Должно быть, все выглядело примерно так, когда ее дади-ма, еще королева, проводила дарбары, подумала Прия. Взглянув на бабушку, она увидела в ее глазах ностальгию.

Подняв стакан с виски, отец улыбнулся Прие и одним глотком осушил его. В воде отражались лучи. Кожа отца сияла в свете канделябров. Он всегда был очень светлокожим, с янтарными глазами и рыжевато-каштановыми волосами.

«Как я», — любила говорить дадима.

Однако кожа у отца Прии была еще светлее, чем у бабушки. У дадимы были предки-британцы, и поэтому ее сын родился почти белым. «Генетика», — думала Прия.

— Поешь, — уговаривала дадима внучку. — Ты чересчур худая. — Она махнула рукой официантам. — Давайте, обслужите ее. Ей нужна добавка.

Прия закусила губу. *Я не выйду из себя.*

— На моей тарелке еще достаточно еды, — ровным голосом сказала она. — Сперва я доем это.

После того как подали десерт, состоявший из кхира, расгулл, джалеби и кала джамуна¹, и отец Прии отправился в свои апартаменты, бабушка спросила:

— Посидим у бассейна во внутреннем дворе?

В желтом свете она выглядела изможденной, ее кожа казалась пепельной. Ужин, похоже, совсем ее измотал.

Прие, чрезвычайно уставшей после перелета и от попыток вести себя так, словно ничего не произошло, очень хотелось лечь спать, но она не могла отказать бабушке. Дадима превратилась в бледную тень самой себя, и Прия остро осознала, что у нее осталось очень мало времени.

Встретившись лицом к лицу с неизбежностью, она поняла, что любит эту сварливую старуху гораздо больше, чем готова была признать. Прия ссорилась с ней, нарочно держалась от нее подальше, но тем не менее мысль о ее смерти казалась ей невыносимой. Бабушка могла вывести из себя кого угодно;

¹ Вариант гулаб джамуна с карамелизированным сахаром.

Прия лезла на стену от ее косности и высокомерия. Но... Она была ее единственной бабушкой.

Во внутреннем дворе, который, к счастью, был пуст, они заняли свое любимое место: бабушка легла на диван, а Прия, сняв сандалии и опустив ноги в бассейн — на обложенный плиткой бортик. Она смотрела на розовато-оранжевое закатное небо, в котором иногда мелькали зеленые и черные тени — возвращающиеся в гнезда попугаи и вороны.

— Ты чего-то недоговариваешь, — сказала Прии все такая же прямая и пронизательная, несмотря на свою болезнь, бабушка.

Ее сверхъестественная способность докапываться до сути вещей никуда не делась.

— С чего бы начать? Я не видела тебя целую вечность, — сухо ответила Прия, уставившись в воду, покрывшуюся рябью и переливавшуюся в закатных лучах всеми цветами радуги.

— Ты несчастна со своим бестолковым мужем?

Глаза Прии защипало от слез. Она рассердилась на бабушку и испытала желание встать на защиту мужа.

Но сдержалась. Ей не за что было гневаться на дадиму. Та невзлюбила Джейкоба с первого взгляда и пыталась отговорить ее выходить за него замуж (тем самым лишь укрепив Прию в решимости сделать это) — и оказалась права. Джейкоб действительно был бестолковым и действительно сделал ее несчастной.

«Но больше этого не будет», — решительно подумала Прия, вспомнив обещание, которое дала самой себе, когда смотрела на сад у ворот. На место, где чувствовала себя счастливой.

Сад. Ее идея...

Служанка бабушки принесла им высокие запотевшие бокалы с холодной панной из зеленых манго со специями, бурфи из орехов кешью и миндальную халву с крупными изюминами.

Бабушка взяла бурфи и откусила кусочек, продолжая пристально смотреть на Прию.

— Значит, ты несчастна. Что он сделал?

Прия отхлебнула сока и, желая отвлечь бабушку от Джейкоба, сказала:

— Я планирую снять документальный фильм о саде у ворот дворца и создавшей его женщине — Мэри.

Съемки помогут ей отвлечься от мыслей о Джейкобе и станут первым шагом к новой жизни, которую Прия пообещала себе начать. Этот сад интересовал ее с тех пор, как она впервые его увидела, равно как и создательница этого сада, Мэри. Прия чувствовала, что у него была история, что, высаживая эти цветы, Мэри хотела что-то сказать. И Прия намерена была узнать, что именно.

— Я хочу понять мотивы Мэри и...

Дадима закашлялась и выплюнула бурфи. Белые крошки разлетелись по стоявшему на траве дивану и плиточному полу. Ее кашель все не прекращался, и служанка, ринувшись к хозяйке со стаканом воды, поднесла его к ее губам, одновременно массируя дадима спину.

Когда она наконец перестала кашлять и служанка вытерла слезы с ее глаз, дадима крикнула:

— Я должна пожаловаться управляющему на эти бурфи! Они отвратительны!

— Дадима...

Бабушка подняла руку.

— Ты знаешь, что я очень больна.

Вот оно. Бабушка сказала это прямо. Назвала причину, по которой приехали Прия с отцом. Но почему именно сейчас, ведь она старательно избегала этой темы с самого их приезда?

— Да? — спросила Прия.

Бабушка никогда ничего не говорила просто так.

— У меня осталось мало времени.

— Ох, дадима...

— У меня есть одна просьба.

Прия ждала.

— Не снимай этого документального фильма и не общайся с Мэри. По крайней мере до тех пор, пока я не уйду.

— Что? Почему? Как твоя болезнь связана с тем, что я хочу сделать? По какой причине...

Бабушка схватила ее за руку:

— Пожалуйста!

Прия замолчала, ошеломленная словом, которое так редко звучало из уст ее дадимы.

— Это все, о чем я прошу.

Прия почувствовала раздражение, понимая, что не может игнорировать мольбу своей обычно сварливой бабушки, ставшей теперь такой уязвимой.

Это было просто невыносимо. Прия казалась себе игрушкой — сначала в руках у Джейкоба, а теперь еще и у дадимы.

Ее бабушка пойдет на все, чтобы добиться своей цели. Прия много раз видела, как она делала это, полагаясь на свою железную волю. Но с чего бы ей просить *о таком*? Почему она не хотела, чтобы Прия снимала документальный фильм? Чем ей не угодила Мэри? Почему она не желала, чтобы внука с ней контактировала?

Прия посмотрела на бабушку, на ее пергаментную, очень бледную кожу. Дадима умирала, но оставалась такой же коварной и решительной, как и всегда.

— Прошу тебя, — повторила она.

Прия кивнула. Язык ее не слушался. Во рту появился привкус желчи.

— Спасибо.

Бабушка выглядела утомленной. Она чем-то напоминала Прие ее саму. Прия чувствовала себя опустошенной и использованной. На этот раз — по вине бабушки.

Глава 82

Мэри

Связь. 1947 год

Была глубокая ночь, когда Мэри открыла двери школы, которой теперь управляла, и увидела Амина.

Он был с сыном; в руке у Амина была сумка с одеждой.

— Люди, которых я знал всю жизнь, отвернулись от меня, просто потому, что я не индуист, хотя раньше это не имело

значения, — сказал он. — Они хотят, чтобы я уехал в Пенджаб, который теперь станет Пакистаном; возглавлять его будет мистер Джинна¹... Я волнуюсь за Джахида.

Джахид смотрел на Мэри большими, искренними, как у отца, глазами.

— Он может здесь побыть? — спросил Амин.

— Конечно, — ответила Мэри, провожая их внутрь. — Ты отправишься в Пакистан?

— Я родился и вырос здесь, где жили поколения моих предков. Я не уеду. Но я не хочу, чтобы мой сын видел, как его соседи и друзья избегают его лишь потому, что он исповедует другую религию. Он может пожить у тебя, пока все не успокоится?

— Да, конечно, — снова сказала Мэри.

Поцеловав сына и пожав Мэри руку, Амин сел в свою запряженную волами повозку и уехал в ночь.

Мэри никогда больше его не видела. Он погиб во время религиозных беспорядков, последовавших за обретением Индией независимости. Еще одна незаживающая рана, еще одна потеря, с которой Мэри придется жить.

Они с Джахидом оба были сиротами, и между ними установилась связь. Мэри заменила мальчику его умершую при родах мать, а он делал ее тоску по сыну не такой мучительной.

Глава 83

Прия

Одинокие. 2000 год

Прия нашла отца в его номере. Он опять играл в шахматы сам с собой. Глубоко задумавшись, он сидел, склонив голову. Отец уже начинал лысеть, а в его истончившихся волосах проглядывала седина. Он выглядел таким одиноким, что у Ситы заболело сердце.

¹ Мухаммед Али Джинна (1876—1948) — мусульманский политик, первый генерал-губернатор Пакистана (*Примеч. ред.*).

Отец у себя в номере, бабушка, которая раздавала приказы и манипулировала окружающими, даже лежа на смертном одре, — у себя. А Прия осталась одна, после того как рухнул ее пятнадцатилетний брак и она утратила надежду стать матерью...

Ей на глаза навернулись слезы, и Прия сердито смахнула их. Хватит себя жалеть. Пришло время действовать. Она снимет документальный фильм, несмотря на обещание, данное умирающей бабушке. Для этого она сюда и приехала. Работа с утра до ночи — вот единственный известный ей способ продолжать жить дальше. Только так она сможет спастись от тоски, подкарауливавшей ее в самые неожиданные моменты.

Когда ее мать умерла, отец не позволил Прие бросить колледж, хотя тогда, лишившись одного из самых дорогих людей в ее жизни, девушка меньше всего хотела учиться.

«Это тебе поможет, Прия, обещаю, — сказал тогда отец. — Твоя мать хотела бы, чтобы ты достигла того, о чем мечтаешь. Она была бы огорчена и разочарована, если бы ее смерть помешала тебе осуществить свою мечту. Ты собиралась поступать на курсы режиссеров. Что ж, для этого тебе нужно набрать необходимое количество баллов. Давай же, ты сможешь».

И Прия, опустив голову, взялась за работу. И, как и обещал отец, это помогло ей справиться с тоской, пережить потерю и не дать горю утащить ее на дно.

— Баба́...

Отец поднял на нее взгляд, держа в руке слона, и улыбнулся:

— А, привет. Садись.

Он похлопал ладонью по стулу рядом с собой.

— Может, выйдем во внутренний дворик? Здесь жарко.

Во дворе Прия устроилась на одном из шезлонгов, стоявших под пальмами.

— Как ты? — спросил отец, опускаясь в кресло рядом с ней.

Простой вопрос. Требующий простого ответа. Прия открыла рот, собираясь сказать, что все хорошо, но затем...

— Я... я злюсь, — призналась она.

Отец кивнул.

— Так и должно быть. Он больше не стоит того, чтобы ты тратила на него время, Прия.

Она рассмеялась резким невеселым смехом.

— Знаю. Но скажи это моему сердцу.

— Ты — мое сокровище, Прия. Я так тебя люблю!

Прия уставилась на золотисто-белое небо, где то и дело мелькали залетающие во двор зеленые попугаи, которые затем садились на росшие вокруг бассейна деревья. Она смотрела вверх, пока не перестала различать что-либо из-за застилавших глаза слез.

— Не позволяй тому, что сделал Джейкоб, разрушить твою жизнь, — произнес отец.

Его слова напомнили Прие о клятве, которую она дала самой себе. Сад. Документальный фильм. Обещание бабушке... Бабушка.

— Дадима так осунулась.

— Я всегда считал ее непобедимой, — сказал отец.

— И готовой на все, чтобы добиться своего, — с горечью добавила Прия. — Чем дадима не угодила женщина, разбившая сад за воротами? Я говорю о Мэри. Ты случайно не знаешь?

— О, ты тоже это заметила? — Отец удивленно потер подбородок. — Думаю, твоя бабушка считает, что Мэри представляет для нее угрозу.

— Угрозу? Но почему? Они очень разные, и...

— Твоя бабушка желала быть единственной влиятельной женщиной в штате, единственной, о ком говорят с почтением, единственной, кем восхищаются.

— И все же, — задумчиво произнесла Прия, — люди восхищаются именно Мэри.

Она начинала понимать.

— Да. У твоей бабушки когда-то было богатство. Высокий социальный статус. Доброе имя. Люди уважали ее и восхищались ею именно поэтому, а не из-за каких-то ее достижений. Мэри же...

— Люди глубоко уважали и любили ее. Они обращались к ней со своими проблемами.

— Думаю, они до сих пор это делают. Не знаю, помнишь ли ты, но однажды совет проголосовал за то, чтобы объявить Мэри благодарность за все то, что она делает на благо города.

— Кажется, припоминаю.

— Твоя бабушка попыталась этому помешать, используя свое влияние, но дедушка был непреклонен. Он тоже восхищался Мэри.

— Помню, — ответила Прия. — Мне тогда, наверное, было лет семь...

Глава 84

Прия

Еще один день. 1972 год

Еще один день — еще одна вечеринка. Дворец уже вовсю готовился к этому событию. Прие казалось, что без торжеств здесь не проходило ни дня.

Но на этот раз все было по-другому. На этот раз слугами и наемными работниками, устанавливавшими навес снаружи, командовала не бабушка. Не она обсуждала меню с шеф-поваром и своей многочисленной свитой. Дадима не ворчала по поводу того, что флаги привезли не такие, как она заказывала, навес не соответствует убранству дворца, а униформа слуг плохо выглажена. Вместо этого она отдыхала в своих покоях, а заправляли всем дедушка и родители Прии. Они, похоже, совсем сбились с ног, так что девочка старалась не попадаться им на пути.

— Дадима больна? — спросила она у матери.

— Можно и так сказать.

— Что ты имеешь в виду?

— Забудь об этом.

Когда на следующий день началась церемония награждения, Прия все еще размышляла над таинственными словами матери. Ее бабушка сидела рядом с мужем. Она выглядела безупречно,

однако на ее лице не было даже намека на улыбку. Прия устроилась между дадимой и матерью. Отец сидел по другую сторону от деда.

— Не ерзай и не сутулься, — несколько раз повторила ей бабушка. — Покажи им, что у тебя есть такое же право здесь сидеть, как и у мальчика. Что ты можешь сидеть *лучше*, чем мальчик. Когда я была молода, женщин на дарбары не пускали. У них были отдельные места на балконе.

— Но это не дарбар. Мы их больше не проводим. Это...

— Ха! — отмахнулась от нее бабушка. — То же самое, только под другим названием.

Церемония началась. Дедушка Прии начал произносить речь:

— Мы сегодня собрались здесь, чтобы чествовать невероятную женщину, сделавшую так много для нашего города...

С каждым его словом бабушка становилась все более напряженной. Прия даже начала бояться, что она вот-вот лопнет. Но девочка слушала речь, и с каждой минутой ей все больше и больше хотелось встретиться с женщиной, чьи заслуги так восхвалял дедушка.

Когда эта женщина выступила вперед, Прия открыла рот от удивления. Она знала ее. Это была женщина из сада у ворот, волшебного сада, который Прия видела с «американских горок».

По случаю ее седьмого дня рождения территорию дворца превратили в настоящую ярмарочную площадь.

Именно тогда Прия, сидя на самом верху «американских горок» в вагонетке, которая вот-вот должна была покатиться вниз, чувствуя, что ее желудок сжимается от предвкушения, и собираясь закричать, увидела сад. Он производил грандиозное впечатление. Настоящий калейдоскоп цветов. Никаких идеально упорядоченных рядов растений вроде тех, что были на дворцовой территории. Его дикая красота услаждала взгляд.

За садом ухаживала женщина. Рядом с ней на корточках сидел мальчик, вырывавший из земли сорняки. Даже с высоты «американских горок» было видно, что эта женщина —

англичанка. Подоткнув юбку, она указывала на что-то мальчику, который, судя по темным волосам и коже, явно был индусом.

Вагонетка наконец покатила вниз, и Прия закричала.

Когда катание закончилось, девочка сумела ускользнуть в толпе от приглядывавшей за ней служанки и с развевающимися косичками помчалась к главным воротам.

Схватившись за решетку и вдыхая запах ржавого железа, Прия спросила:

«Сторож, почему сад разбили за воротами?»

Привратник улыбнулся:

«Потому что он не принадлежит дворцу».

«Тогда кому же он принадлежит?»

Привратник почесал голову.

«Это сад моей бабушки», — донесся из-за спины сторожа детский голос.

Это сказал мальчик, которого Прия заметила с «американских горок». Его грязные руки сжимали сорную траву, а лицо покраснело от усердия.

«Он не мой, Ахмад, — произнес мягкий женский голос с едва заметным акцентом. — Я просто забочусь об этом саде. Он общий».

Прия увидела женщину, которая стояла рядом с мальчиком, когда она каталась на горках. Женщина была уже пожилой, и в ее волосах начинала проглядывать седина, однако это не мешало ей оставаться красивой. Добрые глаза улыбались, и от одного ее присутствия Прие почему-то показалось, будто внутри нее разливается тепло.

«Привет, — сказала женщина, и ее глаза блеснули. Ее улыбка словно коснулась сердца Прии. — Руку пожимать тебе не стану, у меня грязные пальцы».

«Я не боюсь грязи».

Прие захотелось коснуться этой женщины. Она как раз протянула руку, когда ее схватила запыхавшаяся служанка.

«Вот ты где! Я повсюду тебя искала. Не убегай больше, ты очень меня напугала».

Прия неохотно позволила себя увести, выслушивая наставления по поводу того, что ей не следует разговаривать с незнакомцами. Вот только эта женщина вовсе не казалась ей незнакомкой...

Через несколько дней Прия обнаружила на одной из винтовых лестниц площадку, с которой можно было увидеть сад и — иногда — женщину с мальчиком. Глядя на сад и на ухаживавшую за ним женщину, девочка чувствовала себя счастливой.

Мэри. Прия смаковала имя этой женщины, пока та выходила вперед, чтобы принять награду из рук бабушки. На женщине было простое белое платье, седеющие волосы свободно спадали на плечи. Никаких украшений, лишь улыбка. Эта женщина была очень красивой. Красивее, чем ее разодетая, обвешанная драгоценностями бабушка.

Когда Мэри протянула руку, чтобы взять награду, которую протягивал ей бабушка, девочка заметила у нее под ногтями глубоко въевшуюся грязь.

Из-за этого Мэри понравилась Прие еще больше.

— Благодарю вас за оказанную честь, — сказала женщина. — Я использую эти деньги для того, чтобы получше обустроить сиротский приют и, если что-то останется, школу.

Родители Прии и бабушка хохотнули, а вот бабушка напугалась еще сильнее.

Широко улыбнувшись, Мэри обвела взглядом собравшихся, в том числе и Прию. Теплые глаза, карие с оранжевыми искорками, были прекрасными и бездонными, как горизонт на закате.

— Спасибо, сынок, — сказала Мэри, кивая отцу Прии.

— Для вас — «ваше величество», — наконец подала голос бабушка.

Он был резким и колючим.

Прия вспыхнула от стыда. Даже *она* знала, что ее бабушка больше не был королем, а отец не был им никогда. Так почему же бабушка на этом настаивает? Зачем устраивает сцену этой чудесной женщине?

Однако Мэри лишь улыбнулась, хотя среди собравшихся, подобно волне, пронесся шепот. Дедушка Прии успокаивающим жестом положил ладонь на руку своей жены.

— Да начнутся торжества! — объявил он.

Заиграл струнный оркестр, танцоры вышли на сцену. С холодным, мрачным видом дадима зашагала прочь. Больше она не появилась на празднике — ни для того, чтобы посмотреть павлиний танец¹, ни для того, чтобы принять участие в процессии на слонах, ни для того, чтобы послушать хор сирот из приюта, подготовивших песню для Мэри.

Глава 85

Прия

Бок о бок. 2000 год

Прия и отец сидели бок о бок, погрузившись в воспоминания. День клонился к вечеру.

— Когда-нибудь станет легче? — наконец спросила Прия.

— Хмм?

Отец посмотрел на нее поверх очков.

— После того как потеряешь любовь всей своей жизни.

Отец накрыл ее руку своей. Его прикосновение выражало любовь и утешение.

— Ты еще встретишь того, кто будет достоин твоей любви.

— А тебе удалось двигаться дальше, баба? — спросила Прия.

— А... — Он провел рукой по глазам. — Ты меня поймала, Прия. Твоя мать была особенной.

— Была. — Глаза Прии защипало. — А я... я думала, что особенным был Джейкоб.

Отец сжал ее руку. Прия дождалась, пока отступят слезы и взгляд прояснится.

¹ Традиционный танец многих азиатских народов, во время которого танцоры своими нарядами и движениями подражают павлинам.

— Ты молода. У тебя впереди целая жизнь. Нужно только ухватиться за нее. Любовь твоей жизни ждет тебя.

Прия шмыгнула носом и усилием воли заставила себя не думать о том, как она несчастна.

— Сейчас меня ждет новый документальный фильм.

Отец пристально посмотрел на нее.

— Да?

— Я хотела бы снять фильм о Мэри и ее саде. Он всегда меня зачаровывал. Я хочу узнать, что подвигло Мэри его создать.

— Что за чудесная идея! — просиял отец. — Меня тоже всегда тянуло к этому саду и создавшей его женщине.

— Дадима не согласилась бы с нами. Она взяла с меня обещание, пока она жива, не снимать фильм и не контактировать с Мэри.

— Что? Почему?

Прия пожала плечами:

— Кто знает, почему дадима кого-то о чем-то просит?

— Но просить тебя не снимать фильм... — Отец поднял бровь. — Что ты думаешь предпринять?

Впервые за долгое время Прия искренне улыбнулась.

— Откуда ты знаешь, что я не сдамся?

— Я знаю *тебя*, Прия, не забывай об этом. Мы с твоей матерью всегда очень гордились твоей железной волей, даже в эти ужасные подростковые...

— Я не была *такой уж* плохой!

— Верно. Ты была еще хуже.

Прия хихикнула и внезапно почувствовала, что ей становится легче.

— Ты не позволишь мелкому препятствию вроде обещания, данного бабушке, встать у тебя на пути. По правде говоря, это должно лишь укрепить твою решимость поступить по-своему. Я прав?

— Прав.

Сита ухмыльнулась, чувствуя себя такой же, как раньше. Пылкой и готовой покорять мир. *Видел бы ты меня, Джейкоб!*

— Для меня единственный способ жить дальше — это погрузиться в работу. А этот сад... Я просто знаю, что с его появлением связана целая история. Мне не терпится взяться за дело, но мои руки связаны обещанием, которое я дала дадимае.

— Так какой же у тебя план?

— Ну, его можно осуществить только с твоей помощью.

— С моей? — Отец поднял брови. — А, вот зачем ты ко мне пришла. Я-то надеялся, что ты просто хочешь со мной поболтать, но ты всегда преследуешь какую-то цель.

— Да. — Прия улыбнулась. — Поможешь мне? Пожалуйста!

— А у меня есть выбор? Ты ведь так вежливо просишь. Что я должен сделать?

— Не нужно хмуриться.

— Я просто немного тревожусь. И разве можно меня за это винить?

— Дадима попросила меня не общаться с Мэри, поэтому я хочу, чтобы вместо меня с ней пообщался ты. Я напишу для тебя список вопросов. Так я не нарушу данное дадимае обещание не контактировать с Мэри и не снимать фильм. Но если у меня будут ответы Мэри, я смогу начать собирать информацию и готовить материал для съемок...

Отец улыбнулся ей, и Прия увидела в его глазах гордость и любовь.

— Надеюсь, твоя мать сейчас смотрит на тебя.

Глаза Прии который уже раз за последнее время внезапно защипало, однако теперь это были слезы радости, вызванные чувством благодарности к отцу. Овладевшая ею меланхолия медленно, но неуклонно отступала.

Прия осознала: несмотря на то что она злилась на Джейкоба за то, как он поступил, в глубине души она по-прежнему скучала по нему. Однако женщина больше не чувствовала себя такой опустошенной, как в первые дни после его ухода.

Часть 7

Надежда и любовь

Глава 86

Мэри

Та же земля. 2000 год

Мэри сидела на веранде, глядя на играющих в саду детей. До нее доносился их радостный визг. Сколько их резвилось в этом саду за все эти годы? Сколько прошло через эти двери? Подсчитать было невозможно. Они приходили к ней в гости, дети, которые уже выросли и создали собственные семьи. Некоторые из них работали в школе, другие — в приюте.

Столько детей... И все же ни один из них не был ее.

«Стоило ли оно того?» — спросила себя Мэри.

«Да, безусловно, стоило».

Школой и приютом теперь управляли сын Амина, Джахид, его жена, Нур, и их дети, Ахмад и Асия. Сад у дворцовых ворот перешел под управление государства, став муниципальным, и был открыт для посещения, в отличие от закрытых садов на территории дворца, доступных лишь богатым клиентам пятизвездочного отеля, в который превратился теперь дворец. Мэри по-прежнему каждый вечер посещала этот давным-давно созданный ею сад. Сидя на одной из установленных там скамеек, она любовалась цветами. Мэри больше не могла добираться туда пешком, поэтому Джахид отвозил ее на машине.

Именно когда Амин оставил Джахида на ее попечение, у Мэри возникла мысль построить на пустующем поле рядом

со школой приют. Обретение Индией независимости сопровождалось кровопролитием, и множество детей осталось без родителей, так что приют быстро наполнился воспитанниками.

После войны Мэри написала своей тете, просто чтобы убедиться в том, что у них все в порядке. Тетя ответила ей; она просила Мэри вернуться домой и все ей прощала. Война, на время которой их фамильный особняк был превращен в госпиталь, стерла все, в том числе и гнев. На этой войне Роуз потеряла мужа, а Лили и Айрис — женихов.

Они продолжали переписываться. Дядя Мэри умер в 1947 году, а тетя — в 1956-м. Роуз и Лили уже стали бабушками, а Айрис — прабабушкой. Они в каждом письме приглашали Мэри в Англию. Но хотя ей пару раз и хотелось туда отправиться, она так и не вернулась. И не вернется.

Да и как она могла уехать? Оба ее сына жили в Индии — тот, которого забрала у нее подруга детства, и тот, которого дал ей друг.

Мэри умрет здесь и будет похоронена в той же земле, что вскормила ее сыновей и их семьи.

Она не боролась за Ричарда как следовало. Тогда она была юной, испуганной, одинокой и подавленной. Ей никто не верил. Да, она пыталась, но была недостаточно настойчива. Однако ради Ричарда Мэри боролась за остальных детей, находившихся под ее опекой.

«Этого недостаточно», — шептал ей внутренний голос.

Мэри устала. Ужасно устала. У нее было две радости. Одна из них — это сады, тот, который Мэри сейчас видела с веранды, и тот, что рос перед дворцом, дар и бремя любви, потерянной и обретенной. Другой радостью были дети, все ее дети.

Раз в неделю Джахид возил Мэри на кладбище, где упокоились ее родители. Она уже договорилась со священником, чтобы ее похоронили рядом с ними.

Я прожила долгую жизнь, принесла много пользы. Видела, как рос Ричард, а затем — Прия. Этого должно быть достаточно.

Впрочем, даже когда Мэри говорила это себе, иногда, в темные предзвездные часы, ей очень хотелось, чтобы у нее появился шанс увидеться с сыном и его дочерью, ее собственной внучкой. Всего один раз. Представляла, каково было бы обнять их. Видела широкие плечи сына, его красивое лицо, уже успевшее покрыться морщинами за долгую жизнь в разлуке с ней. Видела внучку, ее плечи, напоминавшие крылья ангела, ее тонкое прекрасное личико. Она была ее главным сокровищем. Сокровищем, к которому Мэри не могла прикоснуться.

Раздался стук.

— К тебе посетитель, — сказала жена Джахида. Она едва дышала от восторга, а на ее щеках играл румянец. — Очень важный. Сам принц!

И хотя он больше не был принцем, все по-прежнему оказывали ему почести, причитавшиеся правителю. Для них ее сын навсегда останется таковым.

Мэри схватилась за сердце.

Она слышала, что Сита умирает и что к ней приехали Ричард с Прией и остановились во дворце — гости в своей бывшей резиденции.

Но ее сын?.. Здесь?..

Именно этого ждала Мэри. Именно этого желала, именно об этом мечтала. Ее сын каким-то образом выяснил, что она его мать, и теперь, обняв ее, скажет: «Мама, я люблю тебя!»

«Прекрати!» — отругала Прия свое воображение.

Почему сейчас? Почему он здесь после стольких лет? Как он узнал?

Что ж, скоро ей это станет известно.

Посмотревшись в зеркало, Мэри пригладила свои длинные седые волосы. Отряхнула платье. Ее руки тряслись. *Глупая женщина.*

Ричард. Мой Ричард. Пусть все и зовут его Арджуном.

Он не твой сын. А ее. Он принадлежал ей почти всю свою жизнь.

— Приготовь чай и закуски, — сказала Мэри, обращаясь к Нур, и осторожно вышла в приемную.

Когда она вошла туда, ее сын встал. Мэри видела его лицо, так часто являвшееся ей в мечтах. Такое знакомое. Такое любимое. И все же — чужое.

Он улыбнулся.

В его волосах уже проглядывала седина. Ее сын, ее ребенок, старел.

Его улыбка была неуверенной и застенчивой. Так улыбаются незнакомым людям. Он ничего не знает. Сердце Мэри упало, и она ощутила во рту едкий привкус разочарования.

— Простите за вторжение, — сказал он.

Его голос напомнил Мэри об овеваемой соленым ветром палубе, где она сидела рядом с женщиной, черты лица которого унаследовал этот любимый незнакомец.

— Я рада... — Мэри кашлянула и вновь с усилием заговорила: — Рада вашему визиту.

Воистину. Я ждала его всю жизнь.

— Моя дочь... — начал он.

Ты мой сын, и все же я никогда не могла говорить об этом так же естественно, как ты говоришь о своей дочери. О сын, мой сын!

— Она хотела бы снять о вас документальный фильм, и у нее есть несколько вопросов.

Тогда почему пришел он, а не Прия? Прия... Красивое имя для красивой пылкой девушки. «Прия» — это «любимая», Мэри специально посмотрела значение этого имени. Она повторяла его вновь и вновь. Прия. Возможно, *она* все знает? Возможно, именно поэтому она прислала сюда отца?

Впрочем, вряд ли это возможно. Судя по тому, что Мэри слышала о внучке, Прия была прямолинейным человеком. Мэри не сомневалась, что если бы она все знала, то пришла бы сама. Прия напоминала Мэри отца (как бы он любил свою правнучку!) и девчонку, которая, переспав с женщиной на

корабле, спровоцировала события, достигшие кульминации здесь и сейчас.

— Прися... ей нехорошо.

— Что с ней? — выпалила Мэри, прежде чем успела себя остановить.

Ее сын покраснел. При виде его смущения Мэри захотелось прижать его к себе и успокоить. Ей хотелось гладить морщины на его лице, эти свидетельства пережитого горя и полученного опыта, хотелось узнать историю каждой из них.

Мэри сжала кулаки и прижала руки к бокам, чтобы не позволить им последовать зову ее сердца.

Прие было нехорошо. И все же она хотела сделать это — снять *о ней* документальный фильм.

Мэри почувствовала, как внутри нее разливается тепло.

— Вы не против? Моя дочь очень увлечена тем, что вы делаете, и ей очень хотелось бы узнать о вас больше. Как и мне.

— Разумеется, я не против, — сказала Мэри, вновь кашлянув из-за вставшего в горле кома. — Для меня это удовольствие и большая честь.

Глава 87

Сита

Утром. 2000 год

Когда в ее номер вошла ее служанка — последняя из целого сонма королевских слуг, сопровождавших покинувших дворец, когда Сите пришлось его продать, — Сита все поняла, взглянув на ее бледное, как рассветное небо, лицо.

Ее прошлое, то, что она сделала, тот груз, который она несла, вина, терзавшая ее так, что она отыгрывалась на окружающих, особенно на близких, наконец-то добралось до нее.

— Ваш сын отправился к Мэри-мемсахиб, — сказала ей верная служанка.

Мэри. Женщина, которая так и не исчезла из ее жизни, став вместо этого совестью Ситы, она и этот буйный, невыносимо яркий сад... Мэри не давала ей покоя, съедая ее живьем.

Сита закрыла глаза.

Они все знают.

Но откуда? Нет, это невозможно.

Об этом знает только *она*. Она и Мэри.

А даже если Мэри все это скажет (хотя зачем ей, спрашивается, делать это сейчас?), то с чего бы *ее* сыну верить этой женщине?

Должно быть, это дело рук Прии. Ее любимой, дерзкой внучки, слишком уж умной даже для нее. Неукротимой, пылкой Прии, раскусившей ее с самого начала. Внучка никогда не боялась дать ей отпор с упорством и решимостью, которые восхищали Ситу прежде и приводили в ужас теперь. Прия заинтересовалась Мэри...

Когда внучка объявила, что хочет снять о Мэри фильм, Сита была ошеломлена и ослеплена досадой.

Ее загнали в угол. Она взяла с внучки обещание подождать, даже зная, что это, учитывая неукротимую решимость Прии, может сыграть против нее, даже осознавая риск того, что Прия нарушит обещание и позволит любопытству привести ее прямо в логово женщины, которую Сите хотелось стереть с лица земли.

Но ее внучка, оказавшись еще умнее, чем Сита считала, по всей видимости, добилась своего, не нарушив данного обещания. Она отправила к Мэри своего отца — ужасный исход, которого Сита не могла предвидеть.

«Почему ты живешь в прошлом? — спрашивала ее Прия в детстве. — Почему все время возвращаешься к тем временам, когда была королевой?»

«В этом моя суть», — отвечала Сита.

«В этом *была* твоя суть», — фыркала ее непоседливая, напоминавшая фейерверк внучка.

«Мы не короли и королевы в политическом смысле, но для подданных по-прежнему остаемся правителями».

Прия закатывала глаза, напоминая Сите девчонку, которой она сама была когда-то. Девчонку, которая думала, будто может быть кем угодно и делать что хочет.

«Дадима, мир изменился. Никто так больше не думает, — вздыхала Прия. — Ты говоришь, что в детстве у тебя были большие амбиции».

«Верно».

«Но королевой ты стала лишь благодаря браку, а не собственным достижениям».

Ее внучка. Такая маленькая и такая мудрая.

Сита гордилась своими сыном и внучкой. Очень гордилась.

Но они этого не знали. Сита так никогда и не смогла им об этом сказать.

Прекрасные миндалевидные глаза Прии становились холодными, когда она смотрела на Ситу; сын же мало с ней общался. Они оба отделились от нее: сын после смерти отца и жены все время путешествовал по миру в компании своего дяди, а Прия переехала в Англию.

Я сама себя не люблю, так с чего же кому-то другому любить меня?

Услышав о болезни Ситы, они вернулись. Сын зарезервировал для нее комнаты в восточном крыле, которые когда-то были ее покоями. Ситу тронула его забота. Но она не знала, как это показать, и потому вновь стала такой, какой привыкла быть за годы своего правления, — резкой, язвительной, придирчивой и надменной. Она глядела на то, как ласковые улыбки на родных лицах сменяются выражением, свидетельствовавшим о том, что ее просто терпят.

Сита привыкла считать свою свекровь холодной, властолюбивой и безжалостной, однако сама оказалась такой же — вздорной, склонной манипулировать людьми и бессердечной. А может, и еще хуже.

И ради чего?

В первый раз Сита солгала, чтобы сохранить Озерный дворец за собой, когда ее муж захотел передать его сыну принца

Правина. Но это решение сыграло с ней злую шутку. Сделав то, что она сделала, Сита так больше никогда и не посетила этот дворец.

Она похитила ребенка своей подруги, чтобы остаться во главе королевства. Однако всего через несколько лет королевство, за которое она продала свою душу, было уже невозможно узнать. Сита перестала им править. Ее слово больше не было законом.

Как бы сложилась ее жизнь, если бы она помогла Мэри, вместо того чтобы похищать ее сына? Мэри, которая первой по-настоящему увидела *ее* — девочку-идеалистку, которой Сита была до того, как превратилась в лишенную совести королеву.

Возможно, в таком случае у Ситы были бы дружба и любовь, а не это бесконечное одиночество да фиолетовое чувство вины. Возможно, тогда она могла бы смотреть на себя в зеркало. Могла бы любить Арджуна, который на самом деле был сыном Мэри. Завоевала бы их с Прией любовь. Возможно, тогда бы они не относились к ней так отстраненно, скрывая раздражение под маской терпения. И, возможно, тогда Сита сумела бы сохранить любовь своего мужа.

Впрочем, какой смысл размышлять об этом сейчас, когда прошлое наконец добралось до нее?

Быть может, ее сын действительно встречался с Мэри по просьбе Прии, желая помочь дочери с документальным фильмом. Но если они продолжат общение, правда рано или поздно всплывет на поверхность.

Сита знала, что это неизбежно. Она знала это с той самой минуты, когда пересекла черту, похитив ребенка подруги. И, какой бы невыносимой ни была мысль о том, что этот момент когда-нибудь наступит, Сита готовилась к нему.

— Сообщи мне, когда мой сын вернется, — попросила Сита служанку, а затем взяла ручку и принялась писать.

Служанка вернулась через час.

— Ваш сын уже дома.

Мой сын. *И я хочу, чтобы он им и оставался.*

Сита достала из шкатулки с драгоценностями мешочек, лежавший там все эти годы.

Она не умрет опозоренной. Сита не могла вынести мысль о том, что ее сын и внучка возненавидят ее еще сильнее, что они станут смотреть на нее как на самую гнусную из мерзавок, что в их обращенных на нее взглядах отныне будет лишь обвинение.

Она умрет с достоинством.

Умрет матерью.

Умрет королевой, в присутствии сына и внучки. Умрет в своих покоях в восточном крыле дворца, откуда когда-то правила. *Спасибо тебе, сын, за то, что ты сделал это возможным.*

— Принеси мне молока, — сказала Сита служанке.

Высыпав из мешочка собранные за годы таблетки, она выпила их вместе с молоком.

Сита схватилась за живот, борясь с тошнотой.

— Принеси их, — прошептала она.

Письма, которые она написала, пока ее сын был у Мэри, будут ждать его возвращения.

Глава 88

Прия

Загадка. 2000 год

— Мэри выросла в Индии, но, когда она потеряла родителей, тетя и дядя забрали ее в Англию. Через несколько лет она вернулась в Индию и никогда больше отсюда не уезжала, — рассказывал отец Прии.

Они вновь сидели во внутреннем дворике, обсуждая за чашкой чая встречу отца с Мэри.

— Она стала учительницей и вышла замуж за врача. Но их брак был несчастлив. Мэри разошлась с мужем и потеряла

ребенка. Она сказала, что именно это подвигло ее разбить сад, поскольку он символизирует надежду и любовь.

— Каждый раз, глядя на него, я чувствую именно это, — произнесла Прия.

— Необыкновенная женщина... — сказал отец. — Как бы там ни было, все ее ответы записаны здесь.

Он вручил Прие листок бумаги, исписанный его неровным почерком.

Мэри принесла в этот мир красоту с помощью своего сада и любовь — с помощью школы и приюта. Она сделала столько добра, несмотря на выпавшие на ее долю лишения. Я последую ее примеру.

Возвращение домой стало для Прии катарсисом. Ей уже не было так тяжело при мысли о том, как поступил с ней Джейкоб. Боль не ушла, но стала слабее. Теперь ее можно было вынести.

«Однажды она пройдет, — поняла Прия. — Я не вернусь. Индия — мой дом, и я останусь здесь.

Я покажу ему, своему мужу-предателю! Я сниму лучший документальный фильм в своей жизни, не взяв ни единого пенни у его компании. А если я не смогу иметь детей, то усыновлю малышей и стану работать в приюте, как Мэри».

Прия не могла понять, чем вызвана неприязнь ее бабушки к Мэри. Да, отец объяснил ей — дадима хотела быть альфасамкой, той, кого все уважают и кем восхищаются. Это многое объясняло, но... Зачем ей брать с Прии обещание, что она не станет снимать фильм о Мэри?

А затем что-то в словах отца привлекло ее внимание, что-то, что уже довольно давно скользило по краю ее сознания...

— Почему именно у дворца?

— Что, прости?

— Зачем разбивать сад у ворот дворца? Почему не возле школы? Дворец расположен больше чем в миле от школы и стоит на холме. Почему именно здесь?

— Мне не пришло в голову задать ей этот вопрос. Его не было в списке, который ты мне дала.

Как Мэри потеряла ребенка? Когда ее отец сказал «*потеряла ребенка*», Прия предположила, что он умер. Но что, если это не так? Что, если она его в прямом смысле *потеряла*? Что, если это как-то связано с дворцом? Именно поэтому она разбила сад у ворот? Символ надежды на то, что ее ребенок найдется, символ любви к нему...

По спине Прии пробежали мурашки, которые она ощущала каждый раз, подбираясь к решению загадки документального фильма, над которым работала. К ее поворотному моменту.

Женщина уже открыла рот, чтобы поделиться своими мыслями с отцом, однако в этот самый момент во внутренний двор вбежала запыхавшаяся служанка дадимы.

— Прошу вас, идемте. Ваша бабушка... Она...

Прия с отцом обменялись полными ужаса взглядами.

И помчались за служанкой в бабушкины апартаменты.

Корчась в конвульсиях, дадима хватала воздух ртом. Ее глаза налились кровью.

Однако когда она увидела Прию и своего сына, ее взгляд смягчился.

— Врача, — сказала Прия служанке.

— Он уже едет.

— Слишком поздно, — выдохнула бабушка.

Прия и ее отец сели с двух сторон от нее.

— Я так тобой горжусь, — прошептала дадима, глядя внучке прямо в глаза.

Прия даже не осознавала, что по ее щекам текут слезы. Она сжала бабушкину руку.

Дадима повернула голову к ее отцу.

— Я люблю тебя. Прости меня.

Отец покосился на нее. Он тоже плакал.

— Ма...

— Письма, — выдохнула она. — Вот.

Бабушка дала одно письмо ему, а другое — Прие.

— Я люблю вас, — произнесла она. — Простите меня.

Это были ее последние слова.

Глава 89

Прия

Признание. 2000 год

Драгоценная моя Прия,

я должна сделать признание. Открыть секрет, который хранила много лет. Признаться во зле, которое совершила и которое мне не хватило духу исправить.

Годами ты спрашивала меня о саде у ворот дворца.

О Прия, этот сад для меня подобен насмешке. Он — моя совесть. Он спрашивает меня: «Почему?» Осуждает меня, ни на минуту не давая забыть о том, что я совершила. Когда я жила во дворце, из моих окон его видно не было. И все же я знала, что он там. Я закрывала глаза, и перед ними расцветали цветы, красные от крови, белые от лжи, желтые от угрызений совести и фиолетовые от чувства вины.

Мэри. Это ей я причинила зло.

Она тебя заинтересовала. Ты хочешь снять о ней документальный фильм. Я помешала тебе с ней связаться, тем самым лишь усугубив свою вину.

Я боюсь, дитя. Я трусиха. И я виновна.

Прежде чем я продолжу, знай, что я люблю тебя. И твоего отца. А вот мотивы моего поступка... Они не были чисты...

Прия перестала читать. Все вокруг казалось ей размытым. Написанные бабушкиной рукой слова плыли у нее перед глазами.

У неприязни, которую дадима испытывала к Мэри, была более глубокая причина, скрытый мотив...

Что ей предстояло узнать? И хотела ли она это знать? Ее бабушка была сильной, волевой женщиной. Неукротимой, но любящей. Хотела ли Прия менять свое мнение о ней?

Я хочу знать правду.

Прия дочитала письмо до конца.

Дочитала, но не могла осмыслить написанное.

Прия пробежала строчки глазами вновь и вновь.

Мэри потеряла ребенка в то же время, когда у бабушки появился сын. И, пытаясь справиться с горем, Мэри разбила сад.

Но зачем было разбивать его у ворот дворца, а не возле школы? Прия постоянно об этом думала, каким-то образом понимая, что все сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Мэри давала понять женщине, похитившей ее ребенка, что она ждет. И следит за ней. Что она по-прежнему здесь и никуда не уйдет.

Она создала для своего сына нечто прекрасное. Творение любви. Отправила ему послание. Цветы стали выражением ее любви и тоски. Сад был символом надежды на то, что ее ребенок однажды вернется к ней.

И сад выполнил свою задачу. Прия с отцом любили его, а для ее бабушки — или, точнее, женщины, утверждавшей, что она ее бабушка, — он стал символом вины. Напоминанием о преступлении.

«Сынок», — обратилась Мэри к отцу Прии на церемонии награждения, приведя бабушку в ярость. Заставив ее вспылить.

Сынок...

Сын Мэри, похищенный королевой. Каково это было — видеть, как растет твой ребенок, но не иметь возможности к нему прикоснуться? Смотреть на него издали, зная, что он твой, но быть не в силах сделать хоть что-нибудь?

Странное родство, которое ощущала Прия, было кровным...

Ей хотелось запричитать. Закричать. Что-нибудь бросить или разбить.

Хотелось оживить бабушку, чтобы наброситься на нее, переломать ей все кости, стереть ее в порошок, заставить заплатить за то, что она сделала.

Но отец...

У него тоже было письмо.

Прия встала и бросилась бежать.

Он сидел во внутреннем дворике с письмом в руках, глядя в пустоту. По его лицу текли слезы.

— Баба...

Отец поднял на Прию глаза, и она увидела, что он уничтожен. Опустошен. А еще ее отец внезапно постарел.

— Как она могла? — тихо произнес он. — Как посмела?

Прия опустила перед ним на колени, взяв его за руку. Какой же холодной была эта рука... Прия начала тереть ее, чтобы согреть.

— Мэри. Моя мать...

Сглотнув, отец продолжил:

— И все эти годы она была так близко. Жила с тем злом, которое совершили по отношению к ней. Растила этот сад. Так близко и все же...

Прия обняла отца, а он обнял ее.

Через некоторое время, шмыгнув носом, отец вытер глаза.

— Теперь я готов, — сказал он.

Прия знала, что он имеет в виду.

— Пойдем, — сказала она. — Она и так уже ждала достаточно долго.

Глава 90

Мэри

Цельная. 2000 год

Мэри сидела в саду, который разбила, потеряв все, — в саду, начавшемся с цветущего гибискуса, этого символа надежды. Она заметила у дворца — Мэри не могла воспринимать его как отель — какое-то движение.

Она пригляделась, шурясь от солнца. У нее, по словам ее врача — внука доктора Кумара, было хорошее для ее возраста зрение.

По газонам бежали две фигуры.

Что-то случилось. На территории дворца люди не бегают, тем более по газонам. Там полно отличных дорожек.

Фигуры приближались.

Ее сын и внучка. Мчавшиеся со всех ног.

Что произошло?

Боже, прошу Тебя!

Они достигли ворот и, увидев Мэри, остановились как вкопанные.

Их переполняли эмоции. Горе, печаль, боль. А еще — любовь.

Мэри задрожала. Они все знают.

Знают.

Сын подошел к ней. И именно там, в саду, который она разбила, уже утратив надежду, в саду, ставшем ее спасением, он назвал ее ласковым словом. Мэри уже не ожидала, что оно прозвучит из уст ее сына, но при этом никогда не потеряла надежды его услышать.

— Ма.

Она заключила его в объятия.

— Я держала тебя на руках всего несколько часов после рождения. Я назвала тебя Ричардом в честь своего отца. А затем потеряла.

К ним прижалась его дочь.

И, стоя там, в саду, которому Мэри дала любовь, предназначавшуюся для ее сына, обнявшись со своей семьей, она впервые с тех пор, как в последний раз держала на руках своего мальчика, почувствовала себя цельной.

Письмо от Рениты

Огромное спасибо за то, что выбрали книгу «Под небом Индии». Если она вам понравилась и вы хотите получить информацию о моих последних публикациях, зарегистрируйтесь по приведенной ниже ссылке. Адрес вашей электронной почты никогда не будет передан третьим лицам, и вы в любой момент сможете отписаться.

renitadsilva.com/e-mail-sign-up/?title=beneath-an-indian-sky

Больше всего в ремесле писателя мне нравится возможность знакомиться с читательскими отзывами. Мне бы очень хотелось узнать, что вы думаете о книге «Под небом Индии», и я была бы очень благодарна, если бы вы написали рецензию. Для меня очень важно ваше мнение. К тому же это помогает другим читателям открывать для себя мои книги.

Вы можете связаться со мной на моей странице в «Фейсбуке», «Твиттере», «Гудридсе» или на моем сайте.

Огромное спасибо за поддержку. Она очень много для меня значит.

До встречи,

Ренита

Слова благодарности

Мне хотелось бы поблагодарить издательство «Букутюр» и в особенности Эби Фентон за советы и поддержку. Спасибо тебе, Эби, ты — лучшая. Также хочу сказать спасибо Лорен Фингер, Джеки Льюис и Джейн Донован за тщательный анализ рукописи.

Тысяча благодарностей Дженни Хаттон, редактору и провидице, которой всегда удается превратить мои беспорядочные черновики в цельную историю. Твоя помощь поистине бесценна.

Огромное спасибо Лорелле Белли из «Литературного агентства Лореллы Белли» за усилия, позволяющие моим книгам обретать известность. Также хочу поблагодарить Милли и Элеонору. Лорелла, для меня огромная честь, что ты продвигаешь мои книги.

Спасибо великолепным авторам, которые, как и я, сотрудничают с «Букутюр», особенно Энджи Марсонс, Шерон Маас, Дебби Рикс и Ребекке Стоунхилл; я очень благодарна вам за дружбу.

Спасибо чудесным литературным блогерам, совершенно безвозмездно читавшим мои книги и писавшим на них рецензии. Также благодарю своих друзей в «Твиттере» и «Фейсбуке» за активную и неиссякающую поддержку. Отдельное спасибо Джулсу Мортимеру и Джозефу Кальехе, невероятным литературным блогерам, которых я имею честь называть своими друзьями и поддержку со стороны которых трудно переоценить.

Я бесконечно благодарна своей многострадальной семье за то, что она добровольно делит мое внимание с персонажами, живущими лишь в моей голове. Люблю вас и всегда буду любить.

И, наконец (но ни в коей мере не в последнюю очередь), спасибо тебе, читатель, за то, что выбрал эту книгу. Надеюсь, она тебе понравилась.

Содержание

<i>Глава 1. Мэри</i>	8	<i>Глава 26. Сита</i>	158
<i>Глава 2. Сита</i>	11	<i>Глава 27. Мэри</i>	164
<i>Глава 3. Прия</i>	14	<i>Глава 28. Сита</i>	170
<i>Глава 4. Сита</i>	15	<i>Глава 29. Мэри</i>	172
<i>Глава 5. Мэри</i>	19	<i>Глава 30. Сита</i>	178
<i>Глава 6. Сита</i>	22	<i>Глава 31. Мэри</i>	186
<i>Глава 7. Прия</i>	32	<i>Глава 32. Сита</i>	190
<i>Глава 8. Сита</i>	36	<i>Глава 33. Прия</i>	196
<i>Глава 9. Мэри</i>	50	<i>Глава 34. Сита</i>	197
<i>Глава 10. Сита</i>	52	<i>Глава 35. Мэри</i>	200
<i>Глава 11. Мэри</i>	63	<i>Глава 36. Сита</i>	202
<i>Глава 12. Сита</i>	71	<i>Глава 37. Прия</i>	203
<i>Глава 13. Мэри</i>	79	<i>Глава 38. Сита</i>	206
<i>Глава 14. Сита</i>	83	<i>Глава 39. Прия</i>	209
<i>Глава 15. Мэри</i>	90	<i>Глава 40. Сита</i>	211
<i>Глава 16. Сита</i>	92	<i>Глава 41. Прия</i>	215
<i>Глава 17. Мэри</i>	107	<i>Глава 42. Сита</i>	216
<i>Глава 18. Сита</i>	121	<i>Глава 43. Мэри</i>	224
<i>Глава 19. Мэри</i>	128	<i>Глава 44. Сита</i>	230
<i>Глава 20. Сита</i>	136	<i>Глава 45. Мэри</i>	235
<i>Глава 21. Мэри</i>	139	<i>Глава 46. Сита</i>	241
<i>Глава 22. Сита</i>	143	<i>Глава 47. Мэри</i>	244
<i>Глава 23. Прия</i>	145	<i>Глава 48. Сита</i>	247
<i>Глава 24. Сита</i>	147	<i>Глава 49. Мэри</i>	250
<i>Глава 25. Мэри</i>	152	<i>Глава 50. Сита</i>	253

<i>Глава 51. Мэри</i>	255	<i>Глава 73. Мэри</i>	336
<i>Глава 52. Сита</i>	258	<i>Глава 74. Сита</i>	338
<i>Глава 53. Мэри</i>	260	<i>Глава 75. Мэри</i>	339
<i>Глава 54. Сита</i>	264	<i>Глава 76. Сита</i>	343
<i>Глава 55. Мэри</i>	267	<i>Глава 77. Мэри</i>	345
<i>Глава 56. Прия</i>	270	<i>Глава 78. Сита</i>	347
<i>Глава 57. Мэри</i>	273	<i>Глава 79. Прия</i>	352
<i>Глава 58. Прия</i>	278	<i>Глава 80. Мэри</i>	359
<i>Глава 59. Мэри</i>	279	<i>Глава 81. Прия</i>	364
<i>Глава 60. Мэри</i>	288	<i>Глава 82. Мэри</i>	368
<i>Глава 61. Сита</i>	293	<i>Глава 83. Прия</i>	369
<i>Глава 62. Прия</i>	301	<i>Глава 84. Прия</i>	372
<i>Глава 63. Сита</i>	303	<i>Глава 85. Прия</i>	376
<i>Глава 64. Мэри</i>	306	<i>Глава 86. Мэри</i>	379
<i>Глава 65. Сита</i>	309	<i>Глава 87. Сита</i>	383
<i>Глава 66. Мэри</i>	312	<i>Глава 88. Прия</i>	387
<i>Глава 67. Мэри</i>	324	<i>Глава 89. Прия</i>	390
<i>Глава 68. Сита</i>	326	<i>Глава 90. Мэри</i>	392
<i>Глава 69. Мэри</i>	327		
<i>Глава 70. Сита</i>	330	<i>Письмо от Рениты</i>	394
<i>Глава 71. Мэри</i>	332	<i>Слова благодарности</i>	395
<i>Глава 72. Сита</i>	334		

Літературно-художнє видання

ДЕ СІЛЬВА Реніта
Під небом Індії
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Пунько*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Шишацький*

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Литературно-художественное издание

ДЕ СИЛЬВА Ренита
Под небом Индии
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. Е. Шишацкий*

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: corp@bookclub.ua

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Волелюбна Сита та поміркована Мері були разом змалечку. Їх пов'язувала щира дружба, однак пізніше розділила доля. Сита стала дружиною принца з впливової індійської династії. Вона живе в палаці, де все сяє розкішшю. А дім Мері — притулок для вагітних. Чоловік покинув її, дізнавшись, що вона носить під серцем чужу дитину. Ситі доступні всі скарби світу, крім одного — щастя стати матір'ю. А династії потрібен спадкоємець. І дитина Мері — її порятунок. Але за кожен гріх приходиться розплата...

Де Сильва Р.

Д25 Под небом Индии : роман / Ренита Де Сильва ; пер. с англ. А. Оржицкого. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 400 с.

ISBN 978-617-12-6908-8 (PDF)

Свободолюбивая Сита и благоразумная Мэри были вместе с детства. Их связывала искренняя дружба, но позже разделила судьба. Сита стала женой принца из влиятельной индийской династии. Она живет во дворце, где все сияет роскошью. А дом Мэри — приют для беременных. Муж бросил ее, узнав, что она носит под сердцем чужого ребенка. Сите доступны все сокровища мира, кроме одного — счастья стать матерью. А династии нужен наследник. И ребенок Мэри — ее спасение. Но за каждый грех приходит расплата...